

С Е К Р Е Т Н Ы Й
АРХИВ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ТАЙНЫ БЕЙКЕР-СТРИТ

С Е К Р Е Т Н Ы Й

АРХИВ

ШЕРЛОКА ХОЛМСА

МОСКВА ТЕРРА – КНИЖНЫЙ КЛУБ 1999

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)
С28

Публикуется с разрешения составителя
и его литературных агентов,
Donald Maass Literary Agency (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия)

The Confidential Casebook
of Sherlock Holmes

EDITED BY
Marvin Kaye

Перевод с английского
В. Тирдатова

Разработка оформления серии художника
И. Марева

Иллюстрация на суперобложке художника
И. Воронина

Секретный архив Шерлока Холмса / Пер. с
С28 англ. В. Тирдатова. — М.: ТЕРРА—Книжный
клуб, 1999. — 336 с. — (Тайны Бейкер-стрит).
ISBN 5-300-02603-4

Сенсационное сообщение! В хранилище одного лондонского банка найдено бесценное сокровище — считавшиеся утерянными записи доктора Уотсона, ближайшего друга величайшего в мире сыщика Шерлока Холмса.

Вашему вниманию предлагаются некоторые истории, не опубликованные ранее по весьма веским причинам...

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)

ISBN 5-300-02603-4

Copyright © 1998 by Marvin Kaye
© ТЕРРА—Книжный клуб, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

УДИВИТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ НЕИЗВЕСТНЫХ РУКОПИСЕЙ ДОКТОРА УОТСОНА

Если вы любите приключения Шерлока Холмса... то, несомненно, горько сожалели о том, что лучший друг великого детектива, одно время деливший с ним квартиру и принимавший участие в большинстве его расследований, доктор медицины Джон Г. Уотсон, описал всего шестьдесят из них.

Подобно мне, вы, безусловно, мечтали посетить хранилище лондонского банка «Кокс и К°» и заглянуть в старый сейф, оставленный там доктором Уотсоном. Этот легендарный сейф содержал более шестидесяти неизвестных историй о приключениях Шерлока Холмса, которые по разным причинам Уотсон никогда не публиковал. Целых пятьдесят лет это казалось несбыточной мечтой, ибо банк «Кокс и К°» был разрушен во время второй мировой войны при воздушном налете.

Но теперь, спустя пятьдесят лет, можно наконец сказать правду — неопубликованные записки доктора Уотсона уцелели!

Из введения к сборнику
профессора Дж.Андриана Филлмора
«Воскрешенный Холмс»,
Колледж Паркера, Пенсильвания

Вообразите волнение доктора Р., состоятельного филаделфийского ученого и библиофила, приобретшего легендарный сейф, когда он впервые открыл сокровищницу неопубликованной холмсианы. Сейф содержал множество различных документов: дневниковые записи и описания случаев, которым автор не стал придавать литературную форму для публикации в «Стрэнде» — британском журнале, впервые поведавшем о громких приключениях замечательного английского сыщика-консультанта, мистера Шерлока Холмса.

Тщательное изучение содержимого сейфа позволило обнаружить значительное количество историй, так и не подготовленных Уотсоном для печати. Некоторые из них были слишком тривиальны или недостаточно интересно завершены, чтобы послужить основой драматического повествования, а другие — чересчур щекотливого свойства, чтобы быть опубликованными в то время.

Сборник историй, которые доктор Р. поручил изложить на основе записок Уотсона таким знаменитым авторам, как Г. Дж. Уэллс, Теодор Драйзер, Х. П. Лавкрафт, Дэшилл Хэмметт и другим, впервые появился в печати в прошлом году в издании «Сент-Мартинс Пресс» под названием «Воскрешенный Холмс». Упомянутый сборник был подготовлен с помощью известного профессора колледжа Паркера Дж. Адриана Филлмора, который участвовал в просмотре и отборе материала, а также написал предисловие.

Однажды вечером, обследуя архивы Уотсона, профессор сказал мне, задумчиво поглаживая подбородок, что сейф был куда большего размера, чем, очевидно, представляли себе многочисленные поклонники Холмса.

— Еще бы, — иронически заметил я, — учитывая, сколько «аутентичных» рукописей появилось после 1930 года¹.

— Да, — промолвил Филлмор, положив руку на крышку сейфа, — но странно, что нигде никогда не сообщались точные размеры этого легендарного хранилища. Или вы припоминаете нечто подобное в какой-нибудь газете?

— Нет.

¹ Год смерти литературного агента Уотсона, Артура Конан Дойла

Я быстро перебрал в памяти статьи, объединенные заголовком «Нерассказанные истории и сейф доктора Уотсона» в имеющейся у меня «Всемирной библиографии Шерлока Холмса и доктора Уотсона» Роналда Берта де Ваала, но их названия свидетельствовали о том, что авторов (вполне естественно) куда больше интересовало содержимое сейфа Уотсона, чем его габариты. Тем не менее истинный любитель жаждет всесторонней информации, касающейся области его интересов.

Профессор, взяв портновскую мерную ленту, тщательно измерил ширину и высоту сейфа. Я записывал данные, которые называл мне профессор, на клочке бумаги. После этого он приложил кончик ленты к внутренней стороне крышки, измерил глубину сейфа и сообщил мне.

— Что-то здесь не так, — сказал я, сравнив цифры с наружной высотой ящика.

Филлмор заново измерил глубину, но она опять оказалась на четыре дюйма меньше, чем ожидали. Мы начали обследовать сейф в поисках дополнительного крепежного слоя и подняли его. Придерживая ладонью сейф, Филлмор сунул внутрь другую руку и постучал по дну. Ящик ответил гулким звуком. От удивления мы разинули рты.

— Эврика! — воскликнул профессор, ибо мы обнаружили фальшивое дно, разделяющее сейф Уотсона на верхнее и нижнее, потайное, отделения.

В тайнике оказались две плотные стопки рукописей, существование которых до сир пор не было известно поклонникам Холмса. Нет нужды упоминать, что профессор Филлмор и я отложили в сторону содержимое верхнего отделения и жадно углубились в новый материал.

Вскоре нам стало очевидно, что эти рукописи отличаются от тех, что пролежали много лет в верхнем отделении. Большинство новых открытий было изложено Уотсоном подробно и тщательно.

Почему же они никогда не публиковались? Первые истории, которые мы с профессором прочитали в тот вечер, были слишком щекотливы для издания в пору расцвета правления королевы Виктории, но вполне могли быть представлены жаждущей новых приключений Холмса публике в царствование Эдуарда. Потом мы стали читать дальше, затаив дыхание.

Перед внезапным и необъяснимым исчезновением профессора Филлмора с научной и всех прочих сцен, он сделал наброски для предисловия к книге, которую вы держите в руках. Вот последний абзац этого предисловия:

«Когда вы будете читать эти истории¹, — писал Филлмор, — вы поймете, почему Холмс и Уотсон скрывали их от посторонних глаз. Тот факт, что они вообще были написаны, или, будучи запечатленными, не были впоследствии брошены в огонь, мне кажется, характеризует психологию нашего славного доктора. В конце концов Уотсон был автором, подверженным свойственному этой категории людей тщеславию, которое заставляет фиксировать на бумаге свой жизненный опыт в назидание гипотетическому будущему поколению».

К счастью, этим поколением оказалось наше.

Марвин Кей, Нью-Йорк, май 1997 г.

¹ Они подготовлены к печати лицами, которых мы по юридическим соображениям обозначаем в качестве авторов. — М. К.

Деликатные дела

В наши дни такт и деликатность слишком часто считаются пережитками прошлого, но Шерлок Холмс и его преданный биограф были джентльменами, высоко ценившими осмотрительность, особенно если правда могла повредить их ближним — одному или нескольким. Первые три истории, фигурирующие в этом разделе, возможно, со временем могли быть опубликованы доктором Уотсоном, но я сомневаюсь, что это относится к четвертой, так как она касается репутации самого Шерлока Холмса.

Уотсон упоминает о «дарлингтоновском скандале» в «Скандале в Богемии» — таким образом, он мог в конце концов отправить эту рукопись в журнал «Стрэнд», но подобная возможность остается чисто теоретической. Однако возникает вопрос, почему Уотсон, говоря о деле столь деликатного свойства, вообще упоминает фамилию Дарлингтон. Возможно, гнусное поведение этого человека вызвало у него такое отвращение, что он просто не мог позволить негодяю исчезнуть без единого слова осуждения, связанного с его именем.

Генри Слизар

ДАРЛИНГТОНОВСКИЙ СКАНДАЛ

Бывали дни, когда лицо моего друга Шерлока Холмса неизменно сохраняло угрюмое выражение, отчего оно казалось еще более длинным. Такое случалось, когда выходил очередной номер журнала «Стрэнд», в котором яркая обложка извещала о еще одном из «Приключений Шерлока Холмса». Будучи автором этих хроник, я принимал на себя основную порцию его неудовольствия, но это беспокоило меня все меньше, так как я начинал понимать, что Холмс не был слишком недоволен прославлением его дедуктивных талантов. Он мог распекал меня за чрезмерное пристрастие к мелодраме, критиковать слова, которые я вкладывал в его уста, но к концу дня угрюмость исчезала. Откровенно говоря, я думаю, что он наслаждался и переживал, читая «Приключения Шерлока Холмса».

Однако, как я указывал ранее, существовали дела, которые Холмс запрещал мне описывать, как правило, по вполне очевидным причинам. Он не желал давать пищу для лондонских сплетен, разрушать репутации, подвергать гонениям какие-либо семьи, а также (хотя об этом знают немногие) бросать тень на царственные особы. Впрочем, последнее не является причиной того, что я никогда не публиковал скандальную историю лорда Руфуса Дарлингтона. Дело в том, что, несмотря на чудовищные поступки этого человека, против него не выдвигалось никаких обвинений, а Холмс не позволял упоминать о преступлениях, которые не были доказаны в суде.

Станет ли эта история достоянием широкой публики, сомнительно, так как я поставил условием, что если кто-либо из ныне живущих членов семейства Дарлингтон сможет доказать факт клеветы, она должна вернуться в сейф и оставаться там в течение ста лет¹. Зачастую самые отвратительные преступления превращаются со временем в безобидные сказки, но описывая эти события спустя всего несколько дней после раскрытия дела Дарлингтона, я не могу поверить, что подобный ужас может когда-либо быть забыт или преобразен до неузнаваемости.

Конечно, я не в состоянии предвидеть, какими будут законы о клевете в столь отдаленное время. Надеюсь, они по-прежнему будут защищать слабых и невиновных. Надеюсь также, что законы грядущих лет предоставят больше защиты замужним женщинам от жестокости их супругов, от которой слишком легко отмахиваются в наше время. Если бы к таким вещам относились серьезнее, история с Дарлингтоном никогда не могла бы произойти.

Один из аспектов этого дела, отличающий его от других, — роль, сыгранная инспектором Лестрейдом, пожалуй, наиболее превратно понимаемым персонажем галереи Шерлока Холмса. Поразительно, как много почитателей великого детектива считают бедного Лестрейда незадачливым профессионалом, который вынужден считаться с мнением одаренного любителя, во всем его превосходящего. В действительности Холмс уважал Лестрейда, восхищался им и ценил его дружбу, но помимо чисто профессиональных встреч эти два преданных служителя правосудия редко проводили время вместе. Исключением явился холодный день в конце января 1895 года, когда инспектор, услышав, что Холмс не покидает квартиру из-за бронхита, решил нанести нам визит.

Как врач вынужден признать, что Шерлок Холмс был худшим пациентом, какого только можно себе представить. Слова «постельный режим» для него были равнозначны проклятию, все лекарства являлись «знахарскими снадобьями», а все врачебные советы — «заклинаниями».

¹ Потомок лорда Дарлингтона, Палмер Лидс из Манчестера, обращался в суд с целью предотвратить публикацию этой истории, но его требование было отклонено. — М. К.

Он сам прописывал себе средство исцеления — семипроцентный раствор кокаина, дававший ему ложное ощущение хорошего самочувствия. Поэтому Лестрейд был удивлен, войдя в нашу квартиру этим зимним вечером и застав Шерлока Холмса у камина посасывающим пустую трубку (в его теперешнем состоянии табак казался ему обладающим дурным привкусом) и производящим впечатление здорового человека, готового наслаждаться компанией приятеля.

Они беседовали целый час, умудряясь игнорировать каждую мою попытку внести свой вклад в разговор. Чувствуя некоторое раздражение, я выпил больше бренди, чем привык пить даже по праздникам, и уже начинал подремывать в кресле, когда инспектор вспомнил о второй причине своего визита. Лестрейд не просил совета — преступление, которое он имел в виду, было легко и быстро раскрыто год назад.

— Прошел ровно год, — вздохнул Лестрейд, зажигая сигару. — Был такой же холодный вечер, как сегодня. Но, возможно, вы не помните это дело, мистер Холмс, так как оно не требовало вашего опыта.

Холмс молча кивнул, наблюдая за Лестрейдом прищуренными глазами и ожидая, что он произнесет имя, которое словно плавало в воздухе, подобно дыму его сигары. Почему-то я решил произнести это имя сам.

— Карлтон Пейдж, — сказал я, прочистив горло. — Странно, не так ли? Тогда это дело вызвало изрядный шум, а теперь о нем едва ли кто-нибудь помнит.

— Кроме миссис Пейдж, — заметил Холмс.

— Да, — согласился Лестрейд. — Уверен, что миссис Пейдж не слишком счастлива сегодня, в годовщину этого ужасного события.

— Как она может быть счастлива в бристольской женской тюрьме, осужденная пожизненно? — фыркнул я.

— Нет, — спокойно отозвался Лестрейд. — Она уже не там. Ее перевели.

Но когда я спросил его, куда, инспектор игнорировал мой вопрос и посмотрел на Холмса.

— Помните, сколько было протестов, когда ее взяли под стражу? — спросил он. — Неужели эти люди думали, что мы освободили убийцу на «моральных» основаниях?

— Тем не менее эти основания у нее имелись, — возразил я. — Карлтон Пейдж жестоко избивал жену! Он довел бедную женщину до крайности. Когда чаша ее терпения переполнилась, она застрелила его!

— Я часто слышал, Уотсон, как вы говорите, что кто-то доводит вас до изнеможения, — улыбнулся Холмс. — У вас возникало желание уложить этих людей выстрелом в упор?

— Это другое дело, — упрямо заявил я. — Над женщиной издевались годами, и в тот вечер она не выдержала. Ее поступок был чисто импульсивным.

— Еще бы! — Холмс подмигнул Лестрейду. — Она выстрелила из револьвера, который «импульсивно» купила несколько дней до того.

— Ну, я могу кое-что сказать в защиту миссис Пейдж, — промолвил инспектор. — Она не отрицала свое преступление и не пыталась его оправдать, сама вызвала полицию, сразу во всем созналась и приняла наказание, как...

— Как мужчина? — улыбнулся Холмс.

— Не могу не испытывать к ней сострадание, — мрачно признался Лестрейд. — Особенно теперь, когда она сошла с ума.

— Господи! — воскликнул я. — Вы имеете в виду, что она потеряла рассудок?

— Ее перевели в заведение для умалишенных преступников. Я узнал об этом лишь недавно. Но когда мне описали ее симптомы, моей первой мыслью было, что они могут заинтересовать мистера Шерлока Холмса.

Пустая трубка выпала изо рта Холмса, а его взгляд прояснился.

— По какой причине, инспектор?

— Ну, вы любите необычные истории, мистер Холмс, а эта как раз для вашего архива. Миссис Пейдж страдает навязчивой идеей, что ее настоящее имя Эмма Джейн Дарлингтон, более известное как леди Дарлингтон.

— Разве это так уж необычно? — осведомился я. — Сколько сейчас в Бедламе¹ Наполеонов и лордов Нельсонов?

¹ Психиатрическая лечебница в Лондоне, первоначально носившая имя Марии Вифлеемской (другое название древнеиудейского города Вифлеема — Бедлам). (Примеч. ред.)

— Вы упустили главное, Уотсон, — заметил Холмс. — Можно понять безумца, воображающего себя знаменитой личностью или даже Богом. Но почему она вообразила себя неизвестной женой сравнительно неизвестного аристократа?

— Могу это объяснить, — сказал Лестрейд. — Она *похожа* на эту женщину.

— Вы имеете в виду внешнее сходство?

— Откуда она может о нем знать, — вмешался я, — пробыв целый год за решеткой?

— Благодаря ротогравюре, — ответил инспектор.

Вынув из кармана сложенную газетную вырезку, свидетельствовавшую о его глубоком интересе к этому делу, он передал ее Холмсу, а я заглянул ему через плечо.

— Это свадебное фото, — заметил Холмс.

— Теперь я припоминаю! — воскликнул я. — Этот лорд Дарлингтон был изрядным повесой, но в конце концов решил жениться. Возможно, потому что отец угрожал лишить его наследства, если он не остепенится и не произведет на свет одного или двух наследников. — Я усмехнулся, но мои собеседники не разделяли моего веселья.

Взяв у Холмса вырезку, я посмотрел на простое приятное лицо новобрачной. Газета была датирована 1 октября.

— Этот брак вызвал немало шума, — сказал Лестрейд. — Не то чтобы я читал колонки сплетен... Дело в том, что отец невесты занимался импортом чая и кофе и едва ли отличался голубой кровью.

— По крайней мере она приятная девушка, — заметил я в ее защиту.

— Да, — согласился Холмс. — Миссис Пейдж увидела эту приятную девушку в газете, подметила сходство и решила, что она и есть счастливая новобрачная.

— Вот именно, — кивнул Лестрейд. — Тогда и начались все неприятности. Она стала вопить днем и ночью, что ее муж, лорд Дарлингтон, засадил ее в тюрьму, чтобы продолжать свою беспутную жизнь. Несчастная умоляла тюремщиков помочь ей, связаться с ее семьей, с друзьями, даже с самим Дарлингтоном. Она полностью обезумела, мистер Холмс.

— Ужасно, — промолвил я. — Очевидно, жизнь казалась ей невыносимой, и она изобрела себе другую.

— Браво! — Холмс улыбнулся мне, на сей раз без всякой иронии. — Доктор Уотсон поставил точный диагноз. Вы согласны, инспектор?

— По-видимому, так оно и есть, — неохотно согласился Лестрейд. Вынув из кармана большие часы с репетиром, он покачал головой. — Почти полночь. Пожалуй, мне пора домой.

— Еще один тост за новый год, — предложил я, наливая ему бренди. Он поднял стакан, и мы пожелали друг другу счастливого 1895 года.

Стакан Лестрейда был почти пуст, когда он вспомнил:

— Но я ведь еще не рассказал вам о визите лорда Дарлингтона в заведение, где содержится миссис Пейдж.

Холмс снова оживился.

— Говорите, лорд Дарлингтон посетил эту женщину?

— Да, — кивнул Лестрейд. — История навязчивой идеи миссис Пейдж каким-то образом достигла его ушей, он связался с одним из наблюдающих ее врачей и поинтересовался, не может ли ей помочь личный визит Дарлингтона и его жены.

— Разумная мысль, — одобрил я. — Если, конечно, женщина в состоянии поверить собственным глазам...

— Весьма любезное предложение, — заявил Холмс, скривив губы в циничной усмешке. — Но не то, которого следовало бы ожидать от человека с репутацией Дарлингтона. Он едва ли обладает альтруистическими наклонностями.

— По-моему, это была идея его жены. Она убедила его, что такой поступок явился бы актом милосердия. Они вместе отправились повидать несчастную женщину, но с печальными последствиями. Им не только не удалось убедить миссис Пейдж, но она в отместку попыталась сжечь всю лечебницу!

— Господи! — воскликнул я.

— Расскажите подробно, что произошло! — попросил Холмс. Его взгляд стал напряженным и внимательным, как у орла.

— Подробности по-прежнему довольно туманны. Когда супруги прибыли, директор, естественно, хотел обеспе-

чить их безопасность и велел охраннику наблюдать за встречами. Но миссис Пейдж стала возражать и заявила, что будет разговаривать с Дарлингтонами только наедине. Рuffус Дарлингтон убедил директора согласиться на нарушение правил. Он был уверен, что сможет держать ситуацию под контролем.

Я снова посмотрел на свадебную фотографию.

— Он выглядит способным на это. У него внешность атлета.

— Университетский чемпион по боксу, — проворчал Лестрейд. — Очевидно, безумная не внушала ему страха. Но он оказался не прав. Когда они остались наедине с миссис Пейдж в ее комнате, Дарлингтон сделал оплошность — зажег трубку. Внезапно она выхватила у него спички и тут же подожгла матрас. Когда подоспела помощь, комната была в огне!

— Да, — кивнул я. — Теперь припоминаю, что газеты писали об этом.

— История не удостоилась крупных заголовков, — продолжал Лестрейд. — Но она имела трагические последствия. Миссис Пейдж получила многочисленные ожоги верхней части тела. А самое худшее, визит не смог избавить ее от навязчивой идеи. Скорее ее состояние ухудшилось.

Несколько минут Холмс не произносил ни слова. Его глаза были закрыты, а дыхание участилось. Я встревожился, помня о неладах с его здоровьем, и коснулся его плеча. Он открыл глаза, казавшиеся узкими щелочками.

— Думаю, мистеру Холмсу следует лечь в постель, — строго сказал я инспектору. — Последние три дня он неважно себя чувствовал, и боюсь, что ваш визит сильно его утомил.

Лестрейд быстро поднялся.

— Простите, — сказал он. — Я понятия не имел...

— Конечно, не имели! — отозвался я. — Потому что мистер Холмс предавался одному из своих любимых развлечений — притворяться кем-то другим. В данном случае здоровым человеком!

Расстроенный инспектор удалился через несколько минут, рассыпаясь в извинениях за свою бесчувственность. Но когда я вернулся к Холмсу и стал настаивать, чтобы он

немедленно лег, он посмотрел на меня так странно, что я подумал, не вернулся ли к нему жар, который одолевал его целых два дня.

— Я бы хотел повидать доктора, — заявил Холмс.

Я напомнил ему, что все еще ношу это звание.

— Но я хочу повидать особенного доктора, Уотсон. Завтра.

— Почему?

— Потому что, — ответил Холмс голосом, звучным, как церковный колокол, — это вопрос жизни и смерти. Не моих, друг мой, — добавил он, видя удивление на моем лице.

Следующим утром я проснулся на добрых полтора часа позже обычного, несомненно, в результате избыточного количества бренди, поглощенного накануне.

Я испытывал недоброе предчувствие, что Холмс встал с постели. Услышав отдаленное звяканье чашки и блюда, я надел шлепанцы, вышел в гостиную и увидел моего друга полностью одетым и наливающим себе чай.

— Все в порядке, Уотсон, — заверил он меня хрипловатым голосом. — Утром я измерил температуру, и она была даже чуть ниже нормы. Я не кашлял всю ночь, и у меня абсолютно ясная голова.

— Надеюсь, вы не собираетесь выйти из дому?

— Было нелегко раздобыть нужные мне адреса, но один из дворцовых лорда Дарлингтона оказался преданным читателем ваших историй в «Стрэнде». Он был счастлив поговорить со мной, когда я убедил его, что не являюсь вымышленным персонажем.

— Но какие адреса вы хотели узнать?

— Во-первых, нынешнее местопребывание лорда Дарлингтона и его супруги... Кажется, они отправились в очередное свадебное путешествие — на сей раз кругосветное, которое должно продлиться год или два. После этого лорд Дарлингтон намерен занять дипломатический пост на острове Ангуа — одном из наших маленьких аванпостов в Карибском море.

— Какое это имеет значение, Холмс? — раздраженно осведомился я.

— Очень большое, — ответил он. — Но все же меньшее, чем имя личного врача лорда Дарлингтона. Его зовут Блевин — доктор Хьюго Блевин. Вы знаете его, Уотсон?

— Да, — ответил я. — Встречал Блевина несколько раз на медицинских сборищах. Не скажу, что мы стали друзьями, но мы, безусловно, знакомы.

Холмс широко улыбнулся.

— Тогда я могу сослаться на вас, — весело заявил он и направился к двери, на ходу надевая пальто.

Холмс задержался в дверном проеме, и все его легкомыслие исчезло, как тающий снег.

— А когда я вернусь, Уотсон, — сказал он серьезным тоном, — мы с вами посетим лечебницу для умалишенных преступников.

Спустя шесть часов я услышал доносящийся снизу голос Шерлока Холмса, советовавшегося с миссис Хадсон по поводу каких-то хозяйственных дел. Я провел день, изучая мои записки о деле обряда дома Месгрейвов, но мои мысли были заняты визитом инспектора Лестрейда и странной реакцией Холмса на его рассказ. Я просто не мог понять интереса Холмса к случаю, вся тайна которого заключалась в мозгу умалишенной женщины. Когда Холмс появился в дверях, я вновь встревожился за его самочувствие. При виде лихорадочного блеска в его глазах я собрался настаивать на осмотре, но мой друг сразу же отверг эту идею.

— Мы должны немедленно ехать, Уотсон, — сказал он. — Нельзя заставлять беспомощную жертву страдать ни одну лишнюю минуту!

— Жертву? Страдать? О чем вы, Холмс?

— Мой экипаж внизу. Возьмите медицинский саквояж — он может понадобиться. И оденьтесь потеплее. На улице холодно, а я не хочу, чтобы вы рисковали своим здоровьем.

Учитывая, кто из нас болел последние несколько дней, замечание казалось довольно неуместным. Но я быстро понял, что Холмс подшучивает надо мной, что являлось косвенным свидетельством его дружеских чувств.

Когда мы добрались до лечебницы, у входа нас остановил свирепого вида охранник — здоровяк-валлиец с лихо

закрученными усами. Холмс предоставил мне вести переговоры. Я предъявил свое удостоверение и попросил встречи с кем-нибудь из высшего начальства по крайне важному делу. Нас принял худощавый, аскетичного вида джентльмен по фамилии Стоукс, который пришел в восторг, услышав наши имена.

— Мистер Холмс! — воскликнул он. — Какое удовольствие встретить вас во плоти! Только вчера я читал о ваших подвигах в связи с «Союзом рыжих»! — Стоукс взъерошил рыжеватую шевелюру и усмехнулся. — Я бы легко мог пасть жертвой подобного обмана.

— Кстати, о жертвах, — сказал Холмс. — Не могли бы мы провести некоторое время с вашей пациенткой, миссис Пейдж? Это очень важное дело, сэр, и уверен, вы понимаете, что я не могу раскрыть его конфиденциальную сущность.

Стоукс казался встревоженным, но я видел, что он благоговееет перед великим детективом и не сможет ему отказать. После ряда предупреждений по поводу неконтролируемого состояния больной, он проводил нас к двери с маленькой стеклянной панелью, сквозь которую мы не смогли ничего разглядеть.

— Ей должны дать успокоительное только через час, — сказал Стоукс, — но я распоряжусь, чтобы это сделали сразу, дабы ваша встреча была менее беспокойной.

Он собрался дать распоряжение сестре милосердия, но Холмс быстро вмешался:

— Нет, — возразил он. — Нам нужно, чтобы ум этой женщины был ясен во время нашего разговора.

— Ее ум, мистер Холмс? — Стоукс сокрушенно покачал головой. — К сожалению, он полностью расстроен и полон самых диких иллюзий.

— И тем не менее, — настаивал Холмс.

Разумеется, он одержал верх, и когда было отперто несколько замков, нас пустили в комнату бедной миссис Пейдж.

Это было маленькое помещение со стенами, обитыми розовой материей. В нем находились только три предмета мебели: узкая кровать без спинок, стол с закругленными углами и кресло-качалка у зарешеченного окна.

Когда мы вошли, женщина в кресле обернулась, и я с трудом удержался от восклицания. В конце концов я врач и

повидал немало обезображенных больных. Но меня потрясли не грязные повязки на лице, растрепанные волосы и заживающие раны, а затравленное выражение глаз, как будто она только что заглянула в ад.

— Что вам нужно? — осведомилась женщина голосом, охрипшим от бесконечных воплей. — Когда вы перестанете беспокоить меня?

— Меня зовут Шерлок Холмс, мадам, я детектив-консультант. Это мой помощник, доктор Уотсон.

— Еще один доктор явился издеваться надо мной!

— Мы пришли сюда не затем, чтобы вас тревожить, — спокойно сказал Холмс. — У нас важная миссия — дать вам возможность доказать правоту ваших странных заявлений. Вы ответите нам на один вопрос?

— Нет! — крикнула она. — С меня хватит вопросов! Никого из вас не интересуют мои ответы! Убирайтесь!

— Возможно, это самый важный вопрос, который вы когда-либо слышали. Ваша жизнь, ваше будущее, ваша свобода могут зависеть от вашего ответа. Вы выслушаете нас?

Бесстрастный голос Холмса, отсутствие в его поведении жалости и снисходительности, казалось, удивили женщину. Она кивнула, и нечесаная грива черных волос свесилась на ее перевязанное лицо.

— Хорошо. Говорите.

— Я бы хотел знать, — сказал Холмс, — означают ли для вас что-нибудь слова «*Туз пик*».

Женщина уставилась на него, и я не сомневался, что удивленное выражение ее лица было зеркалом моего.

— Туз пик? — с презрением переспросила она. — Я думала, что только меня считают сумасшедшей!

— Поразмыслите как следует, мадам, — настаивал Холмс.

Женщина поднялась с качалки и повернулась к окну, настолько грязному, что сквозь него был виден лишь свет зимнего солнца. Ее узкие плечи слегка приподнялись, и она вновь повернулась к нам.

— Туз пик, — медленно произнесла она. — Родимое пятно в верхней части его правого бедра.

Если на лице Шерлока Холмса мелькнуло понимание, то я это упустил, не сводя глаз с женщины у грязного окна.

К тому времени, когда я перенес внимание на моего друга, его лицо полностью изменилось. Каменное выражение, которое оно могло принимать с такой легкостью, уступило месту торжеству, смешанному с... затрудняюсь подобрать подходящее определение. Пожалуй, с состраданием.

— Обещаю вам, леди Дарлингтон, — улыбнулся Холмс, — что за несколько дней добьюсь вашего освобождения. Но я не могу предсказать, сколько понадобится времени, чтобы свершить правосудие над вашим мужем.

Теперь я понял, почему Холмс потребовал от меня захватить медицинский саквояж. Как только он произнес последние две фразы, ноги женщины подкосились, и она рухнула на пол в глубоком обмороке. Прошел почти час, прежде чем она пришла в себя, и за это время я услышал историю, воссозданную изобилующим извилинами мозгом Шерлока Холмса.

— Меня навел на подозрения не один какой-то факт в рассказе инспектора Лестрейда, а странная комбинация событий, — заговорил Холмс. — То, что Руфус Дарлингтон, несмотря на аристократические замашки, женился на дочери торговца чаем. То, что он «каким-то образом» — используя слова Лестрейда — узнал о навязчивой идее миссис Пейдж и позволил жене убедить его отправиться в сумасшедший дом с визитом милосердия. То, что миссис Пейдж настаивала на разговоре с этой супружеской парой наедине. Пожар, от которого она пострадала. И наконец быстрый отъезд Дарлингтона и его супруги в длительное путешествие в дальние края... Вам ясна картина, Уотсон?

— Нет, — был вынужден признаться я. — Не ясна!

— Руфус Дарлингтон был убийцей, — продолжал Холмс. — Убийцей, который избежал наказания, прячась за юбку женщины.

— Боже мой, Холмс! Вы имеете в виду, что Дарлингтон застрелил Карлтона Пейджа?

— Мистер Пейдж узнал о связи Дарлингтона с его женой и, будучи весьма жестоким супругом, сильно ее избил. Это до такой степени взбесило его светлость, что он отправился в дом Пейджа с револьвером. Возможно, он собирал-

ся только пригрозить Пейджу, но, как часто бывает в подобных случаях, револьвер выстрелил.

— Но ведь миссис Пейдж взяла вину на себя!

— По-своему она благородная женщина, — сухо промолвил Холмс. — Но я подозреваю, что Дарлингтон предложил ей это, убедив ее, что суд сочувственно относится к избиваемым женам. Как вам известно, суд не проявил снисхождения, приговорив миссис Пейдж к пожизненному заключению. Тогда Дарлингтон поклялся, что найдет способ добиться ее освобождения и отблагодарить за то, что она взяла на себя его вину. Руфус Дарлингтон состряпал дерзкий план, но ведь в дерзости ему не откажешь... Понадобилось несколько месяцев поисков, прежде чем он обнаружил молодую женщину, достаточно походившую на новую обитательницу женской тюрьмы. Он начал за ней ухаживать и легко ее завоевал. Разумеется, она была ниже его по положению, но это не имело значения. Главным являлось сходство.

Я понемногу начал видеть свет.

— Значит, «навязчивая идея» была всего лишь притворством? Она только прикидывалась, будто считает себя леди Дарлингтон?

— Это была подготовка, — ответил Холмс. — Симуляция умственного расстройства должна была соответствовать состоянию подлинной миссис Дарлингтон, когда женщины поменяются местами.

— Выходит, целью их визита было произвести подмену?

— Конечно! Они без труда справились с ни о чем не подозревающей леди Дарлингтон, миссис Пейдж поменялась с ней одеждой, после чего преступная пара устроила пожар, надеясь уничтожить улики.

— Вы хотите сказать, что их не заботило, что бедняжка могла бы погибнуть в огне?

— Безусловно, — мрачно подтвердил Холмс. — Но то, что она выжила, ничего не меняло. В ней признали ту же заключенную с той же манией величия... А лорд и «леди» Дарлингтон получили возможность отправиться в кругосветное путешествие и затем вести безмятежную жизнь на острове, где никто не стал бы сомневаться в ее личности.

— Значит, вы посетили доктора Блевина, чтобы узнать, имелись ли у лорда Дарлингтона родимые пятна или шрамы, о которых могло быть известно только его жене?

— «Туз пик», — кивнул Холмс. — Интересно, рассматривал ли лорд Дарлингтон свое родимое пятно как дурную примету, предвестник безвременной кончины? — Он подобрал вечернюю газету и молча протянул ее мне.

На первой полосе сообщалось о том, что британский пароход «Крейти» столкнулся с германским судном в Северном море. В списке погибших были имена лорда и леди Дарлингтон. Я пытался пробудить в себе чувство жалости, но тщетно.

Что касается Шерлока Холмса, то он был поглощен раскуриванием трубки — удовольствие, испытываемое от табака, свидетельствовало о наступившем выздоровлении.

«Происшествие с русской старухой» — дело, о котором Уотсон упоминает в «Обряде дома Месгрейвов»¹. То, что он не опубликовал эту историю, возможно, вызвано нежеланием Холмса ставить в неудобное положение тогдашних «суперзвезд» изобразительного искусства Джона Сингера Сарджента (1856—1925) и Джеймса Мак-Нилла Уистлера (1834—1903).

Х. Пол Джефферс

ПРОИСШЕСТВИЕ С РУССКОЙ СТАРУХОЙ

*Составлено по запискам из архива
доктора Джона Г. Уотсона*

За два года, прошедшие с тех пор как я поселился с Шерлоком Холмсом в квартире на Бейкер-стрит, № 221-б, я прилагал немало усилий, приспособляясь ко многим своеобразным, даже странным чертам характера и привычкам моего друга, которые, собственно говоря, и побудили его заняться уникальной в своем роде деятельностью частного сыщика-консультанта. Постепенно я приучал себя к его периодам задумчивого молчания, зловонным химическим опытам, многочисленным весьма неприятным на вид посетителям в гостиной, которую он именовал своим кабинетом, и веренице детективов из Скотланд-Ярда, неспособных раскрыть преступление без его помощи. Подобно миссис Хадсон, нашей терпеливой квартирной хозяйке, я примирился с его необычным образом жизни и больше не удивлялся его внезапным приходам и уходам, часто оборачивающимся длительным, никак не объясняемым отсутствием.

¹ В рассказе «Обряд дома Месгрейвов» Холмс действительно упоминает о «происшествии с одной русской старухой», однако он называет его в числе дел, которыми занимался до знакомства с Уотсоном. Следовательно, Уотсон никак не мог принимать участие в этой истории и изложить ее письменно от первого лица. Это одна из небрежностей, которые, к сожалению, часто допускают авторы сборника. (Здесь и далее примеч. пер.)

Я также приспособился к приказам бросать любое занятие и сопровождать Холмса на очередное расследование. «Пойдемте, Уотсон, — окликал он меня, заглядывая ко мне в комнату. — Игра началась!»

Не будучи обремененным делами после моей отставки, я с энтузиазмом принимал участие в расследованиях вроде того, которое привело нас в Сток-Морен в апреле 1883 года. Записки об этом необычайном деле, названном мною «Пестрая лента», я просматривал спустя несколько дней после нашего возвращения на Бейкер-стрит, когда Холмс вошел в мою комнату с слепополуденной почтой.

— Это вам, — сказал он, бросая два конверта на мой стол.

До этого момента я принимал без протестов собственническую позицию Холмса в отношении любого конверта или посылки, доставляемых по нашему общему адресу. Ни один из предметов, адресованных мне, не попадал в мои руки без тщательного изучения Холмсом его внешних данных. Но сейчас, еще не вполне придя в себя после ужасных событий в Сток-Морене, я наконец решился выразить долго накапливаемое недовольство его бесцеремонным поведением.

— Знаете, Уотсон, — обиженным тоном заявил Холмс, — я и понятия не имел, что вы станете расстраиваться из-за таких пустяков. Вы ведь знаете мои методы. Я полагал, что вы, как человек науки, понимаете, что я всего лишь оттачиваю мои способности делать выводы, основанные на наблюдениях. Уверяю вас, нет ничего более поучительного и потенциально важного для сыщика, чем почерк, почтовые марки и чернила, используемые для почтовых штемпелей. Вы имеете какое-нибудь представление о том, сколько можно узнать об отправителях с помощью того, каким образом они адресуют свою корреспонденцию? Написан ли адрес в спешке? Какие использованы канцелярские принадлежности? Из простого письма, не вскрывая его, можно извлечь множество информации!

Я был удовлетворен лишь частично и проворчал:

— Не сомневаюсь, что вы напишете монографию на эту тему!

— Разумеется! — воскликнул Холмс, взяв трубку с полки над камином. — Пока что я установил не менее четырнадцати сортов чернил, используемых Королевской почтой, и почти сотню водяных знаков английских производителей бумаги, а также более двух десятков в Соединенных Штатах. Например, в прошлом году вы получили восемь писем на бумаге, изготовленной в Сан-Франциско. Это привело меня к выводу, что в упомянутом городе проживает ваш очень близкий родственник, у которого, к сожалению, произошли недавно серьезные неприятности, возможно, связанные со здоровьем.

— Насчет писем вы правы. Они касаются моего брата. Он очень болен, и болезнь оставила его и его жену почти без гроша.

Холмс с сочувствием положил мне руку на плечо.

— Я искренне сожалею, друг мой. Если нужна моя помощь, вам стоит только сказать.

— Благодарю вас. Простите, что я вышел из себя.

— Вы ведь предупредили меня, когда мы обсуждали наше совместное проживание, что держите щенка-бульдога. На вашем месте я бы уже давно вышел из себя из-за моих методов, да и меня самого. Это мне следует извиняться.

— Но как вы узнали о моем брате, не открывая письмо? Не думаю, чтобы я когда-нибудь упоминал вам, что у меня есть брат.

— Действительно, не упоминали. Что до моих выводов, почерк на первых пяти конвертах был явно мужской. Они были адресованы «Джону Уотсону», а не «мистеру» и не «доктору Джону Г. Уотсону» — подобная фамильярность предполагает родственную связь. Последние послания прибыли из того же города в Соединенных Штатах, но на конвертах был женский почерк, а вас именовали «доктором». Отсюда я сделал вывод, что ваш корреспондент женского пола — жена вашего брата. Сестра написала бы также «Джону», а не «доктору» Уотсону.

— Когда вы объясняете, все выглядит на редкость просто. Но как вы узнали, что мой брат болен?

— То, что вам пишет ваша невестка, указывает, что ваш брат не в состоянии сделать это сам, очевидно, из-за какой-то болезни. Если бы он умер, вы бы получили телеграмму.

— Он страдает от нервного расстройства, вызывающего дрожь в конечностях.

— Мои выводы подтверждало то, что письма от женщины приходили всего с двухнедельным интервалом. Это предполагает какое-то срочное дело, так как письма от вашего брата поступали более чем с семимесячным промежутком. Надпись на конверте «Доктору Уотсону» навела меня на мысль, что когда ваша невестка писала письма, ее ум был сосредоточен на медицинских проблемах. Очевидно, ситуация стала настолько тревожной, что, возможно, требует вашего присутствия рядом с братом в качестве врача, а не только обеспокоенного родственника. — Он постукивал костлявым пальцем по более длинному из двух конвертов, лежащих на столе. — Конверт компании Кьюнарда таких размеров может содержать только расписание паромных рейсов. Так как компания Кьюнарда в основном занимается трансатлантическими перевозками, то вы, по крайней мере, обдумываете поездку в США. Маленький конверт из Принсес-Холла на Пиккадилли содержит билет на лекцию Оскара Уайльда о впечатлениях драматурга от недавнего визита в Штаты. Еще одно указание на ваше обдумывание американской одиссеи!

Взяв маленький конверт, я заметил:

— В одном вы не правы, Холмс.

— Вот как?

— Здесь не один билет, — продолжал я, разрывая конверт. — Учитывая ваш интерес к Америке после поездки туда несколько лет назад, я позволил себе зарезервировать место и для вас.

В следующее воскресенье, во второй половине дня, я не без грусти пересекал Пиккадилли вместе с Холмсом, так как именно здесь, в баре «Критерион», мой молодой друг Стэмфорд сообщил мне о существовании человека, с которым я мог бы разделить жилье. Теперь же, спустя два года, печально думая о том, что через несколько дней я, возможно, надолго покину Бейкер-стрит, Англию и, что еще важнее, самого удивительного человека из всех, каких я когда-либо знал, я приближался к лекторию со смешанным чувством сожаления и нетерпения услышать рассказ мистера Уайльда о стране, которую мне вскоре предстояло увидеть.

Увы, самый знаменитый английский драматург со времен барда с Эйвона¹ оказался куда менее заинтересованным в просвещении публики относительно своих американских впечатлений, чем в демонстрации ей того, какое колоссальное впечатление он сам произвел на Америку. Лекция была очаровательной и остроумной, но в ней отсутствовали факты, полезные таким, как я, для кого Америка не являлась всего лишь интеллектуальной абстракцией.

Я собирался сообщить о своем разочаровании Холмсу, когда мы выходили из зала, но внезапно услышал сзади негромкий голос:

— Вся беда Оскара, мистер Холмс, что его интересует лишь одна тема: Оскар Уайльд! У него масса достоинств, но, боюсь, скромность не входит в их число.

Повернувшись, Холмс оказался лицом к лицу с мужчиной с аккуратно подстриженными усами, темными выющимися волосами и одетым весьма цветисто (для воскресного вечера), что свидетельствовало о принадлежности его к богеме.

— Не могу согласиться, что скромность является достоинством, — заметил Холмс, пожимая ему руку. — Для мистера Оскара Уайльда недооценка его таланта и известности была бы таким же отклонением от истины, как их преувеличение. Мистер Уайльд отлично знает, чего ждет от него публика. За одним-единственным исключением, которое я знаю, эти люди пришли сюда не ради информации об Америке, а ради мистера Уайльда.

— Кто же составляет это исключение, мистер Холмс? Уверен, что не вы!

— Мой друг, доктор Джон Г. Уотсон, — ответил Холмс, повернувшись ко мне. — Через несколько дней он отбывает в Америку. Доктор Уотсон, позвольте представить вам мистера Джеймса Уистлера.

— Я слышал о вас, сэр, — сказал я. — Вы художник.

То, что Холмс был знаком с художником, меня не удивило. Он претендовал на родство с французским художником Верне² и часто похвалялся, что сам мог бы стать недурным живописцем.

¹ То есть У. Шекспира, родившегося с Стратфорде-на-Эйвоне

² Верне — семейство французских художников, наиболее видным представителем которого был Орас Верне (1789—1863).

— Мистер Уистлер не просто художник, Уотсон, — уточнил Холмс. — Он человек, которого Оскар Уайльд недавно превозносил в прессе как первого художника не только Англии, но и всей Европы. Если вы хотите узнать об Америке, Уотсон, то это именно тот, кто вам нужен, ибо Джеймс Мак-Нилл Уистлер — уроженец этой страны.

— Буду счастлив ответить на все ваши вопросы, доктор. Как насчет обеда завтра вечером? Приходите в мою студию на Тайт-стрит. Разумеется, вы тоже приглашены, мистер Холмс. Возможно, вам удастся воспользоваться вашими способностями в области расследования преступлений и разобраться в самой нелепой краже во всей британской истории. Несколько дней назад грабитель проник в мою студию и, имея перед собой богатый выбор картин первого художника Англии и Европы, а также моего друга и гостя, знаменитого портретиста Джона Сингера Сарджента, удалился с ничего не стоящим портретом старухи, принадлежащим перу неизвестного автора. Думаете, вам удастся понять, в чем тут дело?

— Я уже понял, что ваш грабитель взял то, за чем пришел. Если у меня будет больше данных, возможно, я объясню вам причину. С удовольствием пообедаю с вами завтра. После того как вы удовлетворите любопытство доктора Уотсона насчет Америки, вы сможете побольше рассказать мне о похищенной картине, которая, по-видимому, более ценна, чем вы думали, покупая ее.

— Значит, до завтра, мистер Холмс, — улыбнулся Уистлер. — А теперь прошу меня извинить — я приглашен на вечеринку к Оскару, где друзья увенчают его лаврами по случаю сегодняшнего триумфа.

— Всего два вопроса, прежде чем вы уйдете, мистер Уистлер. Где вы приобрели эту картину? И если она не представляет никакой ценности, то почему?

— Я купил ее на еженедельном аукционе в галерее Гордона на Слоун-стрит. Хотел подарить картину Сардженту — я думал, что его позабавит ее примитивность.

— Благодарю вас. Итак, до завтрашнего вечера.

— Скажем, в восемь часов?

Так как завтра у меня были дела, связанные с вероятным отъездом в Америку, я вернулся на Бейкер-стрит всего за

час до того времени, когда нас ожидали в студии Уистлера в Челси. Холмс заговорил о картине, только когда кэб свернул на Тайт-стрит.

— Что вы думаете об этом, Уотсон? — спросил он. — Занятная проблема, не так ли?

— Откровенно говоря, Холмс, по-моему, вы придаете ей слишком большое значение. Я согласен с мистером Уистлером. Это всего лишь дело рук глупого вора, который, опасаясь быть пойманным, схватил первый попавшийся предмет. Ваша теория, что он пришел специально за этой картиной, кажется мне абсурдной. Откуда он мог знать, что она находится у Уистлера?

— Отличный вопрос, Уотсон. Он ударяет в самую сердцевину тайны.

Кэб остановился перед высоким и узким зданием с белым оштукатуренным фасадом и высоким окном на верхнем этаже, обращенным на север. Уистлер встретил нас, и мы последовали за ним вверх по лестнице в студию, из большого окна которой открывалась панорама крыш домов Челси на севере и востоке и широкой излучины Темзы на западе. Войдя в просторное помещение, мы увидели пожилого мужчину, созерцающего вид из окна. Подойдя к нам, он представился:

— Джон Сингер Сарджент.

Я понял, что перед нами человек, для которого предназначалась похищенная картина. Сарджент посмотрел на Холмса.

— Наконец-то я познакомился с великим сыщиком!

— Это мой помощник, доктор Уотсон, — представил меня Холмс.

— В сравнении с убийством, дело об украденной картине выглядит весьма тривиально, — промолвил Сарджент, подмигнув Уистлеру. — Боюсь, Джимми переоценивает важность этой истории.

Дальнейшее обсуждение интересующей Холмса темы было продолжено после обеда, во время которого я узнал от Уистлера и Сарджента куда больше полезных сведений об их родной стране, чем из лекции Оскара Уайльда.

Только когда мы поднялись из-за стола и удобно расположились в креслах у камина, разговор вернулся к исчезнувшей картине и обстоятельствам кражи.

— Это был весьма любительски написанный портрет, — сказал Уистлер, покуда его друг, сидя поодаль от нас, рисовал в блокноте кусочком угля, быстро переводя взгляд с Холмса на бумагу. — Лично я нашел его любопытным, — продолжал Уистлер, — потому что он был исполнен в серо-черных тонах.

— В стиле вашего знаменитого портрета матери, который вы называли «Композиция в сером и черном», — вставил Холмс.

— Да, но в данном случае на картине была изображена старая русская женщина.

— Понятно, — пробормотал Холмс, наклонившись вперед и опустив острый подбородок на руки.

— Чудесно! — воскликнул Сарджент. — Можете сохранить эту позу, мистер Холмс? Вы прирожденный натуращик!

— Право, Сарджент, — заметил Уистлер, — мистер Холмс здесь не для того, чтобы позировать. Если хотите рисовать его, не прерывайте нас.

— Значит, название картины было обозначено художником? — спросил Холмс, послушно сохраняя позу.

— Нет. Я только предположил, что она русская, судя по сельской сцене на заднем плане и ее одежде — простому черному платью и тугой черной косынке — а также по печальному выражению лица.

— Вы говорили, что купили портрет на аукционе в галерее Гордона, — продолжал Холмс, опустив руки. — Были другие претенденты на него?

— Вначале молодая женщина предложила за картину один фунт. Я подумал, что мистера Гордона хватит удар. Позолоченная рама стоила по меньшей мере полфунта! Я поднял цену до двух фунтов, молодая женщина отказалась от дальнейшего участия, и картина досталась мне. Через три дня, несмотря на наличие нескольких моих работ, двух портретов Сарджента и еще трех-четырех вещей, за которые дали бы кругленькую сумму на аукционе у Гордона, из этой комнаты взяли только грубый и примитивный портрет старухи.

— А где вы были в это время?

— Посещал Оскара Уайльда в доме его матери на Чарльз-стрит.

— Когда вы заметили, что картина исчезла?

— На следующий день, потому что ждал Сарджента. Я хотел установить задрапированный портрет на мольберте, а потом внезапно его раздрапировать. Маленькая шутка.

— Вы уведомили полицию?

— Дело того не стоило. Я упомянул о нем вам только в расчете, что оно вас позабавит. Мне и в голову не приходило, что вор явился в мою студию специально за этой картиной, и я все еще не могу в это поверить.

— Для меня аксиома, что когда вы исключаете невозможное, все остальное может оказаться правдой, как бы ни было трудно в это поверить. Кража картины не была забавной ошибкой невежественного грабителя, вторгшегося в ваш мир искусства. В этой картине есть нечто, делающее ее более ценной для вора, чем любое творение Джеймса Уистлера или Джона Сингера Сарджента.

Знаменитый портретист поднялся со стула и пересек студию, чтобы вручить Холмсу продукт его усилий. Взяв блокнот, Холмс внимательно посмотрел на свой ястребиный профиль, изображенный углем, и я заметил, что он более близок к тому, чтобы покраснеть, чем за все время нашего знакомства.

— Великолепно, сэр, — сказал он, возвращая блокнот. — Я лишь сожалею, что не представил вам более подходящий объект для вашего блистательного дарования.

— Чепуха, мистер Холмс, — запротестовал Сарджент. — Вы идеальный объект. Вы должны позволить мне написать вас маслом. Хорошо представляю вас в охотничьем облачении — безрукавке, войлочной шляпе и с биноклем в руке. Что скажете, сэр? Будете мне позировать?

— Сарджент, мы здесь не для вашего удовольствия, — рассердился Уистлер. — Мы заняты разгадкой преступления. Если мистер Холмс согласен вам позировать, можете обсудить детали потом.

Скорее развеселившийся, чем пристыженный Сарджент вернулся к своему стулу. К огорчению Уистлера, Холмс заявил, что уже располагает всеми нужными сведениями об исчезнувшей картине, и перевел разговор в форму, которую я мог бы охарактеризовать как перекрестный допрос двух художников об их стилях в частности и о со-

стоянии искусства в целом, затянувшийся за полночь и доведший до изнеможения как художников, так и меня.

На следующее утро, поднявшись поздно, я узнал у миссис Хадсон, что Холмс ушел несколько часов назад, не сообщив ей, куда идет и когда вернется. Это дало мне возможность продолжить приготовления к путешествию в Америку — зайти за документами в министерство иностранных дел, выправить бумаги в американском посольстве и проконсультроваться со служащим моего банка «Кокс и К°» относительно аккредитива, позволяющего открывать банковские счета в Соединенных Штатах. Я также дал банку указания насчет того, как поступить с сундуком-сейфом, который я держал в банковском хранилище и в котором находились документы и записи весьма деликатного свойства, касающиеся меня и Шерлока Холмса, в случае, если со мной в Америке произойдет несчастье.

Спустя несколько часов я вернулся на Бейкер-стрит, а еще позже, когда миссис Хадсон надоело в который раз подогревать обед Холмса, он вошел в гостиную и заявил:

— Тайна почти разгадана, Уотсон! Это была любопытная маленькая проблема. Остался лишь один болтающийся конец нити, и он будет аккуратно завязан в узел завтра в час дня.

С этими словами Холмс удалился в свою спальню и закрыл за собой дверь; вскоре после того как мы поселились на Бейкер-стрит, я усвоил, что этот сигнал означает «не беспокоить ни при каких обстоятельствах». Тем не менее утром я до некоторой степени удостоился доверия Холмса.

— Могу сообщить вам следующее, Уотсон, — шепнул он мне за завтраком. — Старуха на картине — не русская. Она сербка. В данный момент я не могу поделиться с вами большим, за исключением того, что забавная маленькая кража могла привести к одному из серьезнейших кризисов и без того напряженной ситуации на Европейском континенте. Будьте дома в два, и я объясню вам все!

Ровно в назначенное время Холмс вошел в гостиную, найдя меня ожидающим его рассказа с таким же нетерпением, с каким я ожидал лекцию Оскара Уайльда об Америке.

— Как вы, очевидно, догадываетесь, — заговорил он, — я начал с визита в галерею Гордона на Слоун-стрит.

Мистер Гордон хорошо помнил продажу картины — не только потому, что она едва не была продана за ничтожную цену в один фунт и в конце концов куплена за два знаменитым Джеймсом Мак-Ниллом Уистлером, но и потому, что через три часа, после того как Уистлер унес портрет на Тайт-стрит, в галерею явился еще один желающий его приобрести.

— Значит, вот как вор узнал, что картина у Уистлера! Ему сказал мистер Гордон.

— Нет, Уотсон. Хотя мистеру Гордону предлагали солидную сумму, если он откроет личность покупателя, он отказался предоставить эту информацию. Мистер Гордон — бизнесмен, заслуженно пользующийся хорошей репутацией. Человек, укравший картину, знал, что она попала к Уистлеру, так как его агент присутствовал при покупке. То, что портрет похитили на Тайт-стрит, было чистой случайностью. Его украли бы у любого, кому бы он достался на аукционе. Все было организовано таким образом, чтобы человек, которому приказали купить картину, — тот, кто явился в галерею слишком поздно, — не смог бы этого сделать. Он опоздал, потому что его задержали. Теперь я знаю, какой выдающийся ум стоит за этой шарадой, так как в час дня я сообщил ему все, что мне известно, и он во всем признался.

— Извините, Холмс, но вы сбили меня с толку. Выдающийся ум?

— Я не так легко бросаюсь словами, Уотсон. Человек, устроивший эту кражу, один из самых блестящих умов во всей Англии, а может быть, и в мире. В большинстве важных событий можно ощутить его присутствие за сценой.

— И вам известно его имя?

— Так же, как мое собственное, Уотсон. Но не просите меня разглашать его. Возможно, настанет время, когда я почувствую, что могу без опасений доверить вам сведения, касающиеся его. Но не теперь. Что касается идеи написать об этом приключении, которую вы, вероятно, уже лелеете, я настаиваю, чтобы вы не предавали его огласке, покуда я не перестану дышать. Вы можете записать нужную информацию и хранить ее в сейфе в банке «Кокс и К°», но не должны ничего публиковать, пока не настанет время — если оно когда-нибудь настанет. Что до самой картины, то она

была написана посредственным художником, специализировавшимся в жанре, который снисходительно именуют «народным искусством».

— Каким образом вы это узнали?

— Мистер Гордон хорошо разбирается в таких вещах. Он узнал кисть человека по имени Вукчич, ранее писавшего сельские сцены на Балканах. Я разыскал Вукчича вчера и расспросил его. В данном случае он изобразил черногорскую крестьянку. Вы знакомы с недавней историей этого региона?

— Разумеется, Холмс. Даже в Афганистане мы были осведомлены о войне между Сербией и мятежниками в Боснии и Герцеговине¹. Князь Николай Черногорский вмешался в конфликт на стороне мятежников, объявил войну Турции и в союзе с Россией вышел из кризиса, утроив территорию Черногории по условиям договора в Сан-Стефано в 1878 году. Среди моих друзей в военном министерстве распространено мнение, что этот договор не является концом неприятностей на Балканах. Некоторые генералы убеждены, что он посеял семена будущих конфликтов. Они уверены, что этот регион обречен послужить источником европейской войны чудовищных, возможно, катастрофических масштабов.

— Браво, друг мой! Описание абсолютно точное!

— Но какое это имеет отношение к картине Уистлера?

— Важно то, что находится под картиной.

— Под картиной? Что вы имеете в виду?

— Прежде чем мистер Вукчич изобразил старуху, он нанес на холст подробную карту развертывания в регионе сербской и черногорской армий.

— Значит, этот негодяй — шпион?

— Вот именно.

— На кого же он работает?

— На того, кто больше платит. В данном случае на представителя Германской империи. Агент кайзера должен был купить картину на аукционе в галерее Гордона. Он бы сделал это, если бы наш безымянный выдающийся ум не уз-

¹ Так в оригинале. В действительности войны 1876—1878 гг. велись между Турцией, с одной стороны, и Сербией и Черногорией — с другой. Вступление в войну России способствовало обретению независимости балканскими народами.

нал обо всем через своих агентов и не принял меры, чтобы задержать человека кайзера и помешать ему приобрести портрет, предложив самую высокую цену.

— И этой таинственной, всезнающей личности оставалось только последовать за человеком, купившим картину и выкрасть ее!

Холмс усмехнулся.

— Уверяю вас, что он не осуществил кражу самолично. Этот человек редко покидает район своей комфортабельной резиденции на Пэлл-Мэлл. Нет, портрет похитил один из его агентов.

— Но что делать теперь, Холмс? Нужно уведомить Скотланд-Ярд, министерство иностранных дел, военное министерство! На карту поставлена судьба Европы — и Англии в том числе!

— Думаю, Уотсон, они уже полностью информированы. Все, кроме Скотланд-Ярда. Это не тот сорт вещей, который завсегда и клуба «Диоген» доверяют людям вроде инспектора Лестрейда! Что до судеб Англии и Европы, то можете не беспокоиться. Они в настолько компетентных руках, что вы, я уверен, найдете их, вернувшись из Америки, в целости и сохранности. Надеюсь, вы вернетесь скоро, старина. Мне будет не доставать моего Босуэлла!¹

Историческая справка. Лекционный тур Оскара Уайльда по Америке происходил в последние месяцы 1882 и начале 1883 годов. В тот период Уистлер проживал на Тайм-стрит, а Сарджент проводил большую часть времени в Париже, как правило сообщает Уотсон. Он столь же точен в описании событий на Балканах, как и его безымянные источники в военном министерстве, предсказывая, что договор в Сан-Стефано посеет семена жесточайшей войны. Она началась с пули убийцы, выпущенной в Сараеве в 1914 году. Знатоки приключений Холмса отметят, что пройдет много лет, прежде чем Холмс откроет Уотсону имя таинственного человека, часто посещающего клуб «Диоген», —

¹ Босуэлл Джеймс (1740—1795) — шотландский юрист и писатель, биограф английского лексикографа Сэмюэла Джонсона.

его брата Майкрофта, — хотя в этой истории он слегка намекает на него, говоря Уотсону, что ему известно это имя «так же, как мое собственное».

Поклонники Ниро Вульфа отметят, что художник, нарисовавший картину, лежащую в основе истории, носит ту же фамилию, что и лучший друг бессмертного сыщика, созданного Рексом Стаутом.

Написал ли Джон Сингер Сарджент портрет Шерлока Холмса, не сообщают ни Уотсон, ни биографы Сарджента.

Скандалы все еще способствуют продаже газет, но в наши дни слухи чаще создают, чем разрушают репутацию. Иное дело в викторианской и эдвардианской Англии. Этим объясняется нежелание Уотсона предавать огласке некоторые подробности, касающиеся его литературного агента, Артура Конан Дойла (1859—1930). Дойл был знаменитым автором исторических романов («Белый отряд»), фантастических историй («Капитан «Полярной звезды») и классического романа о живых динозаврах и других доисторических чудовищах, называемого (угадайте, как?) «Затерянный мир».

Питер Кэннон

БЛАГОРОДНЫЙ МУЖ

Занимаясь описаниями многих дел мистера Шерлока Холмса, в которых мне довелось участвовать, я признаюсь, что часто ломал голову над тем, публиковать или нет результаты моей работы. Иногда, стремясь поведать читателям захватывающую историю, я, к моему стыду, проявлял недостаточное уважение к тайнам знаменитых клиентов Холмса. Тем не менее я убежден, что знаю, где нужно опускать вуаль. Сомневаюсь, что когда-нибудь сообщу все факты, касающиеся Экерли, бананового короля-двоеженца, который много лет держал дом в Ричмонде и «тайный сад» в Каслно, о чем не догадывалась ни одна из его семей. Описания подобных историй лучше оставлять пылиться на полках. И все же несколько дел деликатного свойства вопиют о публикации спустя много времени после того, как их широко известные участники отойдут в мир иной. К ним относится приключение с благородным мужем, которое грозило разрушить не только доброе имя одного из самых почитаемых британских писателей, но и мои связи с собственным литературным агентом.

Летним днем 1900 года, оказавшись поблизости от нашего старого жилища на Бейкер-стрит по случаю вызова к пациенту, я решил заглянуть в дом под номером 221-б.

Миссис Хадсон сообщила мне, что к моему другу только что пришел клиент, но так как Холмс всегда радовался моему присутствию при подобных беседах, я без колебаний поднялся по лестнице. В гостиной я обнаружил Шерлока Холмса, слушающего маленькую, аккуратно одетую женщину с бледным невзрачным лицом, из тех, которых обычно не замечаешь на улицах.

— А, Уотсон! — приветствовал меня мой друг. — Хочу познакомить вас с миссис Хокинс. Надеюсь, вы не будете возражать, миссис Хокинс, так как доктор Уотсон часто оказывает мне любезность...

— О, мистер Холмс, боюсь, что я... — Женщина поднялась со стула; ее бледные щеки внезапно покрылись румянцем. Она прижала ко рту носовой платок, сдерживая кашель. Внезапно я сообразил, что знаю эту женщину, хотя и под другим именем. Придя в себя, она избавила нас обоих от дальнейших неловкостей, представившись вторично:

— Меня зовут миссис Дойл, доктор Уотсон, — сказала она, протягивая миниатюрную руку. — Мы встречались несколько лет назад, благодаря моему мужу, который, кажется, все еще фигурирует в качестве вашего литературного агента.

— Совершенно верно, — отозвался я, чувствуя, как дрогнула ее рука. — К сожалению, мы очень давно не виделись с вашим мужем. Могу я узнать, как поживает мистер Дойл?

Во время последовавшей паузы тишину нарушали только пальцы Холмса, барабанившие по стулу.

— Очень сожалею, мадам, — заговорил он наконец, — но если вы в самом деле супруга Артура Конан Дойла — автора исторических романов и, что более существенно, литературного агента моего коллеги, доктора Уотсона, то ваше обращение ко мне чревато конфликтом различных интересов. Я не могу помочь вам.

Женщина слабо вскрикнула.

— Если хотите, я мог бы порекомендовать вас мистеру Адриану Маллинеру...

— Нет-нет, мистер Холмс, мне можете помочь только вы! Пожалуйста, простите меня. Хокинс — моя девичья фамилия. Я боялась, что вы даже не пожелаете меня выслушать, если я сразу назову вам мое имя. Вы должны

понимать... Я приехала из Хайндхеда. Несколько месяцев я не могла решить, обращаться к вам или нет. Прошу вас, мистер Холмс, позвольте мне хотя бы закончить мою историю.

С этими словами женщина опустила на стул и тихо заплакала, прижимая платок к глазам. Потом она снова зашлась в кашле, который предполагал серьезное заболевание легких. Я не осмеливался посмотреть в глаза Холмсу. Нужно быть бессердечным зверем, чтобы не обращать внимания на ее состояние.

— Хорошо, мадам, — мягко произнес Шерлок Холмс. — Так как я успел заметить до прихода Уотсона лишь то, что вы любите животных и преданы вашим детям, — если не ошибаюсь, девочке и мальчику — может быть, вы повторите для него то, что уже сообщили мне?

— Благодарю вас, мистер Холмс, — ответила она, переставая плакать. — Вы настоящий джентльмен. Как я уже говорила, мы с мужем познакомились пятнадцать лет назад в Саутси, в Портсмуте, через моего брата Джека — одного из постоянных пациентов Артура. Увы, у Джека оказался менингит, и он скончался через несколько недель. В своем горе я, естественно, обратилась за утешением к Артуру, который проявил ко мне теплоту и сочувствие. Мы поженились тем же летом, и никакая женщина не могла бы мечтать о более добром и внимательном муже, мистер Холмс. Если вы читали книгу Артура «Письма Старка Манро», то можете себе представить, какой любовью была полна наша жизнь в те дни.

Холмс утвердительно опустил веки, хотя я не сомневался, что он ни разу не открывал «Письма Старка Манро», как и другие популярные произведения моего литературного агента. Со своей стороны, я сделал все возможное, чтобы сдерживать улыбку, несмотря на всю серьезность рассказа миссис Дойл, ибо не каждый день встречаешь клиента, который не выражает никакого удивления дедуктивным талантам моего друга. Очевидно, миссис Дойл была весьма простодушной — или, напротив, очень умной.

— К сожалению, — продолжала она, — эта идиллия, как и все прекрасное, длилась недолго. Сначала, в 1793 году, у меня обнаружили чахотку и прописали полный покой. Летом 1796 года мы перебрались из Лондона в Саррей ради моего здоровья. В первую же весну на новом месте

Артур начал вести себя странно. После нашей помолвки он предупредил меня, что часто подолгу молчит и что мне не следует на это обижаться, но молчаливая задумчивость вскоре сменилась угрюмостью. Если Артур не погружен в молчание, то его одолевает какая-то беспокойная энергия. Он часами бренчит на банджо, несмотря на явное отсутствие музыкальных способностей, а что касается гольфа и крикета, в которых Артур достиг превосходных результатов, то он играет в них с энтузиазмом, более подобающим юноше вдвое моложе его.

— Простите, мадам, — прервал Холмс, — но сколько лет вашему мужу?

— В мае Артуру исполнился сорок один год.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Мой муж становится все более раздражительным. Терпеливый и добрый со мной и с детьми, он позволяет втягивать себя в нелепые литературные дразги.

— Печально, мадам, но, возможно, не так уж удивительно для человека, который продвинулся в своей карьере от провинциального врача до всемирно известного писателя.

— Может быть, вы и правы, мистер Холмс, но это не все. — Женщина кашлянула в платок и глубоко вздохнула. — В марте, перед тем как отправиться в Южную Африку...

— В Южную Африку? — прервал Холмс.

— Да, в качестве неофициального консультанта полевого госпиталя.

— Весьма похвально. Продолжайте.

— Как я сказала, в прошлом марте я незаметно наблюдала за Артуром в саду Андершо — нашего дома в Хайндхеде. Он сорвал подснежник и отнес его в библиотеку. Позже я нашла между страницами сборника романтической поэзии три подснежника — один свежий, а два сморщенных и высохших.

Мой друг наклонился вперед, блеснув глазами. Его всегда привлекали подобные странные детали.

— Мужчина не совершает таких сентиментальных поступков, мистер Холмс, если он не влюблен — влюблен в другую женщину! — С этими словами она разразилась рыданиями.

— Что же вы хотите от меня, мадам? — после паузы осведомился Шерлок Холмс.

— Пожалуйста, узнайте, верен ли мне мой Артур!

— А если я подтверждаю ваши худшие опасения?

— Не знаю, мистер Холмс. Я тяжело больна. Жить мне осталось недолго. Поверьте, счастье Артура значит для меня больше, чем мое собственное! Я могу смириться с тем, что в его сердце нашлось место для другой. Но пока я жива, я не потерплю измены!

Наша посетительница снова заплакала. Я был глубоко тронут и знал, что, несмотря на маску резонера, мой друг не мог остаться равнодушным к столь чистым и сильным чувствам.

— Где сейчас ваш муж, мадам?

— На пути из Южной Африки. Его корабль «Брита-нец» на будущей неделе должен прибыть в Плимут.

— Тогда у нас еще есть время.

— О, дорогой мистер Холмс!..

— Прежде чем дать согласие, миссис Дойл, я сначала должен проконсультироваться у доктора Уотсона, насколько этично принимать вас в качестве своего клиента. Если вы не возражаете подождать внизу, то думаю, миссис Хадсон уже вскипятила воду для чая.

После дальнейших выражений признательности женщина накинула шаль, усыпанную кошачьей шерстью, и взяла сумку с эмблемой игрушечного магазина Хэмли, содержащую, как я увидел, открывая для нее дверь, куклу и набор оловянных солдатиков.

— Благодарю вас, доктор Уотсон. Так как в эти дни я очень редко езжу в Лондон, — улыбаясь, сказала она, — то чувствовала себя обязанной привезти что-нибудь Мэри и Кингсли, чтобы показать, что моя экспедиция не была бесцельной.

Мы стояли, прислушиваясь к ее удаляющимся шагам на лестнице. Потом Холмс опустился на стул с непроницаемым выражением лица. Прошла минута, прежде чем он заговорил:

— Как я уже упоминал, Уотсон, прекрасный пол — ваша сфера. Каково ваше мнение?

— Откровенно говоря, Холмс, если верить тому, что нам сообщила миссис Дойл, ее муж страдает от острого... разочарования. Чрезмерное увлечение спортом, игра на банджо, литературные дразги для здорового мужчины в расцвете сил...

— Достаточно, Уотсон, — прервал Холмс. — Как и вы, я пришел к выводу, что этому человеку грозит серьезная опасность нарушить супружеские обеты. Для меня важна ваша роль, друг мой. Я никогда не совал нос в ваши дела, но насколько хорошо вы знаете своего литературного агента?

— Не слишком хорошо, Холмс, хотя наши отношения всегда были сердечными и корректными. Как коллеги-медики, мы обменялись парой историй о происшествиях в прозекторской, и Дойл подарил мне свой сборник рассказов «Вокруг красной лампы», но на этом наши доверительные связи заканчиваются. Я признателен ему, что он продолжает действовать в качестве моего литературного агента, несмотря на растущую писательскую известность, хотя я давно не пользовался его услугами. Считая, что мой друг встретил гибель в 1891 году в лапах своего архиврага, профессора Мориарти, я был слишком убит горем, чтобы публиковать истории о его приключениях после «Последнего дела Холмса», а его воскрешение спустя три года вызвало еще одно потрясение, объясняющее мое молчание.

— Признаюсь, Уотсон, что я абсолютно не разбираюсь в литературной кухне, — продолжал Шерлок Холмс, — но почему вы не могли передавать ваши причудливые мелодрамы непосредственно в журнал «Стрэнд»?

— Ну, Холмс, так как вы умеете хранить секреты, признаюсь вам, что Дойл был для меня больше чем посредником. Он изрядно поработал над моей прозой, уточняя детали, последовательность имен и дат и тому подобное. В конце концов он профессионал, а я всего лишь любитель.

Я не собирался признаваться, что во многих случаях мой агент становился практически соавтором. Дабы обезопасить мою посмертную репутацию, подлинное участие пера Дойла в моих писаниях должно оставаться неизвестным.

— У вас имеются какие-нибудь возражения против того, чтобы я взялся за дело миссис Дойл?

— Никаких, Холмс.

— Уверен, что Маллинер мог бы отлично справиться с ним вместо меня.

— Нет, Холмс. На карту поставлена честь леди. Она доверяет только вам. Если ваше расследование приведет к скандальному результату, я готов рискнуть потерей услуг ее мужа, которые, впрочем, могут мне больше не понадобиться.

— Добрый старый Уотсон! Вашим женам повезло со столь преданным мужем!¹

— Благодарю вас, Холмс.

Некоторое время мы сидели молча.

— Старая королева не может жить вечно, — заговорил мой друг. — Ее сын и наследник уже установил моральные принципы грядущего столетия. С ее кончиной уйдет эпоха, которая, несмотря на ханжество и лицемерие, поддерживала джентльменские добродетели. Боюсь, мой друг, что мы с вами окажемся ужасающе старомодными в наступающие времена большей свободы. А пока что прекратим мучительное ожидание миссис Дойл и присоединимся к ней.

В том же месяце газеты сообщили о прибытии Артура Конан Дойла из Южной Африки в отпуск с бурской войны. Его жена тайно информировала Холмса, что он очень нуждался в отдыхе, но это не помешало ему прибыть в Лондон, чтобы играть в крикет за Саррей, и Холмс решил, что было бы интересно узнать, кто будет наблюдать за игрой.

— Сейчас я предпочитаю теоретизировать на заднем плане, — сказал он, прежде чем я в одиночестве отправился в Сент-Джонс-Вуд. — Кроме того, Уотсон, вы способны инстинктивно оценивать нюансы и женские хитрости, которые меня с моим логическим умом полностью озадачивают.

По правде говоря, хотя я и любил крикет, мне чаще приходилось читать бюллетени о результатах, чем выступать в роли непосредственного наблюдателя. Когда я прошел в ворота стадиона, команды сделали перерыв на ланч. Я отправился в буфет, где раскланялся с несколькими бывшими пациентами, и только принялся за клубнику со сливками, как услышал рядом знакомый голос:

— Уотсон, старина!

¹ В рассказе «Пустой дом» Уотсон упоминает о кончине его жены, Мэри Морстен, в период между 1791 и 1794 гг., когда Холмс считался погибшим. Однако в рассказе «Человек с пятнистым лицом», действие которого относится к 1903 г., Холмс, от лица которого ведется повествование, сообщает, что в этот период Уотсон «оставил меня ради женитьбы». Количество жен Уотсона — одна из проблем, над которыми постоянно ломают голову знатоки и любители приключений великого сыщика.

Обернувшись, я увидел высокую атлетическую фигуру моего литературного агента Артура Конан Дойла, облаченную в белое. Он выглядел немного похудевшим, но, как всегда, излучал силу и добродушие.

— Мой дорогой Дойл! — воскликнул я, уронив ложку. Мы обменялись крепким рукопожатием.

— Какая удачная встреча! — продолжал мой собеседник. — Я собирался связаться с вами после возвращения из Южной Африки — как вам известно, ситуация там пре-скверная; я опишу ее в моей будущей книге «Великая бур-ская война». На борту корабля я познакомился с журналистом по имени Флетчер Робинсон. Он рассказал мне потрясающую девонширскую легенду о призрачной со-баке. — Конан Дойл подмигнул мне. — Насколько я пони-маю, в восьмидесятых годах преступление, связанное с этой собакой, привело некоего частного сыщика-консультанта...

— Звучит многообещающе, Дойл, — поспешно пре-рвал я, — но я бы хотел...

Мне не нравилось обсуждать дела в общественном мес-те, но, к счастью, прибытие третьего лица положило конец этой теме.

— А, Джин! — обратился писатель к молодой женщи-не в летнем платье, оставлявшем открытыми длинную тон-кую шею и красивые покатые плечи. — Я хочу познакомить тебя с моим клиентом, доктором Джоном Уот-соном. Уотсон, позвольте вам представить мисс Джин Леки.

— Рада с вами познакомиться, доктор Уотсон, — заго-ворила женщина с шотландским акцентом. — Я часто на-слаждалась приключениями вашего друга мистера Шерлока Холмса в «Стрэнде». Есть ли какая-нибудь на-дежда на его возвращение?

Обычно, когда мне задавали этот вопрос (что происхо-дило постоянно после публикации «Последнего дела»), мой ответ был весьма кратким. Но должен признать, что на сей раз я был не в силах устоять против очаровательной улыбки моей собеседницы и сказал, что не исключаю такой возможности.

Вскоре к нам подошел лысеющий молодой парень, оде-тый в цвета команды Миддлсекса, высокий и крепкий, как Дойл. Под мышкой у него была книга.

— Добрый день, мистер Дойл, — поздоровался он довольно робко, несмотря на внушительную внешность. — Надеюсь, я вам не помешал. Моя фамилия Вудхаус¹. Возможно, вы припоминаете, как сегодня утром шесть раз вы водили меня из игры.

— Ах да, Вудхаус, — усмехнулся Конан Дойл. — Слышал, что вы одна из звезд команды Далвича.

— Мой друг Флетчер Робинсон рассказывал мне о его встрече с вами на борту «Британца», мистер Дойл.

— Отличный парень! Хорошо отзывался о вас, как о спортсмене и журналисте.

— Признаюсь, что сейчас я работаю в банке, но моя величайшая страсть — литература. Я ваш преданный поклонник, мистер Дойл. — Шея молодого человека слегка покраснела. — Не будете ли вы так любезны подписать для меня экземпляр вашей последней книги? — Вудхаус продемонстрировал том, который держал под мышкой, — «Зеленый флаг» и другие истории о войне и спорте» А. Конан Дойла. Автор расписался на титульном листе карандашом, которым снабдил его поклонник.

— Очень вам благодарен, мистер Дойл.

— Всегда рад услужить коллеге по крикету, приятель. Прошу прощения, мои манеры изрядно пострадали в степях Южной Африки. Разрешите представить вам мисс Леки... — Вудхаус поклонился, — ... и доктора Уотсона.

— Рад с вами познакомиться, доктор Уотсон. Вы тоже литератор, не так ли? Автор «Приключений Шерлока Холмса» и «Записок» о нем?

Я ответил утвердительно, хотя прекрасно знал, что если вы прекращаете публиковаться, читатели вскоре забывают о вас, с каким бы энтузиазмом они ни относились к вам вначале.

Внимание вновь переключилось на Дойла и его последние сочинения, а также первые шаги на музыкальном поприще.

— Это я подговорила Артура взяться за банджо, чтобы аккомпанировать моему пению, — сказала мисс Леки. — Он еще не рассказывал мне, была ли у него возможность упражняться в Южной Африке, хотя, насколько я помню,

¹ Вудхаус Пелем Гренвилл (1881—1975) — английский писатель.

дворецкий Артура перед его отъездом угрожал уволиться, если он не прекратит свои занятия. — Она рассмеялась, и мы дружно к ней присоединились, в том числе играющий на банджо писатель.

— Может быть, мистеру Дойлу попробовать банджолеле? — предложил молодой Вудхаус.

Это вызвало новый взрыв смеха и привело к обсуждению мисс Леки и Вудхаусом выступлений в этом сезоне известных исполнителей на струнных инструментах в лондонском мюзик-холле. Дойл отвел меня в сторону.

— Разве она не прелесть, Уотсон?

— Мисс Леки очень обаятельна.

— Отличная наездница, охотится верхом с собаками, училась на оперную певицу в Дрездене. — Дойл тяжело вздохнул. — Не стану притворяться перед вами, старина. Я уже доверился некоторым близким друзьям и матери. К моему огромному облегчению, «мэм», как я ее называю, дала свое благословение. Я знаю, как это выглядит, но могу вас заверить...

То, что мой литературный агент делился со мной подобными вещами, не могло не привести меня в замешательство, хотя и предоставляло нужную мне информацию. Возможно, напряжение во время ухода за ранеными в Южной Африке вкупе с возбуждением, вызванным встречей с мисс Леки после долгой разлуки, объясняли это отсутствие сдержанности. К счастью, нас прервал Вудхаус, сказав, что ему нужно перекусить, прежде чем возвращаться на поле. Вскоре после его ухода к нам подошла пара, приветствовавшая Дойла как вновь обретенного брата, кем он в действительности и являлся.

— Конни, Уилли, я хочу познакомить вас с моим другом, мисс Джин Леки. А это мой клиент, доктор Уотсон.

Я никогда не встречал Эрнеста Уильяма Хорнунга, более известного как Э. У. Хорнунг, хроникера Раффлза, «взломщика-любителя», и зятя Конан Дойла, но, конечно, слышал о нем. Покуда его жена Констанс беседовала со своим знаменитым братом, я обменялся несколькими фразами с моим коллегой в области детективной литературы.

— Можем ли мы рассчитывать на новые приключения мистера Шерлока Холмса, доктор Уотсон? — осведомился он шутливым тоном, который я нашел довольно фамильярным.

— Думаю, что нет, мистер Хорнунг.

— Ну-ну, сэр! Все знают, что мистер Холмс уже несколько лет как возобновил свою деятельность в Лондоне. Когда же вы откроете нам, каким образом он пережил падение в Рейхенбахский водопад?

— Некоторые вещи лучше хранить в тайне, мистер Хорнунг.

— Боже мой, доктор Уотсон, да вы, оказывается, упрямы! Раз вы не желаете почтить нас новыми историями о вашем друге-сыщике, полагаю, нам, более скромным авторам, придется приложить усилия и заполнить пробел.

Хотя подвиги Раффлза были по-своему забавны, они не выдерживали сравнения с приключениями Холмса. Слушая болтовню Хорнунга, я начал думать, что, возможно, настало время «воскресить» Холмса, разумеется, не собираясь предоставлять эту честь моему сопернику. Я затаил мысль поговорить позднее с Дойлом насчет легенды о призрачной собаке, если только мы вообще будем разговаривать друг с другом после решения теперешней задачи.

Не без облегчения я присоединился к дамам, покуда Дойл описывал Хорнунгу наиболее интересные моменты утреннего матча. Миссис Хорнунг вежливо осведомилась у мисс Леки о ее семье, но вскоре стало ясно, что ее куда более интересуют проблемы собственного брата.

— Где, говорите, вы познакомились с моим братом, мисс Леки?

— На приеме у моих родителей в Глиб-Хаусе, в Блэкхите, миссис Хорнунг.

— Вы сказали, это произошло в марте, мисс Леки?

— В марте, три года тому назад, миссис Хорнунг.

— Точнее, пятнадцатого марта, — вмешался Дойл, быстро сжав руку мисс Леки.

На какой-то момент чета Хорнунгов помрачнела.

— Понятно, — протянула Констанс. — Ну, нам нужно как-нибудь вместе сходить на ланч.

— Прошу всех меня извинить, — сказал Дойл, посмотрев на часы. — Игра скоро возобновится.

— Тогда до свидания, Артур. Увидимся в Андершо?

— Завтра, Конни.

Хорнунги попрощались с мисс Леки. Их чопорные улыбки, как мне показалось, оставили после себя ледяную

атмосферу неодобрения. Но мисс Леки, с которой я внезапно остался наедине, никак на это не отреагировала, а может, и вовсе ничего не заметила.

— О, доктор Уотсон, разве Артур не самый лучший и разумный человек, какого вы когда-либо знали?

Вечером я вернулся на Бейкер-стрит и доложил обо всем Холмсу.

— Должен поздравить вас, Уотсон, — промолвил мой друг, — ибо все открытия свалились на вас, как спелые плоды с дерева. Ваш литературный агент открыто заявляет о своей привязанности к этой мисс Леки!

— Да, Холмс, но я убежден, что между ними нет связи — по крайней мере, пока.

— В том-то все и дело. То, что Дойл умудряется более трех лет противостоять искушению, свидетельствует о его рыцарской натуре. Но сколько еще лет сможет выдержать он или любой мужчина в его положении? Особенно при наличии весьма строгих родственников, которые могут спровоцировать его на опрометчивый шаг.

— Бедняге можно посочувствовать, Холмс.

— Сочувствие — вещь хорошая, Уотсон, но нужно и действовать. Ситуация чревата кризисом. Завтра я с первым же поездом отправлюсь в Хайндхед, где, я думаю, будет вестись кое-какая скрытая деятельность.

— Вы хотите ехать один, Холмс?

— Да, Уотсон. Если бы вы сопровождали меня в Саррей и Дойл узнал о вашем присутствии, он мог бы расценить ваше быстрое вторичное появление как нечто большее, чем простое совпадение.

В течение следующих нескольких дней я в промежутках между посещением больных обдумывал это сложное дело. Чем больше я размышлял над затруднительным положением моего литературного агента, тем меньше было для меня очевидно, кто здесь прав, а кто нет, и я не мог не жалеть о том, что жена Дойла взвалила на наши плечи свою проблему. Некоторое время от Холмса не было ни слова. Потом, спустя четыре дня после его отъезда из Лондона, пришла телеграмма с просьбой встретиться с ним на вокзале Пэддингтон перед отходом первого послеполуденного поезда в Глостер.

Я вышел на платформу, когда уже прозвучал последний свисток.

— Быстро, Уотсон! — крикнул Шерлок Холмс из окна вагона. Через минуту я сидел напротив своего друга в купе, где кроме нас никого не было.

— Я только молюсь, Уотсон, чтобы мы не опоздали.

— Опоздали на что?

— Позвольте начать с самого начала. Остановившись в отеле в Хайнхед, я попытался войти в доверие к кому-нибудь из служанок в Андершо. Это оказалось трудным, так как Дойлы не нанимают женщин, восприимчивых к обаянию повесы, личину которого я принял. Но вчера я прогуливался по дороге к Андершо и по счастливой случайности столкнулся с высоким крепким парнем с хохолком на лбу. В руке он держал книгу «Зеленый флаг». Я вступил с ним в разговор и вскоре выяснил, что это тот самый молодой Вудхаус, которого вы мне так красочно описали, приехавший на уик-энд по приглашению нового друга и такого же, как и он, энтузиаста крикета.

Чувствуя, что это юноша с характером, я решил ему довериться. Сначала он колебался, но потом согласился действовать в качестве моего агента. Как и вы, он ставит женскую честь превыше всего. Вудхаус сообщил мне, что, как ему известно, миссис Хорнунг назначила, но в последний момент отменила ланч в городе для себя, своего мужа, брата и неизвестного четвертого участника. Я велел Вудхаусу держать ухо востро и докладывать мне обо всем.

Сегодня рано утром Вудхаус позвонил мне в отель. Накануне поздно вечером Хорнунг атаковал Дойла за бильярдным столом по поводу мисс Леки. Очевидно, его замечания попали в цель, так как Дойл вышел из себя и выбежал из комнаты. Вудхаус, бывший свидетелем неприятной сцены, даже опасался за рассудок хозяина дома. Мы договорились встретиться через час в том же месте, где вчера.

К моменту нашей встречи у Вудхауса появились другие новости. Дойл все еще пребывал в гневе и заявил, что должен уехать по делу, предложив гостям оставаться в Андершо. После его ухода Вудхаус вышел в сад, где к нему обратился Мейсон, дворецкий Дойлов, также исполняющий обязанности слуги хозяина дома. Мейсон был очень возбужден и чувствовал необходимость с кем-нибудь пого-

ворить. Как и я, он инстинктивно счел Вудхауса достойным доверия. Мейсон сообщил Вудхаусу, что он подслушал телефонный разговор хозяина, который заказывал номер в глостерском отеле «Герб Эверсона» на имя мистера и миссис Артур Паркер. Дворецкий, очевидно, хотел обсудить с Вудхаусом, что ему делать, но Вудхаус велел ему не беспокоиться и помчался на встречу со мной.

— А где же все это время была миссис Дойл?

— Насколько понял Вудхаус, она слишком слаба, чтобы покидать свою комнату, что удобно для всех остальных. Он ни разу ее не видел, а я не пытался с ней связаться. Я сразу же отправился на железнодорожную станцию, а Вудхаус вернулся в Андершо, клянясь, что если когда-нибудь станет писателем, то исключит из своих произведений всякий намек на плотскую страсть. Вернувшись в Лондон, я телеграфировал вам, а потом поехал в Пэддингтон, где встретился с вами. В результате мы оба на пути к попытке, возможно, тщетной, спасти честь джентльмена и добродетель леди.

Мы решили отложить до приезда в Глостер все дискуссии о том, как нам воспрепятствовать намерениям влюбленных. Выйдя с вокзала, мы обнаружили «Герб Эверсона» на другой стороне улицы. Это было захудалое заведение, обслуживающее коммивояжеров и еще менее респектабельных клиентов. В грязном вестибюле мы договорились, что Холмс наведет справки за столом администратора, пока я проверю общий зал за боковой дверью. Подойдя к стойке, я, словно обычный клиент, заказал кружку пива и только поднес ее ко рту, как услышал знакомый голос:

— Уотсон, старина, какое совпадение!

Обернувшись, я увидел сияющее лицо моего литературного агента.

— Дойл! Господи, вот так сюрприз! — отозвался я, пытаясь изобразить удивление.

— Что вам понадобилось в Глостере?

Вместо ответа я сделал большой глоток.

— Кажется, я догадался! Должно быть, вы помогаете вашему другу, мистеру Шерлоку Холмсу, в каком-то расследовании. Ну, в таком случае я умолкаю. Если вы не слишком заняты, старина, то, может быть, поужинаем вместе?

Дойл указал на столик, за которым я увидел двух женщин — светловолосую мисс Леки и пожилую леди в черном.

— Сначала я должен спросить у Холмса.

— Все в порядке, Уотсон, — сказал Холмс, внезапно появляясь рядом. — Мы будем рады присоединиться к мистеру Дойлу и... компании.

Двое мужчин настороженно и уважительно разглядывали друг друга, как, мне представлялось, делают два стрелка при первой встрече в салуне на Диком Западе.

— Не могу поверить, что мне посчастливилось познакомиться с вами, мистер Холмс.

— Мне повезло куда больше, сэр, — мягко ответил мой друг.

Они обменялись рукопожатием. Шерлоку Холмсу явно хотелось оправдать моего агента за недостатком улики — по крайней мере, в данный момент.

Дойл подвел нас к столику и представил мисс Леки и миссис Чарлз Олтемонт Дойл — его матери.

— Мэм согласилась присоединиться к нам в последнюю минуту, — объяснил писатель. — Я всегда говорю, что чем больше народу, тем веселее, — добавил он со смехом, звучащим несколько неестественно.

Хотя в атмосфере явно ощущалось напряжение, ужин прошел приятно. Холмс держался непринужденно, обсуждая с Дойлом перспективы боксерских матчей и карьеру знаменитых сопрано — с мисс Леки. Миссис Дойл говорила мало, председательствуя за столом с достоинством и спокойной уверенностью. Когда помещение наполнилось шумными клиентами, разговаривать стало труднее, и мы сосредоточились на тарелках.

Когда все поднялись и попрощались, Дойл отвел меня в сторону.

— Этим вечером я едва не свалил дурака, Уотсон, — шепнул он. — К счастью, мэм прибыла вовремя, хотя понятия не имею, каким образом она узнала, что найдет нас здесь. Но мэм — всеведущая женщина. После ее лекции о верности и целомудрии, я заверил ее, что мы с мисс Леки никогда, покуда жива Луиза... Полагаю, я могу рассчитывать на вашу скромность и скромность мистера Холмса?

— Разумеется, Дойл, — пообещал я ему.

Так как нам нужно было продолжать притворяться, будто мы приехали в Глостер по другому делу, мы с Холмсом задержались в баре «Герба Эверсона», а тем временем

влюбленные и их опекунша направились на вокзал, чтобы отбыть поздним поездом в Лондон. За последней кружкой пива я поведал Холмсу о прощальных словах Конан Дойла.

— Благородный муж, Уотсон, — заметил Шерлок Холмс. — После этого испытания его твердости я не сомневаюсь, что он сдержит слово. Вопрос в том, что нам сказать его бедной жене.

Мы допили пиво в молчании.

— Это был длинный день, старина, — промолвил наконец мой друг. — Я устал и не в настроении сейчас возвращаться в Лондон. Хотя Глостер может похвастаться многими вполне респектабельными гостиницами, я уверен, что в «Гербе Эверсона» найдется пара удобных кроватей. У них должна иметься, по крайней мере, одна свободная комната, учитывая неожиданный отъезд «мистера и миссис Паркер».

На следующий день, после краткого осмотра достопримечательностей, мы вернулись поездом в Лондон. Я сопровождал Холмса на Бейкер-стрит, где его ожидали два послания. Первое — телеграмма, датированная вчерашним днем, — от Вудхауса, который сообщал, что дворецкий Мейсон телеграфировал матери Дойла, уведомив ее о предстоящем свидании. Мейсон не сомневался, что миссис Дойл примет необходимые меры. Второе — письмо, написанное слабой женской рукой. Холмс прочитал его вслух:

«Дорогой мистер Холмс!

Надеюсь, Вы не подумаете обо мне слишком плохо, но я больше не нуждаюсь в Ваших услугах. Хотя вопрос о другой женщине будет всегда меня тревожить, я поняла, что разумнее оставить все как есть. Недаром говорят, что неведение — благо.

После возвращения из Южной Африки Артур был добр и внимателен ко мне, хотя от меня, не покидающей своей комнаты, не было никакой пользы. В последний уик-энд я так разболелась, что даже не могла принимать гостей.

Простите мне мою глупость! Еще раз извиняюсь за все хлопоты, которые, возможно, причинила Вам и доктору Уотсону.

Искренне Ваша

Луиза Хокинс Дойл».

Я не смог удержаться от улыбки.

— Подобно леди Чилтерн в «Идеальном муже», Холмс, миссис Дойл, кажется, согласна дожидаться безупречного спутника в ином мире.

— Действительно, Уотсон, — отозвался Холмс, — но не будем забывать трагический пример автора «Идеального мужа», который, в отличие от достойной миссис Дойл, позволил страсти одержать верх над здравым смыслом¹.

ЭПИЛОГ

На следующий год я возобновил публикацию моих мемуаров, начав с «Собаки Баскервильей», а П. Г. Вудхауз впервые смог напечататься в журнале. В 1902 году Артур Конан Дойл за свои усилия объяснить британскую позицию в бурской войне получил рыцарское звание, которое принял весьма неохотно, по настоянию матери. В том же году Шерлок Холмс отказался от рыцарского звания. Луиза Хокинс Дойл умерла от туберкулеза в 1907 году. Год спустя сэр Артур женился на Джин Леки, которая подарила ему троих детей. Согласно свидетельству его сына Адриана, за несколько месяцев до смерти Конан Дойл незаметно встал с кровати и вышел в сад. Вскоре дворецкий обнаружил его в коридоре с сердечным приступом. В руке он сжимал подснежник. Конан Дойл соблюдал традицию отмечать годовщину первой встречи с Джин Леки 15 марта 1897 года, срывая первый весенний подснежник.

¹ Автор пьесы «Идеальный муж», Оскар Уайльд, был приговорен к тюремному заключению за гомосексуализм.

Датировка рукописей Уотсона часто проблематична, но «Дело женщины в подвале» явно относится к так называемому «великому пробелу» (1891—1894), когда весь мир считал, что Шерлок Холмс мертв. Читатель сразу поймет, почему доктор Уотсон скрывал это малоприятное продолжение самого знаменитого дела великого сыщика — «Собаки Баскервиль».

Пэт Маллен

ДЕЛО ЖЕНЩИНЫ В ПОДВАЛЕ

1 мая 1893 г.

Вчера вечером, у театра, на Лестрейда совершено покушение. Выстрел прозвучал буквально над моим ухом, и я все еще наполовину глух. Л. имел наглость заявить, что со временем становится ясно, насколько была преувеличена слава Холмса. Я мог бы убить его сам.

5 мая 1893 г.

Прошли два года и один день после гибели Холмса.

6 мая 1893 г.

Сэр Генри Баскервиль женится. Надеюсь, это означает, что он полностью оправился от перенесенного им страшного потрясения. Мне становится легче, когда я вижу, сколько добра сделал Холмс за свою жизнь, о чем свидетельствует выздоровление и счастье Б.

12 мая 1893 г.

«Дорогой доктор Уотсон!

С величайшей радостью я получил Ваше письмо. Благодарю Вас за добрые пожелания моей будущей жене и мне. Я познакомился с ней, когда был болен, и мы переписывались весь прошлый год. После моего визита (необходимого, но

весьма пугающего) к ее родителям, она приняла мое предложение руки и сердца. Венчание состоится 29 октября, и Вы очень обрадуете меня, если вместе с миссис Уотсон будете моими гостями.

Через несколько дней я приеду в Лондон и с удовольствием увижусь с Вами, если у Вас найдется свободный вечер.

Искренне Ваш

Генри Баскервиль».

17 мая 1893 г.

Видел Б., который без ума от своей невесты. Приятный вечер.

21 мая 1893 г.

Ужасный вечер. Б. следовало бы стыдиться своего поведения.

22 мая 1893 г.

События последних нескольких дней были настолько беспокойными, что я должен изложить их подробно. Будь Холмс жив, он бы терпеливо выслушал меня со свойственным только ему напряжением мысли, задал мне несколько неожиданных вопросов, а потом четко и логично объяснил, что произошло. Но он мертв, и мне самому приходится разбираться в случившемся.

В четверг вечером я встретился с сэром Генри Баскервилем в клубе «Континенталь», где он останавливался, будучи в Лондоне. В последний раз мы виделись незадолго до смерти Холмса, и я был рад, что сэр Генри хорошо выглядит. Хотя он утратил загар, вызванный частым пребыванием на воздухе, зато прибавил в весе после нашей последней встречи. Сэр Генри был невысокого роста и был вынужден смотреть чуть вверх, крепко пожимая мне руку. Я ощутил боль при мысли, как признателен он Холмсу за спасение его жизни.

Сэр Генри показал мне роскошный клуб, некогда бывший резиденцией одного из членов королевской семьи. Три года назад я был здесь с Холмсом и с радостью увидел, что с

тех пор тут не произошло особых перемен. Сервис поддерживался на самом высоком уровне — посетитель едва успевал высказать пожелание, как оно тут же исполнялось. Обслуживающий персонал был настолько тактичен, что оставался почти невидимым.

После недолгих поисков мы нашли памятную мне Индийскую комнату, восхищавшую меня комфортом и изумительной резьбой по дереву. Покуда я разглядывал голову буйвола на стене, ко мне бесшумно придвинули кресло, обитое красным сафьяном. Минутой позже сигара материализовалась из ничего и была зажжена, прежде чем я успел шевельнуть пальцем. Весь вечер бренди, казалось, не исчезало из моего бокала.

Все эти чудеса осуществляла армия прислуги, которая скрывалась в углах, пока не чувствовала хотя бы малейший намек, что в ней нуждаются. Некоторые из слуг были весьма почтенного возраста и выглядели так, словно провели здесь всю жизнь. Один благообразный старик по имени Уоррингтон проявлял к нам особое внимание.

Сэр Генри полностью оправился от душевной травмы, нанесенной попыткой его кузена Роджера — о котором я все еще думаю, как о «Стэлтоне» — лишить его жизни. Я наслаждался его обществом и чувством юмора. Он был безумно влюблен в мисс Эбигейл Фернклифф, молодую леди из старинной и состоятельной семьи. Я слышал, как их называли «плодовитые Фернклиффы», так как Эбигейл была младшей из двенадцати братьев и сестер и имела около тридцати пяти племянников и племянниц. Но, очевидно, даже такое изобилие не могло уменьшить семейное богатство. Ходила шутка, что род Баскервильей (от которого остался только один сэр Генри) вскоре обретет множество наследников.

Значительную часть вечера сэр Генри превозносил чары своей невесты, но под конец он осведомился о причине моего прихрамывания. Я рассказал ему о внезапно появившемся экипаже, который едва меня не переехал. Он выразил мне сочувствие и спросил, когда это произошло.

— 28 апреля, — припомнил я. — Был жуткий вечер.

— Да, гроза и ливень, — быстро подтвердил сэр Генри. — За час до заката в Лондоне было темно, как ночью.

— Удивительно! — воскликнул я. — Как вы можете это помнить?

— В этот день было официально объявлено о моей помолвке. Сообщение в «Таймсе», прием в доме отца Эбигейл. Я помню каждую минуту того дня.

Разговор переключился на то, какой опасной стала жизнь в Лондоне, и я рассказал ему о покушении на Лестрейда в театре.

— Это произошло незадолго до годовщины смерти Холмса. Полагаю, Лестрейд хотел подбодрить меня, так как он купил два билета на концерт мисс Лотты Коллинз. Старину Лестрейда ее пение, безусловно, приободрило! Думаю, он пригласил меня в качестве предлога пойти самому. После концерта мы шли по темной улице неподалеку от театра (если я правильно помню, Лестрейд насвистывал «та-ра-ра-бум-де-я»), когда какой-то парень шагнул из тени и выстрелил ему в голову, к счастью, промахнувшись.

— Господи! Что это за парень?

— Понятия не имею. Я не успел разглядеть его лицо.

— Возможно, его разозлил свист Лестрейда, — пошутил сэр Генри.

Я рассмеялся, потому что в тех редких случаях, когда я слышал пение Лестрейда, мне самому хотелось убить его. Я рассказал, как мне повезло, что из-за инцидента с экипажем я был все еще вооружен тростью.

— Я ударил его негодяя по руке, обогнав Лестрейда, который гнался за ним по переулку. Разумеется, мы его не поймали.

— Я рад, что никто не пострадал, — промолвил сэр Генри, когда мы перестали смеяться и невидимый Уоррингтон вновь наполнил наши бокалы и зажег мою сигару. — Если Лотта Коллинз так хороша, возможно, я свожу Эбигейл на ее выступление.

— Не стоит, — заметил я. — Это слишком рискованно для молодых леди, если вы понимаете, что я имею в виду.

Чтобы переменить тему, я показал ему трость.

— Вот чем я отогнал этого парня. Ее подарил мне Холмс. Она тяжелая, как дубинка, сверху маленький компас, а если отвинтить крышку, то вместе с ней выгаскиваешь вот это... — Я продемонстрировал итальянский стилет. — А вот здесь, в центре, если повернуть вот этот серебряный ци-

линдр, находится маленькая фляжка для бренди. Это была одна из любимых вещей Холмса, — добавил я, позволяя сэру Генри обследовать трость. — Ему всегда нравились такие игрушки.

— Он был хотя и странным, но превосходным человеком, — печально произнес сэр Генри. — Редко встречаешь такой благородный ум!

Я почувствовал, что меня одолевают эмоции.

— Больше всего на свете мне хотелось посидеть в этом причудливом мягком кресле, где некогда сидел Холмс, — искренне сказал я сэру Генри, — и поговорить с вами о моем прошлом с ним и вашем будущем с Эбигейл.

— С неисчерпаемым запасом сигар и бренди, — добавил он, поднимая бокал и чокаясь со мной.

— За прошлое и будущее! — провозгласил я, испытывая радость за сэра Генри и ностальгию по былому.

Когда я уходил, старый Уоррингтон на момент встретился со мной глазами и быстро опустил взгляд. Я упрекнул себя за то, что так разоткровенничался в присутствии слуги, пусть даже невидимого, но он держался в высшей степени скромно, провожая меня к выходу. Когда тяжелая дверь бесшумно открылась, я едва не вскрикнул от удивления. Женская фигура быстро повернулась и сбежала по ступенькам. Старый Уоррингтон был настолько ошарашен ее неожиданным появлением, что мне показалось, будто он сейчас упадет. Я даже протянул руку, чтобы поддержать его, но он сразу же выпрямился и вежливо пожелал мне доброй ночи.

«Внимание, Уотсон! — пронеслось у меня в голове. — Что бы это значило?»

Спустя несколько дней сэр Генри пригласил меня с женой отобедать с ним в городском доме Фернклиффов, чтобы познакомить нас с его невестой и будущим тестем. Эбигейл Фернклифф и в самом деле оказалась очень красивой молодой женщиной, и была ли ее семья настолько плодovита, как о ней говорили, или нет, ее чары соответствовали описаниям сэра Генри. Отец Эбигейл, старый баронет, был добродушным сельским жителем, любившим лошадей и хороший портвейн. Вечер был бы очень приятным, так как жизнь в деревне не притупила остроумие Фернклиффа, но сэр Генри все испортил. Он радостно приветствовал меня и мою жену,

но вскоре после нашего прибытия вышел из комнаты и вернулся другим человеком.

«Что значит «другим человеком», Уотсон? — зазвучал в моей голове голос Холмса. — Разумеется, он остался самим собой, но вы имеете в виду, что в нем что-то изменилось. Что же? Постарайтесь сообразить».

Я подумал, что Баскервиль, вернувшись в комнату, показался мне расстроенным. Он стал невнимателен к Эбигейл, которая явно обиделась, когда что-то шепнула ему на ухо, а жених кратко ответил ей, глядя в пространство.

«Сколько времени его не было в комнате?» Да, конечно, что-то произошло именно в его отсутствие. С другой стороны, сэр Генри вернулся так быстро, что едва ли успел бы за это время даже причесаться или получить краткое сообщение. Как бы то ни было, вечер закончился невесело — сэр Генри заявил, что завтра он должен рано встать, и поэтому просит его извинить.

Среди ночи меня разбудил стук в дверь. Это оказался выглядевший обезумевшим сэр Генри, который стал умолять меня не задавать никаких вопросов, а просто взять медицинский саквояж и следовать за ним. Он привел меня в бедный, но вполне респектабельный район, где мы, войдя в дом, поднялись по чистой, хотя и шаткой лестнице в маленькую комнатку, почти пустую, если не считать дамского туалетного столика, шкафа и кровати, на которой лежала и тихо стонала женщина.

— Что произошло, сэр Генри? — осведомился я, но он молчал, и я приступил к осмотру.

Не знаю, были ли повреждения на лице женщины, так как она отвернулась от меня, прикрыв рукой лицо. Тем не менее я понял, что она очень красива, — по изящному овалу лица и мягкому блеску волос, которых я был вынужден коснуться, обследуя поверхностную рану на затылке. Кожа ее имела своеобразный золотисто-голубоватый оттенок. Когда я наклонился над ней, она выскользнула из шелкового халата и легла лицом вниз, откинув иссиня-черные пряди так, чтобы мне были видны ее точеные плечи и спина. При виде их я ахнул. Мне не был нужен Холмс, чтобы понять, что означают отметины на ее теле.

Как врач, я был знаком со шрамами, которые некоторые извращенцы оставляют на предметах своей страсти, но я

еще никогда не видел на женском теле таких следов, как в ту ночь. Человек, который отхлестал эту несчастную, явно наслаждался ее болью. Паутина красных полос пересекала плечи и спину с удивительной симметричностью. Стройные бедра покрывали кровоподтеки. Я сразу заметил, что она не в первый раз подверглась истязаниям, так как на спине и боках виднелись шрамы, побелевшие от возраста. Когда я склонился ближе, чтобы обследовать повреждения при мерцающем свете чадающей лампы, я увидел, содрогаясь от отвращения, что ее мучитель нанес своей жертве на ягодицах глубокие порезы в форме буквы «Б». В Америке часто подобным образом клеймят скот, обозначая инициал владельца, и я не сомневался, что негодяй проделал эти мерзости с целью заклеить свою рабыню.

До сих пор Генри Баскервиль всегда казался мне одним из самых добрых и сострадательных людей, но теперь я едва мог его узнать. Невольно бросив на него взгляд, я увидел невысокого, крепкого мужчину, начинающего полнеть, с темными глазами, густыми черными бровями и агрессивным выражением лица. Он казался встревоженным и обеспокоенным, но вся моя симпатия к нему увяла, словно зеленый росток при арктическом ветре. Я вспомнил, что сэр Генри воспитывался в Канаде, вдалеке от английских привилегированных школ. Неужели он мог заполучить там столь зверскую форму извращения?

Будучи не в силах смотреть на него, я сказал, что пострадавшую нужно отправить в больницу. Но женщина ответила «нет!» глубоким и музыкальным голосом с несколько необычным произношением главного звука. Она все еще лежала, отвернувшись от меня, не знаю — из-за стыда или из-за скромности, но издала несколько резких криков и стонов, когда я обрабатывал ее раны. Я оставил ей порцию лауданума на случай, если боли усилятся.

— Ради Бога, Баскервиль, что вы натворили? — осведомился я, когда мы снова очутились на улице.

— Ничего, клянусь вам! — ответил он. — Я просто обнаружил ее здесь в таком состоянии.

Я с трудом удержался, чтобы не схватить его за ворот и не встряхнуть.

— Просто обнаружили? Вы хотите сказать, что пошли прогуляться и случайно забрели в этот дом?

— Она прислала мне записку, где говорилось, что у нее для меня срочное сообщение, но... — Он оборвал фразу и взмолился. — Пожалуйста, не задавайте никаких вопросов!

Я посоветовал ему в случае признаков жара вызвать меня, чтобы отправить женщину в Черинг-Кросскую лечебницу. Испытывая самые дурные предчувствия, я вернулся домой, когда светлая полоска возвестила о приближении рассвета.

Несмотря на усталость, я так беспокоился, что вернулся незадолго до полудня в комнатушку, где побывал ночью. Женщина исчезла. Квартирная хозяйка сообщила мне, что она ушла рано утром с каким-то джентльменом, тяжело опираясь на его руку.

— Шикарный джентльмен, — добавила она, воодушевленная предложенной мною гинеей. — Может, это он оплачивает ей жилье?

Таким образом я узнал, что арендная плата за проживание женщины в доме выплачивалась каждый месяц чеком, отправленным из адвокатской конторы.

Вернувшись к себе, я стал просматривать мои старые записи о деле Баскервилей и пространные отчеты, которые я посылал Холмсу, покуда он расследовал слухи о легендарной собаке, преследовавшей это злополучное семейство. Особое внимание я уделил комментариям Холмса после раскрытия дела, пытаясь точно вспомнить его слова. Я редкого ощущал столь сильное чувство тревоги.

24 мая 1893 г.

Теперь все это кажется вполне очевидным, хотя не менее зловещим, но тогда я был слишком расстроен, чтобы мыслить ясно. Весь вчерашний день я пытался связаться с Баскервилем, отправлял в клуб посыльных и дважды ходил туда сам. Наконец мне удалось его застать. Слуга проводил его вниз, в наполненный табачным дымом вестибюль клуба.

— Женщина, которой вы занимались ночью, исчезла. Она с вами? — обвиняющим тоном осведомился он, как только мы остались наедине.

— Нет, она не со мной.

— Сэр Генри, я должен с вами поговорить.

На его лице появилось странное выражение. Тревоги? Облегчения? Я не мог это определить.

— Здесь есть место, где мы могли бы побеседовать наедине?

— Индийская комната, — ответил он и повел меня вверх по лестнице, а затем по коридору.

Лучики солнечного света, проникая из окна в конце коридора, тут и там прорезывали темноту приближающихся сумерек. Вокруг сновали молчаливые слуги, спеша по поручениям членов клуба, скрывающихся в комнатах. Когда мы вошли в Индийскую комнату, мне навстречу шагнула знакомая фигура, поблескивая серыми глазами из-под стекол очков в золотой оправе.

— Джеймс Мортимер! — воскликнул я, с радостью пожимая ему руку.

— Я только что прибыл из Дортмура, — объяснил старый друг и врач сэра Генри. Он прищурился, разглядывая меня. — Вы, как и сэр Генри, выглядите обеспокоенным.

Доктор Мортимер был высоким, худощавым и сутулым мужчиной с острым носом и очень светлой кожей. Когда он стоял рядом с низкорослым, широкоплечим и смуглым Генри Баскервилем, контраст между ними казался поистине разительным. Доктор Мортимер первым приветствовал сэра Генри в Англии и отказался от практики, чтобы сопровождать баронета в длительное путешествие с целью восстановить его здоровье после истории с собакой. Я не сомневался в честности и порядочности Мортимера. Меня интересовало, знает ли он по-настоящему своего друга.

— Скверное дело, — серьезно заметил я.

Он утвердительно кивнул.

— Хотите что-нибудь выпить?

— Виски.

— Я встретил доктора Мортимера на вокзале Виктория, — объяснил сэр Генри, — и все ему рассказал. Но когда мы пришли в тот дом, женщины там не оказалось. Мы расспрашивали соседей, но никто ее не видел. Сюда мы вернулись менее часа назад.

Стакан с виски каким-то непостижимым образом оказался у меня в руке.

— Давайте сядем, — предложил я. — У меня к вам важные вопросы.

Мы говорили шепотом и двигались быстро, как заговорщики. Мортимер стоял у камина. Сэр Генри пересек комнату и сел в углу дивана, а я повернулся, чтобы последовать за ним. Но прежде чем я успел подойти, доктор Мортимер сел в красное кожаное кресло и издал жуткий вопль. С величайшим трудом, словно его тянула назад какая-то невидимая сила, он смог подняться, но тут же рухнул на пол лицом вниз. Я попытался нащупать его пульс, но тщетно — он был мертв.

— Господи! — воскликнул я при виде глубокой раны под его левой лопаткой. — Похоже, его закололи!

— Боже мой! — Сэр Генри вскочил на ноги с расширенными от ужаса глазами и дрожащей нижней губой. — Как это могло случиться? Он только что...

Я осторожно провел пальцами между подушками кресла и отдернул руку, ощутив холод металла. Из красной кожи торчало лезвие ножа.

— Острый, как бритва! — сказал я, вынимая изо рта кровоточащие пальцы. — Он убил бы любого, кто сел в это кресло. Не двигайтесь, сэр Генри, и ничего не трогайте! — У дверей собрались вездесущие слуги, и я послал одного из них за полицией, предупредив, что никого не следует выпустать из дома.

Полиция прибыла быстро, и я с радостью увидел моего старого друга Лестрейда. Прежде всего он поставил охрану у всех выходов и проследил за выносом тела и кресла со все еще торчащим из него смертоносным клинком.

— Кто был здесь во время преступления? — осведомился инспектор, снова поднявшись в комнату.

— Покойный, я и сэр Генри Баскервиль, — ответил я.

— А кто имел доступ в комнату?

— Все слуги, — отозвался сэр Генри. — Доктор Мортимер и я только что прибыли.

— По-моему, вы говорили, что прибыли час назад, — возразил я.

— Менее часа.

— Пройдемте со мной, доктор Уотсон, — официальным тоном пригласил Лестрейд.

Для нас нашли пустую комнату, и, когда мы сели у камина, я рассказал о происшедшем. Лестрейд внимательно слушал, кутаясь в пальто, так как холод в комнате заставлял ежиться нас обоих. Я подробно изложил факты, как всегда делал, общаясь с Холмсом.

— Отлично, — промолвил Лестрейд, когда я закончил. Инспектор приступил к допросу сэра Генри и слуг, так что прошло несколько часов, прежде чем он снова собрал всех нас на месте преступления.

— Произошло два преступления, — возвестил инспектор. — Женщина была избита и похищена, а мужчина — убит. Я посылаю своих людей произвести расследование и узнал, что в течение двух последних лет женщина, которую вы лечили прошлой ночью, доктор Уотсон, — между прочим, ее зовут миссис Аграф — получала ежемесячные чеки из адвокатской конторы Лестера Стэнли. Кто ваш адвокат, Генри Баскервиль?

— Лестер Стэнли, — признался сэр Генри.

— Так я и думал, — сказал Лестрейд и раздраженно добавил: — Что с вами, Уотсон?

— Аграф! — воскликнул я. — Аграфе по-французски скрепка!¹ Конечно! Я должен был сразу узнать ее!

— О чем вы? — осведомился инспектор.

— О самом первом преступлении, Лестрейд! — С трудом взяв себя в руки, я понизил голос, чтобы меня не слышали слуги и полисмены, стоящие поблизости. — Помните жену Стэплтона? Я осматривал ее, когда она была избита мужем, перед тем как он погиб, спасаясь от правосудия. Та женщина в комнате была Бэрил Стэплтон!

— Вы уверены? Вы же говорили, что не видели ее лица.

— Но я видел... кое-что другое. — Я повернулся к сэру Генри. — Это была Бэрил Стэплтон, не так ли? — Но сэр Генри только нахмурился и выпятил челюсть. — Я уверен, что это она! Ее шрамы соответствуют ранам, полученным тогда миссис Стэплтон!

— Почему же вы не сказали мне раньше? — осведомился Лестрейд.

— Я сам только что это понял.

¹ Staple (англ.) — первый слог фамилии Стэплтон.

— Может, вы еще о чем-нибудь умолчали?

— Да, но только ради приличия. — Я подошел к нему и шепнул на ухо: — У этой леди вырезана буква «Б» на... ну, на интимной части тела.

Лестрейд поднял брови.

— Благодарю вас, доктор Уотсон, вы только что снабдили меня последним элементом этой загадки. — Он обратился к сэру Генри: — Генри Баскервиль, вы собираетесь вступить в очень выгодный брак. Вас ожидают большое состояние и многочисленное потомство. — Когда сэр Генри нехотя кивнул, Лестрейд добавил: — Что бы вы сделали, чтобы защитить этот брак?

— Защитить? — Баронет казался ошеломленным. — Все что угодно!

— Верю, — кивнул инспектор. — Так же, как и в то, что ваша любовница начала ревновать. Что побудило вас так жестоко ее избить? Она угрожала раскрыть вашу связь с ней?

— Любовница? — повторил сэр Генри тоном невинного удивления.

— Не пытайтесь это отрицать. Это и без того запутанное дело еще сильнее усложняет убийство вашего дяди, сэра Чарльза Баскервиля, раскрытое Шерлоком Холмсом. Мистер Холмс обвинил вашего кузена, который, спасаясь от преследования, обрел страшный конец в Гримпенской трясине. Мотивы происшедшего прошлой ночью и сегодня представляются отдельной загадкой. Она кажется неразрешимой, если не отбросить раскрытие Холмсом первого преступления и не обратиться к нему заново. Тогда истина становится очевидной, как нос на вашем лице!

Лестрейд держался уверенно, явно наслаждаясь самим собой. Меня покорило столь вопиющее пренебрежение к памяти Холмса.

— Право, Лестрейд! — запротестовал я.

— Признаем для разнообразия, что Холмс мог ошибиться, — продолжал Лестрейд. — Посмотрите на это дело свежим взглядом, доктор Уотсон. Холмс обвинил не того Баскервиля! Это сэр Генри вместе со своим сообщником, доктором Мортимером, замыслил убить сэра Чарльза, чтобы получить наследство. Он позволил обвинить своего несчастного кузена и дал возможность Холмсу и нам с вами затравить его до смерти.

— Это возмутительно! — воскликнул сэр Генри.

— Должен с этим согласиться! — заявил я.

Однако инспектор не был обескуражен.

— Сэр Генри завоевал привязанность жены своего кузена, Бэрил, и жестоко избил ее, когда она пригрозила разрушить его брак. В итоге он расправился с ней — возможно, с помощью Джеймса Мортимера. — Он обернулся к сэру Генри. — Почему вы убили доктора Мортимера? Он намеревался вас шантажировать?

— Это просто нелепо! Я ни в чем не виновен! — вскричал сэр Генри.

— Подождите, инспектор, — вмешался я. — Сэр Генри никак не мог предвидеть, что Мортимер сядет именно в это кресло. В комнате полно стульев. Фактически это мое любимое кресло, и я сел бы в него сам, если бы Мортимер меня не опередил!

Лестрейд ответил без колебаний:

— Не думайте, будто мне не приходило в голову, что намеченной жертвой были вы, доктор Уотсон. Хотя вы сами этого не сознавали, но вы подобрались слишком близко к правде. Какова бы ни была судьба доктора Мортимера, вы бы никогда не покинули эту комнату живым, ибо видели то, что сделал Баскервиль со своей любовницей, и рано или поздно разобрались бы в ситуации почти так же хорошо, как я. — Не в силах сдержать самодовольной улыбки, он снова обернулся к сэру Генри. — Баскервиль, я обвиняю вас в убийстве вашего дяди, сэра Чарльза Баскервиля, и вашего сообщника, доктора Мортимера. Более того, я подозреваю вас в избиении, похищении и возможном убийстве Бэрил Стэплтон. Сомневаюсь, что нам удастся найти бедную леди живой. Что вы на это скажете?

Лицо сэра Генри стало пепельным. Он опустился на диван, словно у него подкосились ноги.

— Нет! — хрипло произнес он. — Нет! Нет!

Лестрейд повернулся ко мне и заметил с удовольствием, приводящим меня в бешенство:

— Шерлок Холмс был не прав.

«Не позволяйте ему одержать верх, Уотсон!»

— Погодите! — воскликнул я, сдерживаясь из последних сил. — Вы кое-что не учли!

— Что именно? — нахмурился Лестрейд.

— Характер! — выпалил я, не представляя, куда меня это приведет. — Я знал Джеймса Мортимера — он был прекрасным человеком. И я знаю сэра Генри — несколько недель я гостил в Баскервиль-холле. Я видел, как он влюбился в Бэрил Стэплтон, видел его реакцию, когда он узнал, что она замужем за его кузеном. Я видел его смотрящим в лицо смерти. Конечно, сэр Генри бывает чересчур горяч и нетерпелив, но он добрый и благородный человек. Прошу прощения за то, что усомнился в вас прошлой ночью, сэр Генри, но, подумав, я понял, что вы неспособны гнусно обойтись с леди, а тем более замыслить убийство друга. К тому же, — быстро продолжал я, не давая Лестрейду вмешаться, — я знаю эту леди. Хотя она и была замужем за преступником, но оставалась ему верной, даже пытаюсь помешать его намерениям. Она не из тех женщин, которые готовы стать чьей-то любовницей из-за денег. — Я повернулся к Баскервилю. — Вы оказывали финансовую поддержку миссис Стэплтон?

По густому румянцу на его щеках я понял, что это правда.

Лестрейд фыркнул.

«Всему этому должно быть логическое объяснение...»

— Ну конечно, — продолжал я, по-прежнему не ощущая особой уверенности. — Вполне логично, что сэр Генри помогал Бэрил Стэплтон. Эта помощь была абсолютно невинной. После смерти мужа леди осталась без средств к существованию. Сэр Генри был ей признателен, так как она рисковала жизнью и серьезно пострадала, пытаясь его спасти. Естественно, он хотел избавить ее от дальнейших трудностей. Зная сэра Генри, я не сомневаюсь, что чеки начали поступать вскоре после смерти мужа миссис Стэплтон, примерно в то время, когда сэр Генри и его друг доктор Мортимер отправились в кругосветное путешествие с целью восстановить здоровье баронета. Это легко уточнить. Я также уверен, что сэр Генри редко посещал эту леди, — если вообще делал это, — хотя и пробыл в Англии более года.

Сэр Генри с благодарностью посмотрел на меня.

— Все ваши аргументы не могут уничтожить факты, — сказал Лестрейд. Он внезапно умолк, так как констебль открыл дверь и отошел в сторону, пропуская в комнату двух

своих коллег, поддерживавших испачканную грязью женскую фигуру в полуобморочном состоянии. На сей раз я тотчас же узнал ее.

— Прошу прощения, сэр, но мы нашли ее связанной и с кляпом во рту в подвале клуба.

Мы одновременно вскочили на ноги. Констебль отнес Бэрил Стэплтон на диван, Лестрейд последовал за ним, выкрикивая приказы подчиненным, а я взял графин и налил женщине стакан бренди.

— В этой комнате был убит человек, миссис Стэплтон, — обратился к ней Лестрейд, — но нам, по крайней мере, удалось спасти вас. Скажите нам, кто так жестоко с вами обошелся и похитил вас?

Уоррингтон, чью роль безмолвного слуги поколебало зрелище несчастной женщины, взял у меня стакан и поднес к ее губам.

— Выпейте это, мадам.

Она сделала несколько маленьких глотков и окинула взглядом комнату. Сэр Генри стоял перед ней, с тревогой глядя в ее черные глаза.

— Это был сэр Генри Баскервиль, — ответила Бэрил так тихо, что я едва ее расслышал. Она закрыла лицо руками и заплакала.

— Ну-ну, крепитесь, мадам, — подбодрил ее Лестрейд. — Все уже позади. Вы всего лишь подтвердили то, что я подозревал с самого начала. — Он с довольным видом повернулся к сэру Генри. — Сэр Генри Баскервиль, я арестую вас за убийство сэра Чарльза и доктора Мортимера и за истязание этой бедной женщины.

«Уотсон! Не сидите без дела!»

— Погодите, Лестрейд, — запротестовал я. — В этом деле не все видно с первого взгляда. Могу я задать вопрос?

— Какой? — нетерпеливо осведомился Лестрейд.

Я повернулся к Бэрил. Она все еще полулежала на диване, вцепившись в одеяло, которым прикрыли ее стройные босые ноги.

— Скажите, миссис Стэплтон, почему вы приходили в этот клуб вечером 17 мая — тем вечером, когда я посетил здесь сэра Генри?

Она казалась испуганной.

— Это была не я.

— Нет, вы! Должно быть, вы хотели что-то сообщить сэру Генри, но вас спугнули. Я видел вас у двери, но вы сразу же убежали. Что вы хотели ему сказать и что вас напугало?

— Ничто! Меня там не было! — вскричала она, закрыв лицо дрожащими руками.

Я ошеломленно уставился на нее. У меня не было сомнений, что я видел именно ее.

— Уведите его! — приказал Лестрейд констеблям, и они шагнули вперед, чтобы взять сэра Генри за руки.

«Не медлите, Уотсон! Скажите самое худшее!» — Голос в моей голове подтолкнул меня в центр комнаты.

— Постойте, Лестрейд! Ваш отказ подчиняться логике вынуждает меня признать, что в одном вы не ошиблись! Шерлок Холмс был не прав — но не насчет сэра Генри Баскервилей! Холмс отлично разбирался в людях и ни на минуту его не заподозрил. Можете не сомневаться, что если бы сэр Генри был охотником за состоянием, Холмс бы об этом догадался! Но он доказал, что это Стэплтон убил старого сэра Чарльза, а потом пытался убить его наследника, сэра Генри. Однако подумайте о следующем. Месяц назад сэр Генри объявил о своей помолвке с Эбигейл Фернклифф. В тот же день меня едва не переехал экипаж. Вскоре кто-то стрелял в вас. Похоже, кто-то преследует нас обоих.

— Совпадение, — отмахнулся Лестрейд.

— Холмс сказал бы, что не существует такой вещи, как совпадение. Подумайте! Почти каждый, кто знал о разгадке Шерлоком Холмсом тайны легенды о собаке Баскервилей, подвергся нападению.

— Каждый, кроме его светлости¹, — усмехнулся Лестрейд. — И не без причины, потому что он сам и осуществил эти нападения!

— Но пораскиньте мозгами! Почему кто-то хотел убить вас, доктора Мортимера и меня? Кто избил и угрожал миссис Стэплтон, принуждая ее лгать, что она и делает сейчас? Что общего у нас четверых?

— Сэр Генри убийца и распутник, — объяснил мне Лестрейд, словно я был идиотом. — Конечно, он хотел убить

¹ Ошибка автора рассказа. Баронета нельзя титуловать «его светлость».

миссис Стэплтон. А если доктор Мортимер угрожал сэру Генри шантажом, то ему пришлось разделаться и с ним.

— Допустим, — согласился я, — но к чему покушаться на вас? И если он собирался убить миссис Стэплтон, зачем звать меня ей на помощь? Нет! Единственное, что связывает нас четверых, — то, что мы все знали Стэплтона до того, как Холмс разоблачил его преступления, — когда он притворялся безобидным коллекционером насекомых!¹

«Отлично, Уотсон!»

— Но Стэплтон погиб в Гримпенской трясине, — возразил Лестрейд.

Я покачал головой.

— Миссис Стэплтон, вы сказали Холмсу, что ваш муж убежал на болота, но мы не обнаружили никаких его следов. Впечатленный зрелищем пустынной топи, Холмс решил, что Стэплтона засосало в трясину. Но его труп так и не нашли.

— По-вашему, Стэплтон еще жив? — изумленно воскликнул Лестрейд. — Вы искренне верите, что Холмс мог упустить подобное?

— Он ничего не упустил, — уверенно заявил я, нахмурившись, когда Уоррингтон вновь наполнил стакан миссис Стэплтон. — Если Холмса и можно упрекнуть, то в привычке утаивать сомнения, не делясь ими даже со мной, покуда факты остаются неопределенными. Я знаю, что он расследовал детали этого дела и после его завершения, что было необычным для него. В частности, ему удалось узнать, что слуга Стэплтона, Энтони, помогавший ему в его преступлениях, позднее скрылся на континенте.

«Браво, Уотсон! Продолжайте в том же духе!»

— Но что, если Бэрил обманула нас в ту ночь, как обманывает теперь? — Я посмотрел на нее, и она опустила взгляд, густо покраснев. — Предположим, на болотах погиб Энтони, а Стэплтон бежал в Париж?

— Хм-м! — протянул Лестрейд, невольно впечатленный моими доводами.

— Что, если Стэплтон еще жив и стремится унаследовать титул и состояние Баскервильей? — настаивал я. —

¹ Еще одна ошибка автора. Лестрейд не имел понятия о Стэплтоне, до того как прибыл в Дортмур с ордером на арест.

Разве для этого ему не нужно было убить сэра Генри, прежде чем он женится и обзаведется наследниками? А кто мог его остановить?

— Те из нас, кто узнал бы его, если бы он предъявил права на наследство после смерти сэра Генри! — мрачно согласился Лестрейд. — Теперь я вижу, как вы действовали. «Исключите все невозможное...» — «... и то, что останется, каким бы оно ни казалось невероятным, будет решением задачи», — закончил я цитировать человека, перед которым преклонялись мы оба. — В ту ночь Стэплтон не приближался к Гримпенской трясине. Он был слишком умен, чтобы бежать туда, откуда нет спасения. Покуда Холмс и я искали его там, он отправился на континент, возможно, загримированный стариком Энтони. Ускользнув от величайшего сыщика в мире, он мог снова жить инкогнито в Европе. Услышав о гибели Холмса, Стэплтон, очевидно, торжествовал по случаю смерти своего противника, а потом опять начал строить планы унаследования состояния Баскервилья.

— Да, — кивнул Лестрейд, — и ему пришлось спешить, когда он узнал, что сэр Генри женится на одной из «плодовитых Фернклиффов». Простите, сэр Генри, но вы ведь знаете, что говорят некоторые... — Смущенный инспектор протянул руку к бокалу на серебряном подносе, предложенному безмолвным слугой.

— Не пейте это! — предупредил я. — Я говорю серьезно! Не стоит прикасаться ни к чему, что подают нам в этом доме.

Лестрейд критически прищурился на бокал с пенистым элем.

— Яд?

— Меня бы это не удивило, — отозвался я, пытаюсь вспомнить, пил ли я из бокала, оказавшегося у меня в руке. — Кто принес эти напитки? Проследите, Лестрейд, чтобы никто не выходил из комнаты. Думаю, что ...

— Бэрил! — крикнул сэр Генри. Прекрасное лицо миссис Стэплтон побагровело, бокал выпал у нее из руки, и она в судорогах упала навзничь.

— Мертва, — сообщил я через минуту. — Немое свидетельство силы яда в наших бокалах. Это может означать лишь то...

С поразительной для его возраста быстротой старый Уоррингтон выхватил пистолет и бросился к двери.

— Ложитесь, сэр Генри! Осторожно, Лестрейд! — У меня в кармане тоже был пистолет, но прежде чем я успел его вытащить, из коридора появился констебль и повалил слугу на пол.

— Уоррингтон?! — в ужасе воскликнул сэр Генри.

— Если не ошибаюсь, — сказал я, наклоняясь, — это Стэплтон собственной персоной в парике и гриме. — Потянув слугу за волосы, я убедился в своей правоте. Я благоразумно воздержался от того, чтобы прикоснуться к конверту со следами белого порошка, обнаруженному в его кармане.

Лестрейд поставил Стэплтона на ноги и подтолкнул к констеблю.

— Уведите его!

Передав сэра Генри целым и невредимым в объятия его невесты, я провел вторую половину дня в своем кабинете в компании Лестрейда.

— Как вы об этом догадались? — спросил инспектор. *«Начните сначала, Уотсон».*

— По ранам бедной женщины, — ответил я. — Тогда я подумал, что это дело рук сэра Генри, который вызвал меня, испугавшись, что переборщил. Но подумав, я понял, что такая жестокость — следствие того, что является, за отсутствием лучшей терминологии, пороком английского школьника. Я встречал подобные извращения у людей, которых в детстве секли за проступки в школе (с кем такого не бывало) и которые впоследствии пристрастились к подобным занятиям. Это ужасно, но некоторые спустя определенное время уже не удовлетворяются розгами и переключаются на плеть.

— Господи! — воскликнул Лестрейд и щедро глотнул чаю. — Такое может знать только доктор!

— Но сэр Генри рос в Канаде¹, — продолжал я. — Как и в Соединенных Штатах, там клеймят коров и лошадей, но

¹ Стэплтон рос в Южной Америке, так что никак не мог страдать «пороком английского школьника». Правда, уже будучи женатым, он открыл школу в Йоркшире, где имел возможность «пристраститься к подобным занятиям». Однако автор явно имеет в виду не это.

это знак владельца, который не может все время держать скот за оградой, а не сознательная жестокость. И хотя это не полностью исключало виновность сэра Генри, но все же делало маловероятным наличие у него подобного энтузиазма. Поэтому я начал искать иное объяснение и вспомнил, что Бэрил Стэплтон была точно таким же образом избита своим мужем. Когда я осознал, что эта женщина — Бэрил, остальное стало ясным.

— Однако, — заметил Лестрейд, — даже будучи избитой, Бэрил ввела Холмса в заблуждение, сказав ему, что ее муж побежал к Гримпенской трясине.

Я кивнул.

— И хотя он избил ее снова, она не предупредила вас и сэра Генри, что этот дьявол вернулся. Ей хватило наглости явиться сюда и лгать нам в лицо, пытаясь обвинить бедного сэра Генри! — Он покачал головой.

— Будьте снисходительны к ее памяти, Лестрейд. Бэрил узнала в Уоррингтоне своего мужа, которого боялась и, как я подозреваю, любила. Тем не менее, поняв, что Стэплтон в Лондоне, она сразу же отправилась в клуб предупредить сэра Генри. Если бы меня проводил к выходу не Уоррингтон, а кто-то другой, и если бы они не узнали друг друга, она могла бы выполнить свое намерение и бедняга Мортимер остался бы в живых. Должно быть, Стэплтон проследил жену до ее квартиры и принудил угрозами к молчанию.

— Он избил ее и в конце концов убил, но она так и не сказала против него ни единого слова. Никогда не пойму женщин! — Губы Лестрейда кривились в сердитой усмешке. Зная его жену, именуемую всеми, включая самого инспектора, «миссис Лестрейд», я не сомневался, что он говорит правду.

Немногие — во всяком случае не Лестрейд и не рядовой читатель «Стрэнда» — могут понять, почему я тайно подозревал, что Бэрил Стэплтон связывали не только узы страха и любви. Я не сомневался, что, подобно тому как некоторые зависят от наркотиков, она была обречена на сексуальную зависимость от своего мужа, мучительную и унижительную.

— Должен просить вас, Лестрейд, — заговорил я, — позаботиться о том, чтобы ни слова о косвенном участии

Холмса в этом деле никогда не стало достоянием публики. Меня не заботит, как вы это устроите.

— Я не стану упоминать сэра Чарльза и историю с собакой, — согласился инспектор, — и прослежу, чтобы Стэплтона обвинили только в убийстве жены и доктора Мортимера. Он будет повешен, если на земле есть правосудие. На процессе не будет произнесено имя Шерлока Холмса.

— Отлично. Постарайтесь не упоминать и меня.

— Да что с вами такое, Уотсон? — осведомился Лестрейд. — Вы раскрыли запутанное дело и отправили на скамью подсудимых одного из самых ловких преступников. Почему же вы отказываетесь от славы?

— Предпочитаю обойтись без нее.

«Может быть, всего несколько строк, Уотсон?» — услышал я голос собственного тщеславия.

— Когда была убита собака Баскервиль и раскрыто убийство сэра Чарльза, Холмс назвал это дело одним из величайших в его карьере, — объяснил я. — Когда-нибудь я опубликую его описание в память о нем. Но так как он не прожил столько, чтобы поработать над этим... этим постскриптумом, я не стану предавать гласности его ошибку.

— Как хотите, — пожал плечами Лестрейд. — Я уважаю вашу преданность.

«Но совершенна только правда, а ложь всегда неудовлетворительна!» — взмолился голос.

— Молчать! — прикрикнул я. — Это решено!

Лестрейд обиженно нахмурился, думая, что я обращаюсь к нему.

Отчаянные дела

В предыдущем разделе убийство лишь однажды оставило свою кровавую мету, но следующий квартал приключений изобилует трупами и терроризмом. Одна история явно не публиковалась из соображений такта и деликатности, две другие — поскольку дела, связанные с Францией и Ирландией, требовали сдержанности и от Холмса, и от Уотсона. Возможно, самая любопытная история из четырех — «Приключение на тонущем корабле», которая могла бы быть опубликована в «Стрэнде», если бы не вмешательство абсолютно неожиданной инстанции.

Читатели «Воскрешенного Холмса» (издательство «Сент-Мартинс Пресс», 1996) помнят невероятную чушь, которую некий автор-«битник» сделал из истории с французским убийцей Юре, которую Уотсон впервые упомянул в рассказе «Сиреневая Сторожка»¹. Мой ученый коллега Дж. Адриан Филмор пришел к выводу, что дело слишком широко освещалось в газетах того периода, чтобы Уотсон брал на себя труд описывать его, однако рукопись, обнаруженная нами в нижнем отделении его сейфа, доказывает, что история не появилась в печати по другой причине, касающейся ее важного персонажа, Иды Минервы Тарбелл (1857—1944). Ида Тарбелл была в числе ведущих американских журналистов, специализировавшихся на «разгребании грязи». В 1904 году она написала историю компании «Стандарт Ойл», что привело к разоблачению противозаконных действий и судебному преследованию этой фирмы.

¹ Это ошибка. Об убийце на бульварах Юре Уотсон упоминает в рассказе «Пенсне в золотой оправе».

Кэтлин Брейди

УБИЙЦА НА БУЛЬВАРАХ

Утром 3 октября произошла катастрофа, которую предсказывал Холмс. В парижском полицейском участке взорвалась бомба такой силы, что останки одной из несчастных жертв были обнаружены свисающими с газового светильника.

До тех пор большинство парижан думали, что опасность миновала. Анархисты, терроризировавшие город прошлой весной, несколько месяцев не давали о себе знать. Страх сменился обычной настороженностью, царившей повсюду в 1894 году. Большинство обитателей французской столицы так долго жили с чувством ужаса, что уже не могли разобраться в причинах своих тревог. Казалось, они страдали хронической болью, которая притупилась просто в силу привычки.

Холмс и я находились в Париже в тот роковой день в результате принятого им несколько недель назад за завтраком в Лондоне решения. Я намазывал маслом тост, поданный миссис Хадсон на ее великолепном серебряном подносе, а Холмс читал сообщения о погоде в «Таймсе». Вскоре он бросил газету на пол и перенес внимание на ветчину.

— Спокойствие подходит к концу, — сказал Холмс. — С приближением зимы анархисты вылезут из нор. Они не могли орудовать взрывчаткой в жаркие летние месяцы, так как даже слабый перегрев способен вызвать детонацию, которая разнесет подрывника на куски. — Он налил себе вторую чашку чая. — Мы поможем парижской полиции, хотя

они того или нет. Пожалуй, я устрою дело таким образом, что Дворец правосудия попросит нас о помощи.

Все именно так и вышло. Дипломатические контакты Холмса быстро обеспечили официальное приглашение. Французские официальные лица жаждали заручиться его содействием.

Впрочем, на сей раз цель была недостижима. Даже великий Шерлок Холмс не мог вырвать анархизм с корнем. У этого течения не было ни корней, ни выстроенных планов. Это была идея, подобная вере. Она не предполагала централизованного заговора — отдельные анархисты действовали самостоятельно, веря в абсолютную свободу личности. Они отвергали любую власть и были убеждены, подобно их философу Прудону¹, что «собственность — это кража».

Анархисты отстаивали идею превращения частной собственности в общественную, взрывая одно здание за другим. При этом гибли люди, даже оказавшиеся поблизости на улицах. Сначала они взорвали универсальный магазин, затем банк, и наконец один из них убил президента Франции. Летом насильственные действия прекратились, покуда террористы, мучаясь от жары, строили свои планы.

Холмс и я остановились в отеле возле Дворца правосудия в то роковое утро. Мы ели круасаны и пили кофе с молоком, тоскуя по бекону и чаю миссис Хадсон, когда к нам пришел журналист брать у Холмса интервью для нового журнала. Обычно Холмс редко соглашался на интервью, но эта персона являла собой новый тип, с которым ему хотелось познакомиться. Это была американская старая дева, живущая в Париже одна и содержащая себя Бог знает каким образом, не будучи связанной ни с какой определенной редакцией.

Ее звали Ида Тарбелл, и она была родом из Тайтесвилла в штате Пенсильвания, столицы американской нефтяной промышленности. Холмс забросал ее вопросами, на которые она отвечала, очевидно, надеясь, что впоследствии он столь же охотно будет отвечать ей.

Мисс Тарбелл была неглупой женщиной и внешне не напоминала «синий чулок». Она задавала вполне толковые

¹ Прудон Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский журналист, идеолог анархизма.

вопросы ровным, лишенным модуляций голосом, каким обычно говорят американцы. Холмс не удивился, узнав, что мисс Тарбелл изучала биологию и химию и неплохо разбиралась в научных методах расследования. Ей было лет тридцать пять, она была высокой, худощавой, с темными волосами и загорелой кожей, благодаря поездкам на открытых верхних площадках парижских омнибусов. Мисс Тарбелл хотелось снискать расположение Холмса, и с ее губ не сходила приятная улыбка. Короче говоря, она мне понравилась, и, неоднократно будучи объектом демонстраций Холмсом своих дедуктивных способностей, я ей искренне сочувствовал. Когда мисс Тарбелл настояла, чтобы Холмс испробовал свои методы на ней, он проделал обычный трюк, определив ее место жительства в Париже — рю Sommerar на левом берегу Сены — и тип человека, рядом с которым она сидела этим утром в омнибусе.

— Да, но что вы можете сказать обо мне самой, мистер Холмс? — не унималась мисс Тарбелл.

Я знал, что она совершила промах и ей за это воздастся.

— Вы стеснены в средствах, мадам. Возможно, ваши издатели не выплачивают вам то, что должны. Очевидно, они довольны вашей работой, потому что поручения взять у меня интервью домогаются многие. Как правило, его доверяют надежным и одаренным журналистам. Я вижу, что вам не хватает денег, так как ваше весьма прочное черное платье полиняло по швам. Покрой вашей одежды свидетельствует о наличии вкуса и о том, что вы обращались бы к портному, если бы могли. Вы пытались сами придать платью менее поношенный вид, закрасив чернилами потертые швы.

— Холмс! — воскликнул я, удивленный, что он способен вести себя столь неджентльменским образом. Я был смущен, присутствуя при таком грубом и унижительном обращении с леди, но мисс Тарбелл, к ее чести, печально улыбнулась и подтвердила правильность его выводов. Она записала их для своих читателей и вновь обрела свойственную ей сдержанность, запечатлевая нелестные характеристики Холмса в своем блокноте. Будучи официальным биографом Холмса, я достаточно хорошо разбирался в ее работе и знал, что она выжмет нужный ей эффектный материал даже за собственный счет.

Возможно, в комнату постучали, но я не уверен. Знаю лишь то, что мы вскочили, когда дверь распахнулась, и в наш номер ворвался полицейский. За ним следовал консьерж, готовый исполнять обязанности переводчика. Холмс и мисс Тарбелл свободно говорили по-французски, но даже я понял слова полицейского:

— Произошел новый взрыв — на этот раз в полицейском участке на Итальянском бульваре. Вы нужны там, мистер Холмс. Пожалуйста, следуйте за мной.

Я не помню, разговаривали ли мы по дороге, хотя поездка была очень краткой, так как полицейский экипаж везде пропускали. Еще никогда я не видел подобных разрушений, как на месте взрыва. В Афганистане я достаточно наблюдал за изуверченными людьми и сам был ранен, но моим глазам ни разу не представлялось настолько искореженное здание. Целая секция каменной кладки стены обрушилась, обнажив каркас.

Мы поднялись по узкой винтовой лестнице. В коридоре второго этажа, на скамье между двумя окнами, мы нашли мертвого клерка. У него отсутствовала голова, а шея являла собой бесформенное кровавое месиво. Мы прошли туда, где еще полчаса назад был кабинет инспектора. Сам инспектор лежал в углу еще живой, но я был не в состоянии его спасти. Взрывом ему разmozжило череп и выбило глаза. Позднее, когда вывернули его карманы, обнаружили монеты с вонзившимися в них осколками бомбы.

Очевидно, этому несчастному принадлежали кусочки плоти в лужах крови на полу. Кровь капала с внутренностей, которые повисли на газовом рожке, вырванные взрывом из обугленного тела в другом углу. Остатки униформы указывали, что этот человек был сержантом. Напротив него лежал еще один труп. В его туловище зиял багровый кратер, а серые брюки походили на те, которые носят служащие коммерческих банков и промышленных фирм.

К моему удивлению, я увидел, что мисс Тарбелл все еще находилась рядом с нами. Ее лицо было смертельно бледным, и если она ела что-нибудь этим утром, то наверняка избавилась от съеденного среди окружавших нас следов бойни. Тем не менее женщина выглядела не хуже Холмса, который пулей вылетел из жуткой комнаты. Я слишком хо-

рошо его знал, чтобы подумать, будто его тошнит, но был слишком потрясен, чтобы двигаться так же проворно, как он. Увидев, куда он направился, я вышел следом за ним на тротуар.

Холмс отошел от тела одного полисмена и подошел ко второму, как раз вовремя, чтобы услышать слово «Дармо». Это слово оказалось последним. Опустившись на колени, я попытался нащупать пульс и, убедившись, что бедняга умер, внезапно увидел край полинявшей черной юбки мисс Тарбелл, еще сильнее потемневшей от крови. День был пасмурный, в воздухе пахло дождем. Если бы я рисовал одну из нелепых картин, которые пишут современные художники, то изобразил бы этот пейзаж в свинцовых тонах с алыми брызгами, так как все вокруг казалось мне безнадежно серым, за исключением ярко-красных пятен.

Мисс Тарбелл увидела, что стоит в луже крови, и отскочила назад.

— Несчастные! Помоги Бог их семьям, — сказала она и прикрыла рот ладонью, словно старалась преградить путь эмоциям.

К этому времени полицейские перестали снова входить-выйти и разбились на маленькие группы. Казалось, они не знают, что им делать. Гнев был предпочтительнее горя, поэтому двое из них затеяли горячий спор о том, под юрисдикцию какого участка подпадает место преступления.

— Кто видел, что произошло? — осведомился Холмс. — *Qui a vu ce qui est arrivé?*¹

— Я видел, как они вошли, когда я выходил, — отзывался молодой полицейский. Он был цел и невредим, не считая перенесенного ужаса. — Люк — его тело наверху — впустил полицейского и клерка, который держал перед собой металлическую коробку, как официант поднос с курицей. Это напомнило мне праздничный обед. — Полицейский вытер глаза. — Я был на улице, когда услышал жуткий звук — словно удар железного колокола в Судный день.

— Что означает «Дармо»? — спросил Холмс.

¹ Кто-нибудь видел, кто сюда приходил? (фр.).

— Город в Лотарингии, — отрапортовал полицейский, как будто отвечая на уроке географии.

Я не мог поверить глазам — мисс Тарбелл делала пометки в блокноте.

— Компания «Дармо» — большая промышленная фирма, занимающаяся железной рудой, мистер Холмс, — сказала она. — Ее шахтеры уже некоторое время бастуют. Я читала об этом в газетах.

— Где ее офис? — осведомился Холмс.

Хорошо одетый мужчина, — как мы узнали позднее, мсье Анри Труту, присланный из Дворца правосудия, — указал Холмсу на авеню де л'Опера в нескольких кварталах отсюда.

Труту был худощавым человеком с темными волосами под цилиндром, в визитке, какие носили французские чиновники высокого ранга. Ему было не более сорока лет, а когда он говорил, уголки его рта приподнимались, слегка обнажая зубы.

Но для разговоров не оставалось времени. Холмс, мисс Тарбелл, Труту и я поспешили по указанному адресу, наверняка выглядевшие теми, кем, в сущности, и являлись, — посланцами с места адской бойни. Впрочем, новости о происшедшем уже распространились по всему кварталу, и повсюду толпились возбужденные люди.

Когда мы добрались до здания, где помещались офисы компании «Дармо», Труту предъявил удостоверение и потребовал кого-нибудь из начальства. Один из дежурных проводил нас к президенту компании. Мы поднялись по мраморной лестнице, покрытой мягким красным ковром. У дверей зала совета директоров Холмс, растрепанный и с выпученными глазами, постучал кулаком по резной дубовой панели и ворвался в комнату. Пятеро директоров, увлеченные дискуссией, вскочили в страхе и гнев. Самый старший из них, худой и болезненный на вид, сдавленно крикнул: «Анархисты!» и полез под стол. Двое более молодых бросились на Холмса, который выглядел нашим предводителем и которому в очередной раз пригодилось его увлечение боксом. Оказавшись на полу, храбрая, но опрометчивая пара окинула нас взглядом и, по-видимому, решила, что Труту, мисс Тарбелл и я не представляем физической угрозы. Более высокий из нападавших, с глубо-

кой морщиной между бровями, придававшей его лицу мрачное выражение, никак не мог отдышаться, но второй, помоложе и покрепче, казалось, еще не утратил воинственный пыл. Когда они поднялись с пола и стряхнули пыль с пиджаков, Труту представил себя и Холмса.

Высокий противник Холмса, которого звали Мартен Каспи, заговорил по-английски почти без акцента:

— Прошу прощения, дорогой мистер Холмс. Можете себе представить...

Но Холмс прервал его извинения кивком головы и поведал об утренних событиях.

— Мы здесь потому, что вы, возможно, являлись мишенью бомбы анархистов, — объяснил великий сыщик. — Последним словом умирающего было «Дармо», что могло относиться к вашей фирме и району добычи руды.

Директора снова заняли свои места, поняв, что в их интересах сотрудничать. Мисс Тарбелл также уселась за стол, но четвертый директор, представившийся как Жорж Жако, казалось, сомневался в необходимости ее присутствия. Его лицо было настолько напряжено, что, глядя на него, можно было ожидать нервной судороги. Мисс Тарбелл, не испытывавшая никаких трудностей в разговорах с парижанами, которых мы встречали в этот ужасный день, притворилась не понимающей по-французски. Труту и я не видели оснований вмешиваться, и американка осталась.

— Джентльмены, — начал Холмс, — заметил ли кто-нибудь из вас сегодня что-либо необычное?

— Мы как всегда занимались делами, — ответил Шарль Коман, пожилой директор, только что искавший убежище под столом.

— Он хочет знать, не заметили ли мы этим утром где-либо чего-нибудь из ряда вон выходящего, — ворчливо пояснил более молодой из недавних противников Холмса, которого звали Эдуар Кнодлер и который, по-видимому, решил проявлять свою агрессивность словесно, но не обращаясь к Холмсу.

Директор-распорядитель, пухлый человечек с выпуклым лбом и широкой бахромой темных волос на черепе, посмотрел на коллег, словно не зная, что говорить. Его звали Жильбер Дазель.

— Я прибыл раньше остальных, — сказал он наконец. — Двери зала совета были закрыты, и я увидел перед ними на полу большой круглый предмет, завернутый в газету. Это меня встревожило, и я послал за Пико — нашим консьержем. Пико разрезал веревку карманным ножом, газетный кулек раскрылся, обнажив чугунную коробку. Пико подобрал ее и заметил, что она весит килограммов пять. Никто из нас не захотел открывать ее, поэтому Пико унес коробку в полицейский участок, осторожно держа ее перед собой. Чугун казался надежной защитой.

Я представил себе труп в серых брюках и собирался спросить, как был одет консьерж, но Холмс закончил беседу, предложив директорам продолжать их важную работу. Директор-распорядитель, к его чести, велел секретарю, усатому молодому человеку с печальным лицом и пышными усами, проводить нас на пост Пико и отправился туда вместе с нами.

Волосы секретаря были разделены прямым пробором, как бы образуя занавес для трагической маски, которую являла собой его физиономия. Он производил впечатление человека, отягощенного ответственностью перед начальством. Холмс спросил его имя, и секретарь ответил «Базиль Понтель», явно удивляясь, что это кого-то интересует.

Понтель проводил нас к посту консьержа, где мы, к нашему удивлению, обнаружили живого и невредимого Пико. Это оказался тот самый человек, которого мы видели у дверей, когда прибыли сюда. На вид ему было лет тридцать, он был среднего роста и настолько светложим, что, хотя и жил в городе, его нос и скулы облупились от солнца. Держался Пико со спокойствием профессионального привратника, который все знает и со всем может справиться. Казалось, он собирался спросить, что нам угодно, но наш ошеломленный вид все ему объяснил.

— Вы не знаете, где Эрнст? — осведомился консьерж.

— Возможно, вам лучше сначала сообщить нам, кто такой Эрнст, — любезно заметил Холмс.

— Эрнст отправился в полицейский участок на Итальянском бульваре, — сдавленным голосом произнес Пико, выглядевший внезапно постаревшим. — Наверху я обнаружил пакет, который показался мне подозрительным, и поэтому вызвал жандарма. Полицейский не захотел к нему

прикасаются, и Эрнст, один из наших клерков, сказал, что отнесет его в участок, если жандарм покажет ему дорогу.

Перспектива судьбы Эрнста выглядела в высшей степени мрачной. Труту, как представитель Дворца правосудия, сообщил Пико, что ему придется опознать тело одной из жертв, которая может оказаться услужливым клерком Эрнстом.

— Но прежде, — сказал консьержу директор-распорядитель, — пожалуйста, предоставьте один из наших офисов в распоряжение мсье Шерлока Холмса.

Потрясенный консьерж проводил нас в комнату на первом этаже, которая, очевидно, предназначалась для прислуги, но нам были нужны только стол и стулья. Мисс Тарбелл не проявляла никакого желания покинуть нас, а Холмс был слишком озабочен, чтобы просить ее удалиться, хотя обычно без колебаний избавлялся от лишних присутствующих во время расследования.

— В этом преступлении может не оказаться логической связи, — заметил Холмс, усаживаясь за стол. — Даже если фирма избрана в качестве объекта взрыва из-за забастовки, анархист мог не иметь никакого личного отношения к «Дармо». Вот почему эту публику так трудно обнаружить. Каждый из них, очевидно, считает себя могущественным, как Господь Бог, но добивается лишь того, что делает мучеников из своих жертв. — Холмс покачал головой с не свойственным ему предчувствием поражения. — Теперь мы должны перенести внимание на то, каким образом бомба оказалась у двери зала совета.

Пико, все еще потрясенный вероятной гибелью его друга Эрнста, опустился на стул возле стола Холмса. Консьерж сообщил ночной график уборщиков и охраны:

— Они обычно покидают здание незадолго до полуночи. Ночью вход охраняет один сторож. Он дежурит у задней двери, которая запирается, как и парадная. В случае чего-нибудь подозрительного от него требуется сообщить в полицию из телефонной будки.

— Когда он уходит с дежурства? — спросил Холмс.

— В восемь утра, когда в здание прибывают служащие.

Пико рассказал, сколько людей имеют доступ в зал совета: директора, их секретари и посыльный, который приносит вещи, необходимые для собрания.

— Мсье Дазель вызвал меня незадолго до одиннадцати. Менее трех часов назад, — добавил он, взглянув на часы.

— Мсье Дазель считает, что вы задержались, — заметил Холмс.

— Я пришел, как только он меня вызвал.

— Кто передал вам вызов?

— Базиль Понтель, секретарь президента. Очевидно, ему поручил директор.

— Понтель вернулся в зал совета вместе с вами?

— Нет. Он сказал, что должен выйти по срочному поручению президента. Понтель попросил меня сопроводить его, думая, что ему может понадобиться моя помощь, и я уже собрался уходить, но тут спустился один из посыльных. Понтель засуетился и сказал, что едва не забыл передать мне сообщение директора. Он велел мне идти вместе с посыльным и сразу же выбежал. Это было не похоже на него.

— А Эрнст? — спросил Холмс.

— Эрнст вышел из гардеробной, когда я относил пакет к себе в комнату. Ему эта история не понравилась, поэтому он пошел за полицейским. Эрнст был уверен, что ничего не может произойти, пока не откроют металлический футляр, но когда полицейский отказался притрагиваться к коробке, Эрнст предложил отнести ее в участок. Я послал записку его начальнику, чтобы объяснить его отсутствие. Надеюсь, он вернется.

— А почему Эрнст решил, будто разбирается в бомбах?

— Не знаю. Но его замечания насчет чугуна показались нам разумными. — По словам Пико, Эрнсту было лет двадцать пять, и он жил с родителями в Нейи, где и появился на свет.

— Вы собираетесь опросить всех в здании, не так ли, мистер Холмс? — осведомилась мисс Тарбелл после ухода консьержа. — Кажется, начать следует с этого?

Я хорошо знал выражение, которое появлялось на лице Холмса, когда Лестрейд высказывал свое мнение, но, в отличие от лондонского сыщика, мисс Тарбелл не делала скороспелых выводов, а только предлагала план действий.

— Мадемуазель, я вынужден держать мои намерения при себе, — ответил мой друг менее враждебно, чем я ожидал.

Мисс Тарбелл вроде осознала, что Холмс собирается попросить ее удалиться. Она быстро приняла решение, не сводя с него внимательного взгляда карих глаз.

— Я знаю, что вы должны работать. Вы позволите закончить наше интервью в другое время?

Холмса порадовало ее здравомыслие.

— Конечно, мадемуазель. Можете на это рассчитывать.

Мисс Тарбелл взяла свою сумочку, пожелала нам удачного дня и вышла, аккуратно закрыв за собой дверь.

— Уотсон, — сказал Холмс, задумчиво глядя на дверь, — следуйте за ней, но постарайтесь, чтобы она вас не заметила.

Последнее замечание было несправедливым. Холмс знал, что может на меня положиться, но сейчас он был слишком напряжен.

Сторож у парадной двери сказал мне, что не видел выходящей женщины, и я решил, что мисс Тарбелл воспользовалась служебным входом. Я быстро обошел все комнаты на первом этаже и выяснил, что она говорила с одним из посыльных. Потом я снова поднялся по лестнице. На площадке меня остановил директор Жако. Он явно был раздражен. «*La femme américaine m'a parlé en français!*»¹ — была единственная его фраза, которую я понял. Мисс Тарбелл говорила с ним по-французски, так что Жако знал, что она поняла его, когда он пытался выставить ее из зала совета, но что она сказала ему совсем недавно, я не смог разобрать. Жако прекратил попытки объяснить мне это и начал спускаться по лестнице. Очевидно, мисс Тарбелл чем-то его оскорбила.

К счастью, я заметил край ее юбки между мраморными колоннами балюстрады второго этажа. Казалось, мисс Тарбелл шла по коридору в сторону комнаты директоров. Толстый ковер приглушал мои шаги, но должен признать, мне повезло, что она не обернулась. Мисс Тарбелл прошла в открытую дверь и заговорила с Базилем Понтелем, меланхолическим секретарем директора-распорядителя. Его стол

¹ Американка говорила со мной по-французски! (фр.)

помещался в большой приемной кабинета Дазелья. Женщина стояла ко мне спиной, а Понтель смотрел на нее, не замечая меня. Дневная работа была прервана, и Понтель сидел, соединив кончики пальцев, словно удерживая воздушный шар.

Отойдя на несколько футов от открытой двери, чтобы не попадаться им на глаза, я услышал, как Понтель сказал мисс Тарбелл, что они могут говорить по-английски.

— По-моему, я оставила зонт в зале совета, мистер Понтель, — обратилась к нему мисс Тарбелл, и я попытался припомнить, видел ли у нее в руке зонт.

Понтель проводил ее в зал совета — к счастью, им для этого не понадобилось идти мимо ниши, где я прятался за урной. Едва я успел подумать, удастся ли мне незаметно подобраться ближе, как они вновь появились в коридоре.

— Должно быть, я где-то в другом месте его оставила. День был такой беспокойный, — печально промолвила мисс Тарбелл. Очевидно, кровь и трупы тяжело действовали даже на бойкую и уверенную в себе журналистку — она устало опустилась на стул, разглядывая пятно крови на ноге. — Между прочим, я кое-что знаю о бомбах, мсье Понтель, — продолжала мисс Тарбелл. — Эта была начинена черным порохом.

— Сомневаюсь, мадам. Взрыв был слишком сильным.

— Но ведь ее несли по улицам, и взрыва не произошло. Поверьте, мсье, ее изготовили из угля и серы — ингредиентов черного пороха.

— Черный порох содержит еще и нитрат калия, — не без раздражения возразил Понтель.

— Вовсе нет, — настаивала она. — Угля и серы вполне достаточно. Я изучала химию в Америке.

— А я, мадемуазель, изучал ее в Сорбонне. Могу вас заверить, что нитрат калия — обязательный компонент черного пороха.

Мисс Тарбелл поднялась.

— Не верю, — заявила она, желая, чтобы последнее слово осталось за ней. Высокомерно попрощавшись, она двинулась по коридору. Сердито фыркнув, Понтель направился в свой офис.

Спускаясь по ступенькам, я слышал, как мисс Тарбелл нетерпеливо барабанит в стеклянную панель двери импровизированного кабинета Холмса. Изысканные манеры были отброшены.

Я вошел, не постучав, но они не обратили на меня внимания.

— Понтель знает, как изготавливают бомбы, мистер Холмс, — заявила мисс Тарбелл. — Я хитростью заставила его в этом признаться.

— Вы проводили расследование, мадемуазель?

— Я говорила с несколькими людьми. Никто не сообщил ничего существенного, кроме секретаря. Не сомневаюсь, что вы сами узнали бы об этом, но Понтель был со мной менее осторожен. Он решил поставить меня на место и продемонстрировал свое знание химии. Это важная новость, мистер Холмс.

— Безусловно, мисс Тарбелл. Но я не могу допрашивать Понтеля при вас. Придется мне тоже применить хитрость, чтобы заставить его разоткровенничаться, если это возможно, после того как вы вмешались и насторожили его. Думаю, он знает, что допустил оплошность.

— Я должна покинуть здание? — осведомилась журналистка, надеясь завершить интервью с Холмсом.

— Нет, — сжалился он. — Только постарайтесь, чтобы он вас не увидел.

Мисс Тарбелл сразу же скрылась в неизвестном направлении.

Явившись по вызову Холмса, Понтель выглядел спокойнее, чем Пико, хотя куда более удрученным.

— Думаю, я видел убийцу, мистер Холмс, — сказал он.

— Каким образом?

— Я пришел незадолго до восьми, чтобы приготовить все к утреннему собранию. Когда я поднимался по черной лестнице, навстречу мне спускался человек, слишком закутанный для этого времени года.

— Почему вы не спросили, кто он?

— Откровенно говоря, я решил, что у него здесь какие-то дела. Наши директора иногда нанимают людей, которые... ну, некоторые их поручения выполняют отнюдь не джентльмены. Поэтому я и не рассказал вам о незнакомце в

присутствии директоров. Так как этот тип уже уходил, я решил, что лучше не задавать вопросов.

— Что вы сделали, после того как мсье Даззель попросил вас вызвать консьержа? — спросил Холмс.

— Вас не интересует этот человек?

— А что еще вы можете о нем сообщить?

— Ничего, но думаю, его следует разыскать.

— Предоставлю это полиции. Так что вы сделали, когда мсье Даззель попросил вас привести Пико?

— Разумеется, привел его.

— Но директор и консьерж утверждают, что произошла задержка.

— Возможно, для них время тянулось медленно, потому что они беспокоились.

— Но у Пико не было причин беспокоиться. Он ничего не знал о подозрительном пакете, пока сверху не спустился посыльный и вы, наконец, не передали ему сообщение. До тех пор вы пытались выставить Пико из здания.

— Я такого не помню. Очевидно, Пико перенапрягся.

— А вы нет?

— Да, разумеется, но Пико больше контактировал с бомбой. — Понтель вздохнул. — И он видел, как бедняга Эрнст унес ее отсюда.

— Кто видел, как вы пришли сюда утром?

— Ночной сторож. Так как я пришел раньше восьми, то воспользовался черным ходом.

— Вы несли что-нибудь?

Понтель улыбнулся.

— Сегодня утром я ничего сюда не принес. Мои руки были пусты. — Он широко растопырил пальцы. — При мне не было даже портфеля.

Прибыла группа полицейских, чтобы допросить присутствующих в доме, поэтому Холмс велел Понтелю вернуться к своему столу, посоветовав следить, чтобы никто не уходил.

Полицейские сняли показания у каждого, кто находился в здании с того момента, когда открыли двери, и до того, когда унесли подозрительный пакет. К трем часам Холмс получил рапорт о том, что им удалось узнать. Ночной сторож был допрошен дома и подтвердил, что видел, как пришел Понтель. Эрнст был опознан в качестве жертвы

взрыва. Согласно показаниям двух видевших его сотрудников, утром он явился на службу в четверть девятого вместе с одним из сотрудников. Эрнст говорил о своей невесте, на которой собирался жениться к Рождеству. Служащие характеризовали его как скромного молодого человека, не имевшего политических убеждений.

— Едва ли это можно назвать описанием анархиста, — заметил Холмс, прочитав рапорт. — Эти люди слишком фанатичны, чтобы успешно притворяться.

Клерк принес чай и печенье, и мисс Тарбелл, снова соединившаяся к нам, отложила блокнот. Холмс продолжал говорить, обращаясь ко мне, но, конечно, зная, что американка находится рядом.

Расследуя дело, Холмс мог обходиться без еды и питья, но в качестве уступки мне и мисс Тарбелл он принял участие в чаепитии. Я привык есть медленно, зная, что в противном случае от пищи не будет никакой пользы, но мисс Тарбелл расправилась с чаем и печеньем в таком темпе, словно боялась, что их у нее отнимут. Когда поднос опустел, она с удивлением положила руку на живот.

Холмс возобновил пересказ полицейского рапорта.

— Понтель имеет давние связи с фирмой. Его отец, который недавно скончался, был врачом, лечившим рабочих компании на северо-востоке страны. Понтель обратился с просьбой о месте в прошлом мае и был тут же нанят. — Холмс с удовлетворенным видом отложил рапорт. — Он ничего не сказал о своих занятиях химией. Давайте-ка снова поведем этого джентльмена.

Секретарь просматривал какие-то бумаги, когда появился Холмс в сопровождении мисс Тарбелл, меня и полицейского. Холмс потребовал у него связку ключей. Понтель посмотрел на полицейского, словно призывая о помощи, и передал Холмсу связку. Ключей было пять — по словам Понтеля, они относились к входной двери его дома, его комнате и внутреннему и наружному офисам его шефа. Дойдя до пятого, самого маленького ключа, он немного помедлил:

— Это ключ от дома моих родителей. Я храню его по сентиментальным соображениям.

Холмс вызвал Пико, но тот отсутствовал, отправившись из морга домой, однако помощник консьержа заявил, что

ключ похож на те, которыми открывают комнаты посыльных. Холмс повел нас на экскурсию по этажу, пробуя открыть маленьким ключом каждую дверь. В итоге пятый ключ Понтеля подошел к кладовой. Внутри ее вместо ожидаемых принадлежностей для уборки мы обнаружили химикалии и проволоку, в которых было легко опознать компоненты для изготовления бомбы.

— Мсье Понтель, вы разоблачены! — воскликнул Холмс. — Полицейский, арестуйте этого человека.

Инстинктивное сопротивление убийцы осталось бесполезным.

Когда его уводили, он ни в чем не признался, но позднее стал более разговорчивым, и мы узнали, что Понтель затаил злобу против компании, которая дурно обошлась с его отцом и оставила его семью разоренной. Он бунтовал против общества, жестокого к своим слабейшим членам, но избрал своим орудием убийство и встретил смерть на гильотине под своим подлинным именем — Юре.

Когда Шерлок Холмс и я вернулись в Лондон, никто из нас не вспоминал об американской журналистке Иде Тарбелл, покуда в один прекрасный день ее редактор, Сэм Мак-Клур, не посетил нас на Бейкер-стрит. Мак-Клур, шумливый, как уличный мальчишка из Нерегулярной команды с Бейкер-стрит, был обуреваем идеей нового журнала с сообщениями о недавних чудесах и открытиях — рентгеновских лучах, лекарстве от дифтерии, только что обнаруженных портретах Наполеона. Конечно, Холмс уже слышал об этом. Затем Мак-Клур показал Холмсу гранки статьи мисс Тарбелл. Она благоприятно истолковала его невежливые замечания на ее счет и свела к минимуму свою роль в раскрытии дела. Не сомневаюсь, что Холмс так или иначе разоблачил бы Понтеля-Юре, но преступник был так быстро схвачен благодаря сообразительности мисс Тарбелл.

Холмс отложил статью.

— С меня хватит одного Босуэлла — Уотсона, — сказал он.

— Но мисс Тарбелл написала отличный отчет, — протестовал Мак-Клур. — Вы станете одним из самых зна-

менитых людей в Америке, даже если проведете всю жизнь в Лондоне!

— Тем не менее, — отозвался Холмс, — у Уотсона целый ящик рукописей, и только он будет продолжать описывать мои приключения. Советую вам опубликовать одну из его историй вместо статьи мисс Тарбелл. Если вы это сделаете, я уверен, что он продаст вам остальные с правом эксклюзивной публикации в Америке.

— Но что я скажу мисс Тарбелл?

— Скажите ей, что я верен своим друзьям. Она не будет на вас сердиться, если вы выплатите ей все, что должны. Не только за эту статью, но и за все остальные. Вы ведь должны ей, не так ли? — Мак-Клур смущенно заерзал в кресле. — И почему бы вам не предоставить мисс Тарбелл работу в Америке? Париж не место для одинокой женщины.

Вот таким образом мои истории, опубликованные в журнале Мак-Клура, представили Шерлока Холмса в Америке, создав ему там почти что культ. Отказ Холмса от публикации статьи Иды Тарбелл об убийце с бульваров пошел мне на пользу, сделав мою многообещающую литературную карьеру более прибыльной. Знала она об этом или нет, но Холмс компенсировал ей свой отказ, убедив Мак-Клура обеспечить ее работой в Америке. Мисс Тарбелл стала одним из самых знаменитых американских журналистов, написав увлекательную биографию Авраама Линкольна, используя интервью с теми, кто знал его в детстве и кого ей удалось отыскать. После этого она обратила свой опыт против Джона Д. Рокфеллера.

Я встретился с мисс Тарбелл много лет спустя в Нью-Йорке. Она сидела у себя в офисе, читая корректуру одной из своих статей. В волосах у нее появились седые пряди, но она была все такой же худощавой и энергичной. Мисс Тарбелл разглядывала гранки сквозь маленькие очки, прикрепленные цепочкой к блузке, и говорила помощнице, какую правку нужно внести в ее экземпляр. Хотя я прервал ее, она посмотрела на меня с дружелюбной улыбкой, потом поняла, кто я, и прищурилась.

— Доктор Уотсон, после стольких лет! — воскликнула мисс Тарбелл. — Вы ответственные за великую перемену в моей жизни. После того дня, когда я познакомилась с вами

и мистером Холмсом, я уже никогда не закрашивала черными чернилами вылинявшие швы на платье.

Теперь, когда Холмс обеспечил ее хорошей работой, ей было уже незачем носить ветхую одежду, но я счел благо-разумным об этом не упоминать.

— Знаете, доктор Уотсон, — сказала она, словно выговаривая школьнику, — Холмсу следовало позволить опубликовать мою историю.

В своих мемуарах Уотсон упоминает «трагедию Эддлтона и необычную находку в старинном кургане», которые он признает заслуживающими внимания читателей. Тем не менее он отказался от публикации этой истории в пользу «Пенсне в золотой оправе». В свете более поздних сообщений становится ясно, что Уотсон не стал ее публиковать по более веским причинам, нежели недостаток сенсационных элементов, которыми она изобилует.

Терри Мак-Гэрри

ДЕЛО СТАРИННОГО КУРГАНА

Холодная зима 1894 года на несколько дней сменилась краткой меланхоличной увертюрой к потеплению. В один из этих дней я ехал в наемной карете по Оксфорд-стрит на восток, в сторону Блумсбери. Кучеру было велено поторапливаться, и стук колес о булыжную мостовую отдавался чувствительными толчками в спину через сиденье. Я опасался, что не сохраню в целости свои зубы до прибытия к месту назначения.

— Ричард Эддлтон, — Шерлок Холмс, нахмутив брови, кивнул на спешно нацарапанную записку. Она дрожала в его руке, становясь полностью неудобочитаемой. — Мелкий служащий антропологического отдела Британского музея.

— Что ему нужно?

— Он столкнулся с серьезной проблемой и надеется, что я помогу ему решить ее, но был вынужден вызвать меня к себе, так как боится ходить по улицам. Я чувствую, Уотсон, что на нас надвигается нечто древнее и мрачное, хотя сам не знаю, почему. — И Холмс погрузился в молчание, устремив невидящий взгляд на серый пасмурный день за окном кареты.

Экипаж замедлил ход, проезжая мимо группы рабочих. Запах сырой глины исходил из ямы, которую они копали, как будто древний Лондон дышал на современный. Я чув-

ствовав, что под колесами кареты лежит вся история нашего великого города, пласты которой веками наслаивались друг на друга.

Тогда я не представлял себе, как тесно сплетутся мрачные предчувствия Холмса и мои собственные размышления. Я пишу об этом, надеясь подготовить читателя к тому, с чем нам вскоре пришлось столкнуться, хотя вопрос о том, может ли быть опубликована столь грязная история, остается открытым.

Подъехав к Эддлтон-хаусу, старому зданию среди домов с меблированными комнатами вблизи Расселл-сквер, мы увидели снаружи молодого констебля, разговаривающего с расстроенным пожилым слугой, и сержанта с дубинкой в руке.

— Убийство, сэр, — сообщил молодой констебль, когда Холмс назвал себя. — Во всяком случае, так говорит этот человек.

— Они оба мертвы! — Слуга удрученно всплеснул руками. — Я пришел, как всегда, в десять утра — я проживаю с семьей на Гудж-стрит — и застал этот ужас! А их брат уехал больше недели тому назад, не сказав ни единого слова! Что мне теперь делать? Кто будет отдавать мне распоряжения?

— Это дом мистера Ричарда Эддлтона, не так ли? — осведомился Холмс. Его успокаивающий голос всегда помогал свидетелю взять себя в руки и давать более-менее внятные показания. Слуга повернулся к нему.

— Мистера Ричарда, сэр, который работал прямо за углом, и его брата Уильяма, министерского клерка. Оба мертвы. У них была ужасная ссора. Но кто мог сделать такое?

— А третий брат, которого вы упоминали? — спросил Холмс.

Слуга выпучил глаза.

— Он тут ни при чем, сэр! Мистер Джеймс воспитывал их как собственных сыновей, так как был гораздо старше. Они всю жизнь прожили в этом доме — родители умерли, когда двое младших еще учились в школе. Мистер Джеймс уехал по каким-то делам на север — кажется, в Манчестер. Они сразу же начали ссориться. Мистер Джеймс всегда их мирил, а без него наступил форменный кошмар! Экономка

взяла отпуск, чтобы держаться отсюда подальше. А теперь это!

Холмс поблагодарил слугу, и с разрешения констебля мы последовали за сержантом вверх по каменным ступенькам. Воздух внутри был спертым, пахло плесенью, как в антикварной лавке, не столько из-за отсутствия экономки, сколько из-за обилия старинной мебели, gobеленов и множества ковров, сплошь покрывавших полы.

— Они здесь, — сказал сержант, указывая на столовую. — Я проверил наверху — больше в доме никого нет.

Тела двух темноволосых мужчин небольшого роста, скованные судорогой смерти, лежали на небольшом диване периода регентства¹. Их завтрак стоял нетронутым на столе, в центре которого находилась хрупкая хрустальная ваза. Один стул был отодвинут назад, скомкав лежащий сзади плотный африканский ковер, другой — опрокинут и лежал на спинке. На другом дорогом восточном ковре в середине комнаты расплылось темное пятно. С первого взгляда его, естественно, можно было принять за кровь, но ни на одном из трупов не было видно ран, и при ближайшем рассмотрении жидкость оказалась черным кофе, вылившимся из опрокинутого кофейника на обеденном столе. Холмс понюхал кофейник и обе пустые чашки, потом повернулся и окинул взглядом комнату.

— Что-нибудь обнаружили, мистер Холмс? — спросил сержант.

— Синильную кислоту, — ответил Холмс. Задержавшись у висевшей над камином ничем не примечательной литографии, он направился обследовать другие комнаты на этаже, бросив через плечо: — Яд был добавлен в кофе. Излюбленный метод — запах миндаля в этом напитке не вызывает подозрений.

Сержант подошел к окну и что-то крикнул констеблю. Стоя в дверях, Холмс бросил на меня взгляд, и я последовал за ним в маленький двор позади дома.

В отличие от сержанта, я не беспокоил моего друга вопросами о ходе его мыслей. Холмс с головой погрузился в загадку, возможно, еще не будучи в состоянии четко объяс-

¹ Речь идет о периоде регентства принца Уэльского, будущего короля Георга IV, при его душевнобольном отце Георге III, в 1811—1820 гг.

нить, как связываются ее отдельные элементы, и его не стоило отвлекать, покуда он не найдет то, что ищет.

С помощью маленького шомпола для чистки трубок, извлеченного из внутреннего кармана пиджака, Холмс быстро открыл дверь полуподвала.

— Берегитесь! — предупредил он меня, когда дверь распахнулась.

Возможно, Холмс подозревал, что там прячется убийца. Я весь напрягся, когда свет проник внутрь, обнаружив наше присутствие. Однако никто из нас не ожидал увидеть то, что предстало перед нами: аккуратный, отлично оборудованный частный музей.

При свете газового рожка мягко поблескивали ряды стеклянных контейнеров. Каждый из них был оформлен с профессионализмом, которого трудно ожидать от коллекционера-любителя. В ближайшем контейнере находились мятые записные книжки — их переплеты, не имеющие никаких надписей, были закрыты. В других лежали черепки, бусы и человеческие кости. Однако наиболее пугающим выглядело содержимое нескольких длинных стеклянных ящиков, герметически закупоренных — для защиты от воздуха. То, что в них находилось, выглядело тремя размазанными комьями грязи или глины, но что-то в их форме напоминало человеческие останки, несмотря на крайнюю степень разложения, которому они подверглись. Правда, вещество, из которого они состояли, больше походило на древесную кору, долго пролежавшую в грязной воде, чем на человеческую плоть, и нигде не было заметно костей или хрящей. Тем не менее я не сомневался, что эти чудовищные экспонаты некогда были человеческими телами. Я не мог определить, результатом скольких раскопок явилась эта удивительная коллекция.

— Нигде нет ни надписей, ни ярлыков, — сказал я Холмсу. — Думаете, Ричард Эддлтон украл эти предметы на работе?

Холмс рассеянно покачал головой. Он внимательно просмотрел книги на низкой полке, не обнаружил в них ничего, способного навести нас на какую-либо мысль, и начал обследовать заднюю и боковые стенки.

— Ха! — воскликнул он наконец, вытащив из-под полки скомканный лист бумаги, словно отброшенный в гневе и забытый.

— Письмо из Британского музея Ричарду Эддлтону, — сообщил он. — Оно касается какой-то недвижимости возле Трубриджа, и в нем говорится, что все фонды изъяты без объяснения причин.

Холмс разгладил бумагу, сложил ее вчетверо и спрятал во внутренний карман. Мы вернулись в настоящее из этого удивительного музея с таким чувством, будто всплыли на поверхность моря.

— Боюсь, нам пора на поезд, — сказал Холмс сержанту.

— Но я только что послал за инспектором! — воскликнул тот. — Он захочет поговорить с вами!

— Я смогу побеседовать с инспектором как только вернусь, — ответил Холмс и свистом подозвал экипаж.

Поезд, о котором упоминал Холмс, следовал в Уилтшир. Как только мы сели, оказавшись в относительном уединении, я воскликнул:

— Какое странное дело! Уверен, что вы знаете или подозреваете куда больше, чем говорите, Холмс, но не могу удержаться от вопроса. Кто убил братьев Эддлтон, и как вы рассчитываете отыскать какую-то безымянную недвижимость возле Трубриджа?

Холмс небрежно махнул рукой.

— Над камином висела карта Уилтшира, — сказал он. — То, что карта местности, едва ли могущей иметь большое значение для жителей Лондона, занимает в доме центральное место, придает ей смысл, выходящий за рамки сугубо декоративного. Письмо это подтверждает. Наша цель была отмечена на карте, хотя я имею весьма слабое представление о том, что мы можем там обнаружить.

— А само письмо? — спросил я. — Возможно, они ссорились из-за изъятия фондов для какого-то излюбленного проекта?

Холмс покачал головой.

— Судя по слою пыли, бумага провалялась под полкой несколько месяцев, а ссоры, согласно показаниям слуги, начались только после отъезда исчезнувшего брата. Тем не менее вы правы в двух отношениях: что излюбленный проект существовал, о чем свидетельствует музей в полуподвале, и что этот проект или что-то с ним связанное послужило причиной ссоры между братьями. — Холмс еле слышно вздохнул. — Жаль, что проект вызвал разногласия, побу-

дившие одного из братьев убить другого, а затем покончить с собой.

Слова Холмса привели меня в ужас.

— По-моему, — сказал я, — это дело рук старшего брата, Джеймса, что бы ни говорил слуга.

— Увы, доказательства налицо, и любой инспектор без труда их обнаружит. Экономка была в отпуске, и братьям приходилось самим себя обслуживать. Результат скверно сказался на пище: яйца вперемешку с кусочками скорлупы, обгорелые ломтики бекона, тосты, превратившиеся в уголь. Такую пищу мог приготовить нервный, испуганный человек, не привыкший трудиться на кухне, потерявший голову от страха перед тем, что он собирался сделать, и знавший, что завтрак не будет съеден. Он готовил его лишь с целью отвести подозрения и будучи куда сильнее озабоченным кофе, который отсутствие экономки позволило ему отравить.

— Он действительно потерял голову, если выпил его сам, — заметил я.

— Я уверен, что он сделал это намеренно, а после опрокинул чашки и вылил на пол остатки из кофейника, чтобы больше никто не прикоснулся к его смертоносному вареву. Следовательно, этот человек не желал зла другим — его преступление было актом глубокого отчаяния. Должно быть, над его головой нависло нечто ужасное, заставившее отравить родного брата. И дело тут не в ссорах, Уотсон. Это преступление совершено не в гневе, а в отчаянии.

— Возможно, он предназначал яд для себя и покончил с собой, поняв, что брат случайно принял его.

— Зачем тогда добавлять синильную кислоту в кофейник, а не просто в свою чашку? Нет, это не была сцена из «Гамлета». Его брат выпил первым, и когда он вскочил, опрокинув стул, наш убийца подхватил его и вместе с ним дотащился до дивана, где они умерли в объятиях друг друга.

— Тогда убийца Уильям, — медленно произнес я. — Если только Ричард не вызвал нас в надежде, что мы первыми появимся на месте преступления.

— Ричард надеялся, что мы поможем ему решить их проблему, — сказал Холмс. — Он не знал, что его брат уже принял свое, отчаянное решение.

Происшедшая трагедия и описанные Холмсом последние минуты братьев тяжелым грузом лежали у меня на сердце до самого конца нашей поездки.

Недвижимость, о которой шла речь, оказалась помещьем в нескольких милях к югу от Троубриджа, возле деревушки, где нам удалось нанять коляску и лошадь. В главные ворота нас не впустил привратник, отказавшийся назвать нам имя владельца, а когда мы объезжали усадьбу по периметру, то обнаружили, что за нами следят, и вскоре несколько сторожей велели нам убираться.

Нам ничего не оставалось, как найти жилье в городе. Я не сомневался, что Холмс не был обескуражен, и мы вскоре решили вернуться к помещью ночью. Во время объезда мы заметили нечто, казавшееся на расстоянии местом раскопок. Связь с нашей странной частной коллекцией и Британским музеем была налицо. Мы также обнаружили замаскированную лазейку в длинной изгороди неподалеку от этого места.

Остаток дня мы провели в осторожных расспросах в деревне. Я опасался, что подобная активность раскроет наши тайные планы, но жители испытывали ужас перед помещьем, и когда Холмс и я вновь встретились за легким ужином, то сообщили друг другу полученные сведения. Они состояли из легенд о таинственных призраках, появлявшихся в помещье, колдовстве и друидизме¹, демонах, высасывающих мозг из костей всякого, у кого хватит глупости подбратиться к усадьбе в темноте. Существование подобных историй вблизи от места, представлявшего археологический интерес и расположенного на участке, принадлежавшем неизвестному владельцу, доступ куда был запрещен всем, кроме нескольких неразговорчивых сторожей, не вызвало удивления. Любая подозрительная ночная деятельность могла с легкостью породить рассказы о привидениях.

Хозяин трактира, где мы сняли комнаты, сообщил нам, что охранники живут в усадьбе, но никогда не рискуют выходить после наступления темноты, что должно было облегчить нашу задачу. Больше он ничего не сказал, утверждая, что такими разговорами можно накликать беду, однако его жена позднее поведала, что в помещье находит-

¹ Друиды — жрецы древних кельтских племен.

ся какая-то древняя гробница, откуда раньше доносились ужасные крики, которые потом прекратились, и теперь там остались только призраки. Заподозрив, что мы собираемся туда вернуться, она сначала умоляла нас этого не делать, а потом предложила воспользоваться фонарем, раз уж мы не желаем отказаться от нашей безумной затеи.

Когда полностью стемнело, мы вышли, не зажигая фонаря. Когда деревня осталась позади, Холмс вытащил свой маленький карманный фонарик, чтобы, не привлекая внимания, освещать длинную извилистую дорогу, лаз в изгороди и торфяник, сквозь который нам пришлось пробираться и который, по-видимому, никогда не рубили на топливо. Очевидно, легенды о безымянном поместье стоили местным жителям многих холодных ночей.

Вход к кургану подпирали деревянные балки. Работы были прекращены несколько месяцев назад, судя по пострадавшему от погоды дереву, что соответствовало определенному Холмсом времени письма из музея. Внутри царил непроглядная тьма. Я не был склонен к страху перед воображаемыми демонами, но в моей памяти запечатлелись странные, похожие на человеческие тела предметы в стеклянных контейнерах, и я пожалел, что при мне нет моего пистолета.

Холмс зажег фонарь, и мы двинулись по длинному каменному коридору, ведущему наклонно вниз. Откуда-то из недр гробницы доносился неясный звук, похожий на топот. Внезапно Холмс остановился, но не из-за звука — он обнаружил что-то на участке каменной стены.

— Эту глыбу передвигали несколько раз, причем недавно, — заметил он, обследуя дугообразный изгиб в земляном полу. — Давайте-ка посмотрим, что находится за ней.

Благодаря незаурядной физической силе Холмса нам вдвоем удалось сдвинуть глыбу. За ней был боковой проход. Бревна, подпирающие свод коридора, были на несколько десятилетий старше балок входа — они сгнили и просели во многих местах. Я побаивался ненадежного потолка, но Холмс двинулся вперед, не думая об опасности.

Наконец мы остановились перед какой-то впадиной.

— Они пытались продолжать раскопки, — сказал Холмс. — Видите начатые и брошенные туннели? Торф

слишком мягок, чтобы оставить их открытыми, но эти люди упорствовали в своих попытках. Вот здесь — где почва обвалилась — работали совсем недавно и здесь тоже... — Он не договорил и, опустившись на колени, стал расширять небольшое углубление.

Через час из сырого торфа появилось нечто, походившее на человеческое тело. Затем второе и третье...

По размерам и формам эти находки напоминали человеческие фигуры и были похожи на те, что мы видели в музее Эддлтонов. Но сохранилось лишь то, что некогда было плотью — кости исчезли полностью.

— Не понимаю, — сказал я. — Каким образом были удалены кости?

— Это довольно простой, хотя и несколько необычный химический процесс, Уотсон, — отозвался Холмс. — Торфяная среда предохраняла трупы от окисления. Элементы плоти заменялись содержащимися в земле элементами железа и серы, покуда кости растворялись в кислой воде. Процесс, противоположный обычному процессу гниения. Я сразу заподозрил это, увидев содержимое контейнеров. Теперь, когда тела извлекли наружу, они начнут быстро разлагаться. Но какой-то химический раствор, очевидно, может задержать этот процесс, и я подозреваю, что Эддлтоны или их коллеги использовали такой раствор, чтобы сохранить виденные нами экспонаты.

— Которые извлекали отсюда, — добавил я.

— Несомненно.

— Тогда сколько времени прошло с тех пор, как тела были похоронены?

— В том-то и вопрос, Уотсон. Курган, безусловно, неолитический, но туннель выкопали где-то в прошлой четверти века. Тогда кто же эти люди?

Внезапно Холмс прищурился и извлек из торфа жестяной сундук, который я не заметил.

— Откройте сундук, Уотсон, — шепнул Холмс, — и старайтесь шуметь погромче.

Я последовал его указаниям — ржавые петли издали громкий скрежет, а Холмс растворился в темноте главного коридора.

Прежде чем я успел изучить лежащие в сундуке документы, из глубины гробницы донесся крик и топот ног. Я

спрятал бумаги в жилетный карман, схватил фонарь и ринулся в темноту.

Холмс мертвой хваткой держал седого мужчину, издававшего нечленораздельные возгласы. Наконец ему удалось произнести:

— Пожалуйста, отпустите меня. Я не могу убежать, так как ваш друг преградил мне путь.

Холмс разжал руки, и некоторое время мы молча стояли, глядя друг на друга. Тишину нарушало только наше тяжелое дыхание.

— Полагаю, вы Джеймс Эддлтон? — наконец осведомился Холмс.

Человек кивнул. Сильное сходство с двумя беднягами в Блумсбери безошибочно подтверждало предположение Холмса.

Мой друг начал задавать вопросы, но Эддлтон не отвечал, уверенный, что мы правительственные агенты, посланные с целью убить его. Только когда Холмс назвал ему наши имена и убедил его, что мы действительно те, за кого себя выдаем, он немного расслабился и промолвил:

— Мой брат Ричард питал глубокое уважение к вашей деятельности.

— Бумаги в сундуке... — снова начал Холмс, несомненно, слышавший, как я ими шуршал. — Они имеют отношение к этим раскопкам?

— Скандал! — выпалил Эддлтон. Его щека задергалась от нервного тика. — Скандал, который может потрясти самые основы государства и погубить великого человека! Мое сердце разрывается при мысли об этом!

Джеймс Эддлтон был невообразимо грязен от, очевидно, недельного пребывания под землей. Каким образом он прожил это время, я никогда не узнаю, но ему явно досталось от демонов.

— Возможно, вам лучше начать с самого начала, — предложил Холмс.

Мы сели среди разбросанных вокруг костей и артефактов и стали слушать бессвязное и ужасное повествование Джеймса Эддлтона.

— Я геолог и топограф, — заговорил он. — Наша семья отличается любовью к прошлому, заботой о сохранении фактов и подробностей исторических событий. Мой брат

Уильям всю жизнь занимался составлением каталогов политических событий — вел протоколы, собирал доклады и меморандумы. Ричард разделял его любовь к подробностям, но обратил свои таланты на научные изыскания, хотя не поднялся дальше младшего куратора — в его отделе было много интриг. Какая печальная ирония, что наши карьеры пересекались в таком ужасном месте и мы не можем договориться, как нам действовать дальше! О, если бы я знал, какая ужасная месть обрушится на мою семью!

Он с трудом взял себя в руки. Холмс и я обменялись взглядами — сейчас было не время сообщать ему новость о трагической гибели братьев.

— Понимаете, я не знал, что здесь кто-то есть. Никто не знал, кому принадлежит это место. Все, что можно было вытянуть из жителей деревни, это истории, которыми пугают детей, — по крайней мере, я так думал, прежде чем... Боже, прости меня! В тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году мне поручили вскрыть этот курган якобы для археологических раскопок. Это было правительственное задание — его не хотели поручать кому-либо из местных. Я не знал почему и не задавал вопросов, так как нуждался в работе. А потом, через месяц, меня снова вызвали и велели засыпать вход. Я не понимал, зачем это нужно, но делал то, что мне приказано. Я быстро и квалифицированно выполнил свою работу и уехал. Криков я ни разу не слышал...

— Значит, здесь остались люди? Работающих на раскопках не предупредили, чтобы они вовремя ушли отсюда?

— Да. — Старший Эддлтон печально покачал головой.

Внезапно его взгляд стал диким и он вцепился в щеку, словно пытаясь справиться со спазмом лицевых мышц. Через минуту ему удалось подавить нахлынувший на него ужас и он продолжал, жалобно глядя на Холмса:

— Это были чернокожие рабы из Африки, которых много лет держали в поместье, принадлежавшем Гладстону¹. Они работали на него, возделывали землю, может, рубили торф — не знаю. Но кто-то в правительстве пронюхал об этом и собрался разоблачить его чудовищное лицемер-

¹ Г л а д с т о н Уильям Эварт (1809—1898) — британский государственный деятель, лидер либеральной партии, четырежды занимавший пост премьер-министра.

рие. Ведь это тот самый Гладстон, который столько сделал, чтобы покончить с подобной жестокостью! Ему пришлось замечать следы... — Несчастный стал плакать и рвать на себе волосы. Холмс с трудом успокоил его и заставил продолжить рассказ.

— Я получил приказ вскрыть могилу и зарыть ее снова, с людьми внутри! Я не приводил их туда! Я ничего не знал и ничего не слышал — я только делал то, что мне говорили!

— Кто нашел эти бумаги? — спокойно спросил Холмс.

— Уильям, — ответил Эддлтон, вытирая слезы грязным рукавом. — Копаясь в старых правительственных архивах, он обнаружил эти письма. Но какой смысл сейчас дискредитировать Гладстона — почти слепого старика? Потом мы поняли, что это означает для работы Ричарда. Понимаете, я рассказал ему о кургане, и он добился выделения средств на раскопки. Для него это явилось неожиданной удачей — нескрытая древняя гробница в Уилтшире, когда археологи полагали, что они давно обнаружили все что можно. Ричард испытывал постоянную горечь из-за неудавшейся карьеры, и он позволил честолюбию одержать верх над благоразумием, солгав музею о местонахождении кургана. Он не сообщил начальству, что не установил, кому принадлежит участок, — просто приехал сюда с рабочими и начал раскопки. Ричард систематизировал и заносил в каталог все находки, но потом Гладстон, очевидно, что-то пронюхал, и музей прекратил субсидии. Ричард пришел в бешенство. Он тайком перенес находки в наш полуподвал, запер их там и сказал музейному начальству, что уничтожил их, как того от него требовали. Но Уильям не мог вынести даже мысли, что существуют доказательства, уличающие Гладстона в преступлении. Он считал его хорошим человеком, что бы тот ни сделал и ни приказал сделать, а лояльность была для него превыше всего. Уильям требовал уничтожить находки и бумаги. Это привело Ричарда в ужас. «Спрятать — да, но уничтожить — никогда! — кричал он. — Нельзя так варварски относиться к истории!» Мы никак не могли прийти к согласию, и я боялся, что Уильям сделает что-нибудь ужасное, поэтому привез документы сюда и спрятал их в могиле людей, которых они обрекли на смерть. С тех пор как Уильям нашел их и я понял, что натворил, я не могу спать — меня будят крики...

Несчастный заткнул уши, раскачиваясь взад-вперед и тихо плача.

Я был потрясен его рассказом, но Холмса, казалось, больше интересовал сам рассказчик.

— Они пытались прорыть туннель, — сказал он, — но их завалило, так как им было нечем как следует подпереть стены. Их убил обвал, а не вы, Эддлтон. Вы не знали, что эти люди находились там.

Его слова действовали гипнотически, возможно, потому что он сам был убежден в их правдивости. Эддлтон медленно поднял взгляд.

— Но разве вы не слышите крики? — спросил он. — Не видите прячущиеся тени? Погибли пятьдесят человек! Пятьдесят человек были погребены в подземной тюрьме, чтобы Гладстон мог спасти свою репутацию...

— Тогда убийца — Гладстон, — заявил Холмс. — Вы были всего лишь невольным орудием. Невольным, Эддлтон! — Он медленно поднялся и протянул руку. — Пошли. Мы отвезем вас в Лондон.

Эддлтон покорно поплелся за нами. Его возбуждение улеглось под успокаивающим влиянием Холмса. Я старался не думать, что случится с ним потом, пока мы медленно карабкались вверх по отлогому коридору и наконец снова вдохнули чистый ночной воздух. Известие о гибели братьев могло окончательно повергнуть его во мрак безумия. Но этому не суждено было произойти. Приблизившись к выходу, мы увидели снаружи огни. Значит, наш приход не остался незамеченным.

Эддлтон, уверенный, что это правительственные агенты, которых он опасался, с криком бросился назад в коридор или в боковой туннель гробницы — этого мы так и не узнали, ибо на сей раз его страхи оправдались. Люди, поджидавшие нас, не были сторожами поместья — они даже не называли себя, а молча проводили нас в деревню, не поддаваясь попыткам Холмса выудить из них информацию. Один из них поехал с нами в ночном экипаже до Троубриджа и проследил, чтобы мы сели в последний лондонский поезд. Хотя я и был переполнен впечатлениями от того, что нам удалось открыть, все же я чувствовал облегчение, что мы заплатили за комнаты вперед, поскольку больше мы уже не увидели ни трактирщика, ни его жену.

— Мы должны сразу же вернуться, — сказал я, когда поезд тронулся. Других пассажиров в это время не было. — Не можем же мы оставить Эддлтона в таком положении.

— Боюсь, что в данный момент у нас нет выбора. Поместье слишком хорошо охраняется, несмотря на истории о призраках, а пока мы не найдем того, кто нанял этих людей, мы не сможем оказать на них давление. Эддлтон надежно спрятался на много дней. Будем надеяться, что они не успели его заметить. А теперь покажите мне бумаги.

Я неохотно вынул их из жилетного кармана. Мне нелегко было представить погубленную навсегда репутацию Гладстона, но эти факты должны увидеть свет. Мы не можем утаивать подобное.

— Все здесь, — сказал я, когда мы прочитали все бумаги, — декларации судовых грузов, графики, документы на права собственности и приказы о проведении работ, подписанные Гладстоном. В тысяча восемьсот пятьдесят втором году невольничье судно, плывущее на Кубу, повернуло в Англию вместе с пятьюдесятью рабами, которые более десяти лет тайно работали в поместье Гладстона и были похоронены заживо, когда стало казаться, что секрет выйдет наружу — это означало падение Гладстона. Должен признать, что разделяю беспокойство Эддлтона при мысли о дискредитации прославленного человека на закате его карьеры.

— Гладстон сам себя дискредитировал, — ответил Холмс, все еще изучая бумаги, словно в их волокнах таились еще неизвестные нам ужасы. Потом он посмотрел на меня, и на его худом лице появилась мрачная улыбка. — Но не этим. Заявление об ухудшающемся зрении — предлог для ухода в отставку после недавнего поражения в палате лордов. От своих принципов он никогда не отступал, Уотсон. Эти документы чреватые скандалом, но куда более изощренного свойства.

— Не понимаю, о чем вы, — сказал я, чувствуя, что усталость сменяется раздражением. Я не хотел больше никаких жутких открытий этой ночью.

— Бумаги поддельные, — продолжал Шерлок Холмс. — Если не ошибаюсь, это работа Беркама Стейси с

более поздними добавлениями ныне покойных Пирса и Керкленда. Какие бы ужасы ни творились в этом поместье, Гладстон в них не участвовал. Это был гнусный план с целью дискредитации достойного человека. Подделать документы о принадлежности Гладстону невольничьего корабля было бы слишком мало — он легко мог бы это опровергнуть, и к тому же такие факты не вызвали бы особого возмущения. Всем известно, что английские корабли нанимали для перевозки рабов на Кубу, а оттуда в Вирджинию, покуда гражданская война в Соединенных Штатах не положила конец работорговле. Наша нация гордилась собой, отменив рабство в Англии и позднее в колониях, а тем временем продолжала извлекать из него прибыль.

Я начал понимать, что он имеет в виду.

— Но когда такой человек, как Гладстон, использует рабский труд в своем поместье...

— Этого общество уже не могло бы вынести. Сделав подобное обвинение реальностью, негодяи совершили куда худшие злодеяния, чем те, в которых намеревались обвинить Гладстона. Я доберусь до самого дня этой истории, Уотсон, запомните мои слова! Карьера и репутация Ричарда и Уильяма Эддлтонов были настолько запятнаны, что они пошли на трагическую гибель, лишь бы сохранить их драгоценные исторические факты и репутацию невинного премьер-министра накануне его ухода в отставку. Бедный безумный Джеймс Эддлтон стал лопатой, похоронившей пятьдесят человек, но я найду руки, орудовавшие этой лопатой, и увижу, как тюремные кандалы защелкнутся на их запястьях!

От этого заявления мне стало не по себе — чувство это лишь усилилось после нашего возвращения на Бейкер-стрит. Поддельные документы были благополучно вывезены, инспектор, занимающийся делом о смерти Ричарда и Уильяма Эддлтонов, ничего о них не узнал, и преступление было раскрыто во всех отношениях, кроме мотива, который, по мнению Холмса, находился вне сферы деятельности Скотланд-Ярда. Холмс отправился на поиски Беркама Стейси, ушедшего на покой специалиста по подделке документов, а меня послал в клуб «Диоген» для предварительных переговоров с его братом Майкрофтом, который должен был больше других знать о столь чудо-

вишнем заговоре или, по крайней мере, был в состоянии разузнать о нем.

Выслушав меня, старший Холмс покачал головой.

— Вы должны остановить Шерлока, Уотсон, — сказал он. — Вы как друг имеете на него большее влияние, чем я. Объясните ему, что это дело следует оставить похороненным, сколько бы еще трагедий оно ни могло за собой повлечь. Что сделано, то сделано. Вы должны убедить его, ибо в лучшем случае его постигнет разочарование, а о худшем я предпочитаю не думать.

Столь мрачное предупреждение из уст Майкрофта Холмса подействовало на меня. Я сразу же отправился на Бейкер-стрит, обдумывая различные способы уговорить Холмса бросить это дело, но застал его в жутком гневе, нашу квартиру в беспорядке, а миссис Хадсон в страхе и слезах.

— Они ворвались сюда, вышвырнули меня из собственного дома и перевернули все вверх дном! — причитала она. — Я еще ни разу в жизни не была так напугана!

Я посмотрел на Холмса, в бессильной ярости бродившего среди бумаг и мусора. Его аккуратные тетради для заметок, альбомы с газетными вырезками, тщательно подобранные биографии и объявления о розыске пропавших выглядели непострадавшими, но валялись на полу; страницы шевелил настоящий ветер, поднимаемый энергичными шагами Холмса.

— Поддельные документы исчезли, — сообщил он то, о чем я уже догадался. — Их забрали силой и с таким вандализмом, который можно рассматривать только как наказание. Неужели они думали, что запугают меня?

Я, как мог, успокоил миссис Хадсон и убедил ее спуститься вниз и приготовить чай, надеясь, что рутинная работа приведет ее в себя и что мне хватит времени передать предупреждение Майкрофта Холмса.

Я рассчитывал, что Холмс примет во внимание совет брата, обладавшего колоссальным опытом в подобных делах. К моей немалой досаде, единственной реакцией на предостережение стали упрямо стиснутые челюсти и решительный блеск глаз моего друга.

— Что вы узнали о Беркаме Стейси? — устало осведомился я, думая, что решимость Холмса связана с результатом сегодняшних поисков.

— Сегодня рано утром он собрал вещи и отбыл на континент, — ответил Холмс, опускаясь на колени и начиная собирать бумаги. — Если бы я начал расследование прошлой ночью, то, возможно, мне бы удалось поймать его. Но теперь это неважно. Больше я не буду столь медлительным.

— Вы говорили, что двое других участников подделки умерли, — напомнил я, снова пытаясь разубедить его.

— Один от сифилиса, другой на виселице. — Холмс пожал плечами. — Я послал нерегулярную команду наблюдать за домом Эддлтонов. Мы узнаем, кто туда приходит, проследим их и распутаем клубок связей.

— Он тянется очень высоко, Холмс, — заметил я. — Боюсь, слишком высоко для нас с вами.

Холмс не ответил. Оставив его наедине с разгромом и мыслями, я выпил чаю с миссис Хадсон, заверил ее, что ночью она может спать спокойно, и отправился в постель, надеясь, что я не обманул нашу достойную хозяйку.

Казалось, прошло всего несколько минут, когда я проснулся после ночного кошмара, обнаружив себя не похороненным под слоями торфа, а лежащим под шерстяным одеялом. Уличный мальчишка тряс меня за плечо.

— Мистер Холмс послал меня за вами, — сообщил он. — Дом Эддлтонов горит!

Дом в самом деле был объят пламенем, и полуподвал с музеем тоже. Я вылез из кэба и медленно подошел к Холмсу. Его лицо, освещенное отблесками пожара, было непроницаемо. На фоне перламутрового рассвета мелькали огненные языки и силуэты пожарных.

— Вода довершит то, что не успел уничтожить огонь, — сказал он, наконец повернувшись ко мне. — Видели утреннюю газету? Она только что вышла.

Я покачал головой, не став напоминать, что, в отличие от него, ведущего ночной образ жизни, сплю по ночам.

Он протянул мне сложенную газету и указал на статью.

Могила в Уилтшире была уничтожена. Статья упоминала только об оглушительном взрыве в безымянном поместье к югу от Тробрайда и о его предполагаемой связи с неопознанным сумасшедшим, найденным поблизости, допрошенным и порученным заботам известной лечебницы для умалишенных.

— Он проведет там остаток жизни, — промолвил Холмс.

— Возможно. — Я питал слабую надежду, что нам удастся добиться его освобождения на том основании, что он был убит горем после гибели братьев, но предпочел не произносить ободряющих слов теперь, когда нам нанесли последний удар. Как бы то ни было, у Джеймса Эддлтона больше нет дома, куда он мог бы вернуться.

— Если тела эксгумировать, они рассыплются в прах, — добавил Холмс. — *Corpus delicti*¹ теперь отсутствует. Очевидно, эту цель и преследовали. В таком случае удар нанесен мастерски. — Но в его голосе не слышалось восхищения. — Прошедшие десятилетия таят много трагедий, Уотсон, которые, возможно, когда-нибудь выйдут на свет Божий. Люди поработают друг друга до сих пор. Я эксплуатирую вас как хроникера, а вы меня как объект для ваших мемуаров. Всемогушая Великобритания поработает своих соседей и свои колонии. Даже ее собственный народ пребывает в ярме бедности, которое Гладстон всю жизнь пытался облегчить. От этой иронии судьбы меня мороз продирает по коже. — Он снова умолк, глядя на сереющие тени.

Я не думал, что после всего происшедшего что-то может меня удивить, но, как часто бывало, оказался не прав. Майкрофт Холмс, столь редко отклонявшийся от своего привычного маршрута, медленно приближался к нам, ежась при порывах ветра.

— Это не неудача, Шерлок, — сказал он, останавливаясь рядом. — То, что давно мертво и похоронено, лучше оставить в покое.

Лицо Холмса наконец утратило неподвижность.

— Лучше для кого? Для Эддлтонов? Скажи, Майкрофт, сколько раз я стоял на страже нашей государственной безопасности, сколько секретов я хранил в интересах правительства, способного на такие чудовищные деяния? Пятьдесят человек преступно превращены в рабов и живо погребены в торфе. Англия в ответе за массовое убийство!

— Ты не знаешь, кто именно в ответе.

¹ Состав преступления (*лат.*).

— Не знаю? Д...¹ умер тринадцать лет назад, его тайны похоронены вместе с ним. Но тогда он был в силе, и ему угрожал Гладстон, которого он ненавидел. Его роль в этой истории ясна, как день. Вернейший поклонник Д... также ненавидел Гладстона и ненавидит до сих пор. Они вместе осуществили это, замаскировав все так, что даже я бессилен их разоблачить.

— Не стану тебе противоречить, — мягко произнес Майкрофт. — Но стоит ли так переживать? Ты ведь знаешь, что творилось в Южной Африке, а Уотсон наверняка рассказывал тебе о том, на что он насмотрелся в Индии. Тебе известно, что из себя представляет наша империя и на что она способна. Почему же тебя беспокоит именно этот случай? Ты не так наивен, чтобы думать, будто подобное никогда не происходило раньше.

— Но не на моей территории, — проворчал Холмс. — Не в одном из моих дел!

Майкрофт улыбнулся. Несколько секунд он позволял словам брата плавать в дымном воздухе вместе с кусочками обугленного мусора.

— Убийства были совершены более тридцати лет назад, Шерлок, — сказал он наконец. — Пускай все это останется похороненным, и радуйся, что ты не похоронен вместе с ним.

— Еще как похоронено! — с горечью отозвался Холмс. — Похоронено навсегда в самом буквальном смысле вместе с бесценными историческими фактами и двумя введенными в заблуждение братьями, которым не следовало ради этого умирать. Похоронено в юридическом смысле за отсутствием доказательств. И похоронено в голове у безумца, словам которого никто не придаст значения.

— Подходящее резюме, — заметил Майкл, не предлагая утешения.

¹ Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд (1804—1881) — британский государственный деятель и писатель, лидер консервативной партии, дважды занимавший пост премьер-министра. Изображение Дизраэли коварным и преступным злодеем, а его соперника Гладстона бескорыстным защитником угнетенных, весьма далекое от действительности, объясняется достаточно просто. Автор рассказа, судя по имени и фамилии, ирландка и не может забыть, что Гладстон отстаивал самоуправление Ирландии, чему противился Дизраэли.

— Остается ответить на вопрос, почему они не воспользовались созданным ими оружием. — Холмс выжидающе посмотрел на брата.

Казалось, живой ум Майкрофта взвешивает то, что он знает и чем намерен поделиться.

— Они пришли к выводу, что оружие даст осечку, — в конце концов сказал он.

— Они сочли его слишком опасным и зарыли в землю, где оно не могло разрядиться? Позволили окутать гробницу туманом местных легенд? Но они недооценили дотошность собственной бюрократии, воспитавшей клерков вроде Уильямса Эддлтона. Оружие все-таки разрядилось. В невинных людей.

Больше ничего нельзя было ни сказать, ни сделать. Мы двинулись прочь от тлеющих развалин дома Эддлтонов. Вода, уничтожив пламя, с бульканьем стекала в сточные трубы. С рассветом усиливался зимний ветер.

Боюсь, что я, подобно человеку в подземном туннеле, обречен рассказывать о мрачных событиях прошлого только самому себе. Думаю, мне не удастся опубликовать эту историю при нынешнем правительстве. Отсутствие доказательств способно бросить тень на другие хроники, побудив читателей воспринимать их как вымыслы, не имеющие реальной основы. Я не могу так повредить заслуженной репутации моего друга.

В конце концов я, очевидно, запру куда-нибудь это повествование, как дневник, спрятанный под матрасом. Возможно, мои наследники обнаружат его, когда его содержание уже не сможет никому причинить вред. Теперь же оно лишь облегчает лежащее на мне бремя, так как я не мог не доверить его хотя бы бумаге. Оно позорит и меня и Холмса как англичан и должно устыдить всю Англию. Надеюсь, что изложив события на этих страницах, я смогу похоронить их в потаенном уголке моего ума и больше никогда о них не вспоминать.

Когда «Титаник» затонул во время своего первого же плавания, одной из жертв был Жак Фютрель (1875—1912), автор классического детективного рассказа «Проблема камеры 13» и многих других увлекательных произведений с участием профессора Огастеса С. Ф. Кс. ван Дьюзена, доктора философии, права, медицины и т.д., более известного как «Думающая машина». Фютрель играет важную роль в «Приключении на тонущем корабле».

Эдуард Д. Хоч

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ТОНУЩЕМ КОРАБЛЕ

Я пишу это уже на исходе дней, так как чувствую, что должно остаться какое-то письменное свидетельство поразительных событий апреля 1912 года. Мне прекрасно известно, что мои прежние попытки лично описать собственные приключения выглядят жалко в сравнении с мемуарами моего старого и дорогого друга Уотсона, но после отхода от активной деятельности сыщика-консультанта в 1904 году я виделся с ним очень редко. Иногда он приезжал ко мне на уик-энд, будучи неподалеку от моего маленького домика в Сассексе на берегу Ла-Манша, но большей частью наши жизни шли порознь. Только в 1914 году, перед началом Великой войны, мы снова встретились для нашего последнего приключения.

Но более чем за два года до этого я принял весьма неразумное решение согласиться на приглашение президента компании «Уайт Стар Лайн» участвовать в качестве гостя в первом плавании корабля «Титаник» через Атлантику в Нью-Йорк. Несколькими годами ранее я оказал этому человеку небольшую услугу, даже не удостоившуюся упоминания в записках Уотсона, так что едва ли заслужил столь щедрую компенсацию. Я дал согласие по нескольким причинам, но основная из них, вероятно, заключалась в том, что я просто стал скучать, уйдя на покой. Все еще наслаждаясь отличным здоровьем на шестом десятке, я вскоре по-

нял, что для разведения пчел даже в разгар сезона требуется минимум физических усилий. Зимние месяцы я проводил, переписываясь с пчеловодами-энтузиастами, а также просматривая и систематизируя мои старые дела. Тем немногим, что мне требовалось, меня обеспечивала пожилая экономка.

Первой моей реакцией было проигнорировать приглашение. Я редко путешествовал, не считая лет, проведенных в Тибете и на Ближнем Востоке, однако предложение снова посетить Америку заинтересовало меня по двум причинам. Это давало мне возможность посетить такие места, как великая равнина Алкали в штате Юта или район угольных шахт в Пенсильвании, фигурировавший в одном из моих расследований, а также встретиться с двумя американскими пчеловодами, с которыми у меня завязалась переписка. Я принял приглашение с одним условием — что буду путешествовать под вымышленным именем. На время плавания я стану просто мистером Смитом — эту фамилию я делил с пятью другими пассажирами и капитаном корабля.

Начало апреля отличалось низкой температурой и сильными ветрами. Меня терзали дурные предчувствия, когда я садился в вагон первого класса поезда Лондон — Саутгемптон, прибывающего к месту назначения в среду 10 апреля в 11.30 утра. К счастью, моим соседом оказался американский писатель и журналист по имени Жак Фютрель — коренастый молодой человек с круглым мальчишеским лицом и темными волосами, свисающими со лба на правую щеку. Он был в пенсне, галстук-бабочке и белых перчатках, выглядевших чересчур официально для поезда. Благодаря имени, я сначала принял его за француза, но он быстро исправил мою ошибку.

— Я родом из штата Джорджия, сэр, а прибыл из Бостона. Это объясняет мой иностранный акцент.

— Но ваше имя...

— Мои предки — французские гугеноты. А вы?

— Смит, — представился я.

Фютрель указал на женщину, сидящую по другую сторону прохода.

— Моя жена Мей. Она тоже литератор.

— Вы журналистка, как ваш муж? — спросил я.

Мей Фютрель обаятельно улыбнулась.

— Мы оба беллетристы. Мой первый рассказ появился в «Сэтерди Ивнинг Пост» несколько лет назад. — Посмотрев на мужа, она добавила: — Из первого плавания «Титаника» можно сделать недурную статью для твоего прежнего босса, Жак.

Он рассмеялся.

— Я уверен, что «Бостон Эмерикен» получит сколько угодно описаний путешествия от журналистов, работающих на Херста. Во мне они едва ли нуждаются, хотя я признателен им за публикацию моих ранних рассказов.

— Возможно, я знаком с вашими книгами? — осведомился я. Жизнь на покое в Сассексе даровала мне сомнительное благо — время для чтения популярной литературы, которую до тех пор я всегда игнорировал.

— Роман Жака «Знаток алмазов» был опубликован три года назад, — ответила за мужа Мей Фютрель. — Думаю, это лучший из его романов, хотя многие отдают предпочтение его детективным рассказам.

Эти слова оживили мою память.

— Ну конечно! Фютрель! Вы автор «Проблемы камеры 13». Я неоднократно читал этот маленький шедевр.

— Благодарю вас, — улыбнулся Фютрель. — Рассказ оказался популярным. Моя газета печатала его в течение шести дней и предлагала призы за правильное решение.

— Ваш герой известен как «Думающая машина».

Улыбка стала шире.

— Профессор Огастес С. Ф. Кс. ван Дьюзен. За последние семь лет я опубликовал почти пятьдесят рассказов с его участием и имею при себе материалы еще семи, которые написал во время путешествия. Но ни один из них не сравнится по популярности с первым.

Пятьдесят рассказов! Больше, чем Уотсон опубликовал к этому времени о наших подвигах, но Фютрель был прав, говоря, что первый из них остался самым популярным.

— Вы когда-нибудь сотрудничали друг с другом? — спросил я.

Мей Фютрель рассмеялась.

— Мы поклялись, что никогда не будем этого делать, но один раз все-таки попробовали. Я написала историю, вы-

глядевшую фантастической, а Жак написал свою, где «Думающая машина» находит решение проблемы в моем рассказе.

С литературной деятельности разговор перешел на путешествие, и я обнаружил в Фютреле приятного собеседника. Время в поезде пробежало быстро, и уже вскоре мы прибыли в порт Саутгемптона. Там мы расстались, договорившись о встрече на корабле.

Некоторое время я стоял на причале, глядя на огромное судно. Потом я поднялся на борт «Титаника», где меня проводили в мою каюту. В-57 по правому борту палубы «В», куда можно было добраться по парадной лестнице или в маленьком лифте. Рядом с кроватью находилась гардеробная, а напротив — большой диван. В случае необходимости можно было использовать электрический обогреватель. Два окна сверкали медными рамами. Раковины в ванной и туалете были из мрамора. На момент я ощутил горячее желание, чтобы мой друг Уотсон мог видеть это великолепие.

Менее чем через полчаса был дан сигнал к отплытию, ровно в полдень. Когда буксиры с помощью сложных маневров вывели его из портового бассейна в реку, я вышел из каюты, подошел к перилам, закурил сигарету и стал наблюдать за берегами, усеянными людьми. На какое-то время мы остановились, едва избежав столкновения с другим судном. Прошел почти час, прежде чем мы поплыли снова. Первые сутки оказались довольно скучными. Мы пересекли Ла-Манш и подошли к Шербуру, где взяли на борт еще двести семьдесят четыре пассажира. За ночь мы добрались до Ирландии и стали на якорь милях в двух от Куинстауна, откуда катер доставил очередную группу пассажиров.

Когда наконец якорь подняли в последний раз, капитан Смит объявил, что на борту две тысячи двести двадцать семь пассажиров и экипаж — это составляет около двух третей максимального количества (три тысячи триста шестьдесят пассажиров плюс экипаж).

Наблюдая за отплытием в четверг 11 апреля в час тридцать дня, я внезапно увидел рядом с собой на палубе привлекательную рыжеволосую молодую женщину.

— Это ваше первое плавание? — спросила она.

— Через Атлантику — да, — ответил я, стараясь не поощрять дальнейшее обсуждение моего прошлого.

— Мое тоже. Меня зовут Марго Коллиер.

Меня редко привлекали женщины, но бывали исключения. Глядя в глубокие смышленные глаза Марго Коллиер, я понимал, что она могла бы стать одной из них, если бы я не годился ей в отцы.

— Счастлив познакомиться, — ответил я. — Моя фамилия Смит.

Мисс Коллиер быстро моргнула, словно подмигивая.

— Несомненно, мистер Джон Смит. Вы в первом классе?

— Да. А вы, судя по акценту, американка?

— Я думала, вы определите это по моим рыжим волосам.

Я улыбнулся.

— Разве у всех американок рыжие волосы?

— Во всяком случае, у тех, которые попадают в неприятное положение. Иногда мне кажется, что именно рыжие волосы вовлекают меня в неприятности.

— Какие же неприятности могут быть в столь юном возрасте?

Выражение ее лица стало серьезным.

— На борту человек, который преследует меня, мистер Холмс.

Я вздрогнул, услышав собственное имя.

— Вы знаете меня, мисс Коллиер?

— Вас показал мне один из корабельных офицеров. Он рассказывал мне о знаменитых людях на борту — Джоне Джейкобе Асторе, Бенджамине Гуггенхайме, Шерлоке Холмсе и многих других.

Я рассмеялся.

— Моя деятельность едва ли сравнима с их. Но расскажите о человеке, который вас преследует. В конце концов мы на корабле. Возможно, он просто ходит вместе с вами по палубе.

Она покачала головой.

— Он следовал за мной еще до того, как я поднялась на борт в Шербуре.

Я задумался над услышанным.

— Вы уверены? Человек не может просто так попасть на борт «Титаника», отправляющегося в первое плавание,

только потому, что он следует за женщиной, которая это сделать смогла. Если то, что вы говорите, правда, он должен был заранее знать о ваших планах.

Женщина внезапно занервничала.

— Сейчас я больше не могу ничего сказать. Может, мы встретимся в салоне первого класса на палубе «А»? Я постараюсь быть в библиотеке завтра в одиннадцать утра.

Я поклонился.

— Тогда до встречи, мисс Коллиер.

В пятницу утром было холодно, хотя море спокойно и прозрачно. Капитан Смит сообщил, что «Титаник» покрыл триста восемьдесят шесть миль, с тех пор как покинул гавань Куинстауна. Я позавтракал в столовой первого класса и после прогулки по палубе провел некоторое время в корабельном спортзале на шлюпочной палубе. Идея воспользоваться гребной машиной на борту огромного океанского лайнера показалась мне привлекательной, хотя я уверен, что Уотсон стал бы ворчать и напоминать мне о моем возрасте. Наконец незадолго до одиннадцати я спустился в библиотеку.

Марго Коллиер сидела в одиночестве за одним из столиков, потягивая чай. Читальный зал и библиотека примыкали к салону первого класса. Помещение было просторным, и столы находились на солидном расстоянии друг от друга. Я улыбнулся, сядя напротив молодой женщины.

— Доброе утро, мисс Коллиер. Надеюсь, вы хорошо спали?

— Лучше, чем можно было ожидать, — еле слышно пробормотала она. — Человек, который преследует меня, сейчас в салоне — стоит у большого окна.

Небрежно повернувшись, я увидел Жака Фютреля, сидящего за столиком вместе с женой и пожилым мужчиной в черном костюме. Я использовал наше знакомство как предлог для того, чтобы выйти в салон и получше рассмотреть человека, на которого указала мисс Коллиер. Остановившись возле столика Фютрелей и поздоровавшись, я заметил, что сидящий с ними мужчина внимательно изучает чайные листья в одной из чашек.

— Мистер Смит! — воскликнула Мей Фютрель. — Вы должны познакомиться с Фрэнклином Бейнсом, британским спиритуалистом.

Мужчина поднялся и с торжественным видом пожал мне руку.

— Смит? Чем вы занимаетесь?

— Занимался исследовательской работой, но сейчас удалился от дел и путешествую для удовольствия. Однако, сэр, я вижу, что вы и здесь заняты своей профессией, пытаюсь увидеть будущее в чайной чашке.

— Фютрели попросили меня о демонстрации.

— Тогда не буду вам мешать. — Я направился в обшитый деревянными панелями салон. Человек, о котором говорила Марго Коллиер, стоял в нескольких шагах от окна. Он был почти лысым, с седеющей порослью на подбородке; его левая рука сжимала рукоятку тяжелой трости. Когда я приблизился, он устремил на меня взгляд сверкающих глаз.

— Она прислала вас помешать мне, сэр?

— Мисс Коллиер утверждает, что вы преследуете ее, начиная с Шербура. Вы до смерти пугаете бедную женщину. Может, сообразовалите назвать себя?

Лысый мужчина выпрямился, оказавшись почти одного роста со мной.

— Меня зовут Пьер Гласе, и я живу в Шербуре. Я вроде вас.

— Почему вы преследуете мисс Коллиер? — настаивал я, не вполне поняв последнюю фразу.

— Потому что она сбежала от меня. Марго Коллиер моя жена.

Не стану притворяться, будто новость не удивила меня. Я заметил небольшую вмятину на безымянном пальце левой руки Марго Коллиер, но принял это за след расторгнутой помолвки, тем более что ее поведение выглядело абсолютно искренним.

— Мне трудно в это поверить, — сказал я Гласе.

— Спросите у нее! Мы женаты более года, хотя сейчас живем порознь.

— Почему?

— Это личное дело, сэр.

— Как вы смогли в последнюю минуту приобрести билет на корабль, чтобы последовать сюда за ней?

— На корабле остались свободные места. Неудивительно — при таких ценах.

— Простите, сэр, если я был к вам несправедлив. — Я вернулся в библиотеку, где меня поджидала Марго Коллиер.

— Вы говорили с ним, мистер Холмс? — сразу же спросила она.

— Да. Этот человек утверждает, что он ваш законный муж. Это правда?

— Мы разошлись. Он не имеет на меня никаких прав!

— Простите, миссис Гласе, но я сыщик-консультант, вернее, был таковым, и никогда не являлся адвокатом по семейным делам.

— Мистер Холмс...

— Прошу извинить, мадам, но я больше ничем не могу вам помочь. — Я повернулся и вышел.

Остаток дня и весь следующий день мне удалось избежать встреч с Марго Коллиер и Пьером Гласе. На второй день «Титаник» покрыл пятьсот девятнадцать миль, хотя с других кораблей поступали предупреждения о крупных айсбергах. Однако капитан Смит заверил нас, что подобные предупреждения нередки во время апрельских плаваний.

В субботу вечером я обедал с Фютрелями и спиритуалистом Фрэнклином Бейнсом в столовой первого класса. Бейнс был интересным человеком, отлично подкованным в области оккультизма. Фютрель казался очарованным им, и я решил, что он подыскивает подходящую идею для очередной детективной истории. Как выяснилось, спиритуалист направлялся в Америку для серии лекций и демонстраций.

— Значит, вы в какой-то степени фокусник? — осведомился я, специально, чтобы его поддеть.

— Нет-нет! — запротестовал он. — Спиритуализм такая же наука, как радиология мадам Кюри¹.

— Мистер Бейнс приглашает нас после обеда в свою каюту для демонстрации некоторых приспособлений, —

¹ Кюри Мария (урожденная Склодовская) (1867—1934) — французский химик.

сказала Мей Фютрель. — Возможно, мистер Смит мог бы к нам присоединиться?

— Ну разумеется! — воскликнул Бейнс.

Я неохотно согласился, и после десерта лифт поднял нас на три яруса к каюте Бейнса на прогулочной палубе. Она была еще больше моей, и меня заинтересовало, не является ли это, как и в моем случае, наградой от президента «Уайт Стар». Спиритуалист направился к сундуку, открыл его и извлек хрустальный шар около шести дюймов в диаметре на деревянной подставке с прикрепленным к ней электрическим проводом. Быстро выдернув из розетки штепсель обогревателя, он включил вместо него свой прибор. Шар начал ярко светиться.

— Вглядитесь в него, мистер Смит, но не слишком долго, иначе вы можете ослепнуть.

— И что я должен увидеть? — осведомился я.

— Возможно, тех, кто уже ушел в мир иной.

Несколько секунд я смотрел на раскаленный волосок внутри шара, потом отвел взгляд, запечатлев его образ на сетчатке.

— Я не видел ничего из прошлого, — сказал я спиритуалисту, — хотя не исключено, что в этом светильнике может таиться нечто из будущего.

Фрэнклин Бейнс отключил шар и извлек большую колоду карт. Я начал подозревать, что в нем и в самом деле больше от фокусника, чем от спиритуалиста.

— Вы не верите в потусторонний мир, мистер Смит, где наши предки ожидают нас, где царит вечная весна и феи с эльфами порхают над лугами?

Я улыбнулся.

— У меня свое представление о потустороннем мире, мистер Бейнс. Не такое, как у вас.

Мей Фютрель, кажется, поняла, что визит в его каюту был ошибкой.

— Нам нужно идти, Жак, — сказала она мужу.

Спиритуалист пожал им руки.

— Обед прошел чудесно, благодарю за компанию. И вам спасибо, мистер Смит. Надеюсь, мы сможем обсудить различия в наших взглядах, прежде чем корабль прибудет в Нью-Йорк.

— Возможно, — согласился я.

Выйдя из каюты, я направился к лифту вместе с Фютрелями.

— В этом человеке явно есть нечто от шарлатана, — сказала Мей, — но Жак думает, что сможет извлечь из этого идею очередного сюжета.

— Это не исключено, — кивнул я.

Подошла кабина лифта, и я открыл складные двери.

— Не считите меня нескромным, мистер Смит, — спросил Фютрель, — но вы детектив?

— Почему вы спрашиваете?

— Наш стюард сказал нам, что вы знаменитый мистер Шерлок Холмс.

Я рассмеялся, входя вместе с ними в лифт и закрывая дверь.

— Кажется, мой секрет перестал быть таковым. Вы уже второй человек, заявляющий, что ему известно мое подлинное имя.

— Мы никому не расскажем, — пообещала Мей, — хотя мистер Бейнс тоже это слышал. Для нас большая честь с вами познакомиться. Жак начал писать детективные истории, прочитав отчеты доктора Уотсона о ваших делах.

— Боюсь, Уотсон меня романтизировал.

— Как он поживает? — спросил Фютрель.

— Превосходно. Иногда он навещает меня, хотя мы не виделись уже давно. — Я спустился на один пролет к своей каюте. — Увидимся завтра.

Фютрель усмехнулся:

— Доброй ночи, мистер Смит.

Воскресенье 14 апреля — самый длинный день в моей жизни — началось с великолепного обслуживания в столовой первого класса. Я проспал и, спустившись в столовую в половине одиннадцатого, застал завтрак уже в разгаре. Марго Коллиер, стоящая у задней стены, сразу же заметила меня и, пробравшись через стайку опоздавших, подошла ко мне.

— Здравствуйте, мистер Холмс.

— Доброе утро, миссис Гласе.

— Пожалуйста, не называйте меня так. Если вы дадите мне время, я все вам объясню.

Отчаяние в ее голосе заставило меня пожалеть о моей резкости.

— Хорошо, — сказал я. — Встретимся вечером за обедом. Я буду в восемь в холе перед столовой на салонной палубе.

— Я приду, — пообещала она, сразу повеселев.

В течение дня я неоднократно слышал сообщения об айсбергах, которые видели другие пассажиры. За двадцать четыре часа после субботнего полудня мы покрыли еще пятьсот сорок шесть миль и, судя по карте, приближались к мелям Ньюфаундленда. Во второй половине дня температура некоторое время превышала сорок градусов, но после половины шестого, с наступлением темноты, быстро опустилась до тридцати трех. Капитан Смит слегка изменил курс корабля к юго-западу, очевидно, стремясь избежать айсбергов. Дозорные на мачтах собирались дежурить всю ночь. Глядя на них с верхней палубы, я подумал, что это, очевидно, самая одинокая из всех судовых работ, даже когда дежурят по двое.

Ровно в восемь вечера Марго Коллиер встретила со мной в холле на салонной палубе.

— Моя каюта во втором классе, — призналась она. — Я боялась, что ко мне подсадят другую женщину, чтобы занять второе место, но, к счастью, я осталась одна.

— Вам повезло, — согласился я, когда нас провожали к столику.

— Вы знали, что слуги пассажиров питаются в отдельной столовой на крытой палубе «С»? Я увидела это вчера, когда бродила по кораблю. У них там длинные общие столы.

— На этом корабле меня уже ничто не удивит, — сказал я. — Должно быть, это самое грандиозное изделие из всех, что когда-либо плавали по морям.

В дальнем конце обеденного зала заиграл оркестр. Меню было роскошным, как, впрочем, и в предыдущие вечера. Марго Коллиер заказала жареного утенка под яблочным соусом. Я выбрал филе-миньон с морковью и помидорами, которым предшествовали ячменный суп и устрицы.

— Перейдем к делу, — обратился я к молодой женщине. — Расскажите о вашем браке с Пьером Гласе.

— Как вы сами видите, — вздохнув, начала она, — между нами большая разница в возрасте. Я познакомилась с ним в прошлом году в Шербуре, где проводила уик-энд, и он убедил меня работать на него.

— Работать? О какой работе шла речь?

— Пьер — сыщик-консультант, как и вы, мистер Холмс.

Наконец-то я понял смысл его слов: «Я вроде вас». Пьер Гласе тоже знал, кто я такой, как, очевидно, большинство пассажиров.

— Но работать не означает выйти замуж, не так ли? — заметил я.

— Пьер специализировался на семейных делах. Часто его расследования включали наблюдение за постояльцами в отелях. Он нуждался во мне — в отелях я представлялась его женой, и будучи высокоморальным человеком, считал, что мы должны пожениться по-настоящему, если собираемся делить гостиничные номера.

— И вы на это согласились? — удивленно спросил я.

— Не сразу. Идея выйти замуж за человека более чем вдвое старше меня, с седеющей бородой и расхаживающего с тростью, не казалась мне привлекательной. Я согласилась, когда Пьер заверил меня, что брак будет чисто формальным, исключительно с деловыми целями. Он предложил мне хорошую плату, и я дала согласие работать на таких условиях в течение года.

— Что случилось потом?

— Мы заключили гражданский брак, который, как уверял Пьер, легко аннулировать. Но я быстро поняла, мистер Холмс, что совершила ужасную ошибку. Когда мы впервые провели ночь в гостиничном номере, выслеживая кого-то в отеле, Пьер вел себя безупречно и спал на диване, так как я заняла единственную кровать. Но после этого ситуация начала меняться. Сначала он пожаловался на боль в ноге из-за неудобного гостиничного дивана. Я позволила ему разделить со мной кровать, но ничего более. Постепенно Пьер стал позволять себе вольности, а в ответ на мои протесты заявил, что мы муж и жена перед законом. Через несколько месяцев я покинула его.

— И он с тех пор следует за вами?

— Нет. Хотя я провела зиму в Шербуре, Пьер не пытался мне досаждать. Только когда я решила отправиться в Америку и купила билет на «Титаник», я увидела его снова. Он хотел, чтобы я осталась в Шербуре.

За пудингом, поданным на десерт, я попытался разузнать побольше о делах французского детектива.

— Он занимался только разводами?

— Нет-нет. Некоторые дела касались мошенников, обманывающих богатых вдов. Помню двух таких — Коузела и Снейба, — действовавших заодно. Как-то мы последовали за ними в Париж, и я продержала мистера Коузела в кафе, куда Пьер обыскивал его комнату. — Она улыбнулась при этом воспоминании. — У нас бывали веселые времена.

— Тогда почему вы ищите защиты у меня?

— Пьер хотел большего, чем я была готова дать, — со вздохом промолвила она. — Когда я увидела его на корабле, то испугалась, что в конце концов мне придется от него отбиваться.

— Я поговорю с ним снова перед прибытием в Нью-Йорк, — пообещал я. — Возможно, мне удастся убедить его оставить вас в покое.

Мы расстались около одиннадцати, когда оркестр заиграл «Сказки Гофмана», и я решил прогуляться по шлюпочной палубе. Температура опустилась ниже нуля, а туман резко уменьшил видимость. Я почувствовал жалость к беднякам-матросам на мачтах. Потом я направился в курительную первого класса на палубе «А». Оркестр все еще играл. Мей уже ушла в каюту, но Фютрель еще сидел, наслаждаясь последним бокалом. Я присоединился к нему и сделал заказ. Мы оживленно беседовали о детективной литературе, когда раздался слабый скрежет.

— Айсберг! — крикнул кто-то. Выбежав наружу, мы успели увидеть огромную глыбу высотой почти с «Титаник», исчезающую в тумане за кормой.

— Прошли совсем рядом, — сказал Фютрель. — Думаю, он успел нас царапнуть!

Мы вернулись допивать наши напитки. Минут через десять я заметил, что уровень жидкости в моем бокале начал крениться к носу корабля. Прежде чем я успел осознать значение этого факта, вбежала Марго Коллиер.

— В чем дело? — спросил я при виде ее смертельно бледного лица.

— Я всюду искала вас, мистер Холмс. Мой муж свалился в шахту лифта! Он мертв!

Это оказалось правдой. Один из стюардов первого класса обратил внимание на открытые двери лифта. Заглянув вниз, он разглядел тело на крыше кабины четверья этажами ниже. Фютрель и я добрались к месту трагедии, когда изувеченное тело Пьера Гласе убрали с крыши.

— Пропустите меня, пожалуйста, — попросил я, бросив взгляд на труп, лежащий в коридоре.

Но офицер преградил мне путь.

— Простите, сэр, но вы подошли слишком близко к шахте.

— Я хочу обследовать ее.

— Там не на что смотреть, кроме кабелей, сэр.

Он был прав. На крыше лифта ничего не оказалось.

— Вы можете поднять кабину, чтобы я сумел осмотреть дно шахты? — спросил я.

— Ищете оружие убийства, мистер Холмс? — улыбнулся Фютрель.

Я не ответил, уставившись в шахту. Как я и подозревал, она была пуста. Некоторые пассажиры первого класса подошли, чтобы воспользоваться лифтом, но офицер попросил их пройти к парадной лестнице или кормовому лифту.

— Почему корабль накренился? — спросил какой-то джентльмен.

— Мы как раз это выясняем, — ответил офицер. Впервые заметив, что судно накренилось вперед, я вспомнил о жидкости в моем бокале. Издалека внезапно донеслись звуки быстрого рэгтайма, исполняемого оркестром.

Фрэнклин Бейнс, спиритуалист, спустился со шлюпочной палубы.

— Что происходит? — осведомился он. — Команда снимает чехлы со спасательных шлюпок.

Появившийся на лестнице капитан Смит услышал вопрос.

— Всего лишь мера предосторожности, — объяснил он. — Корабль дал течь.

— Из-за того айсберга? — спросил Фютрель.

— Да. Пожалуйста, соберите ваши семьи и следуйте к шлюпкам, которые приписаны к вашим каютам.

Марго Коллиер выглядела ошеломленной.

— Этот корабль непотопляем! Помещения водонепроницаемы! Я прочитала всю литературу...

— Пожалуйста, выполняйте указания, — более резким тоном потребовал капитан. — Тело пусть остается здесь.

— Я должен идти к Мей, — сказал Фютрель.

Я поспешил за ним, отложив расследование на потом.

Через несколько минут мы уже были на палубе вместе с Мей. Она цеплялась за руку мужа, спрашивая:

— Разве спасательных шлюпок не хватит на всех?

Ответ, увы, был абсолютно ясен. «Титаник» тонул, и места в шлюпках хватало только на половину пассажиров. В двадцать пять минут первого женщинам и детям было приказано покинуть корабль.

— Жак! — вскрикнула Мей Фютрель, но он быстро толкнул ее в ближайшую шлюпку.

— А что теперь? — спросил Фютрель, когда наполовину заполненную шлюпку спустили на темную пенившуюся воду. — Вернемся за нашим убийцей?

— Значит, вы тоже это заметили? — спросил я, двинувшись назад.

— Исчезнувшую трость? Да. Я видел Гласе всего один раз, но помню, он ходил, опираясь на толстую палку.

— Совершенно верно, — согласился я. — И мне говорили, что он пользовался ею постоянно. Ее не было на крыше лифта, и она не соскользнула на дно шахты. Это означает, что Гласе не сам свалился в шахту. Ему помогли. — Подойдя к парадной лестнице, я увидел нашу добычу. — Не так ли, мистер Бейнс?

Услышав свое имя, спиритуалист обернулся и извлек из-под пиджака револьвер.

— Черт вас побери, Холмс! Вы пойдете ко дну вместе с кораблем!

— Мы все окажемся там, Бейнс. Женщины и дети покидают судно, а всем прочим придется остаться. Гласе узнал в вас мошенника, которого некогда преследовал: человека по имени Снейб — простая анаграмма фамилии Бейнс. Каким-то образом вы заманили его к себе в каюту поглядеть в

ваш электрический хрустальный шар. Когда яркий свет временно ослепил беднягу, вы помогли ему добраться до лифта, а потом отправили кабину вниз и столкнули его в шахту следом за ней. Только вы позабыли о его трости, а когда вспомнили, она, очевидно, свалилась за борт.

Внезапно огромный корабль резко накренился, отбросив нас к перилам лестницы.

— Я покидаю вас, Холмс! В женской одежде мне удастся найти место в шлюпке! — Бейнс поднял револьвер и выстрелил.

Прежде чем я смог шевельнуться, Фютрель прыгнул между нами. Предназначенная мне пуля досталась ему, но он успел схватить Бейнса и рухнул вместе с ним вниз через перила парадной лестницы.

Каким-то образом мне удалось выбраться на воздух. Было начало второго, и оркестр направлялся к шлюпочной палубе, продолжая играть. Оставшиеся пассажиры начали паниковать. Внезапно кто-то схватил меня и подтолкнул к шлюпке.

— В первой шлюпке правого борта всего двенадцать человек, сэр. Для вас там достаточно места.

— Я остаюсь! — возразил я, но мне не суждено было разделить участь «Титаника». Меня силой столкнули в шлюпку, уже спускаемую на воду.

Часом позже я увидел, как «Титаник» погрузился в пучину, унося с собой жертву, убийцу и автора детективов. Через два часа корабль «Карпатия» подобрал нас среди плавающих осколков льда и мусора. Марго Коллиер оказалась в числе спасенных, но я больше никогда ее не видел.

Примечание доктора Уотсона. Только в 1918 году, незадолго до окончания Великой войны, мой старый друг Холмс поведал мне об этих событиях. К тому времени мой литературный агент Артур Конан Дойл увлекся спиритуализмом и отказался иметь дело с историей, в которой спиритуалист выступает в роли мошенника и убийцы. Таким образом, самое романтическое из приключений Шерлока Холмса осталось неопубликованным.

Вообразите Холмса, консультирующего настолько жуткого клиента, что впоследствии великий сыщик не желал даже вспоминать о помощи, оказанной им этому человеку. Теперь подумайте, кем мог быть упомянутый клиент. Если ответ сразу не придет вам на ум, прочтите «Месть братьев-фениев» — захватывающее приключение, происшедшее приблизительно за восемнадцать месяцев до ужасных событий, описанных Уотсоном в его знаменитой истории «Последнее дело Холмса».

Кэрл Багги

МЕСТЬ БРАТЬЕВ-ФЕНИЕВ

Мы принимали немало необычных посетителей в нашей квартире в доме № 221-б на Бейкер-стрит, но я не припоминаю ничего более неожиданного, чем появление у нашей двери визитера сырой и холодной ноябрьской ночью 1889 года. Некоторое время я не мог вымолвить ни слова, но Холмс с присущим ему sang-froid¹ спокойно указал нашему гостю на диван.

— Надеюсь, вы понимаете, как мне не хотелось обращаться к вам за помощью в этом деле, — сказал посетитель, погружая в диванные подушки свою тощую костлявую фигуру.

— Разумеется, — отозвался Холмс, запуская длинные пальцы в персидскую домашнюю туфлю, служившую ему табакеркой.

Я стоял, словно ошарашенный школьник, тупо глаза на происходящее, куда Холмс не положил мне руку на плечо.

— Пожалуйста, сядьте, Уотсон. Ваша поза меня нервирует.

Я медленно опустился на стул у камина, в котором потрескивал огонь, не сводя глаз с нашего посетителя. Не знаю, чего именно я опасался, но хотя я до сих пор никогда не видел этого человека, у меня не было сомнений, что к нему не следует поворачиваться спиной.

¹ Хладнокровием (фр.).

Холмс, однако, был более оптимистичен на этот счет и демонстративно повернулся спиной к визитеру, чтобы взять спички с каминной полки. Наш гость усмехнулся.

— Не можете без показухи, Холмс? — произнес он тихим, слегка шепелявым голосом, полуприкрыв веками серые глаза, словно гадюка. После этого он посмотрел на меня, и я впервые встретился взглядом с профессором Джеймсом Мориарти.

— Не более чем вы, — ответил Холмс, зажигая трубку и поворачиваясь к профессору.

— Теперь вы действуете мне на нервы, Холмс. Сядьте, пожалуйста! — сказал я, все еще глядя на Мориарти, — какой-то инстинкт не позволял мне отвести от него взгляд. Я всегда думал о нем, как о воплощении зла, но теперь меня поразило то, насколько глубоко запечатлелась боль в каждой мельчайшей черте, в каждой морщинке его лица. При этом глаза оставались холодными и безжизненными, как у рыбы.

Холмс опустился в кресло напротив меня.

— Итак, профессор, что я могу для вас сделать?

Мориарти глубоко вздохнул, издав звук, напоминающий шипение выходящего из шины воздуха. Поднявшись, он подошел к окну, раздвинул занавески и выглянул на улицу. Я напрягся, готовый вскочить со стула — мне пришлось в голову, что он может подать кому-то сигнал. Я посмотрел на Холмса, но он выглядел абсолютно спокойным и попыхивал трубкой, полузакрыв глаза и положив руки на колени.

— Какое жалкое зрелище являет собой человечество, — наконец заговорил Мориарти, все еще глядя на улицу. — Люди снуют взад-вперед, словно муравьи, и с какой целью? Чтобы работать, плодиться и умирать, заботясь об этом не более чем лосось, плывущий навстречу гибели.

— Вы, безусловно, пришли сюда не для того, чтобы вести со мной философские беседы, — заметил Холмс. — Могу я узнать...

— Возможно, вам неизвестно, что у меня есть брат? — прервал Мориарти, поворачиваясь к нам, и я снова поразился выражению боли на его лице.

— Я слышал об этом, — ответил Холмс, — от моего собственного брата.

— Ах да, Майкрофта, — сказал Мориарти, скривив тонкие губы в подобии улыбки.

— Кажется, он живет в Ирландии, не так ли?

Мориарти снова вздохнул, но когда он заговорил, в его голосе звучала усмешка.

— Да, хотя к пребыванию в Ирландии едва ли подходит слово «жить». Мой брат — католический священник.

Если Холмса удивили слова профессора, то он этого ничем не обнаружил.

— Какая ирония судьбы! — тем же насмешливым тоном продолжал Мориарти. — Брат-священник у человека, посвятившего себя служению совсем иному божеству.

— У вашего брата неприятности?

Мориарти кивнул — его большая голова покачивалась на тонкой, длинной шее, словно голова быка, прикрепленная к телу жирафа.

— У нас произошла... скажем, размолвка; и мы не разговаривали друг с другом несколько лет, и все же, получив сведения, которые я собираюсь вам сообщить, я почувствовал, что у меня нет иного выбора, как вмешаться.

— Нет выбора?

Мориарти улыбнулся, и хотя я никак не назвал бы эту улыбку приятной, его лицо смягчилось.

— Это может вас удивить, но даже в моей жизни существуют вещи, которые... ну, так сказать, священны для меня.

— Меня это вовсе не удивляет, — отозвался Холмс. — Нечто подобное я и предполагал.

— Боюсь, что это покажется неоригинальным, но я дал обещание умирающей матери, что при любых обстоятельствах буду заботиться о своем младшем брате Шоне. Я держал слово — во всяком случае, до сих пор.

— Пожалуйста, продолжайте.

Мориарти вернулся к дивану раскачивающейся, как у страуса, походкой.

— Возможно, вы слышали о братстве фениев?

— Слышал. Это террористическая организация, цель которой — прекращение британского правления в Ирландии. Ваш брат связался с ней?

— Напротив — он их заклятый враг. У меня есть основания полагать, что они похитили его.

— Понятно. — Лицо Холмса оставалось бесстрастным, но он не мог скрыть интерес, блеснувший в его серых глазах.

— Таким образом, ваше участие в этом деле пошло бы на благо Англии. Если вы не верите мне, спросите вашего брата Майкрофта — он ведь посвящен во все международные интриги, не так ли?

Холмс улыбнулся.

— Почему вы обращаетесь за помощью ко мне, располагая собственной, достаточно разветвленной организацией?

Лицо Мориарти вновь стало жестким, а взгляд помрачнел.

— Потому что мой брат не должен знать о моем участии в его спасении. Ему известны мой образ действий и мои агенты. Он не желает иметь со мной ничего общего...

— И тем не менее вы его защищаете! — вырвалось у меня.

— Как я уже говорил, доктор Уотсон, есть вещи, священные для каждого человека.

— Этого достаточно, — сказал Холмс. — Я понимаю ваши затруднения. Вы не знаете, информирован ли об этом деле Скотланд-Ярд?

Мориарти сделал шумный и резкий выдох — что, очевидно, означало смех.

— Если информирован, то не мною.

— Тогда расскажите, что вам известно.

— Рассказывать особенно нечего. Моего брата пригласили проповедовать в одной профенианской церкви в Лондоне, но тема его проповеди пришлась не по душе определенной части прихожан. На следующий день он вышел из дома утром и больше не вернулся.

— Понятно. Естественно, вы подозреваете членов этой организации.

— Я почти уверен, Холмс, что это их рук дело. — Глаза Мориарти сузились и угрожающе блеснули. — Им повезло, что я не берусь за это лично. Я бы заставил их расплатиться таким образом, который вы и представить не можете, — добавил он негромким ледяным голосом.

Я содрогнулся не столько от его слов, сколько от того, как он их произнес.

Холмс поднялся со стула.

— Я немедленно этим займусь.

Мориарти тоже встал и направился к двери причудливой раскачивающейся походкой. Возле двери он остановился.

— Надеюсь, вы понимаете, что это ничего не меняет в наших отношениях?

Холмс улыбнулся.

— Разумеется.

Их глаза на момент встретились, и они обменялись взглядом, полным взаимопонимания и даже восхищения, но лишенным дружбы и привязанности. Так смотрят друг на друга два полководца воюющих армий накануне битвы. Без единого слова Мориарти повернулся и вышел. Я прислушивался к его шагам на лестнице, и когда за ним захлопнулась входная дверь, обернулся к Холмсу.

— Не знал, что у него есть брат.

Холмс пожал плечами.

— И я тоже.

— Но вы сказали...

— Мой дорогой Уотсон, с человеком, подобным Мориарти, лучше не признаваться в своем неведении ни в какой области.

— Но как вы узнали, что он жил в Ирландии?

— Просто удачная догадка. Ведь Мориарти — ирландская фамилия.

— А что, если это ловушка?

— Думаю, мы достаточно легко сможем это выяснить, — ответил Холмс, открывая дверь в гостиную. К моему удивлению, в коридоре снаружи стояла наша квартирная хозяйка, миссис Хадсон. На ней был передник, а руки были перепачканы мукой.

— В чем дело, миссис Хадсон? — с улыбкой осведомился Холмс.

— Я просто подумала, что лучше подняться и посмотреть... все ли в порядке, так как... — Она запнулась.

— Благодарю вас, все в полном порядке, — ответил Холмс и что-то нацарапал на клочке бумаги. — Не будете ли вы так любезны передать это мистеру Татхиллу из нере-

гулярной команды с Бейкер-стрит? — попросил он, вручая записку миссис Хадсон.

— Да, сэр, — кивнула она, пряча бумажку в карман передника. — Мистер Холмс, могу я задать вам вопрос? Этот человек, который только что вышел отсюда... он...

— Совершенно верно, миссис Хадсон. Не буду вас задерживать — пожалуйста, возвращайтесь к вашей выпечке.

— Что?.. Ах да, конечно... — Она посмотрела на испачканные мукой руки.

— До свидания, миссис Хадсон, и благодарю вас, — твердо сказал Холмс.

— Вы очень любезны, мистер Холмс. — Казалось, миссис Хадсон хочет что-то добавить, но Холмс вежливо выводил ее из комнаты и закрыл за ней дверь.

— Чем меньше она будет знать об этом, тем лучше для нее, — сказал он, направляясь в свою спальню.

— Значит, вы думаете, что Мориарти говорил правду?

— Скоро мы это узнаем. Пришло время навестить моего брата Майкрофта.

Клуб «Диоген» находился на Пэлл-Мэлл, напротив квартиры Майкрофта Холмса и неподалеку от его рабочего кабинета. Распорядок Майкрофта редко менялся — до четырех сорока пяти он пребывал в кабинете, потом отправлялся в клуб и ровно в семь сорок возвращался домой. Ирония заключалась в том, что физическое пространство, в котором обитал этот удивительный человек, было настолько же ограниченным, насколько был широк его внутренний мир. Холмс однажды признался мне, что Майкрофт не только превосходит его интеллектуально, но что «подчас он и есть само британское правительство». Так как Холмс отнюдь не был склонен к преувеличениям, мое уважение к его брату было безмерным.

Мы вошли в величественное сооружение, где помещался клуб — тяжеловесное здание из серого камня, типичное для средневикторианского периода, и направились в салон для гостей — единственное помещение, где дозволялось разговаривать. Майкрофт Холмс сидел в кресле, и мне показалось, что он слегка погрузнел после нашей последней

встречи. Но серые глаза оставались такими же пронизательными, как у его брата, а массивный череп свидетельствовал о столь же внушительной силе ума. Я сел в низкое мягкое кресло, едва не утонув в нем.

— Вы имеете дело с ответвлением организации фениев, именуемым «Треугольником», — начал Майкрофт без лишних предисловий. — Они называют себя «Непобедимые» или «Клан на Гэл». Среди их мрачных подвигов убийство лорда Фредерика Кэвендиша, вскоре после того как он был назначен старшим секретарем по делам Ирландии в 1882 году; они также подозреваются в ряде преступлений в Соединенных Штатах. Это безжалостные люди, которые не останавливаются ни перед чем в своем стремлении добиться независимости Ирландии.

Сделав паузу, он зажег трубку, лежащую на подлокотнике кресла, и тонкие струйки дыма начали виться вокруг его широкой головы.

— Правительство уже получило записку с предложением обменять брата Мориарти на нескольких заключенных-фениев. Обмен, разумеется, отпадает. Эти люди непосредственно участвовали в организации взрывов по всей Англии в 1883 году, принесших гибель ни в чем не повинным людям. У нас есть основания полагать, — продолжал Майкрофт, — что в ближайшие дни бомба будет заложена в одном из крупных зданий Лондона. Нет нужды объяснять, что последствия могут оказаться катастрофическими. — Он протянул Холмсу листок бумаги. — Конечно, эти пароли могут и не сработать, но более свежей информацией мы не располагаем.

— Понятно, — промолвил Холмс. Он внимательно изучал текст; его худое лицо было напряжено, а серые глаза сверкали, как угли в тусклом освещении клуба «Диоген».

Майкрофт проводил нас к двери, и когда мы повернулись, чтобы выйти, положил руку на плечо брата.

— Будь осторожен, Шерлок.

Я был удивлен скорее нехарактерным для него жестом, нежели словами, но Холмс молча кивнул.

Снаружи мы немного задержались, вглядываясь в окутывающие Лондон сумерки. Холмс стоял на лестнице у входной двери; его чеканный профиль четко вырисовывал-

ся на фоне тускнеющего заката. Я думал о том, какие мысли роятся у него в голове, когда он внезапно стряхнул с себя оцепенение, сбежал на тротуар и остановил кэб. Мы ехали молча до самой Бейкер-стрит; Холмс сидел, погрузившись в раздумье, а я хорошо знал, что в такие моменты его лучше не беспокоить.

Когда мы прибыли на Бейкер-стрит, Холмс без единого слова направился к себе в спальню. Я сел на диван и набил трубку. Мне очень не нравилась эта история, но я настолько привык полагаться на Холмса, что не знал, следует ли мне выражать свои опасения. Однако, к моему изумлению, Холмс через несколько минут вышел из спальни в черном костюме с воротником священника.

— Как я выгляжу, Уотсон?

— Боже мой, Холмс...

— Признаюсь, что это немного чересчур, однако при данных обстоятельствах это необходимо.

— Но...

— Знаю, моя душа отправится прямиком в ад.

— Я не имел в виду это, но вам не кажется, что такой маскарад...

— Отдает кошунством? Возможно, но я уверен, что мне приходилось совершать грехи и похуже¹. А теперь я должен идти, — сказал он, накидывая черное пальто поверх облачения священника. — Передайте миссис Хадсон, что я вернусь к обеду и с нетерпением ожидаю фруктовый торт, который она для нас готовит.

Я даже не стал спрашивать у Холмса, каким образом он узнал, что это именно фруктовый торт. Закрыв за ним дверь, я стал бродить по гостиной, пытаюсь разобраться в странных событиях сегодняшнего утра. Наконец я лег на диван с намерением погрузиться в недавно приобретенную книгу по медицине, но мой мозг отказывался воспринимать текст, и вскоре я задремал. Во сне я видел злодеев в масках, стаскивающих меня с дивана. Я вцепился в подушку, но один из бандитов заговорил голосом миссис Хадсон:

¹ Автор не учитывает, что в рассказе «Скандал в Богемии», действие которого происходит годом раньше описываемых событий, Холмс уже пересодевался священником, не вызывая никаких протестов со стороны Уотсона.

— Доктор Уотсон, проснитесь! Вам записка.

Я быстро сел и взял у нее клочок бумаги. На нем было несколько слов: «Встретимся в пивной Пэдди О'Райли. Холмс. P.S. Захватите ваш револьвер».

— Спасибо, миссис Хадсон. — Я встал с дивана, еще не вполне проснувшись, сунул записку в карман, вынул из ящика стола армейский револьвер и зарядил его.

— Мне нужно идти, миссис Хадсон, — сообщил я, приглаживая волосы и застегивая манжеты. Моя жена недавно подарила мне пару золотых запонок с выгравированными на них моими инициалами, подарок мне очень нравился.

— Не хотите выпить чаю перед уходом? — спросила она, подбирая подушки, которые я во сне сбросил с дивана.

— Нет, благодарю вас, у меня нет времени.

Когда я закрывал за собой дверь, миссис Хадсон убиралась в комнате, сетуя на отсутствие порядка.

Облака рассеялись, и с реки дул сильный ветер. Я поднял воротник пальто, поджидая кэб, и вскоре уже сидел в экипаже, который вез меня на восток, громяхая по булыжной мостовой.

Лондонский Ист-Энд иногда называют «другим Лондоном». Эта всеобъемлющая характеристика включает опиумные курильни и публичные дома в таких районах, как Уайтхолл и Спайталфилдс, а также колоритные, но менее зловещие кварталы, где живут благополучные английские и иностранные рабочие. Мужчины и женщины, убирающие дома и прочищающие трубы богатых людей, ухаживающие за их лошадьми и чистящие их обувь, пекущие для них пироги и шьющие им одежду, — все эти работяги в основном проживали в восточном секторе города. Холмс и я часто бывали в этих местах — пивные и чайные Ист-Энда служили бесценным источником информации. Ирландские пивные Спайталфилдса не являлись исключением. В Лондоне 1891 года¹ ирландцы считались ближе к иностранцам, чем к англичанам. Они отвечали на это, ведя свои дела главным образом в Ист-Энде.

¹ В начале рассказа говорится, что действие происходит в 1889 г.

Ирландская пивная не совсем то же, что английская. В ней более шумно и оживленно, всегда играет музыка, часто устраиваются танцы и очень много пьют — причем это не респектабельная выпивка с друзьями, а серьезное и решительное поглощение алкоголя, являющееся формой протеста против окружающей действительности. Я сам наполовину ирландец, и в детстве насмотрелся на то, что побуждает к такому пьянству и во что оно превращает человека.

В заведении Пэдди О'Райли можно было забыть о всех несчастьях и обидах, утопив их в стакане крепкого портера или заглушив их звуками стремительного рила¹, исполняемого на концертино и свистулке. Музыка достигла моих ушей, прежде чем я взялся за ручку тяжелой дубовой двери. Я узнал шотландскую мелодию «Свадьба Мэри», которую играли в головокружительном темпе на скрипке и концертино, в то время как свистулка изображала нечто вроде контрапункта. На момент я задержался в дверях, оглушенный резким запахом табака, пива и опилок. На концертино с мрачной решимостью играл шотландец средних лет с глазами, полуприкрытыми отечными веками. Четыре или пять танцоров отплясывали нечто вроде хайлэндского флинга², а еще несколько человек наблюдали за ними, хлопая в ладоши и смеясь в пьяном восторге.

Я направился по усыпанному опилками полу к одинокой фигуре, сгорбившейся за столиком в дальнем конце помещения. Меня едва не вовлекла в танец молодая женщина с растрепанными рыжими волосами и диким взглядом, попытавшаяся схватить меня за руку. Я быстро вырвался, пробормотав вежливые извинения, и двинулся дальше.

Добравшись до одинокого мужчины за столиком в тускло освещенном углу, я сел напротив и посмотрел на него. Сначала мне показалось, будто я ошибся, — румяные толстые щеки никак не могли принадлежать моему другу Холмсу. Я уже начал вставать, когда сильная рука легла мне на плечо, вынудив снова сесть.

¹ Р и л — быстрый шотландский танец.

² Х а й л э н д е р ы — шотландские горцы; ф л и н г — бурный шотландский танец.

— Сидите спокойно, Уотсон, если не хотите привлечь к нам внимание!

Это был, несомненно, голос Холмса, и я не смог скрыть изумление.

— Значит, это вы, Холмс! — прошептал я.

— Конечно. Сохраняйте спокойствие и постарайтесь не вызывать подозрений.

Холмс заказал две кружки портера угрюмому официанту, на нижней губе которого каким-то образом держалась сигарета, проверяя законы притяжения.

— Попытайтесь выглядеть как можно незаметнее, — пробормотал Холмс, когда официант поставил перед нами две кружки с пенящимся напитком.

— Кстати, куда делся ваш прошлый маскарад? — спросил я, глотнув сладковатую темную жидкость.

— Он оказался весьма полезен, — улыбнулся Холмс. — Боюсь, что я нарушил святость исповедальни, но, как вам известно, Уотсон, я не религиозен.

— Вы имеете в виду, что притворялись священником, выслушивая исповеди?

— Фенин все до одного католик, а добрый католик, хотя и может совершить множество гнусных деяний, всегда должен исповедаться в них своему священнику.

— Холмс! — Хотя я принадлежал к англиканской церкви, но, признаюсь, был крайне шокирован.

— Несомненно, я грешник, Уотсон, и если ад существует, то мне его не миновать. — Он небрежно махнул рукой. — Зато теперь я знаю личность, по крайней мере, одного заговорщика. Видите вон того человека? — Холмс указал на широкоплечего мужчину, который стоял, наблюдая за танцующими. Густые всклокоченные волосы и массивный торс делали его похожим на медведя.

— Ну?

— Он добрый католик, но при этом похититель и, вполне возможно, убийца.

Словно почувствовав, что мы говорим о нем, мужчина повернулся к нам, и я увидел, как разжались его губы, обнажив два ряда больших желтоватых зубов. Зрелище этих зубов между толстыми губами на грубом, чувственном лице заставило меня поежиться. Глаза незнакомца обшарили комнату, но не задержались на нас, и когда он

снова повернулся к танцорам, я с облегчением перевел дух.

— Значит, вы следовали за ним из церкви сюда? — шепотом спросил я.

— Да, и уверяю вас, это было нелегким делом. Священник привлекает на улице больше внимания, чем обычный человек, и несколько раз мне приходилось быстро прятаться за зданиями, чтобы он меня не заметил. Но когда он вошел сюда, мне хватило времени наложить грим, который я ношу сейчас.

Я покачал головой — казалось, изобретательность моего друга поистине безгранична.

— Что будем делать дальше? — осведомился я, но в этот момент Холмс схватил меня за руку.

— Ш-ш! — прошептал он. — Сейчас начнется!

Наш массивный подопечный склонился над столом, за которым сидели несколько человек — его румяное лицо приняло серьезное выражение. Компания выглядела мрачноватой: высокий желтолицый мужчина, державшийся как предводитель, что-то говорил, слегка опустив голову, а остальные внимательно слушали.

— Что начнется? — шепнул я Холмсу.

— То, ради чего мы здесь. Отвернитесь — не дайте им заметить, что вы смотрите на них! — пробормотал Холмс, когда один из сидящих за столом окинул взглядом комнату. Но было поздно — наши глаза встретились, и он кивнул мне. Его лицо было бы красивым, если бы не изрытая оспой кожа; глаза были большими и блестящими, а острые скулы свидетельствовали об аристократическом происхождении. По моей спине забегали мурашки, когда он наклонился и что-то сказал тощему желтолицему предводителю, который кивнул и посмотрел на нас.

— У вас при себе револьвер? — прошептал Холмс.

— Лежит в кармане. — Я стиснул рукоятку оружия — холодный гладкий металл действовал успокаивающе.

Человек с оспинами на лице выпрямился и направился к нам. Мои пальцы сильнее сжали револьвер. Подойдя к нашему столику, ирландец улыбнулся.

— Вам не кажется, что сейчас необычайно тепло? — Тембр его голоса и интонация выдавали в нем образованного человека; говорил он с легким ирландским акцентом.

— В это время года погода бывает непредсказуемой, — спокойно ответил Холмс.

Мужчина кивнул, затем повернулся и двинулся назад к своему столу, где снова стал переговариваться с предводителем. Я затаил дыхание — это явно был пароль, о котором говорил Майкрофт, сомневаясь, что он сработает. К моему удивлению, мужчина с оспинками поманил нас пальцем. Холмс поднялся и направился к большому столу. Я последовал за ним, чувствуя, что на нас смотрят, но стараясь выглядеть равнодушным. К сожалению, в отличие от Холмса, я скверный актер, и боюсь, что мне не вполне удалось скрыть свои чувства. Мое сердце бешено колотилось, а ладони стали влажными от пота. На войне я неоднократно бывал под огнем и мог сохранить хладнокровие, но во взглядах этих людей было нечто вызывающее неприятное покалывание в позвоночнике.

Худой желтолицый человек, прищурившись, разглядывал нас; он напоминал мне большого рыжего кота.

— Насколько я понимаю, вас интересует теперешняя погода? — осведомился он.

— Мой брат обычно знает, когда пойдет дождь, — спокойно ответил Холмс.

Желтолицый мужчина кивнул и подал знак своему помощнику со следами оспы, который велел нам следовать за ним. Он повел нас по усыпанному опилками полу за спинами музыкантов и других посетителей, потом шагнул в узкую дверь на другой стороне бара. Мы спустились следом за ним по крутой лестнице в тускло освещенное полуподвальное помещение. В комнате было несколько стульев, над небольшим возвышением был прибит к стене ирландский флаг.

— Подождите здесь, — сказал наш провожатый и поднялся по лестнице. Холмс и я прислушивались к звукам, доносящимся сверху. Кто-то пел дрожащим тенором:

Ты слышишь, Дэнни! Нас зовут волынки!

Звучат они в долинах и горах...

Я уже собрался спросить Холмса, чего мы дожидаемся, когда на лестнице послышались шаги. Наш отмеченный оспинами друг появился вновь, вместе со здоровенным тол-

стогубым парнем, которого мы видели раньше, и желтолицым человеком, которого я принял за предводителя. За ними следовали те, что были с ними за большим столом, и еще несколько человек, очевидно, сидевшие с другими посетителями пивной. Вместе с нами в комнате набралось около двух дюжин человек.

К моему удивлению, здесь же оказалась и рыжая девушка с растрепанными волосами — единственная женщина среди них. Когда Холмс и я сели вместе с остальными, она поймала мой взгляд и улыбнулась. Хотя я тут же отвел глаза, молодая женщина подошла и села рядом с нами, задев мою ногу длинной юбкой.

— И как же вас зовут? — осведомилась она хриплым голосом, обдав меня запахом виски.

— Э-э... Рауль, — неуверенно ответил я.

— Выходит, вы француз?

Я посмотрел на Холмса, но он сидел, глядя перед собой.

— По материнской линии.

— Французы так романтичны, верно? — не унималась женщина, придвинувшись ближе ко мне.

— Ну... не знаю, — промямлил я.

— Но вы должны знать... Впрочем, я могу вас просветить.

В этот момент наш приятель с оспинками постучал молотком, лежащим на возвышении.

— Пора начинать, — сказал он, и в комнате воцарилась тишина. — Давайте послушаем брата Керри.

Желтолицый предводитель поднялся на возвышение. Несколько секунд он стоял, глядя на аудиторию, потом заговорил:

— Наша борьба началась. Как известно большинству из вас, мы готовы нанести удар, который заставит содрогнуться английских угнетателей. Брат О'Мэлли расскажет вам об этом.

Он спустился с возвышения, уступив место человеку с оспинами.

— Это самый грандиозный план из всех, что мы когда-либо задумывали, — начал брат О'Мэлли, но тут подвыпившая молодая женщина схватила меня за руку. Я попытался вырваться, и запонка с правого рукава выскользнула из петель и упала на пол. Женщина быстро подо-

брала ее и увидела выгравированные инициалы «Дж.Г. У.».

— Вы говорили, что вас зовут Рауль, — громко сказала она.

Брат О'Мэлли оборвал фразу и посмотрел на нас.

— Возникла проблема? — строго осведомился он.

К моему ужасу, молодая женщина встала, слегка покачиваясь.

— В чем дело, Энни? — нетерпеливо спросил брат О'Мэлли.

— Среди нас шпион! — заявила она, указав на меня.

Кровь похолодела у меня в жилах — мне показалось, будто пол проваливается подо мной.

— Вот как? — насторожился О'Мэлли. — Почему ты так думаешь?

Теперь все смотрели на нас. Я бросил взгляд на Холмса — он сидел неподвижно, его лицо оставалось бесстрастным.

— Из-за этой запонки! — ответила Энни, показывая ее остальным.

— Ну и что в ней такого? — с подозрением спросил брат Керри.

— Он сказал мне, что его зовут Рауль, а на его запонке инициалы «Дж.Г. У.». Этот человек — шпион.

Комната наполнилась встревоженным бормотанием. Я сунул руку в карман и нащупал револьвер.

— Хм-м! — протянул брат О'Мэлли, медленно двинувшись к нам.

Я проклинал себя за то, что надел эти запонки и что умудрился привлечь внимание подвыпившей молодой особы. В любом случае было слишком поздно. Думаю, Холмс это понял, потому что он поднялся, когда О'Мэлли подошел к нам.

— Как вы узнали наш пароль? — спросил он.

Холмс молча пожал плечами. О'Мэлли кивнул похожему на медведя парню, торчавшему рядом. К моему ужасу, громила шагнул к Холмсу и внезапно ударил его кулаком в живот. Холмс со стоном рухнул на пол. Я выхватил револьвер, но гигант с быстротой, которую я никак от него не ожидал, взмахнул рукой и сокрушительным ударом выбил у меня оружие. Я упал, стискивая пострадавшее запястье.

— Мы не церемонимся со шпионами, — негромко произнес брат О'Мэлли. Он склонился над Холмсом, который лежал на полу, ловя ртом воздух. — Кто вас прислал?

Холмс снова покачал головой. О'Мэлли пожал плечами и повернулся ко мне.

— Возможно, вы мне ответите, иначе вашему другу несдобровать. — Он опять подал знак медведеобразному громиле, и тот, прежде чем я смог его остановить, ударил Холмса в ребра. Мой друг застонал и потерял сознание.

Но в этот момент Энни встала между О'Мэлли и нами.

— Перестаньте! — взвизгнула она, кидаясь на него.

О'Мэлли кивнул громиле, который поднял Энни и вынес ее из комнаты.

— Я всегда говорил, что женщинам не следует позволять в этом участвовать, — проворчал брат Керри, направляясь к нам.

— Что нам с ними делать? — спросил О'Мэлли.

— Думаю, мы можем временно поместить их с другим нашим приятелем — по крайней мере, до окончания собрания, — ответил Керри, глядя на Холмса. — Сейчас он нам не нужен.

О'Мэлли подал знак нескольким сообщникам, которые вынесли — точнее выволокли — из комнаты меня и Холмса. На мои глаза надели повязку, и, внезапно оказавшись в полном мраке, я испытал ощущение, которое, очевидно, чувствуют слепые. Теперь мой мир состоял из четырех оставшихся чувств, и я начал обостренно воспринимать звуки и запахи вокруг меня. Голос О'Мэлли сменили шаги тащивших меня людей, тяжелое дыхание которых указывало на то, что они не привыкли к таким напряженным усилиям.

Меня волокли около десяти минут, после чего я услышал пронзительные крики чаек и ощутил густой неприятный запах Темзы — мы находились возле реки. Открылась дверь, и мы вошли в дом, потом прошли через другую дверь и остановились. Меня усадили на стул и связали руки и ноги. Повязку сняли, и когда мои глаза привыкли к сумраку, я увидел помещение с низким потолком, стены и пол которого были обиты грубыми деревянными досками, —

скорее всего это был портовый склад. На стенах висели бакены и ржавые якоря; в углах стояли пыльные канатные бухты. Склад явно был заброшен — здесь пахло плесенью и соленой водой.

Громила, которого товарищи именовали Коннорсом, привязывал к стулу Холмса. О'Мэлли стоял, скрестив руки на груди и глядя в окошко в другом конце комнаты; бледный свет делал более рельефными оспины на его лице. Потом я заметил в тени у дальней стены скорчившуюся на полу человеческую фигуру. Я напряг зрение, но в этот момент О'Мэлли повернулся и заговорил:

— Оставайтесь здесь, Коннорс, и сторожите снаружи — мы займемся ими позже. Я должен вернуться на собрание. — Он обернулся ко мне. — Надеюсь, джентльмены, вы представитесь друг другу. Я вернусь, как только смогу.

С этими словами он вышел вместе с двумя мужчинами, которые помогали нести нас сюда. Коннорс окинул взглядом комнату и также удалился. Я услышал, как снаружи задвинули засов. Вскоре я ощутил запах дешевого табака и понял, что Коннорс коротает время за куревом. Я перенес внимание на Холмса, который начал шевелиться. Мое запястье сильно болело, но меня куда больше беспокоило состояние моего друга.

— Холмс, с вами все в порядке? — прошептал я, не желая, чтобы Коннорс нас слышал. Вскоре он отозвался слабым голосом:

— В порядке, Уотсон. Меня просто оглушили.

Я не стал говорить ему о своих подозрениях, что у него сломаны ребра. Вместо этого я снова попытался рассмотреть человека в углу.

— Холмс, в комнате есть кто-то еще?

— В самом деле?

— Да, вон в том углу!

Он повернулся на стуле, сморщившись от боли.

— Как вы думаете, кто это?

— Не знаю, но он выглядит так, словно его усыпили.

— Похоже на то. Холмс, не может ли это быть...

— Это было бы самым логичным выводом.

Внезапно человек шевельнулся и тихо застонал.

— Эй! — громко прошептал я. — Кто здесь?

Человек поднял голову и, к моему удивлению, усмехнулся.

— Ну и ну! Шерлок Холмс и доктор Уотсон! Забавно встретить вас здесь. Впрочем, я предполагал, что мой брат пришлет вас мне на помощь.

— Значит, вы...

— Отец Шон Мориарти, к вашим услугам, — отозвался он слегка шепелявящим голосом, как и у его брата, но без таящихся в глубине зловещих интонаций. — Предполагаю, что вы находитесь здесь по поручению моего брата. Не так ли?

— Ваш брат и я — враги, — уклончиво ответил Холмс. — Мы здесь по поручению британского правительства.

— Пусть так, — со вздохом произнес Шон Мориарти. — Я знаю, он не хочет, чтобы мне было известно о его участии.

— Важно не то, почему мы здесь, а то, как нам отсюда выбраться, — отозвался Холмс. — Вы полностью пришли в себя?

— Вы правильно предположили, что меня усыпили, но наркотик уже почти перестал действовать. Я просто решил притвориться спящим, пока наши друзья были здесь.

— Отлично, — одобрил Холмс, а я подумал, что хитрость присуща обоим братьям.

— Если они собираются убить нас, — продолжал Шон Мориарти, — то не сделают это, по крайней мере, еще час.

— Почему? — спросил я, чувствуя, что у меня пересохло во рту.

— Потому что через час прилив достигнет наибольшей силы, а это самое подходящее время, чтобы избавиться от трупов — отлив отнесет их к морю.

— Логично, — согласился Холмс, и я ощутил укол ревности.

— На карту поставлены не только наши жизни, — добавил Шон Мориарти. — Я подслушал, что они замышляют произвести где-то страшный взрыв.

Последовало молчание. Я уже пытался освободиться, но только натер веревками руки и ноги — нас связали надежно и профессионально.

Очевидно, мы находились вблизи одного из самых оживленных лондонских доков — снаружи доносились крики торговцев, рекламирующих свои товары.

— Свежие маринованные угри!

— Свежая жеруха — пенни за связку!

Холмс также прислушивался, и даже в тусклом свете я видел, как напряжены мышцы его лица. Внезапно он скривил губы и тихо засвистел. К моему удивлению, в ответ раздался такой же свист! Холмс просвистел тот же мотив, на сей раз коротко и отрывисто. Вновь прозвучал ответ, и Холмс засвистел в третий раз. Я ломал себе голову над тем, что это значит, когда в окне появилось лицо — сморщенное, обветренное, с красным от пьянства носом, — но я еще никогда в жизни не был так рад человеческому лицу.

Холмс кивнул незнакомцу — тот кивнул в ответ и исчез. Вскоре послышался звук разрезаемого стекла, и я увидел тонкое лезвие, вставленное между оконным стеклом и рамой. Мы вдвоем затаили дыхание. В освобожденном от стекла пространстве появилось другое лицо, а следом за ним и тело. На сей раз я узнал мастера Татхилла из «нерегулярной» команды с Бейкер-стрит. Мальчишка ловко пролез в окно, бесшумно спрыгнул на пол, потом подкрался ближе и начал развязывать нас одного за другим. Как только он дошел до меня, дверь распахнулась, и могучая фигура Коннора заполнила весь проем.

— Что здесь происходит? — осведомился он.

Холмс бросился на него, пытаясь вытолкнуть назад, но гигант отшвырнул его, словно тряпку. Тем не менее Холмс удержался на ногах и снова устремился в атаку, встав в боксерскую стойку и нанося удары по мощному торсу противника. Коннорс был значительно сильнее, но Холмс легче и проворнее, поэтому ловко избегал его кулаков.

— Быстрее, Татхилл! — поторопил я мальчика, возившегося с моими веревками.

— Я и так тороплюсь!

Холмс смог нанести несколько ударов в лицо противнику, и гигант несколько смешался, но в этот момент мой друг наткнулся на канатную бухту. Коннорс воспользовался

преимуществом и с такой силой ударил Холмса в грудь, что тот согнулся пополам и рухнул на пол.

Освободившись от пут, я с ревом бросился на Коннорса, но тут же получил удар по голове могучим кулаком. Скорчившись на полу и преодолевая боль и головокружение, я увидел, как Шон Мориарти устремился к Коннорсу. Я закрыл глаза, не желая смотреть на результат, но, открыв их, обнаружил Коннорса распростертым на полу. Священник стоял над ним, тяжело дыша и потирая костяшки пальцев. Я с трудом поднялся на ноги.

— Боже мой! Как вам это удалось?

— Я немного занимался боксом, прежде чем стать служителем церкви, — скромно ответил он. Я изумленно уставился на него. Хотя Шон Мориарти выглядел таким же жилистым, как его брат, я никак не думал, что он способен нокаутировать такого великана. Татхилл стоял, разинув рот и с восхищением глядя на священника.

Я перенес внимание на Холмса, который лежал на полу без движения. Он был смертельно бледен, и я опасался внутреннего кровотечения.

— Доктор Уотсон, — спросил Шон Мориарти, — вы хорошо завязываете узлы?

— Я отлично с этим справляюсь, сэр, — отозвался вместо меня Татхилл. — Мне приходилось работать на корабле.

Шон Мориарти посмотрел на паренька.

— Хорошо, — кивнул он и указал на Коннорса. — Свяжи его как следует.

— Есть, сэр! — отчеканил мальчуган и, схватив одну из веревок, которыми связывали нас, принялся за работу.

— Мы должны выбраться отсюда, прежде чем он придет в себя и сообщит остальным, — сказал Шон Мориарти и склонился над Холмсом. — Вы можете идти?

Холмс кивнул, и мы помогли ему подняться. Белый, как мел, прижимая руку к ребрам, он заговорил резким шепотом, делая паузы между словами, чтобы перевести дыхание:

— Что вам известно... об их планах?

Я чувствовал, что ему лучше не двигаться с места, но мы не могли оставить его здесь.

— Я помню, они говорили, что «в третий раз это должно сработать».

— Больше вы ничего не припоминаете?

— Почти ничего — я ведь был под действием наркотика... — Внезапно лицо священника прояснилось. — Подождите... Да, кто-то сказал, что «птичка наконец взлетит в воздух».

— Отлично! — воскликнул Холмс и тут же сморщился от боли. — Надо спешить!

— Куда мы идем? — спросил я, выходя из склада следом за ним.

— К собору Святого Павла!

Я сразу же понял ход рассуждений Холмса. Взрыв собора Святого Павла, дважды уничтоженного пожаром, был бы «третьим разом». Под «птичкой» подразумевался Кристофер Рен¹, архитектор теперешнего здания собора.

— Можно я пойду с вами, мистер Холмс? — попросил Татхилл.

— Нет, Татхилл, это может оказаться очень опасным, — ответил Холмс, — но ты оказал нам сегодня огромную услугу, которую я никогда не забуду.

Лицо мальчика просияло, и я снова ощутил глупое желание, чтобы похвала Холмса была обращена ко мне.

Ночь была темной из-за сильной облачности, но когда мы втроем карабкались вверх по грязной отмели на берегу реки, я видел капли пота, поблескивающие на лбу Холмса. Добравшись до Кэннон-стрит, мы остановились кэб.

— Получите лишнюю гинею, если поторопитесь! — крикнул кэбмену Холмс, и экипаж загромыхал по бульварам. Возница честно заработал деньги, так как мы прибыли к месту назначения через три минуты.

Собор Святого Павла пользовался заслуженной репутацией одного из величайших соборов Европы. Его купол, словно горная вершина, торжественно возвышается над Сити. Творение Кристофера Рена восхищает своим совершенством, и когда мы вбежали внутрь через мраморный вход, я снова был потрясен его величием.

Внезапно Холмс схватил меня за руку.

¹ Рен Кристофер (1632—1723) — английский архитектор, математик и астроном. Wren (рен) — крапивник (англ.).

— Вон он!

Проследив за его взглядом, я увидел тощую фигуру О'Мэлли, метнувшуюся за колонну.

— Он заметил нас, — сказал Шон Мориарти.

— Обойдите здание сзади, Уотсон, а мы с Мориарти разделимся и будем контролировать выходы.

Я кивнул и стал красться за рядом безмолвных мраморных колонн, высматривая нашу добычу. Каменный пол и гладкие стены, резонируя, затрудняли бесшумное передвижение, но я шел на цыпочках, стараясь двигаться как можно тише. Остановившись, я напряг слух, пытаюсь уловить эхо других шагов, но услышал лишь собственное дыхание.

Внезапно я увидел, как за одной из колонн что-то шевельнулось. Я застыл, затаив дыхание, потом медленно двинулся вперед.

— Должен вас поздравить, доктор Уотсон. Не знаю, как вам удалось бежать, но теперь вы умрете смертью за свободу Ирландии.

Повернувшись, я увидел О'Мэлли с револьвером, направленным мне в грудь. Под мышкой он держал зловещего вида пакет в коричневой бумаге.

— Не делайте этого, О'Мэлли! Подумайте о жертвах!

— Мы все время только о них и думаем, — отозвался он, прищулив темные глаза. — Ведь мы потеряли нашу родину, Ирландию, благодаря британскому правлению.

— Но это ничего не решит! — в отчаянии воскликнул я. — Вы только убьете невинных людей!

О'Мэлли пожал плечами.

— Вы знаете, сколько народу погибло во время картофельного голода из-за алчности и равнодушия британских землевладельцев? В Библии сказано: око за око...

— И зуб за зуб.

Обернувшись, О'Мэлли увидел Холмса, бледного, как привидение. Я тотчас же бросился к ирландцу и сбил его с ног, пытаюсь отобрать оружие. Мы сцепились, но в этот момент грянул выстрел. О'Мэлли посмотрел мне прямо в глаза, затем его тело обмякло.

— Уотсон, с вами все в порядке? — крикнул Холмс, опускаясь на пол рядом с нами.

— Да, благодарю вас, — ответил я, тайком радуясь звучащему в его голосе волнению. Холмс отнюдь не был склонен к проявлению эмоций, и мне польстило, что он так тревожится за меня.

— Слава Богу! — Облегченно вздохнув, Холмс поднял с пола коричневый пакет. Открыв его, мы обнаружили, что часовой механизм еще не приведен в действие. — Думаю, нам следует отнести это в Скотланд-Ярд, — сказал Холмс, когда к нам подошел Шон Мориарти.

Шум борьбы и выстрел уже привлек внимание полисменов, и я убедил Холмса поручить бомбу их заботам и вернуться со мной на Бейкер-стрит.

Оказавшись наконец в безопасности в нашей гостиной, я смог как следует рассмотреть Шона Мориарти. У него был такой же высокий куполообразный лоб и такие же тонкие губы, как у его брата, но в складке рта отсутствовало жесткое выражение, и черные глаза были гораздо мягче. За чаем, который подала нам миссис Хадсон, он покачал головой, вызвав у меня в памяти странный, напоминающий рептилию жест, присущий Джеймсу Мориарти.

— Должно быть, мой брат испытывал всю горечь унижения, обратившись к вам за помощью.

По настоянию Шона, Холмс и я наконец перестали отрицать участие Джеймса Мориарти.

Я хотел спросить у него, каким образом он и его брат оказались на противоположных позициях нравственного спектра, но ограничился вопросом к Холмсу, который после долгих протестов согласился лечь на диван, позволив мне дать ему морфий и перевязать ребра.

— Как вы узнали, что они отведут нас к Шону, если мы станем их пленниками?

Холмс изумленно уставился на меня, а потом расхохотался, но тут же скорчился от боли и схватился за бок.

— Господи, Уотсон, вы в самом деле думаете, что я заранее спланировал нашу поимку?

— А разве это не так? — осведомился Шон Мориарти.

— Конечно нет! Я просто хотел проникнуть на их собрание. Все, что произошло затем, явилось для меня полной неожиданностью.

— Но откуда вы знали, что за окном находится Татхилл?

— Я этого не знал, но, как вы помните, я раньше послал ему записку с просьбой следовать за нами. Он иногда подрабатывает помощником торговца рыбой и, как видите, проделал отличную работу, обнаружив нас. — Холмс улыбнулся. — Я предпочел бы, Уотсон, чтобы вы не записывали эту историю. Я был нанят профессором Мориарти, едва не допустил взрыв собора Святого Павла и был спасен священником и мальчишкой. По-моему, это дело не отнесешь к числу успешных.

— Читателям может понравиться, Холмс, что вы всего лишь человек.

Он посмотрел на оконные занавески, сквозь которые проникал бледный ноябрьский рассвет.

— Едва ли, Уотсон. Если бы они знали, что я всего лишь человек, то зачем им читать обо мне?

Пощадите мою скромность, Уотсон!

«... Вам не доводилось слышать от меня о профессоре Мориарти?»

— Это что, знаменитый преступник самого высокого ранга? Столько же известный своим искусством в мире зла, сколько...

— Пощадите мою скромность, Уотсон! — укоризненно произнес Холмс.

— Я хотел сказать: сколько сокрытый от глаз добропорядочного общества.

Холмс рассмеялся.

— Один — поль в вашу пользу, Уотсон! У вас появилось чувство юмора, которым вы искусно пользуетесь. С вами надо держать ухо востро».

Выше приведенный отрывок из «Долины страха» доказывает, что Шерлок Холмс был вполне способен смеяться над собой. Тем не менее он был не лишен мелкого тщеславия, о чем свидетельствует его раздражение тем, что Уотсон описал дело о «Желтом лице» (подробности см. «Слишком много пятен» в моей антологии 1996 года «Воскрешенный Холмс») или его мнимое смущение по поводу трех историй, опубликованных в этом разделе.

В «Камне Мазарини» Билли, мальчик-слуга Шерлока Холмса, рассказывает Уотсону, как его хозяин кого-то выслеживал, переодевшись старухой с потрепанным зонтиком. В изложенной ниже истории Шерлок пользуется такой же уловкой, но, учитывая результат, возможно, он в последний раз переодевался в женское платье.

Крейг Шоу Гарднер

ПРОИСШЕСТВИЕ С МНИМОЙ ГРАФИНЕЙ

— Полагаю, вы доктор Уотсон?

Я оторвался от изучения сегодняшнего «Таймса», слегка удивленный этим вторжением. Передо мной стояла высокая женщина средних лет, одетая по моде, которой придерживались аристократки. Подведенные губы и румяна на щеках подчеркивали бледность угловатого лица, придавая ему суровое выражение. Тем не менее она была по-своему красива. Но что ей понадобилось в нашей гостиной на Бейкер-стрит? Почему миссис Хадсон не доложила о ее приходе?

— Я баронесса фон Штуппель, — продолжала она, не получив ответа. Судя по властному взгляду, эта женщина привыкла добиваться своего.

— Прошу прощения за мою невежливость, — сказал я, быстро поднимаясь со стула. — Мистер Холмс знает о вашем приходе?

Она кивнула.

— Я уверена, что мистер Холмс осведомлен о каждом моем шаге.

Итак, баронесса и сыщик уже были знакомы. Тем не менее меня интересовало, почему Холмс не предупредил, что ожидает ее. Я почувствовал смутную тревогу: уж не случилось ли чего с моим другом?

— Возможно, я могу что-нибудь сделать для вас до возвращения мистера Холмса. — Я указал на стул напротив моего. — Пожалуйста, садитесь.

Она села с присущей светской даме грацией и вынула из большой, замысловато украшенной сумки веер с восточ-

ным рисунком. Несколько секунд она обмахивалась им, очевидно, утомленная затянувшейся летней жарой, потом посмотрела на меня, прикрывая лицо веером.

— Не сомневаюсь, что могу доверять вам, доктор, ибо вы, безусловно, джентльмен. — Она опустила взгляд. — Надеюсь, я не позволила себе лишнего?

Что-то в ее безупречном поведении сбивало меня с толку. Мне очень хотелось, чтобы здесь оказался Холмс, но я рассчитывал, что моя наблюдательность меня не подведет.

— Простите, баронесса, — заговорил я, с трудом подбирая слова, — но в ваших манерах есть что-то необычное. Вы как будто стараетесь держаться на расстоянии, словно вам есть что скрывать.

— Есть что скрывать? Что вы имеете в виду, доктор? — Несмотря на удивленный тон, она не убирала от лица веер.

— Возможно, всему виной ваши нервы, — быстро добавил я, чувствуя, что в посетительнице есть нечто, пока ускользающее от меня, что-то, что нам еще предстоит определить. — Если вы хотите, чтобы мы вам помогли, то должны довериться нам полностью. Коль скоро вы знакомы с мистером Холмсом, то, несомненно, понимаете, что иного пути нет.

Баронесса разразилась явно не аристократическим хохотом.

— Вы отлично усвоили мои методы, Уотсон! — сказала она, отсмеявшись, хорошо знакомым мне голосом.

Мне не следовало удивляться очередному трюку Холмса. В конце концов, он неоднократно проделывал подобное. Тем не менее должен признать, что я был немного раздосадован.

— Холмс, — начал я, — почему вы постоянно...

Сыщик ответил, не дав мне окончить фразу:

— Как врач вы должны быть наблюдательным. Если мой маскарад мог обмануть вас хотя бы на несколько минут, значит, я могу появляться в нем и в других местах.

— В других местах? Вы имеете в виду...

Холмс снял дамскую шляпу и парик.

— Да, мы должны снова посетить некое посольство.

— В таком виде? — забеспокоился я. — Простите, Холмс, но вы уверены, что это лучший способ...

— После того, что произошло вчера утром? — Он махнул рукой, утопавшей в кружевах. — Это единственный способ, Уотсон.

Вспомнив о недавних событиях, я был вынужден согласиться.

Всего днем раньше мы узнали о неприятностях в маленькой балканской стране. Холмс попросил меня сопровождать его на свидание, касающееся дела, по его словам, «представляющего определенный интерес». Хотя я донимал его вопросами, он больше ничего не сообщил.

Холмс и я находились менее чем в одном квартале от большого здания посольства в фешенебельном районе Лондона, когда услышали взрыв.

— Это, несомненно, бомба, — заметил мой друг, сохраняя все ту же размеренную походку. — В карете у посольства. Я этого ожидал.

Конечно, Шерлок Холмс мог себе позволить развивать свои теории, но я как врач считал своим долгом поспешить на помощь раненым. Забежав за угол, я увидел огромное черное пятно перед железными воротами посольства и громко назвал свою профессию на случай, если в ней была нужда.

Высокий мужчина в опрятном мундире шагнул вперед с места взрыва. В каменной стене неподалеку от него зияла большая дыра; створки ворот сильно погнулись.

Мужчина любезно улыбнулся мне, хотя, несомненно, был потрясен происшедшим.

— Весьма великодушно с вашей стороны, доктор. Однако... — Он сделал паузу и поклонился кому-то еще. Посмотрев в том направлении, я обнаружил, что Холмс подоспел всего на несколько секунд позже меня. Воспитанный джентльмен в мундире тут же кивнул мне, давая понять, что обращается к нам обоим. — Вред причинен в основном имуществу, а не людям — в значительной степени благодаря вашему письму.

— Вы полковник Гельтхельм? — осведомился Холмс.

— Он самый, — отозвался полковник и улыбнулся сыщику. — К счастью, никто не пострадал. Мы очень признательны вам за предупреждение.

Очевидно, Холмс уведомил посольство о готовящемся взрыве, который удивил только меня. Я посмотрел на старого друга, но он заговорил, прежде чем я успел его упрекнуть.

— Доказательства были повсюду, Уотсон. Самые очевидные из них — в колонках новостей из-за рубежа.

Я кивнул. Даже мне было известно о волнениях, происходящих в последнее время в маленьких балканских республиках.

— Разумеется, — продолжал Холмс, — я прочитал и о прибытии корабля из страны, которую представляет это посольство. С моей стороны было бы оплошностью не заметить также объявление о лекциях профессора ван Зуммана.

— Ван Зуммана? — Это имя было знакомо и мне. — Вы имеете в виду анархиста?

То, что профессор читает лекции, не должно было удивлять. В таком городе, как Лондон, можно широко продемонстрировать свои знания, если при этом вести себя цивилизованно. Однако все, что касалось ван Зуммана, плохо сочеталось с цивилизованностью.

Холмс кивнул.

— Несмотря на свои радикальные взгляды, ван Зумман не совершил никакого преступления.

Я не мог поверить, что Холмс так спокойно говорит об этом человеке.

— Вы хотите сказать, никакого преступления, за которое он был бы осужден!

Холмс кивнул во второй раз.

— В том-то и вся хитрость, Уотсон. Благодаря связям со Скотланд-Ярдом мне известно, что имя ван Зуммана неоднократно возникало в связи с нераскрытыми преступлениями — в том числе с убийствами. — Он указал на почерневшие ворота посольства. — Негодяй до сих пор на свободе, ибо умеет маскироваться, и описания преступника отличаются друг от друга в каждом случае, хотя и имеют общие черты — в частности рост и осанку. — Тон сыщика был слегка пренебрежительным, так как он и я хорошо знали, кто из присутствующих здесь подлинный мастер маскировки. — За день-два до террористического акта ван Зуммана часто видели поблизости от места преступления.

— Простите, — вмешался полковник Гельтхельм. — Но знакомый вам джентльмен прибыл сюда раньше вас и возможно обнаружил что-нибудь полезное. — Он указал на лестницу, ведущую в посольство, которая осталась невредимой. — Я взял на себя смелость вызвать полицию.

— Разумная предосторожность, — согласился Холмс.

Он и я посмотрели на лестницу и увидели приближающуюся к нам с недовольным видом знакомую фигуру.

— Инспектор Лестрейд! — окликнул я.

Он поморщился, словно не испытывал радости от встречи с нами, но кивнул нам обоим.

— Мистер Холмс, доктор Уотсон, должен признать, что время, проведенное в этих стенах, ничем меня не обогатило.

— Значит, вы прибыли сюда еще до взрыва, Лестрейд? — спросил я.

Мой вопрос заставил его поморщиться еще сильнее.

— Да, но от этого не было никакого толку.

Я редко видел инспектора в столь дурном настроении.

— Вы ничего не могли поделать, — отозвался Холмс. — Очевидно, карета появилась внезапно.

— Это была не карета, а тележка с яблоками без всяких лошадей, — вежливо поправил джентльмен в мундире. — Неожиданно у ворот появилось человек шесть-семь, подтолкнули тележку к воротам и тут же скрылись.

Холмс кивнул, как будто ожидал услышать именно это.

— Так обычно они и делают. Если мне не изменяет память, аналогичный случай в Белграде произошел всего три месяца назад.

— Значит, вам известно о взрыве в Белграде? — удивился полковник, явно восхищенный его осведомленностью. — Там посольство не получило предупреждения, и ему был причинен куда больший ущерб.

Холмс оглядел улицу и нахмурился.

— Не думаю, что эта попытка останется единственной. Следующая может оказаться куда более изощренной. — Он повернулся к человеку в мундире. — Я должен переговорить со всеми, находящимися в посольстве.

На сей раз полковник перестал улыбаться.

— Боюсь, что это невозможно.

— Уверяю вас, я — воплощение скромности, — настаивал Холмс.

— Ваша репутация в этом отношении известна всем, — кивнул полковник. — Но, к сожалению, это ничего не значит для великого герцога.

— Охотно верю, — вмешался Лестрейд. — Со мной он просто не пожелал разговаривать!

Полковник Гельтхельм кивком подтвердил заявление Лестрейда.

— Герцог обосновался в посольстве, чтобы дистанцироваться от неприятностей на родине. К тому же он бережет свое время.

— Даже если его жизнь в опасности? — недоверчиво спросил я.

— Увы, герцог тяжелый человек. С государственными делами он обходится весьма бесцеремонно, ничто не может нарушить его распорядок.

— Возможно, — заметил мой друг, — нам удастся обойти это препятствие.

Голос Холмса пробудил меня от размышлений.

— Вы ведь помните, как мы покинули посольство, Уотсон. Я связался с полковником Гельтхельмом, и он обещал нам помочь.

В который раз планы Холмса оказались за пределами моего понимания.

— Помочь? Чем?

— Сегодня в посольстве чаепитие, на котором появится баронесса.

— Вы имеете в виду, что отправитесь туда один, переодетый женщиной? — Зная, что подобный метод не чужд Холмсу, я счел это в данном случае неразумным по многим причинам. — Ведь неизвестно, как именно ван Зумман нанесет следующий удар!

— Вот именно, Уотсон! Поэтому я и шагу не сделаю без вас.

— Вы хотите взять меня с собой? — Очевидно, мне суждено постоянно удивляться Холмсу.

— Может же баронесса привести с собой личного врача! — Холмс поднялся и, улыбаясь, разгладил юбку.

Поэтому я вновь оказался у ворот посольства, на этот раз в компании баронессы фон Штуппель.

Я решил для большей уверенности в успехе думать о Холмсе как о баронессе. Как напомнил мне Холмс, наша главная цель — помешать ван Зумману совершить еще какое-нибудь преступление. Добиться большего казалось маловероятным.

Баронесса споткнулась, выходя из кареты, и одарила меня кокетливой улыбкой:

— Мне редко приходилось носить женские туфли.

Я почувствовал, что мои щеки слегка покраснели при виде затруднений Холмса... то есть баронессы. Очевидно, лучше на нее не смотреть.

Полковник Гельтхельм поджидал нас у ворот.

— Чаепитие только что началось. Пунктуальность высоко ценится в моей стране. — Будучи стопроцентным джентльменом, полковник не стал комментировать внешность Холмса. — Сюда, — указал он рукой в белой перчатке. — Здесь боковой вход для особых гостей.

Баронесса грациозно присела в реверансе и последовала за полковником по дорожке к другим железным воротам. Я замыкал шествие, подстраиваясь под быстрые и мелкие шажки баронессы, чей турнюр покачивался передо мной, и не находил в этой аристократке ни единой из хорошо знакомых мне черт моего друга.

Сняв с пояса связку ключей, полковник отпер вторые ворота и провел нас в здание посольства, изобилующее роскошными коврами и портьерами. В спокойной атмосфере холлов не ощущалось и намека на неприятности в стране, чьи интересы представляло посольство.

Но даже мягкие ковры не смогли заглушить звуки быстрых шагов позади нас.

— С дороги! — послышался хриплый голос. — Государственное дело!

Полковник быстро обернулся.

— Это наши гости, граф Орлок.

— Гости? — насмешливо переспросил голос. — Все должны уступать дорогу тем, кто решает судьбы королевства!

При этих словах баронесса и я тоже обернулись. К нам приближались трое мужчин в темных костюмах. Двое были высокими и мускулистыми, а третий — гораздо ниже и невзрачнее, однако кричал именно он.

— Предупреждаю вас! Прочь с дороги, или головы покажутся с плеч!

Низенький граф шагнул напрямик к баронессе фон Штуппель, несомненно, намереваясь отодвинуть ее в сторону. Он буквально налетел на обширную грудь баронессы, но та не сдвинулась с места. Граф отскочил, как мячик, и быстро обошел даму, приказав своим спутникам следовать за ним. Проходя мимо баронессы, оба здоровяка сердито посмотрели на нее.

Полковник виновато кашлянул.

— Вы должны простить графа Орлока. Он расстроен из-за того, как великий герцог ведет дела.

Баронесса посмотрела на него поверх развернутого вера.

— До меня доходили слухи, что он окружает себя женщинами?

Полковник Гельтхельм печально кивнул.

— Наш герцог уже немолод и заявляет, что хочет провести оставшиеся годы в занятиях, которые доставляют ему удовольствие.

Я мог бы удивиться, если бы уже не столкнулся в этом здании с многими невероятными явлениями. Тем не менее я не удержался от вопроса:

— Как же он занимается государственными делами?

Лицо полковника помрачнело еще больше.

— Герцог уделяет время серьезным делам, если его знакомят с ними представительницы прекрасного пола.

— Значит, мои сведения верны, — тихо произнес Холмс голосом сыщика, а не баронессы.

— Конечно, это игра, — вздохнул полковник, — но разве то же самое нельзя сказать о любой политике? Пойдемте, я должен представить вас герцогу.

Он проводил нас по коридору к двойным дверям, охраняемым двумя часовыми в серой униформе, похожей на мундир полковника. При виде нас они взяли на караул и по краткому приказу полковника распахнули двери настежь.

За ними оказался великолепный салон, где находилось около полусотни богато одетых людей. Более всего меня удивило то, что толпа в основном состояла из женщин, которых было раз в пять больше, чем мужчин.

— Герцог в блеске своей славы, — тихо сказал нам полковник. — Пожалуйста, следуйте за мной.

Мы храбро двинулись за нашим гидом в зал, полный женщин. Их возраст колебался примерно от двадцати до восьмидесяти лет, но все были одеты настолько роскошно, что даже такой повидавший мир врач, как я, был ослеплен этим зрелищем. Баронесса в отлично скроенном, но весьма практичном твидовом платье в подобной компании выглядела золушкой. Тем не менее она уверенно следовала за полковником, несмотря по сторонам и не обращая внимания на шепот женщин, разглядывающих вновь прибывшую.

— Прошу прощения, мой герцог! — окликнул полковник, когда мы приблизились к группе, состоящей из полуджины женщин, окруживших седовласого мужчину.

Последний недовольно отвернулся от хорошенькой девушки, поглаживающей его лоб.

— Как вы смеете меня беспокоить? — осведомился он.

— Я ни в коей мере не собираюсь вас беспокоить, — сказал полковник. — Напротив, я хочу придать дополнительное разнообразие вашему окружению. — Он указал на нашу спутницу. — Могу я представить вам баронессу фон Штуппель?

— Безусловно, можете! — Герцог выбрался из группы женщин и направился к баронессе с любезной улыбкой. — Это большая честь. Кажется, мы дальние родственники? С королевскими семьями всегда проблемы — там все друг другу родственники. — Он посмотрел на меня, и его голос сразу же стал ворчливым: — А это кто?

— Всего лишь мой личный врач, — ответила баронесса. Ее утопающая в кружеве рука взметнулась ко лбу. — Доктор, где моя нюхательная соль?

Баронесса раскачивалась взад-вперед, едва не касаясь окружающих. Я порылся в медицинском саквояже, нашел подходящий по виду пузырек и передал его баронессе, которая, деликатно понюхав содержимое, вернула его мне.

— Боюсь, мне стало дурно от подобного великолепия! — воскликнула она, обмахиваясь веером. — Мне так не терпелось предстать перед вами!

Я испугался, что баронесса немного пересолила, но герцог выглядел очарованным.

— Мы должны предоставить место нашей новой госте! — Он подал знак ближайшей матроне, и та тут же освободила стул. — Прошу вас!

Баронесса присела в реверансе.

— Вы чрезвычайно любезны.

— Вы принадлежите к женщинам, с которыми я не могу вести себя иначе! — заявил герцог.

— Я слышала множество рассказов о вашей любезности, мой добрый герцог, — улыбнулась баронесса, занимая предложенный стул. — Но должна признать, я не ожидала встретить человека, обладающего столь острым умом и такой неистощимой энергией.

Герцог выпятил грудь и погладил свои медали.

— К сожалению, мы мало контактируем с лондонской знатью. Если за этими стенами есть другие женщины, подобные вам, мое посольство станет походить на тюрьму.

— Скорее на убежище, где можно отдохнуть в изысканной обстановке... — баронесса посмотрела на герцога, — если только знаешь, куда обратить взгляд.

Полковник Гельтхельм отвел меня в сторону.

— Герцог разбит наголову, мой дорогой доктор. Наконец-то континентальная аристократка весьма зрелого возраста смогла бросить ему вызов.

От удивления я едва не лишился дара речи. Неужели полковник не знал секрета баронессы? Что, если Холмс не сообщил ему об обмане?

— Теперь я понимаю, насколько разумен план великого сыщика, — доверительным тоном продолжал полковник. — Возможно, герцог обратит внимание на наше предупреждение, если оно будет исходить из такого источника.

Мне оставалось только кивнуть.

Услышав деликатное покашливание, я обернулся и увидел успевшего успокоиться графа Орлока. Он вежливо поклонился мне и полковнику, возможно, стараясь искупить недавнюю грубость.

— Еще до наступления ночи герцог одержит новую победу, — шепнул граф.

Возможно, подумал я, баронесса перестаралась. Я посмотрел туда, где она все еще беседовала с герцогом. Баро-

несса извинилась и поднялась со стула, но герцог тут же встал следом за ней.

— Боюсь, я злоупотребляю вашим временем, — скромно произнесла баронесса.

Но герцог только рассмеялся.

— Моим временем? Теперь это наше время! Вы сможете освободиться от меня, только исчезнув с лица Земли!

— Вы слишком мне льстите. — Баронесса взмахнула веером. — Я всего лишь бедное дитя континента, случайно заплывшее в лондонский высший свет.

— Неважно! — отмахнулся герцог. — Со мной вы быстро станете очень богатой!

Баронесса отвела взгляд.

— Мне не помешал бы глоток свежего воздуха. Вы позволите мне посмотреть на звезды?

Но герцог не собирался уступать.

— Единственные звезды, которые мне нужны, сияют в ваших глазах! — промурлыкал он.

Веер баронессы ускорил темп.

— Доктор! Моя соль!

С этим пришлось посчитаться даже сиятельному ухажеру.

— стакан воды для дорогой баронессы! — приказал он.

Я решительно шагнул между герцогом и объектом его привязанности.

— Вода не поможет баронессе — ей необходим воздух.

Герцог и его свита почтительно отступили.

— Благодарю вас, Уотсон, — шепнула мне на ухо баронесса. — Внимание герцога и впрямь стало удушающим. Но думаю, нам нужно остаться. Убийца в любой момент может нанести удар!

В мою руку вложили стакан с водой. Я увидел крепко сбитую служанку, резко отличавшуюся от толпившихся в зале респектабельных слуг. Ее, несомненно, взяли из крестьянской семьи на родине герцога.

Баронесса подняла веер, чтобы попить воды, не опасаясь чужих взглядов.

— Ну вот! — с удовлетворением сказала она, передавая стакан одному из слуг. — Теперь мне лучше. — Баронесса

опустила веер. — Герцог, мне хотелось бы расспросить вас о вашей стране.

Герцог улыбнулся и снова шагнул ближе.

— Уверен, что вы останетесь пообедать с нами.

Но тут заговорила одна из окружающих его женщин:

— Вы монополизируете нашу новую гостью, скверный герцог! Пойдемте, баронесса, подышим воздухом!

Мои худшие опасения начали оправдываться. Мы пали жертвой женской ревности. Баронессе оставалось лишь повиноваться. Я беспомощно наблюдал, как она вместе с полудюжиной женщин направляются к месту, куда мужчины не имеют доступа.

Граф Орлок снова возник передо мной. Казалось, он хотел поговорить о баронессе. Я не мог сосредоточиться на беседе. За одним-единственным исключением, Холмс никогда не уделял особого внимания прекрасному полу. Какowo ему придется в компании женщин?

Граф трещал без умолку. Я молча кивал. Убедившись в бесполезности попыток вывести у меня что-либо о моей спутнице, маленький человечек переключился на политику.

— У меня так мало возможностей изучить британскую точку зрения. В сравнении с моей страной...

Разговор стал действовать мне на нервы.

— Думаю, у вас прибавится возможностей, — весьма нелюбезно отозвался я, — если вы будете навязывать свое общество не столь... энергично.

Однако граф несколько не обиделся.

— Приходится использовать любые возможности, мой дорогой доктор, — сказал он, покачав головой.

Тем временем вернулись женщины. Они смеялись — и баронесса в том числе!

— О, доктор! — восторженно обратилась ко мне молодая девушка. — Ваша баронесса — просто чудо! Настоящий фонтан сведений — сколько она нам рассказала о тканях, длине платьев и изменениях в количестве нижних юбок! Ей известны все перемены в одежде за последние пять-десять лет! Я и понятия не имела, что мода так неустойчива!

Я улыбнулся. Мои беспокойства вновь оказались беспочвенными. Холмс никогда не переставал удивлять меня.

Повернувшись к баронессе, я увидел, что она поманила меня веером.

— Я получил кое-какую полезную информацию, Уотсон, — сказала мне баронесса, когда я подошел к ней. — Если не ошибаюсь, убийца находится не среди женщин — по крайней мере, не среди этих женщин.

Я хотел спросить, как он это узнал, но мне помешал герцог.

— Я взял на себя смелость распорядиться, чтобы к обеду приготовили некоторые блюда моей страны. — Он указал на крепко сбитую служанку, которая вернулась с большим серебряным подносом, полным яств.

Герцог склонился к баронессе.

— Панированная треска в пиве — особо изысканное лакомство!

— В самом деле? — осведомилась баронесса, обмахиваясь веером.

Быстро подойдя к служанке, герцог взял что-то с подноса.

— Возможно, вы хотите чего-нибудь полегче? Попробуйте пирожные с нашими местными ягодами.

Граф снова подошел к нам.

— Я уверен, герцог, что вам не терпится испробовать фаннснуфель!

Рядом с ним как раз оказалась одна из служанок с подносом, нагруженным какой-то стряпней белого цвета.

Герцог быстро проглотил пирожное.

— Фаннснуфель — моя страсть! Во всяком случае — одна из них! — Герцог и граф широко улыбались, но баронесса нахмурилась.

Щелкнув пальцами, граф отогнал от серебряного подноса остальных.

— Мы всегда предоставляем герцогу первому пробовать фаннснуфель. Как он сказал, это его страсть. Насколько я понимаю, это специально приготовленная порция.

Герцог не сводил глаз с высокой женщины в твидовом платье.

— Это блюдо — гордость моей страны. Быть может, дадим его сначала нашей почетной гостье?

Граф уставился на герцога, как будто тот предложил нечто немыслимое.

— А вдруг крем кисловат? Вы ведь знаете, что если его не смешать как следует с желтым сахаром, результат может быть катастрофическим.

— Тогда мы попробуем фаннснуфель вместе, — отозвался герцог, по-прежнему глядя на баронессу. — Я дам вам кусочек, а потом...

Баронесса подняла веер.

— Хотя мне и не терпится полакомиться деликатесами вашей кухни, я чувствую, что от этого блюда лучше воздержаться, и совету ю вам поступить так же.

— Значит, вы предлагаете мне поберечь аппетит для других яств? — Лицо герцога приняло плотоядное выражение.

— Нет, — ответила баронесса. — Граф выглядит так, словно им пренебрегли. Я предлагаю, чтобы первым попробовал фаннснуфель он.

— Предложение воистину великодушной дамы! — согласился герцог.

Граф сильно побледнел.

— У меня нет аппетита.

— Даже для блюда, приготовленного по рецепту вашей сестры? — с удивлением спросила баронесса.

Граф уставился на нее.

— Что вы знаете о моей сестре?

— Только то, что она работала здесь, надзирая за кухней и прислугой. Графиня всегда предпочитала занимать положение, не соответствующее ее рангу. Она уволилась как раз перед вашим прибытием. Удивительное совпадение! — Баронесса посмотрела на меня и улыбнулась. — Поразительно, сколько можно узнать, беседуя с придворными дамами.

— Ох уж эта графиня! — пробормотал герцог. — Красивая женщина, но такая таинственная. Ничего не рассказывала о своей семье. Появление здесь графа Орлока явилось полной неожиданностью!

— На что вы намекаете? — осведомился граф слегка дрожащим голосом.

Полковник Гельтхельм шагнул ко мне.

— Какие-нибудь затруднения?

— Вот и превосходный источник информации! — воскликнула баронесса. — Надеюсь, полковник, вы позволите задать вам несколько вопросов деликатного свойства?

— Если герцог не возражает, я к вашим услугам.

— Вообще-то я первым занял очередь, полковник, — заметил герцог. — Но, разумеется, вы можете ответить на вопросы очаровательной дамы.

Баронесса грациозно кивнула.

— Насколько я понимаю, если не считать графа, штат посольства представляет собой... почти одну семью?

Полковник прочистил горло.

— Видите ли, я женатый человек. Но я слышал, что некоторые из моих офицеров поддерживают... э-э... близкое знакомство с придворными дамами.

— Конечно, ведь они все находятся в чужой стране, — кивнула баронесса. — Этого следовало ожидать. Однако граф, кажется, держится особняком, как, по-видимому, держалась и его сестра?

Граф выглядел явно смущенным.

— Я нахожу удовольствие в других вещах.

— Возможно, в фаннснуфеле? — Баронесса ухватила с подноса кусок липкой массы. — Попробуйте!

Граф отвернулся.

— Очевидно, мысли о вашей семье лишают вас аппетита, — усмехнулась баронесса. — Кстати, я знаю вашего отца, профессора ван Зуммана.

— Ван Зуммана? — тревожно вскрикнул полковник Гельтхельм.

— Вероятно, когда бомбы не сработали, граф, — продолжала баронесса, — вы изобрели более изощренный способ, вроде отравленного фаннснуфеля. Или мне следует называть вас графиней?

— Довольно! — Граф выхватил нож. Его — или ее? — голос становился все более высоким. — Яд слишком хорош для этого распутного герцога! Я убью его собственноручно!

Полковник шагнул вперед, собираясь вмешаться, но остановился, увидев, что три служанки крепкого, явно не женского сложения тоже вытащили ножи.

Баронесса покачулась.

— Доктор, моя соль!

Все обернулись ко мне, когда я стал рыться в медицинском саквояже, жалея, что не захватил с Бейкер-стрит мой револьвер. Что хотел от меня Холмс?

— Если вы хотите убить герцога, сначала вам придется разделаться со мной! — Я увидел, что баронесса выпрямилась, держа в руке мой револьвер!

— Удивительно, чего только не пронесешь в дамской сумочке, — заметила она. — Уверяю вас, графиня, я умею им пользоваться, и если вы подойдете к герцогу, выстрелю без колебаний!

— Вы храбрая женщина! — воскликнула разоблаченная графиня. — Видно, вы не впервые попадаете в переделку! Мне всегда хотелось быть такой, как вы, но моя нация чересчур робка. Взгляните на этого жалкого герцога — типичный образчик правящего класса! Только человек, так же искушенный в политике, как я, может управлять этой страной!

Баронессе было не суждено воспользоваться револьвером. Полковник Гельтхельм громко крикнул стражу, и в комнату вошли часовые, держа наготове оружие.

— Понимаете, — объяснила баронесса, когда злоумышленников увели, — графиня, несомненно, подчиняясь приказам отчима, нашла способ отравить герцога. Но так как она заведовала кухней, то сразу же попала бы под подозрение. Поэтому графиня исчезла, а ее место занял так называемый граф Орлок.

— Графиня, переодетая графом! — воскликнул изумленный герцог. — Кто бы мог представить себе подобное?

Баронесса спрятала револьвер в сумку и снова подняла веер.

— Уверяю вас, мой дорогой герцог, я могу представить себе и это, и многое другое.

Ее слова явно усилили возбуждение герцога.

— Вы и в самом деле отважная женщина, баронесса! Это заставляет меня все сильнее жаждать вашего общества!

Баронесса склонила голову.

— Увы, мой герцог, боюсь, что моя судьба находится не здесь. Я должна вас покинуть.

Она повернулась и грациозной, но решительной походкой направилась к выходу. Я бегом еле поспевал за ней.

— Но вы не можете оставить меня таким образом! — донесся из зала голос герцога. — Моя жизнь уже никогда не будет прежней! Если вы существуете, я вас найду!

— Значит, — шепнул мне Холмс, — баронесса должна исчезнуть.

Не прошло и недели, как на Бейкер-стрит, 221-б пришло письмо из посольства. Герцог умолял великого сыщика разыскать баронессу. Цена не имела значения.

Холмсу пришлось ответить герцогу, что он поглощен другими делами. Чтобы выполнить поручение герцога, могла потребоваться целая вечность. И хотя я запечатлел на бумаге эту историю, как и все прочие, она может оставаться неопубликованной такой же срок.

Ирэн Адлер одержала верх над Шерлоком Холмсом в «Скандале в Богемии», а спустя двадцать лет ее дочь проделала то же самое. Однако в недавно открытой рукописи, текст которой представлен ниже, «Та Женщина» ищет помощи Холмса и на сей раз, кажется, намерена играть честно. Хотя кто знает!

Элайн Майетт-Вольски

ТА ЖЕНЩИНА

В тот зимний вечер нас посетила очень красивая леди, одетая по последней моде. Я заметил, как сузились глаза Холмса, когда он склонился над ее рукой без единого украшения, которая, казалось, предназначена самой природой для дорогих перстней. Я тоже обратил внимание на их отсутствие. Возможно, долгое общение с моим другом наконец обострило мою наблюдательность, а может, все дело было в том, что у нашей посетительницы не было не только колец, но и перчаток.

Услышав, как Холмс назвал женщину «миссис Нортон», я понял, что он узнал ее. Кивком он указал ей на удобный стул у камина, где огонь в очаге и лампа на полке позволяли наблюдать за выражением ее лица. К моему стыду, меня позабавило, как она воспрепятствовала этому его намерению, слегка передвинув стул. Теперь на ее лицо падала тень. Однако Холмс не выглядел обескураженным, что меня, впрочем, нисколько не удивило.

— Миссис Нортон, — заговорил он, — я рад возобновить наше знакомство, хотя поспешность, с которой вы вошли в мою дверь, свидетельствует о том, что вас что-то беспокоит.

— Поспешность, мистер Холмс? — переспросила она. — Не помню, чтобы я спешила.

— Когда леди выходит из дома, забывая надеть перчатки, и так торопится, что ее вуаль кольшется от учащенного дыхания, я считаю это признаками спешки и беспокойства.

Женщина медленно кивнула.

— Я и пришла сюда как раз в надежде на то, что вы сможете помочь мне благодаря вашим талантам, которыми вы заслуженно славитесь.

— Благодарю вас за комплимент и уверяю, что готов служить вам своими так называемыми талантами с такой же готовностью, как и во время нашей прошлой встречи.

Конечно, Холмс имел в виду скандал в Богемии, когда король этой страны, собираясь жениться, обратился к Холмсу с просьбой вернуть компрометирующие письма и фотографию знаменитой оперной певицы Ирэн Адлер, как тогда звали нашу гостью. С тех пор великий сыщик относился к ней с уважением и восхищением, которые, насколько мне известно, не питал ни к какой другой представительнице слабого пола.

Ирэн Нортон вздохнула и подняла вуаль, открыв прекрасное лицо и большие блестящие глаза, сделавшие ее жемчужиной «Ла Скала».

— Я всегда сама определяла свою судьбу, — начала она, — по крайней мере, так мне казалось. Для такой независимой женщины, как я, напоминание о том, что существуют силы, способные причинить мне личный вред или финансовый ущерб, является неприятным сюрпризом. И хотя я долго ломала себе голову, но никак не смогла открыть источник или источники этих таинственных атак и стоящие за ними причины.

Длинные, испачканные химикалиями пальцы Холмса, свидетельствующие о многолетних научных экспериментах, барабанили по подлокотнику стула.

— Говоря об атаках, мадам, вы, надеюсь, не имеете в виду нападения на вас лично?

— Именно это я и имею в виду. За последнее время меня несколько раз намеренно толкали незнакомые мне прохожие, а вчера шайка уличных мальчишек, сквернословя, втолкнула меня в дверь, не причинив особого вреда, но помяв мне одежду. — Она глубоко вздохнула. — Меня это тревожит, сэр. Если вы помните историю с королем Богемии...

— Но тогда вы хранили у себя нечто, представляющее для него опасность, и отказывались с этим расстаться. Так что причина имелась.

— Да, имелась. Но сейчас я не представляю опасности для... ни для кого, так что же означают эти нападения? Кто мой враг? И что он — или она — от меня хочет?

Холмс поднялся, подошел к окну, выходящему на Бейкер-стрит, и, раздвинув занавески на два дюйма, посмотрел на освещенную фонарями улицу.

— Никого не видно, — заметил он. — По крайней мере, на данный момент вы, кажется, избавились от тех, кто вам докучал. Но я не убежден, что мелкие грубости, которыми вы подверглись, не являются всего лишь совпадениями. Например, уличные мальчишки...

— «Мелкие грубости», мистер Холмс? В том числе кража моих драгоценностей горничной, прослужившей у меня всего три дня, в апартаментах лучшего лондонского отеля?

Холмс вернулся от окна к камину, его взгляд, обращенный на даму, стал более внимательным.

— Должен признать, что когда внезапно происходит серия необычных происшествий — неважно, хороших или плохих, — более вероятным представляется, что они не случайны, а осуществлены кем-то с определенной целью. Пожалуйста, опишите подробно происшествия, которые заставили вас поспешить сегодня в мой дом.

— Вы хотите, чтобы я детально описала каждый инцидент?

— Да, как можно точнее.

Она задумчиво нахмурилась, и Холмс отвел взгляд от ее лица, словно не желая вторгаться в ее мысли. Мне пришлось в голову, что он далеко не всегда бывает столь предупредителен.

Вскоре Ирэн Нортон заговорила снова:

— Мне следовало догадаться, что это... кампания против меня...

Холмс встрепнулся.

— Кампания?

— Да, приходится признать, что это настоящая кампания по преследованию. Сначала мелкие неприятности, вроде краж по утрам газет из-под моей двери или порча дорогого платья, которое я поручила погладить горничной... Последний случай вынудил меня нанять новую служанку, которая, как я уже говорила, похитила все мои

драгоценности, не оставив в шкатулках ни единой побрякушки. Поистине безжалостная маленькая воровка!

Ее прекрасные глаза сердито блеснули, а Холмс метнул на меня насмешливый взгляд.

— Что касается воров, мадам, то жалость к жертвам им редко присуща. Как правило, они не оставляют сувениры в знак утешения.

— Мне это известно, сэр, но в данном случае у меня была доверительная беседа с этой девушкой, и она настолько мне понравилась, что я рассказала ей, как сильно дорожу драгоценностями, подаренными одной высокопоставленной особой: бриллиантовым морским коньком и изумрудным гарнитуром. Только подумать, что она украла даже их!.. Мне стыдно перед вами, джентльмены, что я оказалась такой доверчивой душой!

— Вам нечего стыдиться, мадам, — промолвил Холмс с несвойственной ему в подобных случаях мягкостью. — Ваша вера в людей заслуживает всяческой похвалы. Можете ли вы сообщить нам о других враждебных актах?

— Да. Однажды я ехала в экипаже по Треднидл-стрит, где у меня была назначена встреча. Внезапно какой-то мужчина вскочил на подножку, влез в кабину и велел мне отвернуться, чтобы я не могла видеть его лицо. Я так испугалась, что сразу подчинилась.

— Неудивительно. Он походил на разбойника?

— В том-то и дело, что нет. Он был прилично одет и говорил... ну, как джентльмен. — Она покачала головой. — Когда я вспоминаю этот голос, то каждый раз чувствую себя озадаченной...

— Вы слышали его и раньше?

— Не то чтобы слышала, но в нем ощущалось нечто знакомое и не внушающее опасений... Я понимаю, что от моего рассказа нет никакого толку, но...

Она умолкла. Холмс шагал, опустив голову, взад-вперед по ковру, лежащему у камина.

— Уверяю вас, миссис Нортон, ваш рассказ в высшей степени полезен. Что именно сказал ваш незванный попутчик?

— Это самое странное во всей истории. Он сказал: «Продолжайте делать то, что делаете, — и ваша прежняя жизнь кончена».

— «Ваша жизнь кончена»? Иными словами, он вам угрожал?

Она колебалась.

— Это звучало скорее как предупреждение, чем как угроза.

— Но он не указал, что именно в вашем поведении является таким неприятным для... кого-то?

— Нет.

— Ну, мне достаточно ясно, что против вас задуман весьма изощренный план, но мозг, который его осуществляет, не обладает должным количеством извилин, чтобы довести его до конца. Например, — продолжал Холмс, прижав руки к бедрам и склонившись вперед, — я полагаю, что лицо или лица, замыслившие этот план, не преступники, а британцы по происхождению, образованию и интересам, которые твердо уверены, что служат своей стране.

— Действуя против меня? — Даже при тусклом освещении была заметна ее внезапная бледность. — Но это ужасно! Что могло заставить их прийти к такому выводу?

— У них свои причины. Видимо, ими движет твердое убеждение, и они нанимают людей, чтобы терроризировать вас, сохраняя свою личность в тайне, — во всяком случае, до сих пор. Думаю, положение скоро изменится. Возможно, если нам удастся добраться до одного из этих наемников, мы сможем заставить его назвать имя своего хозяина.

— Вы имеете в виду подкуп? — Ее нога забарабанила по ковру в невольном протесте.

— У вас есть какие-нибудь предположения насчет того, что все это может значить? — резко осведомился Холмс. — Есть у вас причины считать, что в Лондоне находятся враждебные вам люди?

Она покачала головой, глядя на свои пальцы, разглаживающие бархатные ленты на шляпе.

Холмс задумчиво смотрел на нее — на его худом лице мелькали отблески огня в камине.

— Выражаясь фигурально, в этой, как вы ее назвали, кампании что-то не клеится, — снова заговорил он. — Вы рассказали о краже, угрозе, даже физическом насилии, но во всех этих происшествиях слишком много различных черт. Все вместе они выглядят как причудливый портрет, где рот

написан Гейнсборо¹, глаза — Хольбейном², а нос и подбородок — Рейнолдсом³. Можете себе представить, как нелепо выглядит результат? Возникает вопрос: где тут связь? Должен быть какой-то элемент, соединяющий эти черты. — Он повернулся ко мне. — Вы следите за ходом моих рассуждений, Уотсон?

Я редко бывал способен на такое в начале дела, и Холмс отлично это знал, но всегда питал надежду на противоположное.

— Мне не все ясно, Холмс. Должен признать, что от меня ускользает какая-либо связь между эпизодами, описанными миссис Нортон.

— Совершенно верно. Так и было задумано, Уотсон, потому что подобная связь способна открыть тайну этого весьма неприятного преследования.

— Надеюсь, — вздохнула миссис Нортон. Часы пробили девять, и она поднялась, опутив вуаль и набросив бархатную накидку. — Я отняла слишком много вашего времени...

Холмс проводил ее до ближайшей стоянки кэбов и усадил в экипаж.

— Миссис Нортон согласилась, хотя и неохотно, предложить щедрое вознаграждение — фактически взятку — за имя ее врага, — сообщил он, вернувшись, и покачал головой. — Это шаг в нужном направлении, но она не была с нами откровенна, Уотсон. Миссис Нортон что-то утаивает, и это ставит под угрозу мои защитные меры. Тем не менее я намерен ей помочь, несмотря ни на что.

После этого Холмс потянулся за трубкой и кисетом с чудовищно крепким, на мой взгляд, табаком. Усевшись в свое любимое кресло, он погрузился в размышления, и я, не желая ему мешать, потихоньку удалился к себе.

Холмс твердо решил, откуда ему начинать расследование. На следующее утро мы с ним посетили вестибюль

¹ Гейнсборо Томас (1727—1788) — английский художник.

² Хольбейн Ханс Младший (1497 или 1498—1543) — немецкий художник, работавший в Англии.

³ Рейнолдс Джошуа (1723—1792) — английский художник.

отеля ***, который миссис Нортон избрала в качестве временного лондонского жилища. Она не упоминала ни о планах на будущее, ни о местопребывании ее мужа, мистера Годфри Нортон. Меня интересовала судьба этого брака, но сплетни подобного рода редко привлекали внимание Холмса, и он не касался этой темы.

Поэтому меня удивило, когда Холмс направился к столу, где лежали свежие газеты, предназначенные для постояльцев отеля. Взяв одну из них, он сразу открыл раздел светских новостей.

— Может быть, нам лучше читать сидя? — недовольно предложил я.

Не откладывая газеты, Холмс двинулся к ближайшей банкетке. Мы сели, и он погрузился в чтение, словно не замечая происходящего вокруг. Казалось, Холмс жадно впитывает каждую скандальную сплетню, описания увеселений и сообщения о рождении очередного отпрыска знатного семейства.

Наконец он кивнул, сложил газету и с интересом огляделся, хотя, по-моему, вокруг не было ничего заслуживающего внимания. В нескольких футах от нас стоял высокий мужчина с сигарой и беседовал с клерком, прислонившись к стойке; в дальнем углу уборщица, стоя на коленях, счищала свежее пятно с ковра; на соседней банкетке вполголоса разговаривала молодая пара; несколько других посетителей двигались в разных направлениях. Все выглядело вполне обычным.

Но это продолжалось недолго.

Холмс поднялся, я тоже встал и направился следом за ним к стойке дежурного. Подав клерку знак отойти, он, к моему смущению, без колебаний обратился к высокому мужчине:

— Я Шерлок Холмс, а это мой друг, доктор Уотсон, который, как и вы, ветеран войн в солнечных индийских землях.

Незнакомец выглядел неуверенно, переводя взгляд с Холмса на меня.

— Я знаю вас, джентльмены?

— Нет, — откровенно ответил Холмс, — но думаю, мы знаем вас. Мне кажется, вы до недавнего времени служили в армии ее величества, но, очевидно, пристрастились к

игре, причем играли неудачно. В результате вас уволили со службы, и вы опустились до того, что угрожаете женщинам ради денег.

— Сэр! — Незнакомец был такого же роста, как Холмс, мог смотреть ему прямо в глаза, и взгляд его не отличался дружелюбием. — Сейчас слишком рано, чтобы напиваться, но я не могу приписать ваше поведение ничему иному, кроме...

— Сколько вам заплатили за то, чтобы вы, бывший капитан — или майор? — позабыли, как подобает себя вести джентльмену?

Мужчина побледнел и словно стал ниже на пару дюймов.

— Не понимаю... Должно быть, вы приняли меня за другого... Я категорически отрицаю...

— Ваши отрицания не имеют смысла, — прервал Холмс. — Я предлагаю нечто более практичное: крупную сумму денег за личность вашего нанимателя.

Незнакомец молча облизнул губы.

— Ну? — резко осведомился Холмс.

— Я не могу сообщить вам никаких имен, сэр, — с трудом вымолвил бывший офицер.

— Вы отказываетесь?

— Повторяю: я не могу сообщить никаких имен. Дело в том, что мне не известна личность моего нанимателя. Инструкции относительно моей... э-э... встречи с леди были просунуты мне под дверь вместе с деньгами, и их источник является для меня такой же тайной, как и для вас. Так что я не в силах вам помочь.

Выражение лица Холмса не изменилось. Достав из кармана несколько монет, он опустил их в карман незнакомца, который стыдливо отвел взгляд.

Выйдя из отеля, мы обошли несколько находящихся поблизости ювелирных магазинов, и в третьем из них расспросы Холмса дали результат. Да, владелец иногда покупал драгоценности у частных лиц. Нет, он никогда не имел дело с сомнительными личностями — только с людьми, чье положение не позволяло усомниться в их праве владения предлагаемыми предметами. Разумеется, мистер Холмс понимает, как тщательно следует заботиться о деловой репутации. Да, у него имеются драгоценности, описан-

ные джентльменом: бриллиантовый морской конек и изумрудный гарнитур. Они великолепны, не так ли? Вполне достойны даже ее величества, хотя она никогда не носит драгоценностей из-за траура по мужу. Увы, леди, которая продала их, сохранила инкогнито. Да, она, несомненно, дама из высшего общества, но он не знает ее имени и не может описать ее внешность. Эти плотные вуали, которые леди носят в наши дни...

— Снова неудача, Холмс, — посочувствовал я, когда мы вышли на тротуар.

— Совсем наоборот, друг мой. Мы начинаем быстро прогрессировать — фактически, мы уже прошли две трети пути к разгадке.

— Право, Холмс! — удивленно воскликнул я. — Единственный факт, который вам удалось установить, это что какая-то леди продала драгоценности Ирэн Нортон. Возможно, это была сама миссис Нортон. Такое вам не приходило в голову?

— Мне даже приходило в голову, что это мог быть переодетый мужчина. Не забывайте, Уотсон, «эти плотные вуали, которые леди носят в наши дни...»

Дул зимний ветер, и я спрятал руки в карманы. Однако Холмс как будто не ощущал холода. Он был поглощен загадкой, и хотя я обычно не нарушал его размышлений, меня настолько одолевало любопытство, что я бесцеремонно вторгся в них.

— Что навело вас на мысль, будто человек в отеле был непрошеным спутником миссис Нортон в экипаже?

— О чем вы? Это не составляло труда. Сидя вблизи стойки дежурного, я мог слышать каждого, кто обращался к клерку. Интонации речи были весьма важны — вы ведь помните, что миссис Нортон не почувствовала угрозы в словах незнакомца только потому, что его речь была такой же, как и у людей ее круга. Это, в свою очередь, указывало на то, что незнакомец, по-видимому, был хорошо образован и знал лучшие дни. Еще один факт: наш человек расположился в вестибюле. Заметили, как небрежно он прислонился к стойке портье? Можно ли найти лучшее место для наблюдения за приходом и уходом миссис Нортон? Кто-то же должен был этим заниматься. Подозреваю, что ему платили за наблюдение одну-две кроны в день.

— Платили? Кто?

— В этом и состоит наша проблема, Уотсон. Но нам не долго ломать над ней голову. Как я уже говорил, мы приближаемся к разгадке.

— И у вас не было никаких иных указаний на то, что это именно тот человек, который прыгнул в кэб, когда вы атаквали его так... внезапно?

— Вы хотели сказать — так грубо, Уотсон? Выражайтесь точнее. Да, естественно, у меня были другие указания. Этот человек явно лишился былого положения в обществе, иначе он не стал бы так фамильярно беседовать с гостиничным клерком. К тому же вы должны были заметить, что его одежда хотя и дорогая, но сильно поношенная — это верный признак разорившегося человека. Скорее всего перед нами был офицер, изгнанный из своего сословия; слишком молодой, чтобы выйти в отставку, и достаточно крепкий физически, чтобы вскочить в движущийся экипаж; оказавшийся без денег, что в армии всегда означает неудачную игру, но сохранивший гордость и старающийся следить за своей внешностью. Боюсь, такое не слишком редко.

— Должен признать, Холмс, это звучит правдоподобно, но меня терзает любопытство насчет того, что вы сказали вчера вечером, — будто ваша клиентка не была полностью откровенной и это подвергает опасности ваши защитные меры.

Не ответив мне, Холмс так резко повернулся, что я вздрогнул от неожиданности, так как из-за поднятого воротника не слышал за спиной никаких звуков. Зато их слышал мой друг.

— Ага!

За нами следовала группа юных оборванцев. Их шеи были обмотаны шерстяными шарфами, которые свисали до стоптанных башмаков, а носы, похоже, всегда пребывали в мокром состоянии. Услышав возглас Холмса, они остановились, но явно не испытывали страха, так как не делали попыток убежать.

— Вы уже некоторое время идете следом за нами, — обратился мой друг к самому высокому из них. — Почему? Зачем вы это делаете? Что вы надеетесь получить, преследуя нас, чертенята?

— Что можно получить от франтов вроде вас? Уж конечно, не приглашение к чаю. Мы просто хотим продать вам кое-что. У вас есть деньжата, джентльмены? Только чур бумажные! Мы видели, как вы давали мелочь тому типу в отделе, но нам медяшки не нужны. Ну, как, джентльмены? Не бойтесь, не прогадаете!

— Я этого ждал! — шепнул мне Холмс. — Дело пойдет! — Он снова обратился к юному торгашу: — Я не банкир, и вы не получите от меня фунтовых банкнот, ребята. Но у меня есть вот что... — Холмс извлек из кармана несколько крон. — Что вы хотите продать? Мы уже знаем, как вы преследовали одну леди несколько дней назад, так что этот товар нам не нужен, а вот если вы скажете, кто вам это поручил... — Он звякнул монетами.

Мальчишки недовольно забормотали, но через несколько секунд их предводитель шагнул вперед, едва не наступив на свой шарф. Не стану пытаться воспроизвести на бумаге его чудовищный жаргон.

— Мы гуляли в парке, когда к нам подъехала большая черная карета с какими-то страшными желтыми зверями на дверях, похожими на тигров с рогами. В карете сидела леди — она нас окликнула. Вокруг не было легавых и вообще никого, поэтому мы подошли к ней. Она рассказала нам о леди, которая живет в отеле, и велела следовать за ней и, если удастся, толкать и пугать, но не причинять вреда. Потом она протянула нам бумажные деньги, стараясь к нам не прикасаться, хоть и была в перчатках, и сказала, чтобы мы никому ничего не рассказывали, а то нам придется плохо. Ну да мы не из пугливых! Так как, мистер, стоит это ваших крон?

— Стоит, Оливер Твист, — успокоил его Холмс. — Только скажи, кучер кареты был в ливрее? Ну, в такой форменной одежде?

— Был, мистер. Весь в черном и желтом, как сама карета. Холмс обернулся ко мне.

— Коль скоро цвета Фицбэрри известны так же хорошо, как герб на ее карете, значит, она наконец решила играть в открытую. Возможно, теперь она будет обходиться без неприятных выходов.

— Леди Фицбэрри? О которой говорят, что она в дружеских отношениях с королевой?

— Пожалуйста, без имен, друг мой, — прервал меня он. — Ни теперь, ни потом. Мы забрались на опасную высоту, так что лучше смотреть под ноги.

Повернувшись к мальчишкам, Холмс раздал им кроны, которые предводитель тут же у них конфисковал, несмотря на крики протеста. Вскоре вся компания скрылась из виду.

Холмс нахмурился, глядя им вслед.

— Теперь пришло наше время таскать ради нее каштаны из огня — если нам это удастся. По крайней мере, мы знаем, кто в этом замешан.

— По-вашему, она все еще в опасности? Разумеется, я говорю о миссис Нортон.

— Надеюсь, что нет, но разве я не говорил вам, что она не была с нами откровенной? Запомните мои слова: это могло стоить ей очень многого.

— Но ведь не жизни, Холмс? Только не говорите, будто...

— Нет-нет, не жизни, но карьеры певицы и доступа в высшее общество; причем не только здесь, но и на континенте. Помните предупреждение бывшего офицера? «Ваша прежняя жизнь кончена». Он говорил правду. Для такой женщины это было бы ничуть не лучше, чем перерезать ей горло. Пример бескровного убийства.

— И вы считаете, что она полностью осведомлена о своем положении?

— Нет, так как, подобно всем красивым женщинам, чересчур уверена в себе и к тому же надеется, что восхищение, которое питает к ней некая высокопоставленная особа, обеспечит ее безопасность. Конечно, она ошибается.

— Что-то я замерз, Холмс...

В теплом зале маленького кафе мы расстегнули пальто и сняли шляпы. Глядя на Холмса сквозь пар от кофе и дым его сигареты, я попросил его продолжить описание своей теперешней клиентки.

— Я остановился на том, что миссис Нортон едва ли осознает всю серьезность грозящих ей неприятностей, — заговорил Холмс. — Она прячется за былыми успехами и будет это делать, пока я не избавлю ее от иллюзий. Видите

ли, Уотсон, чтобы понять Ирэн, вам нужно осознать, что красота для нее — те же деньги: она всегда ею пользовалась, чтобы покупать себе все необходимое, и красота никогда ее не подводила. А теперь она использует ее (и на сей раз неразумно), чтобы наслаждаться милостями некой весьма высокопоставленной особы. Почему бы и нет? Ее биография свидетельствует, что у нее никогда не было проигрышей, поэтому она всю применяет свой ум, очарование и красоту (а в данном случае также умение играть в карты и знание лошадей — ее теперешняя жертва не в силах сопротивляться подобным качествам). Не приходится удивляться, Уотсон, что его семья обеспокоена. Этого человека уже неоднократно вызывали в суды по бракоразводным делам, ибо он упорно заводит романы исключительно с замужними женщинами. Естественно, его мать в бешенстве. Его жена опускает очи, словно статуя Терпения, откуда история с Ирэн Нортон без конца обсуждается в светских новостях различных газет, вроде той, которую я изучал этим утром. Там говорится, что их видели вместе повсюду: на регате в Каузе, во время уик-эндов в Сэндрингеме и Бленхайме, на скачках в Эскоте... Честно говоря, я не могу порицать его мать за отношение к этой женщине.

— Но вы ведь согласились взяться за ее дело. Как будто у вас не было выбора.

— Даже если он бы и был, я бы им не воспользовался. Миссис Нортон обладает поразительным мужеством. Правда она или нет, она заслуживает поддержки из-за ее смелости, а также из-за того, что в этой битве ей приходится сражаться с превосходящими силами. Мы с вами, Уотсон, знаем, что это за силы, и понимаем, что она не может победить. Но я думаю, что смогу избавить ее от публичного позора, хотя ей придется прекратить эту «дружбу». На сей раз она будет вынуждена отступить перед властью.

Холмс вытащил из кармана пальто записную книжку и карандаш.

— Пожалуй, скромное объявление в газете может обеспечить нам встречу с преданным эмиссаром матери высокопоставленной особы. — Он начал быстро писать, держа книжечку так, чтобы я видел текст.

«Высокий темноволосый джентльмен, который любит гулять в парке около десяти утра и сочувствует отношени-

ям патриотически настроенной леди с бывшими военными, обладающими ловкостью рук горничными и уличными мальчишками, ищет встречи с вышеупомянутой леди. Цель встречи — избавить ее и других от проблемы, возникшей вследствие неподобающей дружбы. Если встреча будет устроена, успех и скромность гарантированы. Письменный ответ не требуется».

Холмс спрятал карандаш и посмотрел на меня.

— Надеюсь, это приведет к результатам.

— Не сомневаюсь, — заверил его я.

— Все прошло так, как я предвидел, — сообщил мне Холмс спустя несколько дней, с довольным видом потирая худые руки. — *Veni, vidi, vici*¹, как сказал бы Цезарь. Не то чтобы эта встреча была сравнима с галльской войной, так как, честно говоря, леди оказалась... ну, во всех отношениях леди. Угрозы были весьма реальными, но наша беседа была вежливой, и в конце концов мы пришли к согласию.

Холмс рассказал, как к нему в парке подъехала черно-желтая карета. Он сразу узнал и ее, и леди Фицбэрри, которая вышла из экипажа на аллею. Во время разговора карета медленно ехала по аллее следом за ними.

— Семья единодушна — эту связь нужно прекратить, — заговорила леди Фицбэрри. — Империя не должна стать свидетелем очередного позора. Леди, о которой идет речь, может представлять опасность даже для престолонаследия.

— В каком смысле, мадам? — осведомился Холмс, прекрасно зная ответ.

— В том смысле, мистер Холмс, что она, кажется, подобрала ключи ко всем его слабостям, и его увлечение ею стало настолько очевидным, что он уже публично игнорирует ответственность, налагаемую его статусом. Что касается ее, то ей было сделано несколько серьезных предупреждений, которые она предпочла игнорировать.

— Возможно, она не связывает свое поведение с вашими «предупреждениями».

Леди Фицбэрри бросила на него презрительный взгляд.

¹ Пришел, увидел, победил (*лат.*).

— Очевидно, мы питаем большее уважение к ее проницательности, чем вы. Она все знает и тем не менее, кажется, не склонна сдавать позиции. Откровенно говоря, сэр, мы не можем позволить ей продолжать в том же духе.

— Я хорошо это понимаю, мадам. Что вы мне предлагаете посоветовать моей клиентке?

— Вы можете сказать ей, что семья не видит иного выхода, как использовать свое влияние здесь и за границей. Не сомневайтесь — ей придется нелегко. Все крупнейшие оперные сцены Европы будут для нее закрыты. Общество, которое она так высоко ценит, отвергнет ее. Она зашла слишком далеко в уверенности в своих силах, и такую дерзость нельзя терпеть. Она почувствует на себе действие подлинного могущества. Мы неохотно прибегаем к крутым мерам и сожалеем о необходимости, но...

— А вы уверены, что это так необходимо, леди Фицбэрри? Почему упомянутое вами могущество должно обрушиваться на одного человека? По-моему, следует рассмотреть альтернативы.

— Что вы предлагаете?

— Мне кажется, — медленно отозвался Холмс, — что если леди, о которой идет речь, будет пользоваться своей привлекательностью где-нибудь в другом месте — фактически, в другой стране...

Леди Фицбэрри устремила взгляд в глубину аллеи.

— И все контакты между участниками этой истории прекратятся раз и навсегда?

— Навсегда, но с гарантией, что карьера и репутация моей клиентки не пострадают ни теперь, ни в будущем.

— Это вполне приемлемо, — кивнула леди Фицбэрри.

— И...?

— Никогда «и». Если она подчинится этим требованиям (и не сомневайтесь, сэр, это требования, а не просьбы), ее жизнь продолжится прежним курсом — только не в Англии. Отныне здесь она персона нон грата. Это бесповоротно. Она сама навлекла на себя такое решение.

— С его помощью, мадам...

Встретившись взглядом с Холмсом, леди Фицбэрри подала знак карете. Через минуту ее и след простыл.

— Итак, вы видите, Уотсон, как мне удалось выйти из положения! Самое большее, на что я мог надеяться, это что с их стороны не возникнет желания отомстить или разрушить ее будущее.

— А как это восприняла миссис Нортон? — с сомнением спросил я, думая о гордо поднятой голове и независимом духе «Той Женщины».

Холмс потер подбородок.

— Конечно, она была потрясена, но восприняла это на удивление спокойно, — серьезно ответил он. — Хотя чему удивляться, когда борец обнаруживает присутствие духа?.. Вскоре вы сами сможете судить об этом, Уотсон, ибо, если моя вера в ее пунктуальность оправдана, она в эту минуту должна подниматься по нашей лестнице.

Едва Холмс закончил фразу — послышался стук в дверь.

— Вы точны, как всегда, миссис Нортон, — приветствовал он ее. — Пожалуйста, проходите и садитесь.

Но она осталась стоять в дверях.

— Нет, мистер Холмс. Я попросила у вас эти несколько минут только для того, чтобы еще раз выразить вам признательность за ваши усилия. Боюсь, что во время нашей прошлой встречи унижение не позволило мне воздать им справедливость. Вы достигли не тех результатов, на которые я рассчитывала, но я не сомневаюсь, что по прошествии нескольких недель или месяцев моя гордость оправится от удара и я смогу оценить их в полной мере. Даже теперь, когда мое самоуважение пострадало так жестоко, разум велит мне быть вам искренне благодарной. Несмотря на препятствие, созданное моей неискренностью, и могущество ваших противников, вы дали мне возможность продолжать дело всей моей жизни. В своей области вы... не имеете себе равных.

— Благодарю вас, мадам, и возвращаю вам ваши комплименты с уверенностью, что куда бы вы ни отправились, ваша жизнь будет по-прежнему полной радостей и успехов.

Ирэн Нортон улыбнулась.

— Тогда пришло время прощаться, несравненный Шерлок Холмс. — Она протянула ему руку, которую он пожал, кивнула мне — и дверь Бейкер-стрит, 221-б закрылась за ней.

Спустя несколько часов у меня мелькнула непочтительная мысль, что сегодня в нашей квартире, очевидно, дамский день, ибо когда в дверь постучали в следующий раз, на пороге стояла леди Фицбэрри. Более взбешенной женщины я не встречал никогда в жизни. Не хотел бы повторения такого визита, хотя свой гнев она излила не на меня.

Леди Фицбэрри направилась в комнату, прежде чем Холмс пригласил ее войти, и так резко ткнула пальцем в его сторону, что он невольно шагнул назад.

— Ах, вы!.. — Угрожающий жест повторился вновь. — Значит, вот что вы посоветовали вашей клиентке! Неужели у вас нет ни капли совести? Что вы за человек, если затаили против меня такую лютую злобу только за то, что я добилась нужных мне условий сделки, заключенной с вами в парке?

Холмс протестующе поднял руку, в свою очередь возмущившись несправедливым обвинением.

— Уверяю вас... — начал он, но она тут же прервала его.

— Уверяйте сколько угодно! Какой мне от этого толк? Я знаю лишь то, что всего несколько дней назад мой муж даже не думал об этой женщине, а сейчас, в эту минуту, они оба на борту корабля, следующего из Дувра в Кале!

— Кто?! — воскликнул Холмс, но по его побледневшему лицу я понял, что он обо всем догадался.

— Кто, как не это... существо — певица или как там она себя именует! Как будто вы сами не знаете! «Отбыли вместе в длительную поездку на континент» — так сказано в записке! Хорошо бы пароход пошел ко дну вместе с ними обоими! — Она покраснела и дрожала от злости.

— Мадам, — снова заговорил Холмс, — я ничего об этом не знаю и не имею к этому никакого отношения. Возможно, они уже давно задумали этот план.

— Да это совершенно невозможно! — возразила леди.

— Почему?

— Потому что лорд Фицбэрри отлично знал, с кем у этой женщины связь, а какой лояльный англичанин позволил бы себе вмешаться в подобных обстоятельствах? Он бы ни за что так не поступил, но ваши грязные лапы всколыхнули воду, все изменилось, и они уехали! Это ваша вина!

— Мои «грязные лапы», — холодно произнес Холмс, — всего лишь служили вашим целям, которые вы мне изложили. Если результат оказался иным, чем мы оба ожидали, я тут ни при чем и отказываюсь брать на себя вину. Таким образом, леди Фицбэрри, хотя я глубоко сожалею о причиненных вам неприятностях...

— Даже такому, как вы, должно быть ясно, насколько постыдно разрушать брак из личной злобы!

Это было слишком. Без единого слова Холмс подошел к двери и распахнул ее.

Несколько секунд леди Фицбэрри стояла неподвижно, потом бросила на Холмса ненавидящий взгляд и удалилась.

Холмс закрыл дверь и прислонился к ней, стоя спиной ко мне. Его плечи вздрагивали, и я был шокирован столь необычным для него открытым проявлением эмоций. Любой человек мог обнаружить признаки потрясения после подобной сцены, но я считал моего друга способным контролировать свои нервы при любых обстоятельствах.

Однако, когда Холмс через несколько секунд повернулся ко мне, его лицо выражало такое веселье, какое мне доводилось замечать крайне редко. Разумеется, Холмс, будучи Холмсом, сразу понял мое изумление. Он хлопнул меня по плечу и расхохотался.

— Уотсон, видели ли вы когда-нибудь такое очаровательное, своенравное и лживое создание, как Ирэн Адлер Нортон? Эта женщина может обвести вокруг пальца весь мир и даже меня, друг мой. По крайней мере, временно, — добавил он, все еще усмехаясь.

Опустившись в кресло, Холмс вытащил трубку и откинулся назад.

— Второй раз, Уотсон, одна и та же женщина проделывает со мной свои хитрые трюки. Я пристыжен до глубины души! «Одурачьте меня один раз, и вам будет стыдно. Но одурачьте меня дважды, и стыдно будет мне!» Поэтому не заставляйте меня краснеть снова, старина, и держите эту историю при себе, ладно?

Понимая его чувства, я дал ему слово и держу его.

В моем сборнике «Воскрешенный Холмс», опубликованном издательством «Сент-Мартинс Пресс» в 1996 году, мой коллега Дж.Адриан Филмор объяснял, что доктор Р., филаделфийский коллекционер, купивший сейф, нанял многих писателей для переделки записок Уотсона в подробные повествования. Многие авторы пытались, но немногим удалось подчинить собственный литературный стиль стилю Уотсона. Гроссбухи Р. свидетельствуют, что, хотя приведенная ниже история была записана самим инспектором Лестрейдом, сюжет, персонажи и ситуации были «расцвечены» Артуром Стэнли Джефферсоном (1890—1965), молодым английским комиком, который, прибыв в 1912 году в Филадельфию, познакомился с доктором Р. Доктор сразу распознал незаурядный талант Джефферсона и много лет спустя попросил его обработать «Маленькую проблему мебельного фургона с Гроувнор-сквер». Любители обнаружат в ней зародыш идеи, которая позже завоевала «Оскара» для Джефферсона (известного под псевдонимом Сэм Лорел) и его партнера, Оливера Норвелла Харди.

Патрик ло Брутто

(Приписывалось Артуру Стэнли Джефферсону)

МАЛЕНЬКАЯ ПРОБЛЕМА МЕБЕЛЬНОГО ФУРГОНА С ГРОУВНОР-СКВЕР

Темной ночью на Лондон опустился лимонного оттенка пахнувший углем туман. Почти все на расстоянии свыше десяти футов стало расплываться, приобретая неопределенные очертания; звуки казались усиленными и гулкими. Голоса, шаги, стук копыт, грохот деревянных колес по булыжникам мостовых слышались в темноте отовсюду.

Два человека шагнули в колеблющийся свет газового фонаря на углу Кэвендиш-сквер. Более плотный из них остановился, тихо простонал, на момент прижал руку к лицу, затем двинулся дальше быстрой и решительной походкой. Его спутник поспешил следом.

Не говоря ни слова, они свернули на Уигмор-стрит, а дойдя до Бейкер-стрит, повернули к северу, ускорив шаг. На Крофорд-стрит они остановились у лавки на углу с вывеской: «Кертис и К°, аптекари». Худой джентльмен с серыми глазами и в охотничьей кепке молча ждал, пока его спутник зашел в лавку. Вскоре он вышел, держа в руке маленький квадратный пакет.

— Я достал то, что мне нужно, Холмс, — произнес он хриплым от боли голосом. — Теперь нужно поторопиться.

— Да, Уотсон. Мы можем идти домой.

Направившись по Бейкер-стрит в южном направлении, они дошли до дома 221-б, поднялись на семнадцать ступенек и вошли в квартиру Холмса «6».

Закрыв за собой дверь и не снимая пальто, они посмотрели друг на друга.

— Надеюсь, лауданум облегчит боль, и тогда мы решим, что нам делать, — сказал Уотсон, вынимая из внутреннего кармана пачку бумаг. — Когда вы просмотрите их, то поймете, почему я рискнул выйти на улицу с этой проклятой зубной болью, вместо того чтобы поручить себя заботам моей новой супруги. — Он явно пребывал в дурном настроении.

Холмс кивнул и снял пальто.

— Разумеется, Уотсон, — успокаивающе произнес он и взял бумаги.

На первом листе прописными буквами был отпечатан заголовок:

МИСТЕР ХОЛМС И МЕБЕЛЬНЫЙ ФУРГОН С
ГРОУВНОР-СКВЕР
ИСТИННЫЕ ФАКТЫ, КОТОРЫЕ Я ВИДЕЛ
СОБСТВЕННЫМИ ГЛАЗАМИ

Инспектор Г. Лестрейд

Холмс тяжело вздохнул и уставился в потолок.

— Что за чудовищный стиль! — заметил он, приступая к чтению...

«Был ясный солнечный день, когда я отправился на Бейкер-стрит, 221-б, чтобы поговорить с мистером Шерлоком Холмсом, сыщиком-любителем, который иногда оказывал помощь в официальных полицейских расследованиях, и

доктором Джоном Уотсоном, автором журнальных публикаций. Эти два джентльмена — особенно Холмс — в последнее время пользовались всеобщим восхищением за счет нашей тяжело работающей и высокоэффективной столичной полиции. С помощью этого повествования я надеюсь устранить несправедливость...»

Холмс прервал чтение и сказал:

— Кто бы мог предвидеть всего год назад, что этот маленький желтолицый человечек с крысиной физиономией окажется таким кляузником! Думаю, Уотсон, чтобы прочитать это до конца, нам потребуется изрядная порция виски.

— Это элементарно, друг мой, — заметил Уотсон, морщась от боли. — Лестрейд, несомненно, мстит вам за те случаи, когда вы одерживали над ним верх.

— Должен вам напомнить, старина, — промолвил Холмс, — что именно вы описали упомянутые случаи.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Теперь уже ничего не поделаешь, — заговорил Уотсон, с усилием подавляя раздражение. — Беру вину на себя. Читайте дальше.

— Да-да, — кивнул Холмс и продолжил чтение...

«...Когда я прибыл, мистер Холмс и доктор Уотсон были заняты попытками втащить фортепиано в их квартиру на втором этаже. Мне казалось, что игры мистера Холмса на скрипке вполне достаточно для любого дома, но теперь ему, очевидно, вздумалось бренчать на фортепиано. Возможно, мистер Холмс нуждается в аккомпанементе, играя на скрипке. Мне жаль соседей».

Холмс отложил бумаги и посмотрел на Уотсона, который стоял у окна, потирая щеку.

— Как вы думаете, старина, что имел в виду Лестрейд под этими замечаниями насчет моей игры на скрипке и выражением жалости соседям?

Несколько секунд казалось, будто Уотсон не слышал вопроса. Потом он медленно повернулся к сыщику и сказал:

— Лучше продолжайте читать.

— Да-да, конечно...

«Я прослужил закону почти двадцать лет и за эти нелегкие годы убедился, что в таких делах всегда лучше полагаться на старую ишейку вроде меня. Я сосредоточиваюсь на работе и имеющихся доказательствах, отслеживая пре-

ступников, а всякие замысловатые теории предоставляю любителям.

Поиски таинственно исчезнувшего С. Терри, поэта-лауреата из Вест-Энда привели меня к странным и рискованным ситуациям, не дав значительных результатов. Поэтому я отправился на Бейкер-стрит, чтобы поделиться с Холмсом имеющейся у меня информацией, надеясь, что опыт сыщика-любителя поможет обратить эти кажущиеся бесполезными сведения на пользу добрым людям Лондона.

Увидев, что там происходит, я понял, что мне будет нелегко осуществить свои намерения. Миссис Хадсон была вне себя. Бедная старушка, ломая руки, говорила всем, кто хотел и кто не хотел ее слушать, как она тревожится за свой дом, оставленный ей покойным мужем и служащим для нее единственным подспорьем в преклонные годы. Мистер Холмс поручил вознице и его помощнику поднять фортепиано по лестнице. Оба выглядели весьма раздраженными, но, возможно, справились бы с работой, если бы... Однако не буду забегать вперед.

Помощник — лысый, сердитый шотландец по имени Финли — весил не более семи стоунов¹ и ростом был не выше пятнадцати ладоней². Усатый, словно багдадский паша, он не мог ни секунды стоять на одном месте, прыгая туда-сюда, точно птица, что-то негромко ворча и временами приподнимая бровь, как будто ее подтягивали на нитке.

Возница — крепыш-ирландец, именующий себя Кеннеди, — был вдвое выше и толще своего помощника и на вид силен, как ломовая лошадь. Выглядел он не более радостно, чем чертов лоулэндер³, но, в отличие от него, двигался медленно и говорил мало.

Они подъехали в фургоне с надписью «Гроувнор-сквер. Мебель» с одной стороны и «Мы вывозим золу» — с другой. Как только они вышли из фургона, я попытался задать Холмсу несколько вопросов, не намереваясь впутываться в эту нелепую затею с фортепиано. Но Холмс не удостоил

¹ Стоун — английская мера веса (6,35 кг).

² Ладонь (hand) — мера длины (10 см); обычно применяется при измерении роста лошадей.

³ Лоулэндер — житель равнинной Шотландии, в отличие от хайлэндеров — шотландских горцев.

меня ответом — он просто отошел без единого слова, как будто не к нему обращались.

Внезапно я почувствовал на затылке чей-то взгляд и, обернувшись, увидел коротышку Финли. Я повел себя как джентльмен, приподнял шляпу и представился офицером полиции на службе ее величества. Парень вытянул шею и усталился на меня сначала одним глазом, потом другим.

— Значит, полицейский? — буркнул он, затем быстро обернулся, словно боясь, что я проскользну ему за спину. Шагнув в сторону и продолжая оборачиваться, он забормотал по-гэльски¹ что-то неразборчивое и явно оскорбительное, после чего прошмыгнул мимо меня. В жизни не видел ничего подобного!

Финли и Кеннеди подтащили фортепиано к краю фургона, потом Кеннеди спрыгнул вниз, а Финли подтолкнул к нему инструмент и тоже спрыгнул, пытаясь его приподнять. Это ему не удалось, и он, дрожа от натуги, свалился на землю, дрыгая конечностями и изрыгая гэльскую ругань. Ирландец вздохнул и ловко перехватил у помощника фортепиано. Но тот вместо благодарности вскочил на ноги и с криком «С дороги, саксонские² подонки!» расчистил путь для Кеннеди, с трудом подтаскивающего инструмент к двери.

Тем временем Холмс вместе с Уотсоном бродил взад-вперед, насвистывая и что-то рассматривая в лупу. Так как ему явно было нечем заняться, я снова попытался вовлечь его в разговор о моем деле.

— Ваш долг, сэр, оказывать полиции всестороннюю помощь. Факты таковы...

Не обращая на меня никакого внимания, Холмс громко объявил:

— Внимательно изучив все обстоятельства, я сформулировал наиболее эффективный метод подъема фортепиано по лестнице. — Когда на улице воцарилась тишина, он закончил: — Инструмент нужно толкать вверх постепенно, поднимая с каждым толчком на одну ступеньку!

Ничего себе, великое открытие! Работа предстояла не легкая, учитывая, что ступенек было семнадцать (не один

¹ Гэльский язык — язык шотландских кельтов.

² То есть англосаксы — в отличие от кельтского населения Шотландии и Ирландии.

Холмс умеет наблюдать за тем, что творится вокруг него!). Махнув рукой, я отошел.

Толпа стала настолько шумной, что это прошибло даже Холмса. Когда Финли, Кеннеди, Уотсон и я тащили фортепиано в подъезд (я принял в этом участие, решив, что на улице все равно не получишь никакой информации), Холмс закрыл дверь, но гул голосов все равно был слышен.

Кеннеди стал толкать инструмент вверх, покуда Финли подбадривал его своими мерзкими шотландскими возгласами.

Бедная миссис Хадсон только стонала, понимая, во что превратит такой громоздкий и тяжелый предмет ее лестницу. Пытаясь ее успокоить, Уотсон снял галстук, очевидно, полагая, что уменьшит вред, подвязав им инструмент снизу.

Добравшись до верхней ступеньки, Кеннеди фантастическим усилием вытолкнул фортепиано на лестничную площадку. Несколько деревянных половиц треснули, и миссис Хадсон издала страдальческий вопль.

— Прошу прощения, Холмс! — пропыхтел Уотсон.

— Отойдите отсюда, Уотсон! — рявкнул Холмс.

Финли решил сыграть роль миротворца и развести сердитых джентльменов, но Холмс отшвырнул его. Шотландец налетел на Уотсона, который оттолкнул его назад. Отчаянно гримасничая и стараясь удержаться на ногах, Финли вцепился костлявыми руками Холмсу в горло. Доктор Уотсон хотел схватить его за ногу и оттащить в сторону, но смог только поймать его за штаны.

Мне оставалось только качать головой, прислонившись к стене и скрестив руки на груди. Я опытный профессионал и сразу понял, что ситуация складывается критическая. Конечно, профессиональному полисмену ничего не стоит управиться с подчиненными, но штатские всегда думают, что могут во всем разобраться без всякой тренировки. Короче говоря, доктор дернул Финли за штанину и разорвал ему брюки пополам.

— Вы мне штаны порвали! — заорал шотландец. Казалось, крик вырвался у него откуда-то из самого желудка.

— Иду на помощь, Финл! — крикнул верный Кеннеди и загромыхал вниз по лестнице с явно угрожающими намерениями.

— Берегитесь, старина! — крикнул Холмс, заведя ирландского амбала.

Бросив Финли, они расступились в разные стороны. Но Кеннеди уже не мог остановиться, споткнулся о своего помощника и с ужасающим грохотом прошиб, словно валун, закрытую дверь, оставив в ней дыру шириной с его плечи и приземлившись в толпе снаружи. Сила удара была такова, что человек двадцать со стонами покатались в уличную грязь. Те, кто удержались на ногах, стали звать полицию.

Когда я подошел к Холмсу и Уотсону, заглядывающим в дыру, великий сыщик хладнокровно заметил:

— В наши дни чертовски трудно раздобыть хороших грузчиков. Вы со мной согласны, Уотсон?

Финли усмотрел в ситуации удобную возможность для нападения сзади. К счастью, он запутался в рваных брюках и упал лицом вниз. Но Холмс решил, что с него довольно, и я не мог с ним не согласиться.

— Раз-два взяли, а? — обратился он к Уотсону. Доктор улыбнулся и распахнул дверь настежь.

Я шагнул в сторону, когда они подняли Финли за руки и за ноги, качнули его несколько раз и швырнули как есть, в разорванных штанах прямоком в толпу рядом с Кеннеди. В этот момент застучали полицейские дубинки и послышались свистки бравых защитников жителей Лондона, откликнувшихся на призыв о помощи.

Холмс и Уотсон посмотрели друг на друга, улыбнулись и понимающе кивнули.

Полиция появилась в тот момент, когда Кеннеди помогал Финли подтягивать рваные брюки. При этом шотландец орал благим матом и дрыгался как заяц, так что Кеннеди пришлось нелегко.

Неудивительно, что полицейские тут же схватили Кеннеди, но Финли бросился на помощь товарищу с шотландским боевым кличем, изрядно ошарашив служителей закона. Несмотря на отчаянное сопротивление, обоих окрутили, запихнули в фургон и увезли.

Вернувшись в дом, мы поднялись на второй этаж и попытались помочь миссис Хадсон. Холмс уселся на крутящийся табурет для игры на фортепиано, который принес

снизу, и начал успокаивать свою квартирную хозяйку, которая подметала пол шваброй, что-то сердито бормоча. Когда Холмс заметил, что инструмент, по крайней мере, удалось поднять наверх, она бросила на него грозный взгляд и свирепо замахала шваброй. Не видя от злости ничего вокруг себя, бедная женщина наткнулась на Холмса и плюхнулась ему прямо на колени, словно какая-нибудь шлюшка из дансинга. Не удержавшись на месте приземления, она пролетела по воздуху добрые шесть футов (готов поклясться в этом перед судом!), мимоходом сбила с ног Уотсона и стукнулась о дверь в комнату Холмса с такой силой, что дверь открылась, и миссис Хадсон ударилась о стол, заваленный бумагами, трубками, табачными кисетами, ножами, револьверами и реактивами для химических опытов, смахнув всю эту коллекцию на пол.

Холмс устремился на помощь старухе, но остановился, глядя на нее. Волосы миссис Хадсон были всклокоченными, одежда — мятой и грязной. Даже «великий сыщик» с Бейкер-стрит почувствовал, что к ней надо приближаться, соблюдая осторожность. Понимая, что должен помочь пожилой женщине, Холмс наконец попытался поднять ее с пола, но рука миссис Хадсон внезапно выскользнула из его вспотевших пальцев. Потеряв равновесие, Холмс отлетел назад и ударился головой о большое зеркало, оставив на нем трещину, а миссис Хадсон вновь свалилась в груды химикалий, табака, пороха и прочего хлама.

В результате этого потока неприятностей миссис Хадсон лишилась способности связно выражать свои мысли. Она походила на птицу, пытающуюся снести яйцо слишком большого размера. Хотя я был вооружен, но опасался к ней приближаться и предпочел наблюдать, стоя за пределами комнаты.

В бешенстве пытаюсь найти способ разрядить свои чувства, миссис Хадсон схватила таз с водой и выплеснула ее на Холмса. Тот пригнулся, и холодная вода угодила в лицо подошедшему Уотсону. Холмс громко расхохотался, что, как мне показалось, абсолютно не подобало джентльмену.

— Ха-ха-ха! Видели бы вы себя, старина!

Уотсон также, казалось, не вполне отдавал себе отчет в своих действиях. Подойдя к мистеру Холмсу, он с силой ударил его ногой в правую лодыжку. Несколько секунд

Холмс прыгал на одной ноге, потом, словно боевой петух, быстро забежал Уотсону в тыл и что было силы пнул его в зад. После этого Холмс и Уотсон стали пинать друг друга на полном серьезе. На это стоило посмотреть! В таких обстоятельствах я бы поставил деньги на ветерана войны вроде доктора, однако Холмс ловко увертывался, громко выкрикивая подозрительные французские словечки, и, как истый лягушатник, лупил беднягу Уотсона по самым чувствительным местам. По-моему, это яркое подтверждение того, что я всегда говорил о людях, время от времени непременно обнаруживающих свою истинную сущность, но я слишком вежлив, чтобы повторять это тогда или теперь.

Должен с сожалением признать, что Уотсону не везло. Чувствуя близкое поражение, он внезапно схватил с подставки большую свечу и огрел ею Холмса по голове. Съжившись от сильного удара и пятась задом, Холмс оказался на площадке и... налетел спиной на фортепиано. Оно удержало его от дальнейшего отступления, но подкатилось к краю лестницы и поехало вниз.

Все, не исключая меня, разразились воплями, когда фортепиано скатилось со ступенек и ударилось в закрытую дверь. Несокрушимая сила встретила непреодолимое препятствие — в результате и дверь, и злополучный инструмент разлетелись на миллион обломков...

Воцарилось молчание. Мы все сознавали, что произошло непоправимое.

Внезапно миссис Хадсон издала душераздирающий вопль и побежала вниз. Послышался стук горшков и кастрюль и звук бьющегося стекла. Мы устремились вниз, узнать, что произошло, но Холмс и Уотсон так старались оказаться первыми, что, толкая друг друга, оступились и покатались по ступенькам, разнеся по пути перила в щепки.

Шум усилился, миссис Хадсон выкрикивала слова, способные вогнать в краску даже пьяного матроса. Когда Холмс и Уотсон остановились перед дверью, ведущей на кухню, все звуки прекратились и наступила зловещая тишина.

Двое мужчин посмотрели сначала друг на друга, потом в зияющую темноту дверного проема и боязливо отступили на несколько шагов. Я держался на заднем плане, не желая

выходить из роли стороннего наблюдателя. Уотсон ткнул Холмса в плечо и указал ему на дверь, но храбрый сыщик решительно покачал головой. Тогда Уотсон подтолкнул его. Холмс неуверенно подошел к двери и начал спускаться по лестнице, когда мимо его головы просвистело яйцо, а следом за ним с диким ревом появилась разъяренная миссис Хадсон.

Яйца полетели одно за другим. Холмс и Уотсон пустились бежать, толкая друг друга. Я прижался к стене, когда старуха промчалась мимо, держа горшок, полный яиц. Выбежав из дома и рассеяв толпу, двое мужчин побежали по Бейкер-стрит с такой скоростью, как будто им грозила смертельная опасность. На головах у них все еще красовались шляпы, что придавало им особенно нелепый вид. Миссис Хадсон преследовала сыщика и его биографа, словно мстительная валькирия.

Не знаю, как далеко они убежали и вернулись ли домой, а также кто расчистил весь бедлам в доме миссис Хадсон, так как я едва не лопнул от смеха.

Вернувшись домой, я сразу же взялся за перо и бумагу и записал все происшедшее, покуда оно было свежо в моей памяти. Я вижу свой долг в том, чтобы представить всему миру истинный облик знаменитого мистера Холмса.

В качестве постскриптума упомяну, что Финли и Кеннеди освободили на следующее утро, однако маленькая проблема мебельного фургона с Гроувнор-сквер остается нерешенной, так как он исчез и не найден до сих пор».

Перевернув последнюю страницу, Холмс встал, разорвал бумаги на мелкие кусочки и разметал их ногами по полу.

— Это была копия, — сказал Уотсон. — Оригинал у Лестрейда. Он требует тысячу фунтов за то, что будет держать язык за зубами. — Уотсон налил себе третий стакан виски и осушил его двумя глотками. — Рекомендую заплачивать ему ради нас обоих. Если об этом узнают, мы станем посмешищем в лучшем случае для всего Лондона, а ваша клиентура сведется к нулю.

Некоторое время Холмс стоял неподвижно, потом громко крикнул:

— Лестрейд просто спятил! Мы должны... Как он... Почему я... — Внезапно плечи его поникли, и он тихо сказал: — Черт с ним, заплатите ему. — Подойдя к своей спальне, Холмс взялся за дверную ручку и добавил: — Интересно, что же все-таки произошло с фургоном?.. Отправляйтесь к Лестрейду немедленно! Вы правы — если эта история будет опубликована, мне придется удалиться в Эссекс и выращивать горох! — Дверь захлопнулась за ним.

Помолчав, Уотсон насмешливо произнес, преодолевая зубную боль:

— Выращивать горох... Что ж, это идея!

A'la recherche du temps perdu¹

Шерлок Холмс редко говорил о минувших временах, а Уотсон, если не считать полученных на войне ран, еще реже упоминал о своем прошлом. Поэтому следует считать удачей представившуюся возможность дважды заглянуть в весьма болезненные детские воспоминания каждого из наших героев. Этот раздел содержит также одно раннее дело Шерлока и описание очаровательного дипломатического подвига, относящегося к тому печальному периоду, когда весь мир считал Холмса мертвым.

¹ В поисках потерянного времени (фр.).

Сверхъестественное никогда не вторгалось в упорядоченный мир Бейкер-стрит, 221-б, но иногда, как например в «Собаке Баскервиль», оно непосредственно приближалось к нему. В «Балладе о белой чуме», (название навеяно мрачной народной песней «Ветка омелы») оно оказывается еще ближе. Это воспоминание о детстве Холмса касается семьи великого сыщика — темы, которой он практически никогда не затрагивал в разговорах со своим другом Уотсоном.

П. С. Ходжелл

БАЛЛАДА О БЕЛОЙ ЧУМЕ

— «Denn die Todten reiten schnell», — внезапно процитировал Холмс насмешливым тоном. — «Скачут быстро мертвецы». Мы еще не умерли, мой дорогой Уотсон. Но это упущение быстро исправится, если вы опрокинете нас в канаву.

Я был настолько удивлен, что едва этого не сделал, ибо Холмс уже довольно долгое время не удостаивал меня ни единым словом — как будто в нашем теперешнем положении был повинен только я!

На севере сверкнула молния — ее зигзаг был виден сквозь черный балдахин дубовых листьев — а секундой позже послышался рокот грома, словно вдалеке ехала нагруженная камнями телега. Копыта пони стучали по грубым камням древней римской дороги. Наша наемная двуколка качалась и подпрыгивала. С наступлением ночи холодный ветер сменил жару августовского дня, и теперь мы рисковали промокнуть до нитки, если не угодить под град или под удар молнии.

— Мой дорогой Холмс, — отозвался я, подражая его тону, дабы скрыть вполне естественную нервозность. — Вы должны признать, что наша ситуация приближается к нелепой. Потеряться в дебрях Саррея! Сколько сейчас времени?

— Глубокая ночь, — отозвался он. — Третья стража. Час колдовства.

— Иными словами, около полуночи, — сердито уточнил я. — В таком случае нам не добраться до Бэгшота к последнему экспрессу на Лондон.

— Это вам пришло в голову вытащить меня в деревню.

— Зато вам пришло в голову возвращаться через эту дикую местность... Ну, это уже чересчур.

— «Дети ночи, — снова процитировал Холмс, прислушиваясь к отдаленному вою. — Их музыка повергает в дрожь!»

Вой завершился весьма неромантическим визгом — очевидно, рассвирепевший фермер огрел собаку плеткой. В конце концов мы находились всего в пяти-шести милях от цивилизации, пробираясь через лес, окружающий Саррей-Хилл. На юго-западе от нас был расположен Сэндхерст, на севере — Эскот, а на востоке — Бэгшот. Если мы продолжим двигаться по римской дороге, то вновь присоединимся к цивилизованному миру, но недостаточно быстро, чтобы вернуть двуколку, поспеть на последний поезд и, судя по всему, избежать ливня. Кроме того, Холмс пребывал в не свойственном ему сварливом настроении, и меня одолевало желание как следует его встряхнуть.

— Вы можете смеяться над моими романтическими пристрастиями и жаловаться, что я свожу ваши расследования к дешевым сенсациям, — заметил я, — но вы сами только что цитировали «Ленору» Бюргера¹ и «Дракулу». Признавайтесь, Брэм Стокер² обладает даром повествования, неважно, сенсационное оно или нет.

— Повествования о сущем вздоре! — фыркнул Холмс. — Живые мертвецы — ха! Некоторые люди готовы проглотить любую историю, если она достаточно фантастичная, что постоянно доказывают ваши читатели. Иногда меня удивляет, насколько вы сами легковерны. Скоро вы начнете утверждать, будто в Сассексе мы столкнулись с настоящим вампиром!

— Я никогда так не думал. Это была настоящая жизнь, а не беллетристика.

— Рад, что вы признаете разницу, — едко заметил Холмс.

— Тем не менее, — продолжал я, следуя собственным мыслям, — между реальностью и вымыслом бывают любопытные совпадения. — Возьмите, к примеру, аббатство

¹ Бюргер Готфрид Август (1747—1794) — немецкий поэт.

² Стокер Брэм (1847—1912) — английский писатель.

Карфакс, где монстр Стокера прятался в гробу в дневное время, и леди Фрэнсис Карфакс, которую мы всего месяца назад извлекли живую из гроба.

Когда Холмс не ответил, я с подозрением покосился на него. Поля его шляпы были надвинуты на глаза, а подбородок утонул в воротнике серой дорожной накидки, оставляя на виду только ястребиный нос. Он снова не обратил на меня внимания.

Я знал, что дело Карфакс все еще беспокоит моего друга. Сначала я считал причиной то, что он едва успел определить местопребывание леди Фрэнсис, чтобы помешать Питерсу-Праведнику и его сообщнице похоронить ее заживо. Мы в самый последний момент вытащили несчастную женщину из гроба, чтобы спасти от удушения хлороформом, которым ее усыпили.

Расследование дела Карфакс происходило в июле нынешнего, 1902 года.

Вскоре после его завершения я переехал в свою квартиру на улице Королевы Анны и две недели не видел моего друга. Когда мы встретились снова, я был расстроен его утомленным видом. Холмс пробормотал, что он плохо спит, ему снится один и тот же сон, в котором его, как ни странно, пугает не то, что леди Фрэнсис гибнет в преждевременной могиле, а то, что ей удастся оттуда вырваться.

Для такого закоренелого рационалиста, как Холмс, было необычным уже то, что ему снятся сны. Но еще худшим было молчаливое признание, что ночной кошмар мешает ему спать. Я знал, что Холмс способен бодрствовать несколько дней, работая над делом, но ведь дело Карфакс было успешно раскрыто, хотя и в последнюю минуту.

В голове у меня мелькнула мысль, что леди Фрэнсис могла пробудить в Холмсе скрытую тафофобию. К началу XX столетия боязнь преждевременного захоронения приобрела размеры эпидемии. Недавно пожилая пациентка преподнесла мне первое издание книги Тебба и Воллума «Преждевременные похороны, и как их можно предотвратить». Она так боялась проснуться в могиле, что строго приказала мне в случае ее смерти перед похоронами перерезать ей горло. Просмотрев помещенную в книге библио-

графию, я насчитал не менее ста двадцати трудов на пяти языках, посвященных этой теме, не считая ста тридцати пяти статей, сорока одной университетской диссертации и семнадцати брошюр, опубликованных Лондонской ассоциацией предотвращения преждевременных похорон. Честное слово, от всего этого у меня начались кошмары еще до того, как я впервые услышал о леди Фрэнсис Карфакс.

Но Холмс никогда не обнаруживал подобных слабостей, которые не соответствовали его холодному, сугубо научному подходу к любому расследованию. Я не понимал, почему дело Карфакс так подействовало на моего друга, и это меня беспокоило. Отсюда и моя злополучная попытка отвлечь его поездкой в деревню.

— Поворачивайте сюда, — внезапно сказал Холмс.

Я не видел никакого перекрестка, но справа среди деревьев темнела какая-то брешь. Я натянул поводья, и пони свернул с дороги; двуколка, накренившись, последовала за ним. «Все-таки мы угодили в канаву», — подумал я, но колеса заскрипели по невидимому гравию. Мы словно ехали в темном туннеле, образованном стоящими вдоль дорожки деревьями. Высокая трава шелестела по ногам пони, а ветки царапали бока двуколки. Первые капли дождя властно забарабанили по нависающим над нашими головами листьям.

— Не думаю, Холмс, что эта дорога ведет в Бэгшот.

— Нет, но она ведет к укрытию, если вы не возражаете против одного-двух призраков.

Я собирался спросить, что он имеет в виду, когда мы вышли из леса. Впереди, на темном склоне Саррей-Хилла, темнело здание, казавшееся огромным. Вспышка молнии позволила мне осознать свою ошибку: само здание было очень маленьким — обычный помещичий дом в георгианском стиле. Однако вокруг него, словно осколки яичной скорлупы, громоздились руины по меньшей мере трех более древних сооружений. С наступлением темноты дом вновь стал выглядеть огромным, лишенным света и других признаков жизни, но тем не менее словно наблюдающим и чего-то ждущим.

Подул сильный ветер, и начался ливень с градом. Когда я ставил пони под защиту стены и крыши дома, Холмс исчез внутри. Последовав за ним, я задержался в дверном про-

еме, черном, как недра земли, и пахнущем сырым деревом и гнилью.

— Холмс! Где вы?

— Добро пожаловать в Мортхилл-Мэнор, — глухо до-
несся изнутри его голос.

Когда я ощупью двинулся к нему, буря зашумела у
меня за спиной и до меня долетали только обрывки его
фраз:

— Название или какой-то его вариант... говорят, вос-
ходит к неолитическим временам, относясь к большому
кургану¹. Друиды... камни, установленные кругом в дубо-
вой роще на вершине холма... В шестидесятом году до
Рождества Христова там совершались человеческие жерт-
воприношения, чтобы обеспечить Боадичее² победу в вос-
стании против римлян... После ее поражения римские
солдаты перебили жрецов, повалили камни и срубили свя-
щенные дубы, чтобы построить сельскую виллу... Гово-
рят, под полом заживо замуровали кельтских детей... Вы
что-то сказали, Уотсон?

— Нет! — сердито отозвался я. Ударившись бедром о
стол, я выругался, злясь на Холмса с его несвоевременными
затейми и на боль в старой ране, полученной на войне и уже
начавшей ныть с изменением погоды.

Стена, которую я ощупывал левой рукой, внезапно обо-
рвалась. Я стоял в дверях длинной столовой, чьи размеры
позволила определить вспышка молнии за высокими разби-
тыми окнами. Холмс двигался в дальнем конце комнаты,
очевидно, что-то разыскивая и продолжая вещать, словно
какой-то адский чичероне.

— С тех пор на этом месте было воздвигнуто много
сооружений, и каждое было построено на костях... я хо-
тел сказать — на камнях своего предшественника. В
средние века на развалинах виллы построили монастырь,
но он был заброшен из-за «странных подземных звуков».
Позднее выяснилось, что настоятельница распорядилась
заживо замуровать тринадцать молодых послушниц «для
утешения погребенных в кургане». Во время царствова-
ния Елизаветы здание перестроили, но снова покинули,

¹ Morthill (Мортхилл) — холм мертвых (англ.).

² Боадичея (ум. ок. 60 до н.э.) — царица бриттов.

после того как зараженная вода из нового колодца убила девятерых детей. В тысяча шестьсот сорок пятом году круглоголовые¹ сожгли дом до основания, думая, что там прячутся жена и дети роялиста. К несчастью, они действительно там находились.

Пламя зажженной свечи осветило чеканные черты Холмса, а позади него — лицо молодой женщины. Я не смог удержаться от возгласа, хотя понимал, что это портрет. Холмс повернулся и посмотрел на висящую над камином картину. Я был уверен, что ее внезапное появление испугало и его, однако единственным проявлением этого было легкое дрожание руки, державшей свечу.

— Теперешнее здание воздвигнуто в тысяча семьсот двадцать пятом году, — сказал он. — Его последняя владелица была, на мой взгляд, худшей из всех. Вот вам портрет истинного вампира.

Возникшее из мрака лицо на холсте казалось призрачно бледным и в то же время необычайно живым. Поза и внешность несколько напоминали «Мону Лизу» да Винчи. Волосы причудливого земляничного оттенка были зачесаны назад со сверкающего белизны лба и волнами опускались ниже пояса. Светло-зеленые глаза словно фосфоресцировали. Между неожиданно полными ярко-красными губами блестели передние зубы. Женщина улыбалась. Я невольно подумал, что она выглядит голодной, и мне пришлось на ум описание знаменитой картины, принадлежащее перу Уолтера Пейтера². «Она старше скал, среди которых сидит. Подобно вампиру, она умирала много раз и знает все секреты могилы».

— Право, Холмс, сейчас вы будете утверждать, что знаете эту леди.

— Конечно, знаю, — повернувшись, ответил он. — Ее звали Бланш Верне, и она была моей кузиной.

На его лице появилось странное выражение. Он уставился на что-то, находившееся у меня над головой. Поспешно шагнув через порог, я обернулся и посмотрел

¹ Круглоголовые — во время английской революции середины XVII в. так называли пуритан, противников королевской власти, часто носивших короткую стрижку.

² Пейтер Уолтер Хорейшо (1839—1894) — английский эссеист и критик.

вверх. Над дверью висела прикрепленная к притолоке огромная ветка омелы. Сквозняк слегка пошевелил ее, и лишенная листьев ветка зашуршала по камню.

— «Ветка омелы в холле висит, и падуб на стенах дубовых блестит...», — процитировал Холмс старинную балладу странным тоном, словно удивляясь, что помнит ее. На какой-то момент он выглядел так, будто увидел призрак, но это быстро прошло.

— Вы слышали, как я упоминал моего прадеда по материнской линии, французского художника Карла Верне¹, — быстро продолжал Холмс. — Помимо Ораса, также художника, у него был еще один сын, Шарль, который стал врачом.

— Ваш двоюродный дед, — сообразил я.

— Да. Для врача он оказался на редкость несчастлив: его первая жена-француженка умерла, рожая Бланш, а вторая жена, дочь мелкого валахского дипломата, скончалась спустя двенадцать лет при аналогичных обстоятельствах, произведя на свет двух девочек-близнецов — Алису и Элизу. Кажется, это произошло в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году, после чего семья переехала в Лондон... Я наскучил вам, Уотсон?

— Что? — Я с трудом оторвался от другого лица, напоминающего византийскую икону на золотом фоне, мрачно взирающего на нас с портрета на дальней стене, напротив портрета Бланш. — Кто это, Холмс?

— Ириса, — кратко заметил он, проследив за моим взглядом. — Сестра второй жены доктора Верне и тетя близнецов. Она внезапно прибыла из какого-то затерянного в Карпатах местечка и стала вести хозяйство, когда ее зять перевез сюда семью в тысяча восемьсот шестьдесят втором году.

В строгом черном одеянии, с греческим крестом на груди и черными бровями, сдвинутыми над враждебно смотрящими черными глазами, она казалась мрачной тенью Бланш, исподтишка наблюдающей за племянницей.

Мокрые ветки хлестали по окнам. Оскверненная гробница друидов на вершине Саррей-Хилла словно притягивала с неба молнии.

¹ Верне — семейство французских художников. Антуан Шарль-Орас, более известный как Карл (1758—1835); его сын Эмиль-Жан-Орас (1769—1863).

Вспышка, затем раскат грома...

Я быстро заморгал, ослепленный молнией, но образ комнаты в черно-белых тонах запечатлелся у меня в голове. Вместо портретов мне представилась внимательно наблюдающая за нами семья, молча стоящая у стен: чернобровая Ириса, бледная Бланш и две девочки в белом, притаившиеся в углу... Затем мое зрение прояснилось, и я вновь увидел только покрытые пылью портреты. Однако в комнате отсутствовали изображения девочек-близнецов.

Я прочистил горло.

— Эти портреты написаны доктором Верне?

— Да, — ответил Холмс. — Страсть к живописи была в крови у семейства Верне и так или иначе проявляла себя. Его последний портрет вы видите над камином, однако истинным шедевром Шарля Верне был оригинал этой картины — его старшая дочь Бланш.

— «Красавицей-дочкой гордился барон. Отдал ее юному Ловеллу он», — насмешливо процитировал я строки из той же баллады, все еще уверенный, что Холмс подшучивает надо мной, и не желая оказаться таким легковерным, каким он меня, по-видимому, считал.

— Да, — кивнул Холмс, игнорируя мой иронический тон. — Он обожал Бланш и ничего для нее не жалел. Мой отец, Сайгер Холмс, будучи по делам в Лондоне, писал домой, что выходной бал Бланш оказался самым успешным в сезоне и что она затмила даже знаменитую «карманную Венеру» Флоренс Пэджет. У моей прекрасной кухни было великое множество поклонников, но, как часто случается с женщинами, она выбрала наименее подходящего из них и соблазнила его.

Необычайная для Холмса откровенность спровоцировала меня на столь же откровенный вопрос:

— И кто же это был?

Но он не обратил внимания на мои слова.

— Однако в самом разгаре триумфа у Бланш начались приступы кашля, которые обернулись чахоткой. Именно тогда доктор Верне продал лондонскую практику, купил Мортхилл и перевез сюда свою семью в отчаянной попытке исцелить дочь.

Я искренне посочувствовал бедному доктору. Единственным средством «исцеления» туберкулеза были свежий

воздух и солнце, но большинство больных все равно погибло от истощения или удушья, когда жидкость заполняла разрушенные легкие, что весьма не походило на романтическое изображение смерти от чахотки в «Даме с камелиями» Дюма-сына или в «Богеме»¹. В середине девятнадцатого века болезнь, которую мы теперь зовем «белой чумой», убила миллионы, если не десятки миллионов человек, и конца этим смертям не видно и теперь.

— Боюсь, — заметил я, — что усилия доктора Верне оказались тщетными.

— Можете считать это его навязчивой идеей, под стать которой была поразительная жажда жизни самой Бланш. Она была миниатюрным созданием — едва выше ребенка — но упорно цеплялась за жизнь. Миновали лето и осень, а в последние дни года пришло письмо в конверте с черной каймой, где Бланш извещала о смерти отца.

— От чахотки?

— Да. Не забывайте: это произошло до того, как Вильмен доказал, что туберкулез заразен, хотя уже было отмечено, что с одними болезнью обходится весьма осторожно, словно нежный любовник, а других убивает быстро. Последнее и случилось с доктором Верне. Бланш написала, что унаследовала все имущество отца, а также солидную сумму, которую остался должен ему мой отец, Сайгер Холмс. Она просила — отнюдь не требовала — чтобы отец сразу же приехал к ней в Мортхилл обсудить условия. Ему пришлось ехать, и он взял меня с собой.

Холмс снова устремил взгляд на голую ветку, прикрепленную цепью к стене над притолокой.

— Сорок лет назад, в Сочельник, когда я был восьмилетним мальчиком, а эта ветка еще была свежей...

*Viscum album*², думал юный Шерлок, глядя на колючую ветку над дверью. Традиционная «ветка поцелуев». Как раз ко времени...

¹ Имеется в виду опера Джакомо Пуччини «Богема», героиня которой умирает от туберкулеза.

² Латинское название омелы.

Он попытался думать об омеле — «паразитическом растении, почитаемом друидами», — но тревога грызла его весь этот долгий сумрачный день в доме кухни.

Оглядываясь назад, он, вдумчивый ребенок, понял, что в их доме все шло не так после возвращения отца из Лондона прошлой весной. Именно тогда пришли первые письма. Сначала отец неуклюже шутил насчет «чертовски назойливого истца» в каком-то гражданском деле и забирал их с собой, чтобы читать наедине, но в один прекрасный день мать произнесла с каменным видом:

— Сожги их.

С того времени отец так и делал — бросал письма в огонь, не вскрывая, на виду у всей семьи. Письма приходили все реже, а к концу лета вовсе перестали поступать. Заинтригованный Шерлок, проскользнув в столовую, достал из камина остатки последнего письма — обрывок красной бумаги, разорванный с одной стороны, обугленный с другой и покрытый тонким слоем пепла.

Но в то утро на столе перед тарелкой отца оказался еще один конверт с черной каймой и тем же энергичным почерком.

— Вскрой его, — велела мать, и отец подчинился.

Читая письмо, Сайгер Холмс заметно побледнел.

— Боже мой! Столько денег! Это нас разорит! — Он посмотрел на мать. — Я должен ехать.

Несколько секунд мать молчала, а потом внезапно сказала:

— Возьми с собой Майкрофта.

Майкрофт сразу помрачнел. В свои пятнадцать лет, будучи семью годами старше Шерлока, он всегда принимал сторону матери в том, что расстраивало ее с прошлой весны. Отец посмотрел на него и быстро отвернулся.

— Нет, я возьму Шерлока. Ребенок может ее смягчить.

И вот они — Шерлок и его отец — стояли в холодной, неопрятной столовой их кухни возле длинного стола, уставленного грязной посудой. Их пони и повозка были привязаны у входной двери — позаботиться о них было некому, так как вся прислуга разбежалась.

— Ничего не поделаешь — дом ведь зачумлен, — сказала, впуская их, мрачная женщина в черном (тетя Ириса?). Увидев Шерлока, она застыла как вкопанная. — Вы посту-

пили глупо, привезя сюда ребенка! Разве вы не знаете, что случается с детьми в этом доме?

Мальчика интересовали две его маленькие кузины, Алиса и Элиза. Когда Шерлок вошел в столовую, ему показалось, что он заметил белую кайму детской юбки, мелькнувшую у дальней двери. «Девчонки такие робкие», — подумал он, пытаясь взбодрить себя. Майкрофт стал бы смеяться над ним, если бы он начал ежиться в холодной комнате: «Неудобства и эмоции — ничто для мощного интеллекта!» — заявил бы он.

Отец плохо скрывал свои чувства. Теперь он ходил взад-вперед по комнате, бросая взгляды на дверь.

Послышались быстрые шаги, и в дверях под веткой появилась Бланш, вся в белом, с листьями падуба на груди и в венке из омелы. Раньше она выглядела миниатюрной и совершенной, как фарфоровая статуэтка. Теперь же ее распущенные волосы, развевавшиеся на сквозняке, стали более редкими из-за болезни, а в глазах появился лихорадочный блеск. Когда Бланш посмотрела на отца, бледно-розовый кончик ее языка словно непроизвольно облизнул алые, как спелый плод, губы. Потом она увидела мальчика, и улыбка застыла на ее лице.

— Что за прелестный мальчуган, Сайгер! — воскликнула Бланш с притворной радостью. — Мой кузен Шерлок, не так ли?

Она обняла Шерлока с таким видом, будто с радостью разорвала бы его надвое. У нее еще оставались силы, но он ощутил неудобу под белым платьем и почувствовал сладковатый гнилостный запах, смешанный с ароматом розового масла. Потом Бланш закашлялась и отодвинула его от себя. На его лице остались алые брызги крови.

— Как же нам... тебя развлечь? — спросила Бланш, опускаясь на стул и стараясь отдышаться. — А, знаю — охота за сокровищем! Существует одна бумага... письменное обязательство выплатить моему дорогому покойному отцу... огромную сумму денег! Найди ее, и возможно, ты получишь эту бумагу. — Прижав руки к груди, она бросила взгляд на его отца. — Ищи ее... под разорванным сердцем.

Мальчик вышел из комнаты через дверь в дальней стене, изо всех сил стараясь не бежать. Увидев лестницу, он поднялся на второй этаж.

В конце верхнего коридора виднелось маленькое круглое окно, посеребренное зимними сумерками. Казалось, будто оно находится очень далеко, хотя Мортхилл был небольшим зданием. В нем было всего два центральных коридора — по одному на каждом этаже — с комнатами по обеим сторонам. Найти спальню кухни казалось несложным. Женщины любят прятать свои секреты так, чтобы они были под рукой. Поколебавшись, Шерлок свернул в первую, приоткрытую дверь с левой стороны коридора.

Когда он вошел, под его ботинками захрустело битое стекло. Двинувшись дальше в полной темноте, Шерлок почувствовал, будто теперь под ногами у него шелестят опавшие листья. Внезапно он налетел на край стола, и очередной стеклянный предмет упал и разбился. Разглядев смутные очертания окна, Шерлок подошел к нему и раздвинул черные бархатные портьеры, прикрывавшие длинную узкую раму.

Сумерки тускло осветили развалины лаборатории доктора Верне — квадратный приземистый афенор алхимика, ряды разбитых реторт, похожих на щербатые хрустальные зубы, вырванные страницы книг, разбросанные на полу листки с химическим формулами, астрологические символы и кельтские руны, написанные углем на побеленных стенах.

«Bon sang ne peu mentir»¹, гласила одна надпись, «Le sang c'est la vie»², — утверждала другая. Третья состояла из одного слова: «Sangsue» — пиявка, кровосос.

Поверх этих надписей было начертано огромными буквами: «NON, NON, NON»³.

Здесь были секреты, но они принадлежали доктору, а не его дочери. Значит, нужно искать в другом месте.

Мальчик снова открыл дверь, хрустя осколками стекла. Но за ней оказался не коридор, а другая, меньшая комната. Он подумал, что, наверное, ошибся в темноте. В тусклом свете виднелись две железные койки, скрепленные друг с другом болтами. Одна была покрыта кожаными ремнями. Пол под ней был темным и грязным; от него исходил дурной запах.

¹ Хорошая кровь не может лгать (*фр.*).

² Кровь это жизнь (*фр.*).

³ Нет, нет, нет (*фр.*).

Мальчик остановился — ему показалось, будто он слышит отдаленное пение детей. Должно быть, Алиса и Элиза поднялись наверх раньше его. В помещении было холодно и неуютно. Нужно найти маленьких кузин и попросить их о помощи.

Но каждая дверь вела не в коридор, а в другую комнату.

Уже стемнело, а мальчик все еще блуждал по дому. Как же здесь холодно и тихо — только зимний дождь упорно барабанил по окнам. Где же его кузины? Где находится он сам? Быть может, уже не в том доме, в который вошел вместе с отцом, — казалось, это было так давно! Что, если по ночам Мортхилл проваливается в глубь столетий?

(«Разве вы не знаете, что случается с детьми в этом доме?»)

Что, если монахи в черных рясах замуровывают заживо маленьких послушников? Во мраке, связанные и с кляпом во рту, они бьются головами о стены, а из недр кургана им отвечают глухие удары...

Что, если и сейчас римские солдаты сгибают детям руки и ноги, чтобы затолкать их в ямы под полом? «Земля все еще голодна», — говорит по-латыни центурион, и солдаты бродят по дому в поисках оставшихся детей, чтобы похоронить их заживо...

К своему облегчению, Шерлок снова услышал пение, теперь настолько близкое, что можно было разобрать слова. Дети играли с ним в прятки. Он открывал одну дверь за другой, миновал комнату за комнатой, следуя нити, которую давала ему тихая песня, пока наконец не очутился в помещении, пахнущем розами.

В ногах застеленной кровати находился продолговатый сундук, крышка которого напоминала детский гроб. Может, там прячутся от него маленькие кузины? Шерлок напряг слух, но услышал лишь стук дождя по оконным стеклам. Сундук был сделан из почерневшего от времени дуба и окован железом. На крышке была грубо вырезана ветка омелы — через нее проходила щель шириной в палец. Он осторожно открыл крышку.

Внутри лежала куча нижнего белья Бланш.

Сначала мальчику показалось, будто грудь пеньюара сверху промокла от крови, но потом он увидел, что это

красная бумажная подкладка в форме сердца, разорванная посередине. Он нашел разорванное сердце Бланш, другую половину которого его отец сжег почти дотла.

Стараясь выглядеть бесстрастным («эмоции ничто для мощного интеллекта»), мальчик разорвал бумагу. Алые клочки упали в сундук, словно брызги крови.

Опустившись на колени, Шерлок стал шарить под «разорванным сердцем» в не слишком чистом белье. От сильного запаха у него кружилась голова. Стараясь дышать ртом, он залез в сундук, чтобы ускорить поиски. Бюстгалтеры, ночные сорочки, панталоны, нижние юбки... Вот! Это был документ — долговая расписка его отца, засунутая в корсаж пеньюара.

Внезапно крышка сундука захлопнулась, ударив его по голове.

Темнота, боль, страх...

Запах пота и духов словно заполнил легкие. Стало трудно дышать. Казалось, чьи-то руки сомкнулись на его шее...

«Не сопротивляйся! Слушай, что поют дети!..»

Ветка омелы в холле висит,
И падуб на стенах дубовых блестит.
В замке барона царит торжество.
С вассалами празднует он Рождество.

Омела... Он находится в сундуке с веткой омелы на крышке, задыхаясь в белье кухни. Но в крышке есть щель. Он не должен задохнуться!

«Успокойся! — говорил себе Шерлок, все еще полуоглушенный. — Дыши глубоко! Не обращай внимания на запах женщины. Майкрофт говорит, что женщины могут погубить тебя, если ты слаб...».

Когда пульс и дыхание стали более ровными, мальчик попытался поднять крышку. Сначала она не поддавалась, и он решил, что кто-то на ней сидит, но крышку всего лишь заело. Наконец Шерлок выбрался из сундука, выбежал из комнаты и спустился по лестнице в холл...

Бланш сидела под своим портретом, отец склонился перед ней. Она обвивала длинными светлыми волосами его шею, а он смотрел на нее, как кролик на удава. Зрение мальчика затуманилось — возможно, от яркого пламени в камине, но ему показалось, будто над ними возвышается

темная громада, словно сам дом стоит там, наблюдая за происходящим. Бланш притянула к себе отца, и они поцеловались. Темнота улыбнулась тонкими злыми губами Ирисы...

Мальчик услышал странный звук, потом понял, что сам издал его.

Отец оторвался от Бланш, обрадованный появлением Шерлока, словно это шанс на спасение. Он засуетился над сыном, вытряхивая у него из волос обрывки красной бумаги и испуганно глядя на его испачканные кровью пальцы. Крышка сильно ударила мальчика, но он, не замечая боли от царапин, не отрываясь смотрел на расписку, которую все еще сжимал в руке.

Шерлок услышал пение. Нет, он пел сам:

Красавицей-дочкой гордился барон.
Отдал ее юному Ловеллу он.
С глазами, как звезды, с румяным лицом
Собою она украшала весь дом.
О, ветка омелы!..

Бланш стояла неподвижно, глядя, словно Горгона, на отца и сына.

— Зачем ты привез это отродье, Сайгер? Чтобы напомнить мне, что ты делил ложе с другой?

Темнота шевельнулась. На момент мальчик устался в темные глаза Ирисы в нескольких дюймах от его собственных; потом она отобрала у него расписку и шагнула назад.

— Иди! — обратилась Ириса к Бланш по-английски с сильным акцентом. — Возьми это. Замани его к своему смертному ложу. Песня укажет тебе дорогу.

Бланш рассеянно смотрела на бумагу, которую тетя вложила ей в руку. Ее губы шептали текст следующего куплета. Потом она рассмеялась и начала петь:

Сказала она: «Я устала плясать.
Я спрячусь, а вы начинайте искать.
Всех раньше, уверена, Ловелл, мой муж,
К убежищу ключ подберет моему».

— Ключ, «Ловелл», ключ! — воскликнула Бланш, взмахнув распиской перед носом отца, который словно

примерз к месту. — Найди меня, и возможно расписка вернется к тебе! — Она спрятала бумагу на груди и выбежала из комнаты; ее тетя тенью последовала за ней. И снова мальчик запел, как зачарованный:

Она убежала. Не став долго ждать,
Друзья устремились беглянку искать.
Кричал юный Ловелл: «Где прячешься ты?
Мне жизнь не мила без твоей красоты!»
О, ветка омелы!..

Но Шерлок пел в одиночестве. Сайгер Холмс вышел из комнаты. Отправившись следом, мальчик обнаружил отца у подножия лестницы прислушивающимся к голосам наверху — негромкому настойчивому голосу Ирисы и сердитым ответам ее племянницы.

— Оставь меня в покое! — внезапно закричала Бланш. — К чему болтать о мертвых? Они ничто — только живые имеют значение! Я жива и буду жить, слышишь? *Arr tez! N'y touche pas!*¹

Глухой удар прервал фразу.

Отец взбежал по ступенькам. Мальчик, спотыкаясь, поплелся за ним. Ириса стояла на верхней площадке перед закрытой дверью спальни, суровая, как рок, и неумолимая, словно Немезида.

— Уходите! — сказала она. — Забота о ней — мое дело, а не ваше. Уходите, и ваш долг этой семье будет прощен.

— Что вы с ней сделали?

— А вы не догадываетесь? Пой, мальчик!

И мальчик запел:

Искали всю ночь и искали весь день,
Но тщетно — красавицы нету нигде.
В отчаянье Ловелл весь дом обошел.
Напрасно — жену он нигде не нашел.

— Стойте! — крикнул отец. — Я не понимаю! Почему вы это делаете?

— У меня на родине знают, как обходиться с такими бессердечными существами, как она, которые удовлетворя-

¹ Стой! Не трогай!.. (фр.).

ют свою страсть за счет других, нападая на тех, кого должны оберегать.

— Вы считаете ее вампиром, вроде лорда Рутвена Полидори¹ или Варни Преста? — Отец попытался рассмеяться. Мальчик видел, что он считает Ирису безумной и боится ее. — Бледность ее щек и кровь на губах — результат болезни, не более. Вы же образованная женщина! Вы не можете верить в эти нелепые истории!

Ириса улыбнулась, и ее улыбка была ужасной.

— Я верю в зло. Я верю, что нигде на земле человек не защищен от зла, включая вашу сверхцивилизованную Англию. Думаете, только носферату охотятся за невинными? Сказать вам, почему эта женщина все еще жива, когда ее маленькие сестры покоятся рядом в могиле? Потому что их отец, этот подвижник науки, перекачивал в нее кровь своих младших дочерей!

Палец в черной перчатке устремился, словно копье, в направлении закрытой двери лаборатории.

— Он и она высасывали кровь у несчастных малюток, пока в их жилах ничего не осталось. Слишком поздно я поняла, что означают эти дьявольские письма на стене, эти железные койки боли и страданий! Слишком поздно в нем пробудилась совесть! О, мои маленькие племянницы, мои бедные Алиса и Элиза...

На какой-то момент горе стерло гримасу ненависти с ее лица, но то, что скрывалось под ней, оказалось еще страшнее. Усилием воли Ириса взяла себя в руки.

— Уходите! — с холодным презрением повторила она. — Вы слабый и глупый человек. Однажды вы по доброй воле обняли эту развратницу, и теперь она вдохнула смерть вам в рот. Я знаю это! Уходите! Скоро вы соединитесь с ней в могиле. Слышите? Она уже зовет вас!

И они услышали. Из спальни донеслись глухие удары и царапанье. Снова кулаки стучали, а ногти царапали по крышке гроба.

Задыхаясь от ужаса, отец схватил мальчика и бросился бежать. Позади слышался жуткий смех Ирисы.

¹ Полидори Джон Уильям — личный врач Дж. Г. Байрона, написавший рассказ «Вампир» и придавший его герою, лорду Рутвену, облик своего пациента.

Больше никто никогда не видел Бланш.

Но боль утихает, и годы идут,
Легендою сделав былую беду.
Лишь старец согбенный льет слезы рекой
Не в силах забыть о жене молодой.
О, ветка омелы!..

Эхо голоса Холмса замерло в комнате. Буря бормотала вдалеке, а за окнами дома меланхолически накрапывал дождь.

— Весьма любопытно, — заговорил Холмс, возвращаясь к своей обычной, суховатой манере, — что эта баллада основана на трагедии, которая произошла в одном семействе из Ратленда по фамилии Нозль. Нам никак не удастся избавиться от рождественской темы, верно?¹ Бланш умерла, но мой отец не стал ее оплакивать. Он умер спустя четыре месяца, харкая кровью, и я едва не последовал за ним. Лежа больным, я подслушал, что Ириса тоже умерла — уморила себя голодом. Однако некоторые проклятия бывают очень упорными. Даже теперь я слышу во сне удары кулаков и царапанье ногтей о крышку гроба.

Я молча уставился на него, потом задал первый вопрос, пришедший мне в голову:

— А как насчет двух девочек?

Холмс провел худой рукой по лицу.

— Как я мог об этом забыть? Разумеется, они давно мертвы. Я видел их надгробья среди деревьев, когда мы проезжали мимо.

Это было уже чересчур для меня.

— Они, полагаю, и есть те «один-два призрака», которых вы пообещали мне, прежде чем мы вошли в этот зачумленный дом, не говоря уже о валахской сумасшедшей, злодее-ученом и вампире в сундуке с бельем? Отлично проделано, Холмс! Bravo! И вы еще называете меня романтиком!

Внезапно Холмс весь напрягся и поднял руку, призывая меня умолкнуть. По привычке я сразу повиновался.

Мы прислушались. Сквозь капанье дождя, шелест ветра и скрипы старого дома сверху донеслись глухие удары и слабый скрежет.

¹ Noel (Нозль) — Рождество (*фр.*).

— Ну, знаете! — возмутился я.

Вывхавтив у Холмса свечу, я быстро направился через холл к дальней двери. Там была лестница, по ступенькам которой стекала вода. Я начал подниматься, крепко держась за перила, так как сгнившие остатки ковра делали ступеньки скользкими, словно мох на речном берегу.

Я не хотел верить тому, что рассказал мне мой друг, но меня испугало то, что он описывал подробности не так, как если бы придумывал их, а словно извлекая из полузабытых ночных кошмаров детства, как извлекают осколки из запущенной раны. Неужели это правда? Нет, я не могу поверить в такое!

Но я должен был убедиться.

Верхний коридор был точно таким, каким его описал Холмс, — чудовищно длинным, с дверями по обеим сторонам. На верхней площадке я задержался, внезапно почувствовав неуверенность. В конце концов я стоял с оплывшей свечой на верхнем этаже заброшенного дома, в нескольких милях от цивилизованных мест, темной и бурной ночью, охотясь за призраками. Не исключено, что в Мортхилле скрывается убийца, вооруженный топором, — впрочем, в данный момент я почти предпочитал такой вариант.

Первая дверь с левой стороны была приоткрыта. Изнутри донесся шорох, напоминающий шелест бумаги.

Чья-то рука стиснула мое плечо.

— Не входите туда, — прошептал Холмс.

Удивленный, что он так быстро поднялся следом за мной, я отозвался таким же шепотом:

— Почему?

— Потому что там есть вход, но может не быть выхода. А кроме того, — не слишком уверенно добавил он, — пол может оказаться ненадежным.

— Самое время подумать об этом! Ладно, если не в эту дверь, то в которую?

Холмс не ответил, но его выдал взгляд, произвольно скользнувший к первой двери справа. Так как он не делал попыток открыть ее, я нажал на ручку, но она тут же отломилась, оставшись у меня в руке.

Остался только один способ проникнуть внутрь.

Я изо всех сил толкнул плечом покоробленную панель. Замок сломался, выбросив облако пыли, и дверь от-

крылась, скрипнув петлями. Опасаясь ловушки, я протянул руки вперед, нащупал стул и прижал им распахнутую дверь. Холмс шагнул в темноту, и я последовал за ним.

Колеблющееся пламя свечи бросало отсвет на кровать с давно упавшим на нее балдахинном, разбросанные на полу обрывки некогда элегантной одежды, пару длинных рваных перчаток, висевших на спинке стула, словно содранные куски кожи. На туалетном столике также царил беспорядок — он был захламлен пузырьками, лосьонами, булавками и другими безделушками.

На ближайшей стене висела литография Карла Верне, изображающая разодетую в пух и прах красавицу восемнадцатого столетия за туалетным столиком, любующуюся своим отражением в большом зеркале.

— Картина называется «Тщеславие», — сказал Холмс, стоя позади меня, — хотя Бланш вряд ли понимала почему. У нее было сугубо подражательное мышление — как у обезьяны — а подлинное воображение отсутствовало.

Я снова взгляделся в литографию и отпрянул. Круглое зеркало выглядело как череп, голова женщины и ее отражение казались его пустыми глазницами, а пузырьки с косметикой — зубами, обнаженными в загадочной улыбке. Эта картина, а не «Мона Лиза» служила оригиналом портрета Бланш в нижнем холле.

«Sangsue» — кровосос, — в ужасе нацарапал ее умирающий отец поверх назидательных изречений. — Non, non, non...»

Я повернулся к Холмсу, когда тот отбросил упавший балдахин. У подножия кровати стоял сундук, крышка которого была похожа на детский гробик. На ней, почерневшей от времени, была грубо вырезана ветка омелы. В трещине застряло несколько прядей светлых волос.

Поколебавшись, Холмс взялся за крышку и с усилием попытался открыть ее. Она приподнялась на четверть дюйма и застряла. Потом он заметил ключ, все еще торчащий в замке. Некоторое время мы стояли молча: Холмс смотрел на ключ, а я — на него. В комнате стало тихо, а снаружи слышалось лишь редкое капанье воды. Внезапный царапающий звук заставил меня вздрогнуть. Он донесся со сторо-

ны окна. Засохшая ветка дуба царапала и глухо стучала по стеклу. Холмс вздохнул.

— Вот вам и призраки, — пробормотал он, затем повернулся и вышел из комнаты.

Добрые десять секунд я простоял с открытым ртом, глядя на освещенный мертвенным лунным сиянием сундук с торчащим в нем ключом. Сквозь разбитое окно дохнул ветерок, и светлые пряди шевельнулись...

Я побежал по скользкой лестнице следом за моим другом, рискуя сломать себе шею и поселить в доме еще один призрак.

Вышедшая из-за туч луна наполнила обеденный зал колеблющимся серебристым светом. Я задержался в дверях, окидывая взглядом стены, ища не «улыбку Моны Лизы» или мрачное лицо на «иконе», а две белые фигурки в углу, навеки оставшиеся рядом друг с другом. Но их там не было. Я посмотрел в окно и внезапно увидел снаружи двух мертвых детей, чьи белые платья поблескивали среди посеребренных лунной берез. Их светлые немигающие глаза были устремлены вверх, словно они наблюдали за окном спальни на втором этаже.

Холодная капля упала мне на голову. Я вздрогнул и посмотрел наверх. Надо мной висела ветка омелы — этого отвратительного паразита, на каждом отростке которой блестели капли, похожие на ядовитые ягоды.

Снова посмотрев в окно, я проклял свое легкоеверие. Там были не дети, а два маленьких белых надгробия, склонившихся друг к другу.

Мы поспели в Бэгшот к последнему лондонскому поезду. Холмс проспал всю дорогу.

Больше мы ни разу не говорили об этом вечере.

Было ли это приключение всего лишь грубой шуткой — попыткой Холмса излечить меня от чрезмерного романтизма? Мне хотелось бы так думать, но я не в силах забыть о происшедшем. Оно преследует меня. В моих снах я брожу по бесконечным пыльным комнатам, иногда слыша отдаленные звуки и смех. Прошлой ночью я слышал сдавленные крики и скрежет ногтей, вгрызающихся в дерево, твердое, как железо...

«Выпустите меня!...»

В Сочельник я вновь ломал голову над случившимся четыре месяца назад. Возможно, я прочел в словах и особенно в молчании моего друга больше, чем он намеревался в них вложить. Возможно, он ждет моей публикации этой истории, чтобы вновь посмеяться надо мной. Возможно, это было его целью с самого начала.

Но мне кажется, что Холмс рассказал больше, чем хотел, желая докопаться до причин кошмара, тревожившего его сон. Все иррациональное и необъяснимое противно его натуре. Он не боится призраков, ибо не верит в них. Для него тайна разгадана — и этого достаточно.

Холмс оказался лучшим сыщиком, чем я рассказчиком. Мое мужество поколебал вид мрачного безмолвного сундука, и конец истории остался нерассказанным.

1902 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рассказчики умирают, но кончаются ли истории? Если вы читаете это повествование, значит, меня, очевидно, нет в живых, и охрана моих неопубликованных отчетов переходит к вам.

Помимо других моих оплошностей, во мне оказалось слишком много и от рассказчика, и от сыщика, чтобы я смог уничтожить доказательства. На дне вот этого сейфа лежит бумага с последними строками «Ветки омелы», в которую завернут ключ, — они представляют собой два ключа к одной тайне. Сам сейф покоится на продолговатом сундуке из почерневшего от времени дуба, окованном железом и с грубым изображением ветки омелы, вырезанным на треснувшей крышке. Не сказав ничего Холмсу, я нанял грузчиков, чтобы они доставили сундук, не открывая его, из Мортхилл-Мэнора в хранилище банка «Кокс и К°».

Итак, здесь находятся и баллада, и ключ, и сундук. Как мой дорогой друг сказал однажды о другом деле, «теперь это не может повредить. Так что поступайте, как сочтете нужным».

Когда эти беды быльем поросли,
Дубовый сундук в старом замке нашли.
Истлевший скелет в новобрачном венке
Под крышкой тяжелой лежал в сундуке.
Чтоб дольше искал ее юный супруг,
Красавица в шутку залезла в сундук.
Но крышка захлопнулась, щелкнул замок.
На страшную гибель обрек ее рок.
О, ветка омелы!

1929 г.

Обилие исторических подробностей подтверждает достоверность следующей рукописи — описание дела, которое Уотсон упоминает в «Вампире в Сассексе». По словам ее редактора, Роберты Рогоу, «драгоценности герцога Мальборо действительно были украдены во время дерзкого ограбления на вокзале Виктория по пути в Сэндрингем и никогда не были найдены. Описание Уильяма Генри Вандербильта абсолютно точно — к этому выводу я пришла на основании фотографии, снятой во время процесса о завещании Вандербильта, не менее скандального, чем дело О. Дж. Симпсона. Что касается Элвы Смит Вандербильт, позднее Белмонт, то она сама заслуживает целой книги! Ее решительность, агрессивность и хладнокровие открыли Вандербильтам путь в высшее общество.

Роберта Рогоу

ВАНДЕРБИЛЬТ И МЕДВЕЖАТНИК

Я редко видел, чтобы мой друг Шерлок Холмс отказывал в помощи клиенту. Когда произошел один из таких случаев, я как раз был в нашей квартире на Бейкер-стрит. Эта история привела к такому скандальному открытию, что я до сих пор не решался запечатлеть ее на бумаге и поступаю так теперь с целью завершить записи об упомянутом деле, осуществленном моим знаменитым другом.

Был ноябрь 1896 года. Холмс и я собирались покинуть Лондон, преследуя одного из самых неуловимых преступников, с какими нам приходилось сталкиваться, когда звонил звонок и миссис Хадсон доложила, что «миссис Черчилль» и «миссис Джером» желают переговорить со знаменитым сыщиком.

Прежде чем мы смогли их остановить, две женщины прошли мимо нашей преданной домохозяйки: высокая стройная леди в модном утреннем костюме из голубого бархата и низкорослая полноватая женщина в столь же элегантном, но менее ярком платье. Обе носили модные в то время большие шляпы с вуалями, скрывающими лица. Од-

нако взгляд Шерлока Холмса проник сквозь вуали, и он поклонился высокой леди.

— Доброе утро, ваша светлость.

Женщина подняла вуаль, открыв тонкие черты, которыми были полны все иллюстрированные газеты годом раньше, в период ее бракосочетания с герцогом Мальборо. Другая женщина пожала плечами и также подняла вуаль.

— Я ведь говорила вам, Консуэло, что он может все определить с первого взгляда, — сказала она с безошибочным американским акцентом.

Я узнал леди Рэндольф Черчилль, известную в лондонском высшем обществе как Дженни. Ее фотографии, как и фотографии герцогини, часто появлялись в прессе.

Ее светлость обернулась к Холмсу.

— Неужели меня так легко узнать? — застенчиво спросила она.

Холмс скривил губы, сдерживая самодовольную улыбку.

— Если вы хотели сохранить анонимность, ваша светлость, вам не следовало носить с собой носовой платок с гербом Мальборо, вроде того, который я вижу в вашем ридикюле.

— Понятно. — Герцогиня огляделась вокруг. — Могу я сесть?

— Мы собирались уезжать... — начал Холмс, но я быстро придвинул молодой герцогине стул. Она выглядела близкой к обмороку, — не знаю, от усталости или от страха.

— Это очень важно, — настаивала леди Рэндольф с видом человека, привыкшего к беспрекословному повиновению. — У Консуэло... у ее светлости похитили драгоценности.

Холмс принял излюбленную позу, прислонившись к камину.

— Вот как? Кража со взломом?

— Нет-нет! Это произошло, когда Мальборо и меня в прошлом месяце пригласили на охоту в Сэндрингем. На вокзале из толпы выскочил какой-то человек, схватил мою шкатулку с драгоценностями и скрылся. Полиция не смогла найти его, и я подумала... — Герцогиня не договорила и посмотрела на Холмса. Даже сидя, она сохраняла благород-

ную осанку женщины, которую с детства готовили к высокому положению в обществе.

Холмс нахмурился.

— Даже не взлом, — пробормотал он. — Вульгарная кража. В данном случае, ваша светлость, я должен уступить место Скотланд-Ярду. Они, а не я, специалисты по мелким кражам.

— По мелким кражам! — воскликнула леди Рэндольф. — Эти драгоценности стоили несколько тысяч фунтов!

Холмс не сводил взгляд с лица молодой герцогини.

— Для вас, ваша светлость, это сушая безделица. Состояние Вандербильта, несомненно, обеспечит вам компенсацию.

Тут я вспомнил, что герцогиню Мальборо до замужества звали мисс Консуэло Вандербильт и что она дочь американского мультимиллионера. Ее брак в течение нескольких месяцев служит темой грязных сплетен и домыслов в клубах.

Герцогиня грациозно поднялась.

— Пойдем, Дженни. Сожалею, что побеспокоила вас, мистер Холмс. Всего хорошего. — Она неуверенно шагнула к двери, но остановилась и слегка нахмурилась. — Ваше лицо кажется мне знакомым, мистер Холмс. Мы встречались раньше?

Холмс остался неподвижным, как изваяние.

— Это весьма маловероятно, — медленно ответил он. — Если такое произошло, ваша светлость, то очень давно и в иной жизни.

Герцогиня покачала головой, опустила вуаль и вышла. Леди Рэндольф с неодобрением смотрела на моего друга.

— Рэндольф был о вас очень высокого мнения, мистер Холмс. Он говорил, что вы можете абсолютно все. У него есть свои недостатки, но он редко ошибается в людях. Я бы не стала убеждать Консуэло прийти сюда, если бы не была уверена, что вы в состоянии ей помочь.

— В данном случае, леди Рэндольф, — отозвался Холмс, — я рекомендую понаблюдать за ломбардами и скупщиками краденого. Если бы речь шла о взломе, я мог бы оказаться вам полезен, но сейчас... — Он пожал плечами.

Вскинув голову, леди Рэндольф Черчилль последовала за молодой племянницей своего мужа на Бейкер-стрит. Холмс наблюдал из окна, как отъезжала их карета.

— Пошли, Уотсон, — сказал он, — а то опоздаем на поезд. Наша птичка может упорхнуть, и нам снова придется расставлять ловушки.

К счастью, мы быстро раздобыли кэб и успели к поезду за несколько секунд до отхода. Сев в вагон и отдышавшись, я задал Холмсу вопрос, который не давал мне покоя во время беседы с посетительницами.

— Холмс, — нехотя начал я, так как мне было неловко делать выговор моему другу, — вы были почти грубым с герцогиней. Неужели вы не могли подать ей хоть какую-то надежду? Я понимаю, что сейчас мы заняты и не можем ей помочь, но...

Холмс поднял руку.

— Знаю, Уотсон. Я был с ней чертовски резок. Она ведь почти ребенок — ей едва исполнилось двадцать — и не отвечает за грехи своего семейства, но у меня есть причины избегать Вандербильтов и всего, что с ними связано. Кажется, я упоминал вам о деле Вандербильта и медвежатника?

— Я видел такое название в вашей картотеке, — признал я.

— Его не отнесешь к моим удачам, Уотсон. Рассказ о нем поможет скоротать время, пока мы доберемся до Сассекса, но я должен просить вас не сообщать об этой истории никому. Это вопрос личной чести.

Я был заинтригован и охотно обещал ограничиться краткими записками для моего архива. Холмс достал трубку, набил ее табаком, зажег и откинулся назад, устраиваясь поудобнее, прежде чем приступить к рассказу.

— Разумеется, я говорил вам, Уотсон, — начал Холмс, — что провел молодость в поисках какого-нибудь занятия, которое соответствовало бы моим талантам. Я окончил университет и не знал, куда податься, когда случайная встреча привела меня к кратковременной карьере актера. Я играл в пьесах Шекспира — Кассия в «Юлии Цезаре» и Меркуцио в «Ромео и Джульетте», но скромно при-

знаю моим величайшим успехом Мальволио в «Двенадцатой ночи». В этой роли я выступал в Нью-Йорке в сезоне тысяча семьсот семьдесят девятого — тысяча семьсот восьмидесятого годов и как раз в тот период столкнулся с Вандербильтом и медвежатником.

Я выступал под *nom de théâtre*¹ Уильям Эскотт, и именно так меня называла молодая женщина, игравшая Марию, — мисс Маргарет Магилл, очень красивая миниатюрная ирландка и одаренная комедийная актриса. Позднее она обрела широкую известность в Соединенных Штатах. Это был ее дебют, в котором она имела огромный успех. Уборная мисс Магилл всегда была полна цветов, а поклонники поджидали ее в артистическом фойе после каждого спектакля.

Следовало ожидать, что у столь очаровательной молодой женщины не будет никаких неприятностей, но однажды вечером в середине января я заметил, что с ней что-то не так. Во время представления «Двенадцатой ночи» она пропускала реплики и забывала текст. Так как моя удача в роли Мальволио в значительной степени зависела от ее яркого и оживленного выступления в роли Марии, я почувствовал необходимость спросить ее, в чем дело, надеясь исправить положение перед следующим спектаклем. Поэтому я заглянул в ее уборную, и осведомился:

— С вами все в порядке?

На лице мисс Магилл я увидел явные следы слез. Ее глаза были красными, а несколько мокрых марлевых квадратиков, которыми обычно снимают грим, валялись на туалетном столике.

— Хочу извиниться перед вами за то, что произошло в сцене письма, — сказала она. — Дело в том, что я получила записку от моего брата. Он арестован и находится в Тумзе. Вот эта записка. Они позволили ему написать мне, чтобы я смогла найти для него адвоката, но я не разбираюсь в американских законах... — Мисс Магилл снова заплакала. Я взял записку, написанную на дешевой бумаге карандашом.

«Мегги, я в Тумзе. Меня обвиняют в том, что я взломал сейф Вандербильта, но клянусь душой нашей дорогой

¹ сценическим псевдонимом (фр.).

мамы, я этого не делал! Найди адвоката и вытащи меня отсюда! Не хочу отправляться в каталажку за преступление, которого не совершал. Майк».

— Кажется, ваш брат попал в беду, — заметил я. — Почему его обвинили во взломе сейфа Вандербильта? И какого именно Вандербильта? Насколько я знаю, их трое: мистер Уильям Генри Вандербильт и его сыновья, мистер Корнелиус Вандербильт и мистер Уильям Киссам Вандербильт. Я видел их имена в списках заказывающих ложи на наши спектакли.

Мисс Магилл смогла наконец исправить ущерб, причиненный слезами ее внешности. Она повернулась ко мне и объяснила:

— Майк приехал в Штаты давно, когда я была еще совсем маленькой. Он был старшим из нас и, когда папа умер, поехал в Америку, чтобы заработать денег и потом вызвать маму и всех нас.

— Очевидно, денег он не заработал, — сказал я.

— Сначала Майк неплохо зарабатывал. Он присылал домой достаточно денег, чтобы мама смогла отправить меня и братьев в школу учиться читать, грамотно писать и правильно говорить. Когда мои братья Патрик и Энтони начали работать, то стали заботиться о маме и обо мне. Это пришлось кстати, так как от Майка перестали поступать и письма, и деньги.

— Однако он объявился вновь, — заметил я, постучав по записке.

— Майк увидел фамилию Магилл на афише, пришел посмотреть, не принадлежит ли она кому-нибудь из родственников, и встретил меня! О, мистер Эскотт, как приятно, когда рядом оказывается кто-то из родных! — Ее лицо просияло.

Я благоразумно оставил при себе свои мысли насчет семейных связей.

— Очевидно, ваш брат завел неподходящих друзей, — промолвил я, — иначе он не стал бы называть тюрьму каталажкой. Это воровской жаргон. Если вы хотите повидать брата, то я прошу разрешить мне вас сопровождать. Тумз — это городская тюрьма Нью-Йорка предварительного заключения, где содержат заключенных до суда. Насколько я знаю американскую юридическую систему, согласно их

конституции, каждый заключенный имеет право видеть своего адвоката. Буду рад помочь вам чем могу.

— О, мистер Эскотт... Уильям! — Она вскопила со стула и обняла меня. — Я знаю, что уже поздно, но, может быть, вы пойдете со мной сейчас повидать Майка? Мне нужно убедиться, что с ним все в порядке! Об американских тюрьмах рассказывают ужасные вещи.

Я не возражал против объятия (мисс Магилл была очень хорошенькой девушкой, а я был молод), но уклонился от поцелуя, который она собиралась запечатлеть на моей щеке. Мы как следует закутались, опасаясь нью-йоркского холодного января, когда по острову Манхэттен гуляет такой же свирепый ветер, как в русских степях, и направились из театрального района Бродвея к Тумзу — массивному кирпичному зданию, сооруженному еще до знаменитого ограбления Твидом Рингом городской казны.

В Тумзе помещалась не только тюрьма, но и полицейское управление. Нам пришлось пройти сквозь строй облаченных в униформу стражей общественной безопасности, прежде чем нас проводили в комнату с кирпичными стенами, освещенную только газовым рожком и мебелированную лишь двумя деревянными стульями.

Дюжий полисмен втокнул в комнату Майка Магилла и объявил:

— У вас пятнадцать минут.

Обвиняемому было не больше сорока лет, он был низкорослым и жилистым, с такими же подвижными бровями, как у мисс Магилл, которыми та искусно пользовалась в роли Марии. На лице ее брата они казались приклеенными. Семейное сходство было достаточно сильным, и я отбросил недостойную мысль, что он обманывает пользующуюся успехом молодую актрису, выдавая себя за ее брата. Мне пришлось кашлянуть, чтобы напомнить встретившимся после долгой разлуки брату и сестре о моем присутствии.

— Мистер Магилл, — спросил я, — почему полиция считает, будто вы взломали сейф Вандербильта?

Майк уставился в пол.

— Я находился в доме, — признался он и тут же добавил: — По делу. Я ведь опытный слесарь. — Он повернулся

к сестре. — Когда я плыл в Америку, один человек на борту заметил, что я хорошо работаю руками и мастерю игрушки для детей, ехавших с нами третьим классом. Он предложил мне пойти к нему в подмастерья. Конечно, это большое искушение видеть, как деньги прячут в сейфы и запирают их ключами, которые я изготовил.

— И вы поддались искушению, — догадался я.

— Да. Я брал понемногу — только чтобы посылать маме и остальным.

Мисс Магилл выглядела испуганной.

— Ты имеешь в виду, что Пат, Тони и я ходили в школу на ворованные деньги?

— Те, у кого я их воровал, ничего не замечали, — усмехнулся Майк. — Для них это была мелочь.

— Тогда как вы попали в «каталажку»? — допытывался я.

— Откуда вы знаете? — удивленно спросил он.

— Вы перестали посылать деньги вашей семье. Они не получали от вас никаких известий. Очевидно, вас поймали и отправили в тюрьму.

Майк кивнул и покачал головой.

— Единственный раз я взял кое-что кроме денег. Это было кольцо. Я подарил его знакомой девушке, а она возьми и заложил его! Копы меня схватили, но так как я впервые попал под суд, то схлопотал всего семь лет, а потом мне скостили два года за хорошее поведение. Я смог снова заняться своим делом, благодаря мистеру Вандербильту. Мистер Уильям Генри Вандербильт совсем не похож на своего папашу, старого коммодора¹. Он пришел в Синг-Синг, стал уговаривать нас исправиться и предложил поддержку тем, кто поклянется больше никогда не нарушить закон.

— И вы воспользовались этим великодушным предложением, — закончил я. — Похоже, мистер Вандербильт — настоящий филантроп.

Майк Магилл усмехнулся — при этом сходство с сестрой стало еще заметнее. Именно с такой усмешкой она плела заговор, приведший к падению Мальволио.

¹ Коммодор — капитан 1-го ранга. Это звание носил Корнелиус Вандербильт (1794—1877), организатор пароходства США и родоначальник династии миллионеров.

— Старый коммодор был тот еще тип! Но мистер Уильям Генри настоящий джентльмен.

— Время заканчивается! — предупредил стоящий у двери цербер в униформе.

— Пожалуйста, еще одну минуту! — Мисс Магилл повернула к двери свое прелестное личико.

— Не понимаю, — сказал я. — Сейф какого из Вандербильтов вы якобы обчистили?

— Мистера Уильяма Генри. Он поручил мне поставить замки в офисах нью-йоркской Центральной железной дороги, а потом послал меня в свой новый дом на Пятой авеню сделать то же самое. Я осмотрел старый сейф в кабинете и сделал несколько предложений миссис Вандербильт, которая наблюдала за моей работой. Я имею в виду невестку моего босса, миссис Элву — жену мистера Уильяма Киссама, — объяснил Майк. — Потом меня отвели в оранжерею — это такая комната, где растут всевозможные растения — прямо в доме! Забавно! — Он покачал головой, удивляясь причудам богачей.

— И вы вставили замки? — поторопил его я, помня о полисмене у дверей.

— Да. Громила в красной бархатной куртке все время на меня пялился — очевидно, боялся, что я разобью цветочный горшок. Ну, я пошел на кухню перекусить, как вдруг раздался крик, и миссис Элва вбежала с воплями, что я обчистил сейф в кабинете!

— Который вы только что осматривали, — сказал я, уточняя последовательность событий.

— Да. Но я его и пальцем не тронул, — запротестовал Магилл. — Когда пришел коп с Пятой авеню, вся комната была перевернута вверх дном, а деньги и бумаги валялись повсюду. Громила в красной куртке, которого они звали лакеем, заглянул в мой чемоданчик с инструментом и заявил, что нашел там пачку денег. Но я клянусь тебе, Мэгги, и вам, мистер...

— Мистер Эскотт, — представила меня мисс Магилл.

— Я не прикасался к этому сейфу! Я был внизу в оранжерее — занимался наружными замками. Да я никогда бы не стал так скверно обращаться с таким прекрасным механизмом, как в том сейфе, — выкручивать ручку, ломать петли...

— Однако в вашем чемоданчике нашли пачку денег из этого сейфа?

— Выходит что так, — отозвался Магилл. — Но я клянусь, что не клал ее туда!

За дверью послышался шум. Охранник шагнул в сторону, и в комнату вошли еще четыре человека, заполнив ее до предела. Меня прижали в угол, а здоровенный полицейский сержант сообщил:

— Мистер Вандербильт пришел повидать тебя, Магилл!

Мистер Уильям Генри Вандербильт был полным мужчиной средних лет с лицом, украшенным вышедшими из моды бакенбардами. На нем был вечерний костюм, хорошо скроенный, но без излишнего шика. Глядя на него, было трудно заподозрить, что он уже почти удвоил полученное наследство, став, возможно, богатейшим человеком в Америке.

— Зачем вы сделали это, Магилл? — спросил миллионер. — Я думал, что вы покончили с преступлениями и стали честным человеком.

Магилл запричитал:

— Клянусь могилой матери...

— Мама еще жива, — перебила его мисс Магилл.

Вандербильт обернулся к ней.

— Моя сестра, — представил ее медвежатник. — Она актриса. А это...

— Моя фамилия Эскотт, — с поклоном сказал я. — Я пришел проследить, чтобы с мисс Магилл не случилось ничего плохого. Если вы позволите мне выразить свое мнение, мистер Вандербильт, то я думаю, этот человек говорит правду. Мисс Магилл прекрасная актриса, но едва ли это семейный дар.

Вандербильт кивнул.

— Возможно, вы правы, молодой человек. Поэтому я и привел с собой сюда Харгрива. Он ведет расследование по моему поручению.

Мужчина в пальто и поношенной шляпе-котелке слегка кивнул мне.

— Что еще вы думаете, молодой человек? — осведомился он.

— Мне кажется странным, что Магилл мог ограбить дом, где находится столько народу. Кто еще был в доме,

кроме вас, мистер Вандербильт, и жены вашего сына, миссис Элвы Вандербильт?

Миллионер задумался.

— Моя жена была в гостях. Элва пришла повидать меня по какому-то вопросу, касающемуся нового дома, который она строит на Пятой авеню, рядом с моим. Я упомянул, что в доме слесарь, и она попросила посмотреть на его работу, очевидно, рассчитывая поручить ему установить замки в ее новом доме. Это было бы для вас ступенькой наверх, Магилл. Я думал, на вас подействовало чтение Библии и вы исправились.

— Но я действительно исправился! — взвыл Магилл.

Вандербильт вздохнул.

— Харгрив, займитесь этим, — распорядился он, потом повернулся к четвертому человеку — худому мужчине в потрепанном пальто.

— Я уплачу за него залог. Даю вам еще один шанс, Магилл!

— Благодарю вас, сэр! — радостно завопил Майк вслед выходящему миллионеру.

Адвокат громко чихнул, что было вполне естественно, — комната не отапливалась.

— Эту ночь вам придется провести в тюрьме, Магилл, но к утру у меня будет подписанный приказ о вашем освобождении. Мистер Вандербильт считает, что вы невиновны, но обстоятельства говорят против вас.

— Время истекло! — вновь объявил охранник.

Мэгги нежно поцеловала брата, и его увели. Мы с Харгривом остались наедине, глядя друг на друга, как спортсмены перед матчем.

— Итак, Эскотт, — заговорил наконец Харгрив, — вы считаете, что он этого не делал. Может, объясните почему? Надеюсь, не потому, что так говорит его сестра?

— Нет, — медленно отозвался я. — Потому что это выглядит невероятным. Чтобы совершить ограбление в доме, где живет целая семья, требуются особая дерзость и рапаше¹, а этими качествами наш медвежатник не обладает. Когда я говорил с ним, он казался расстроенным обращением,

¹ удаль (фр.).

которому подвергся сейф. Взломщик здорово его покалечил, и это возмутило Магилла.

— Недурно для англичанина, — одобрил Харгрив. — Сразу видно, вас научили в университете уму-разуму. Ну, хотя я не такой лощеный джентльмен, как вы, но мне все это тоже кажется сомнительным. Медвежатник вроде Магилла не пойдет на такую грубую работу — не его это стиль. У каждого преступника свой почерк, поэтому рано или поздно все попадаютсся.

— Простите, — сказал я, — но вы ведь не полицейский, верно?

Харгрив улыбнулся.

— Я частный детектив, — ответил он. — Конечно, не из тех, что работают в агентстве Пинкертона, но распутал немало дел. Мистер Вандербильт — один из моих лучших клиентов. Я работаю потихоньку, без лишнего шума, и обычно своего добиваюсь. Так что наблюдайте и учитесь.

— Благодарю вас. В Англии я помог решить несколько маленьких проблем и с удовольствием понаблюдаю бы за работой профессионального сыщика-консультанта, если вы позволите.

Харгрив рассмеялся.

— О'кей, встретимся завтра в девять утра в доме мистера Вандербильта и взглянем, так сказать, на сцену преступления.

Обернувшись к мисс Магилл, он прикоснулся к шляпе и вышел. Мисс Магилл и я поздно вернулись в наши меблированные комнаты, вызвав гнев хозяйки за то, что, по ее словам, «флиртовали за полночь».

Тем не менее следующим утром я поднялся рано и направился на север по Пятой авеню к особняку, где обитали мистер Уильям Генри Вандербильт и его большая семья. После вчерашнего дождя со снегом город покрылся белым покрывалом, сверкающим, как хрусталь, придающим сказочный колорит самым убогим сооружениям и делающим улицы опасными для ходьбы, подобно катку. Не доходя до дома мистера Вандербильта, я увидел стройку, на которой сновали рабочие, как муравьи. Очевидно, это воздвигался дворец — причуда миссис Уильям Киссам Вандербильт, властной Элвы, которая обвинила Майка Магилла в краже.

Харгрив уже поджидал меня. Он решительно направился к парадному подъезду, вместо того чтобы обойти дом и войти с черного хода. Нас впустила горничная и передала заботам импозантного лакея в старинной ливрее, который проводил нас в кабинет мистера Уильяма Генри Вандербильта — «на сцену преступления», как высокопарно выразился Харгрив.

Если комната действительно отражает характер человека, обитающего в ней, то этот кабинет служил новым подтверждением того, что мистер Уильям Генри Вандербильт был самым скромным из миллионеров. Стены были обшиты панелями не из дорогого красного дерева, а из простого дуба. На стенах висели сельские пейзажи, не слишком впечатляющие, но приятные для глаза. Меблировка ограничивалась креслами, диваном с темной, практичной обивкой и массивным резным письменным столом, за которым мистер Вандербильт, очевидно, вел свои дела.

Мистер Вандербильт, облаченный в визитку и шелковый жилет, наблюдал за ремонтом своего сейфа вместе с модно одетой молодой леди. Она окинула взглядом нас обоих, по-видимому, придя к выводу, что мы недостойны ее внимания. Мистер же Вандербильт поднялся и кивнул нам.

Харгрив шагнул вперед.

— Вы просили нас прояснить кое-какие моменты, мистер Вандербильт, — сказал он.

— Тут нечего прояснять, — фыркнула женщина, прежде чем мистер Вандербильт успел произнести хотя бы слово. — Слесарь был здесь, и у него в чемоданчике нашли деньги. Он преступник, уже побывавший в тюрьме. Разве этого не достаточно? — Она улыбнулась, ее голос внезапно стал льстивым, и в нем явственно послышался характерный южный акцент.

— Мне не нравится думать, что я ошибся в Магиллэ, — промолвил Вандербильт. — Элва, ты уверена, что видела деньги в его чемоданчике?

Я стал внимательно присматриваться к миссис Элве. Она оказалась не такой уж грозной — в ее круглом лице не было ничего примечательного, разве что пронизывающие глаза, которыми она словно гипнотизировала каждо-

го, кто смотрел в них слишком долго. Это была хорошо сложенная женщина лет под тридцать, с темными волосами, одетая по последнему крику моды, в тот год особо экстравагантной.

— Можно мне обследовать сейф? — спросил я, также шагнув вперед.

Сейф выглядел простым квадратным ящиком, вмонтированным в стену, и запирался старомодным ключом вместо новейших замков с комбинацией. Ручка была грубо выдрана, а дверца висела на одной петле. Я кивнул Харгриву, указывая на этот факт.

— Что обычно хранили в этом сейфе? — спросил я.

— Семейные деньги, личные бумаги, — ответил мистер Вандербильт.

— Личные?

— Письма, имеющие отношения к семейным делам. Мое завещание. Договоры об аренде семейной собственности.

Харгрив кивнул.

— Сколько денег было украдено?

— Точно не знаем, — вмешалась Элва. — Обычно мистер Вандербильт держит в сейфе десять тысяч на домашние расходы. Деньги были разбросаны по полу. — Она сделала широкий жест рукой.

— Понятно. Где был Магилл, когда все это происходило?

Элва внимательно посмотрела на нас.

— Ну... здесь, конечно!

— Я имел в виду, мэм, где он должен был находиться?

— Я велел ему сначала установить замки в оранжерее, — сказал Вандербильт. — Понимаете, взломщик мог пробраться через сад...

— Тогда пошли в оранжерею, — заявил Харгрив.

— Чарльз, проводите этих людей в оранжерею, — распорядилась Элва.

Здоровенный слуга проводил нас в оранжерею, также расположенную на первом этаже. Оказавшись под ее стеклянной крышей, я почувствовал, несмотря на середину января, будто нахожусь в экзотических джунглях. Сквозь разбитое стекло проникал холодный воздух, и слуга заботливо отодвинул от сквозняка своих драгоценных подопечных, покуда стекольщик вставлял в дверь новую панель.

— Почему разбито стекло? — спросил я.

— Миссис Вандербильт — миссис Уильям Киссам Вандербильт, с которой мы только что разговаривали, — утверждает, что медвежатник проник в дом таким путем.

— Но это нелепо, — возразил я. — Магилл уже был в доме. Кроме того... — Я наклонился и обследовал плитки пола оранжереи. — Если бы он разбил стекло снаружи, здесь лежали бы осколки, значит... — я открыл дверь, шагнул за порог, нагнулся и обнаружил то, что ожидал, — ...стекло разбили изнутри. Вот доказательство. — Я поднял осколок и указал на красно-бурые пятна на снегу. — Очевидно, наш вор порезался о стекло.

— Так кого же мы ищем? Может, сообщите старику?

— Я думаю, мы ищем очень крупного мужчину с сильными руками, — ответил я. — Майк Магилл, безусловно, таковым не является.

— Вы правы, — согласился Харгрив. — Да и зачем ему ломать сейф, когда у него были ключи? Раньше он всегда так работал — устанавливал сейф, а потом, когда семьи не было дома, приходил и забирал деньги, спокойно и аккуратно. Весь этот беспорядок, бумаги на полу... Не похоже это ни на Магилла, ни на любого известного мне медвежатника. Они предпочитают чистую работу, тогда пропажу обнаруживают позже.

— Но если это сделал не Магилл, то кто же? — осведомился я, когда Чарльз повел нас назад в кабинет Вандербильта.

Харгрив улыбнулся и постучал пальцем по носу. Элва все еще была в кабинете, разбирая бумаги мистера Вандербильта.

— Какой жуткий кавардак оставил после себя преступник, — заметила она. — Смотрите, мистер Вандербильт, вот ваше завещание! Каким только образом оно оказалось в другом конце комнаты? — Элва разложила документы веером, очевидно, приводя их в порядок, потом протянула пачку бумаг своему свекру, который спрятал их в один из ящичков стола. Подняв голову, она увидела Харгрива и меня.

— Ну? — резко осведомилась Элва, напомнив мне пекинеса, заявляющего права на косточку.

— Магилл невиновен, — сообщил Харгрив. — Я ручаюсь за него. Он не мог это сделать, мэм; у него слишком маленькие руки.

— Тогда кто... — ошеломленно начал мистер Вандербильт.

Я заметил торчащего поблизости великана-слугу.

— Мистер Харгрив, — небрежным тоном спросил я, — вы обратили внимание на размер рук этого лакея?

— Здоровый парень, — кивнул Харгрив. — Наверное, работал на ринге. Давайте-ка взглянем на его руки. — Он схватил слугу за запястья, прежде чем тот успел двинуться с места. — Вы были правы, мистер Эскотт, вор порезался о стекло. Почему ты это сделал, Чарли?

Слуга, казалось, обмяк, но внезапно вырвался и нанес Харгриву великолепный апперкот в челюсть. Детектив рухнул на пол, а я метнулся ему на помощь, прекрасно сознавая, что это чистая бравада, так как лакей был минимум на два дюйма выше меня и соответственно шире в плечах. Он страхнул меня, словно терьер крысу, и побежал к двери в конце коридора, ведущей в кухню.

Я понесся следом, крича:

— Вызовите полицию!

Чарльз и я промчались через кухню и выбежали во внутренний двор, чуть ниже уровня улицы и покрытый тонким слоем льда. Чарльз сразу же поскользнулся и стукнулся поясницей об обледеневшие плиты. Я налетел на него, и таким образом честь поимки преступника досталась мне. Прибывшие полицейские выволокли рассвирепевшего слугу на Пятую авеню, где уже собралась толпа зевак.

К моему удивлению, Элва тоже вышла на улицу, глядя на лакея взглядом василиска, словно лишающим дара речи.

— Не беспокойтесь, Чарльз, — сказала она. — Вандербильты умеют заботиться о тех, кто им служит. Я найду для вас хорошего адвоката.

Чарльз беспомощно уставился на нее. Харгрив последовал за ним и полицейскими, чтобы дать показания, а мистер Вандербильт вернулся к себе в кабинет, оставив меня в холле. Прежде чем я успел опомниться, появилась маленькая девочка, возрастом не более трех лет, вместе со

своей няней. Глаза девочки были красными, но что явилось причиной слез — холод или нечто иное, — я не мог определить.

Элва посмотрела на дочь.

— Как провела время, Консуэло?

— Я хотела кататься на коньках, мама, но дети Асторов не захотели водиться со мной. Они сказали, что Вандельбиты им не пара.

Элва выпрямилась. Я был готов поклясться, что видел воинственный блеск в ее глазах.

— Не пара! — воскликнула она. — Значит, деньги Вандербилтов недостаточно хороши для Асторов? Ладно, посмотрим! — Она потрепала девочку по плечу. — Не огорчайся, дорогая. Няня, отведите мисс Консуэло наверх и проверьте, не замерзла ли она. Когда ты станешь герцогиней, Консуэло, Асторы будут умолять тебя водиться с ними!

— Я буду герцогиней, мама?

— Или принцессой. Слушай маму, и ты обязательно ею будешь.

Девочка задумалась.

— Но, может быть, я не захочу быть герцогиней.

Элва вся напряглась.

— Я научу тебя, чего ты должна хотеть, малышка. Иди наверх.

Заметив меня, Консуэло с серьезным видом присела в реверансе и стала подниматься по лестнице вместе с няней.

Миссис Элва повернулась и увидела меня, стоящего в тени лестницы. Она улыбнулась и посмотрела на меня своими удивительными глазами.

— Мистер Эскотт, не так ли? Кажется, я узнала вас. Вы играли в этой забавной пьесе...

— Рад, что моя игра вам запомнилась. — Я двинулся к двери.

Улыбка Элвы стала почти свирепой.

— Я слышала, что у актеров тяжелая жизнь. Публика так непостоянна. Тот, кто популярен сегодня, завтра может оказаться забытым. Главное шепнуть пару слов кому следует...

Внезапно я осознал, куда она клонит. Элва могла погубить не только меня, а всю труппу, превратив наш успех в

провал. Если я заговорю о своих подозрениях, что это она подстрекала Чарльза к краже и намеренно оклеветала Магилла, Элва позаботится, чтобы пострадали все, с кем я связан. Эта женщина была настоящим демоном! Она не позволила бы никому и ничему воспрепятствовать даже самой пустячной своей цели.

Без единого слова я выбежал на Пятую авеню и, скользя по льду, подошел к Харгриву, наблюдавшему, как Чарльза усаживают в «черный ворон», чтобы доставить в Тумз на место Майка Магилла.

— Ну что, с вас достаточно Элвы? — усмехнулся Харгрив, когда мы двинулись по тротуару.

— Значит, вы согласны, что это она подговорила Чарльза взломать сейф?

— Конечно, согласен, — ответил Харгрив. — Но он никогда ее не выдаст. Чарльз отбудет срок, а потом его будет ждать хорошая работа. Если только его не отправят на Запад. Я так и не знаю, что он искал.

— Завещание, — сказал я.

— Что? — Харгрив бросил на меня удивленный взгляд.

— Разве не было затруднений с условиями завещания старого commodora?

— Не затруднения, а целый скандал, — усмехнулся Харгрив. — Судебное дело и все прочее. После этого ни один Вандербильт не осмелится поднять шум из-за завещания!

— Следовательно, если бы мистер Уильям Генри Вандербильт завтра умер...

— Вступило бы в силу то завещание, которое находилось в сейфе, — кивнул Харгрив. — Очевидно, миссис Элва хотела узнать, сколько ей достанется...

— И, возможно, принять меры к исправлению «ошибки», — закончил я. — Но у нас нет никаких доказательств, мистер Харгрив, а Вандербилты ни за что не позволят двум частным сыщикам...

— Одному сыщику и одному актеру, — поправил Харгрив.

— Признаю свою ошибку, — согласился я. — Но они никогда не позволят предать это огласке. — Несколько минут мы шли молча, потом я заметил: — Меня очень заинтриговало, что вы зарабатываете себе на жизнь, расследуя

преступления, которые ставят в тупик полицию. Насколько я знаю, в Англии нет такой профессии.

— Если хотите этим заняться, милости просим, — добродушно сказал Харгрив. — Только не в этом городе! Нью-Йорк мой!

— Пока что, сэр, можете оставить его себе, — улыбнулся я. — Могу я сообщить мисс Магилл, что ее брата скоро освободят?

— Думаю, она об этом уже знает, — ответил Харгрив. Мы подошли к театру, и я увидел мисс Магилл, обнимающую брата, вышедшего из экипажа. Я был удовлетворен, но не полностью, ибо правосудие свершилось не до конца.

Наш поезд остановился, и Холмс начал надевать знаменитое твидовое пальто и войлочную шапку.

Я последовал за ним на станцию, где нас поджидала фермерская подвода.

— Но Холмс, — заговорил я, слегка запыхавшись, — мне не понятна вся эта таинственность. Вы ведь могли заговорить, когда мистер Уильям Вандельбильт умер и его завещание было оглашено.

— Это произошло в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году, — сказал Холмс. — Как вы помните, тогда мы были очень заняты. К тому времени, как я узнал об этом, завещание уже вступило в силу. Согласно его условиям, состояние было разделено более-менее поровну между мистером Корнелиусом и мистером Уильямом Киссамом Вандербильтами, а мистер Джордж Вашингтон Вандербильт и несколько дочерей семейства получили солидное, хотя и не колоссальное наследство. Миссис Уильям Киссам — Элва — стала лидером высшего общества в Штатах и, как видите, сделала свою дочь герцогиней. Я удивился, когда ее светлость вспомнила мое лицо. Мне казалось, что с тех пор я сильно изменился.

— И все же, — возразил я, — вы могли объявить о ваших подозрениях.

— С какой целью? — устало осведомился Холмс. — После скандального процесса из-за завещания commodora никто из ныне живущих Вандербильтов не стал бы оспари-

вать завещание. Без доказательств я ничего не мог предпринять. Дело Вандербильта и медвежатника было закрыто. Это один из моих самых ранних успехов и одна из моих величайших неудач. Меня до сих пор одолевает досада, когда я вспоминаю о своем трусливом бегстве от этой женщины. То был единственный случай, когда я бежал от чего бы то ни было, и я могу оправдывать себя, лишь вспоминая, скольких людей погубила Элва Вандельбильт на пути к своей цели. Она с боем пробилась в отвергавшее ее светское общество и нашла для дочери жениха из высших кругов нашей аристократии.

— Да, герцога Мальборо, — кивнул я.

— Вы правы, Уотсон, я был непозволительно груб с герцогиней. Я принесу ей извинения в письме и объясню, что срочное дело, жизненно важное для империи, не позволило мне помочь ей. Но я не могу объяснить ей, что ее брак, возможно, основан на мошенничестве.

— Возможно?

— Неужели вы не понимаете, Уотсон? Мистер Уильям Генри Вандербильт мог изменить завещание после кражи в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году, а умер он в тысяча восемьсот восемьдесят пятом. Может быть, Элва Вандербильт всего лишь убедила свекра изменить завещание, а не сама вставила дополнительный пункт. Как бы то ни было, без доказательств я не могу ничего утверждать. Когда мисс Консуэло Вандербильт в прошлом году вышла замуж за герцога Мальборо, по договору большая часть ее состояния перешла к нему. Его титул она купила своими деньгами. Не думаю, что герцогиня Мальборо счастлива в браке, заключенном в результате подобной сделки. Я не стану усугублять ее беды, обвиняя ее мать в краже и в возможной подделке завещания. Нет, Уотсон, я настаиваю, чтобы вы хранили эту историю в тайне. А сейчас поехали!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Действительно, ходил слух, что завещание Уильяма Генри Вандербильта было подделано Элвой или что она убедила его разделить свое огромное состояние между дву-

мя старшими сыновьями. Третий сын, Джордж Вашингтон Вандербильт, получил неплохое наследство, но ему было далеко до пятидесяти миллионов, унаследованных Корнелиусом и Уильямом Киссамом. Брак Консуэло Вандербильт с герцогом Мальборо был устроен ее матерью, хотя жених и невеста не испытывали друг к другу привязанности. Они стали жить порознь с 1909 года и развелись в 1920. Как только было объявлено о помолвке дочери, Элва развелась с мужем и вышла замуж за одного из его лучших друзей, Оливера Перри Белмонта. Уже будучи миссис Белмонт, она возглавила движение за избирательные права женщин и девятнадцатую поправку к конституции.

Как известно, с 1891 до 1894 год Шерлок Холмс считался погибшим у подножия Рейхенбахского водопада вместе со своим злейшим врагом профессором Мориарти. Когда он наконец появился перед доктором Уотсоном, то на вопрос своего друга, что он делал в течение этого времени, сыщик упомянул о путешествиях в Тибет, Персию, Мекку и Хартум и о нескольких месяцах, проведенных в исследовательской лаборатории на юге Франции. Но он умолчал о дипломатической миссии, предпринятой им по просьбе его брата Майкрофта, которая привела к высшей степени неромантическому... браку сыщика!!!

Шэриэнн Луитт

ТАЙНЫЙ БРАК ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Миссия была мне навязана, но я не мог отказать Майкрофту. Поручения Майкрофта обычно были интригующими и в то же время важными, предоставляли возможность послужить королеве.

Тем не менее в 1893 году я не испытывал желания отправляться в Аравию. Работа во французской лаборатории неплохо продвигалась, и я был поглощен ею целиком и полностью. К тому же недавние исследования в Германии были весьма многообещающими — мне хотелось их продолжить, и я истратил немало времени и денег на необходимые препараты и оборудование.

С большим сожалением я сел на корабль в Марселе и наблюдал за удаляющимся французским берегом. В кармане у меня лежал запечатанный кожаный конверт, который Майкрофт поручил мне доставить в Мекку турецкому представителю, и другие послания чиновникам на Аравийском полуострове.

Для выполнения этой миссии мои детективные таланты не были нужны. Просто Майкрофт не мог поручить ее курьеру из министерства иностранных дел, так как контакт был неофициальным, но он абсолютно не нуждался в моем опыте и способностях.

— Чепуха! — заявил он, когда я заметил, что любой ориенталист способен выполнить эту задачу лучше меня. — Ни у кого из них не хватит на это духу. А твое знание языка и культуры позволит тебе, как Бертону¹, проникнуть в запретный город Мекку. Никто не подходит для этого лучше, чем ты.

Но я не должен был путешествовать обычным маршрутом паломников. Миссия в Мекку была последней в серии нескольких интервью и писем к арабам, египтянам и туркам в различных районах Аравии. Задача была не только скучной, но и трудоемкой. Составляя для меня маршрут, Майкрофт предписывал мне пересечь пустыню Руб-аль-Хали, чтобы посетить в соответствии с замысловатым графиком все указанные им адреса.

Майкрофт отлично знал, что Руб-аль-Хали — самая негостеприимная пустыня в мире. Там нет колодцев, а все немногочисленные источники отравлены. Даже не все арабы способны выжить в этих песках, а тем более пересекать их, сопровождая путешественников. Только одно-два самых свирепых бедуинских племени способны предпринять такой переход. Даже в комфортабельной атмосфере клуба Майкрофта эта перспектива выглядела достаточно неприятной, а в раскаленной от жары Джидде я искренне пожалел, что не сопротивлялся поручению более упорно.

Но страшнее жары была ужасающая сухость воздуха. Уже высадка с корабля стала кошмаром. Мой костюм промок от пота, а язык присох к гортани, прежде чем я поднял свои чемоданы, чтобы ступить на твердую землю. В нос ударило чудовищное зловоние — узкий проход заполняла толпа немых нищих и носильщиков, просящих милостыню или работу. Торговцы водой требовали за грязную бутылку, наполовину наполненную жидкостью, цену, за которую в самой дорогой лондонской пивной можно было приобрести две пинты эля. Но меня терзала такая сильная жажда, что я стал пересчитывать в уме наличествующую у меня мелочь, проверяя, располагаю ли я необходимой суммой.

¹ Берто́н Рича́рд Франсис (1821—1890) — британский путешественник и востоковед.

Прежде чем я успел приобрести воду, мои чемоданы выхватил у меня из рук смуглокожий, жилистый молодой человек.

— Мои вещи! — воскликнул я, но он не остановился, пока не дошел до улицы. Впрочем, это название едва ли подходило к не вымощенной даже толком дороге.

Носильщик поставил мой багаж в утрамбованную грязь и стал с криками махать руками каждому проезжающему экипажу. Наконец ему удалось остановить маленькую повозку.

— Вам нужно в Эр-Рияд, сэр? — спросил он, передавая мои чемоданы вознице. — Это мой кузен Садах — он отвезет вас туда. Всего два фунта — это очень дешево.

— Нет, сэр, это очень дорого, — ответил я по-арабски. — Я не заплачу более полутора.

Носильщик широко ухмыльнулся, сверкнув белыми зубами. Потом он коснулся пальцами правой руки груди, губ и лба и протянул ее мне ладонью вверх.

— Почему вы не сказали, что вы правоверный, сэр? — спросил он не без раздражения на родном языке. — Я бы не стал назначать цену, как для неверного. Салах доставит вас за полцены, если вы не отправляетесь в район паломничества. Тогда он отвезет вас бесплатно — для нас честь приветствовать вас в святых местах.

Было ясно, каким образом сэру Ричарду Бертону удалось попасть в город, закрытый для всех, кроме мусульман. Ведь он знал больше об исламских обычаях и религии, чем любой человек в Британии, еще до того, как совершил паломничество. Все оказывалось еще менее интересным, чем я ожидал.

— Благодарю вас, но сначала я собираюсь в Эр-Рияд, — ответил я. — Поэтому согласен на вашу цену. Всего хорошего. — Я дал ему два пенса и забрался в повозку, пахнущую верблюжьим молоком и свалявшейся шерстью.

Я был готов к долгому путешествию, но мы прибыли в столицу на закате, когда муэдзины призывали на молитву со всех городских минаретов. При виде ослепительно белых башен на фоне темнеющего неба и слыша повторяющиеся гортанные крики, я по-настоящему ощутил, что нахожусь в далекой, чужой стране. Зрелище окруженных яркими звездами минаретов было поразительным, но я

предпочел бы оказаться в комфортабельной гостиной в удобном кресле.

В воздухе быстро холодало, но вечер не избавлял от сухости. В горле у меня скребло так сильно, что я бы с радостью заплатил любую цену за глоток воды. Салах остановил повозку, расстелил коврик и начал молиться. При этом он смотрел на меня так, словно приглашал присоединиться к нему, но я отошел подальше, чтобы не мешать исполнению долга правоверного.

Темнота наступала быстро. Долгие мягкие сумерки розово-янтарного оттенка незнакомы этим местам резких контрастов, бескрайних пустынь и исступленной веры. Когда Салах закончил молитву, мы снова сели в повозку и проехали последние две мили до города гораздо быстрее, чем я ожидал. Прохлада, пришедшая с темнотой, казалось, вдохнула жизнь в чалую лошадь, которая навестила уши и стала двигаться куда бойчее. Солнце перестало припекать, и бедное животное радостно предвкушало возвращение домой.

— Уже слишком поздно, — объяснил Салах, когда мы обнаружили городские ворота закрытыми на ночь. Эр-Рияд — средоточие одного из самых строгих направлений ислама, и его ворота закрываются после вечерней молитвы. — Нам придется найти лагерь, где живет мой шурин. Он находится где-то близко — я часто бываю там. Мы ведь не изнеженные горожане — мы гордимся нашей бедуинской семьей. Сейчас в лагере два моих племянника — они учатся жить в пустыне и не вырастут испорченными, ленивыми и неверующими городскими парнями. Когда моим сыновьям исполнится тринадцать, я пошлю их в пустыню к дяде.

Так как выбора у меня не было, я позволил Салаху отвезти меня к палаткам у скалистого гребня. Я заметил их смутные очертания, но не сразу понял, что это бедуинский лагерь. Костры были спрятаны в глубоких ямах в песке, вокруг которых сидели на превосходных коврах мужчины, покуривая трубки.

Салах подошел к старшему из них, чья кожа была смуглой и морщинистой, как пустой мех для воды, лежащий под сиденьем возницы. Волосы под его куфьей были, несомненно, такими же белыми, как длинный халат жителя пус-

тины, а нос, похожий скорее на птичий клюв, впечатлял размерами и остротой.

Старик поднялся с изяществом, удивительным в столь преклонном возрасте, и приветствовал наше появление в бедуинском племени мурра.

— Мы рады исполнить закон гостеприимства, обязательный в пустыне и для всех правоверных. Ибо разве не говорил Пророк, что устранение препятствия на пути истинной веры есть форма милосердия? Улыбаться и радоваться гостю — уже милосердие. Мы рады приветствовать вас у нашего костра.

Салах поклонился и представил меня.

— Этот господин — путешественник из Европы. Его зовут Шерлок Холмс и он служит своей повелительнице, королеве Англии.

Старик одобрительно кивнул и ткнул носом в освобожденное место на соседнем ковре.

— Я Бадер ибн Абдулла из бедуинов мурра. Мы ждем прибытия молодого человека из Эр-Рияда, который хочет, чтобы мы проводили его через пустыню Руб-аль-Хали.

Я сразу же встрепенулся:

— Вы пересекаете Руб-аль-Хали? Я слышал, что даже бедуины предпочитают обходить стороной это место.

«Ибо оно самое пустынное место в мире, — добавил я про себя, кроме, возможно, Южного полюса. Там нет питьевой воды, на движущихся дюнах ничего не растет, и путника подстерегают зыбучие пески, где вода отравлена токсичными веществами, выделяемыми из песка».

Ибн Абдулла улыбнулся, словно обрадованный моими словами.

— Это так, мистер Шерлок. Из всех бедуинов только мурра неоднократно пересекали пустыню. Мы знаем нужные пути и можем провести по ним любого за хорошую плату.

Молодой человек, подававший Салаху кофе, скорчил гримасу. Затем он подал мне украшенный золотом стаканчик размером с наперсток на узорчатом медном подносе. Я понюхал его содержимое. От напитка исходил запас кардамона, но судя по лицам окружающих, от меня ожидали, что я его выпью. Отказаться означало оскорбить хозяев. Я осушил стакан одним глотком, и хотя кофе имел весьма стран-

ный привкус, он оказался довольно вкусным и освежающим.

— Великолепно, — искренне сказал я старику и улыбнулся молодому человеку. Он то же улыбнулся в ответ и налил мне вторую порцию, которую я медленно смаковал.

— Когда вы собираетесь отправиться через пустыню? — спросил Салах.

Ибн Абдулла пожал плечами.

— Через день и ночь, если будет на то воля Аллаха. Возможно, через две ночи. Долго ждать мы не можем. Через две недели будет поздно — песчаные бури станут слишком опасными. Тогда нам придется дожидаться конца сезона бурь, а это не понравится молодому человеку из Эр-Рияда. — Старик улыбнулся. — По пути можно хорошо поохотиться с соколами, но я уверен, что этот толстый, воспитанный по-западному Рашид не увлекается охотой. Не думаю, что он умеет обращаться с соколами.

Сидящие рядом засмеялись. Я испытывал любопытство и надеялся, что услышу продолжение. Конечно, я знал, что прежде царствовавшее семейство было изгнано из Эр-Рияда, а Рашидов местные жители считали выскочками и узурпаторами. Но оба семейства враждовали уже очень давно, так что кто бы из них не одержал верх, это вряд ли имело бы для них большое значение.

— Значит, вас нанял в проводники кто-то из новой королевской семьи? — спросил я. — Неужели у него нет более важных дел?

Ибн Абдулла снова улыбнулся — на сей раз его лицо приобрело хитрое выражение.

— У остальных членов семьи, возможно, и есть, — ответил он. — Но юный Махмуд только что вернулся после учебы в Оксфорде и Швейцарии, поэтому ставит себя выше всех остальных. Скажите, сэр, вы когда-нибудь были в Швейцарии? Почему, побывав там, Махмуд должен отказываться от своего народа и от долга перед Богом? Те, кто едут на Запад, набираются там безбожных мыслей и считают, что образ жизни мурра для них недостаточно хорош. «Сейчас новый век, — говорят они. — Нам нужны дома и автомобили». Скажите, сэр, что вы думаете об автомобилях?

— Что в пустыне они бы выглядели нелепо, — откровенно ответил я. — Они годятся только для мосто-

вых. А здесь песок забьется в мотор, и машина выйдет из строя.

Старик хлопнул ладонью по колену.

— Вот именно! А когда автомобиль сломается, вы не можете есть, пить или согреться с его помощью. От него здесь нет никакой пользы — он не может учуять воду под землей, определить, в каком колодце вода чистая, а в каком зараженная. Нет, я не согласен, что верблюд принадлежит прошлому, а автомобиль поможет нам покорить пустыню. Хотя я вовсе не отрицаю все, приходящее с Запада, — поспешно добавил он, очевидно, боясь меня обидеть. — Смотрите! — Закатав рукав, старик продемонстрировал самые красивые швейцарские часы, какие только мне доводилось видеть на руке джентльмена, о чем я тут же сказал ему.

— Тогда я должен подарить их вам, — заявил он, снимая часы с запястья.

— Вовсе нет, сэр, — запротестовал я. — С моей стороны было бы недостойно принимать такой подарок после столь короткого знакомства.

— Нет-нет, — настаивал старик, кладя часы мне на колени. — Для меня честь, если вы будете носить их, вспоминая о нашей дружбе. Кроме того, нам здесь лучше обходиться без часов. Наша молодежь должна учиться узнавать по солнцу и теням, когда приходит время для молитвы и не становиться рабами иностранных механизмов, которые могут сломаться. Лишь часы Аллаха показывают точное время, чтобы мы никогда не пропускали время намаза.

Я не мог отказаться. Арабы, особенно бедуины, судят о человеке не по его образованию и достижениям, как в Англии, а по благочестию, великодушию и храбрости. Такой щедрый подарок увеличил бы уважение соплеменников к ибн Абдулле. Но даже зная это, я испытывал чувство вины. Мне следовало сказать, как подходят старику эти часы, а не просто восхищаться ими. Бедуины весьма чувствительны к подобным вещам, и хотя я был неплохо знаком с языком и обычаями жителей городов в таких странах, как Египет и Сирия, между ними и обитателями пустыни была существенная разница, что мне придется учитывать во время предстоящего долгого путешествия.

Поблагодарив старика, я надел часы на руку. Я ношу их и поныне из почтения не только к ибн Абдулле, но и ко всем

жителям Аравийского полуострова, с которыми я встречался и которые кажутся мне достойными всяческого уважения, хотя и не в том смысле, в каком к арабам относятся в Англии. Там их считают благородными, но простодушными и примитивными туземцами, среди которых, однако, немало хитрых и вороватых личностей.

В ночном небе над лагерем поблескивал серебряный полумесяц, а звезд можно было насчитать великое множество. Бархатный небосвод усеивали тысячи светящихся точек, многие из которых я не мог ни узнать, ни назвать. Меня интересовало, имеют ли все они английские названия.

Юноша, который наливал мне кофе, проводил меня к месту ночлега — куче замысловато сплетенных циновок в большом шатре. Двое моих соседей уже храпели — одним из них был мой возница Салах.

— Пожалуйста, дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится. Служить вам — честь для мурра, — сказал юноша по-английски с сильным акцентом. Меня удивило его знание языка, и я спросил, грамотен ли он.

— Я могу читать Коран и Хадисы и достаточно хорошо писать, хотя мой наставник говорит, что мой почерк разобрать труднее, чем след верблюда в песке, — ответил юноша по-арабски. Несомненно, он получил хорошее образование. — Вы отправитесь с нами в путешествие? Мне бы хотелось улучшить мой английский и французский, если это возможно.

То, что бедуины собирались пересечь Руб-аль-Хали и вскоре отправятся в путь, давало мне определенные преимущества. Для выполнения миссии в Эр-Рияде мне вполне должно было хватить завтрашнего утра, а отряд не выедет раньше чем послезавтра. Кроме того, в таком случае будет нелегко проследить, куда я направляюсь. Майкрофт предупредил меня о необходимости соблюдать осторожность, выполняя это поручение. Не должно оставаться никаких свидетельств того, как я нанимал проводников и скупал провизию в городе.

— Если ваши вожди не будут возражать, я с удовольствием вам помогу, — ответил я. — Но вы, безусловно, можете практиковаться в английском и французском с этим Рашидом. Насколько я понимаю, он учился в Оксфорде и

Швейцарии, значит, достаточно хорошо владеет этими языками.

Юноша усмехнулся.

— Я вообще не стану с ним разговаривать. Он враг моей семьи, и когда-нибудь я похороню его в пустыне и помолюсь за его душу.

Я поднял брови.

— Выходит, вы из дома Сауда? — Этот вопрос я мог бы и не задавать. Семья Рашида свергла ибн Сауда с его трона в Эр-Рияде, хотя, если бы не хорошее образование юноши, я мог бы счесть его бедуином, считающим Рашидов ответственными за какие-то личные беды. Но для бедуина он был слишком хорошо образован и держался чересчур независимо в обществе старших.

— Я Абдул Азиз ибн Сауд, — с гордостью заявил юноша.

Не просто член королевской семьи, а низвергнутый юный принц! Майкрофт высоко отзывался о нем и его отце, восхищаясь незаурядным умом мальчика и его политическим чутьем.

«Когда-нибудь он станет замечательным королем, и если мы поможем ему, то всю свою жизнь он будет другом Англии», — припомнились мне слова Майкрофта, доносившиеся из глубины кожаного кресла и клубов сигарного дыма.

Но ибн Сауд был свергнут своими старыми соперниками Рашидами, а мальчик изгнан в пустыню вместе со своей сестрой Ноурой. Местопребывание его родителей и других членов семьи до сих пор оставалось неизвестным — было весьма вероятно, что их уже нет в живых.

— Ваше высочество, — заговорил я, вставая и кланяясь, как поступил бы, разговаривая с европейским аристократом высокого ранга, — знакомство с вами — честь для меня. Мое имя Шерлок Холмс, и я нахожусь в Аравии с миссией, порученной моей королевой.

— Шерлок Холмс? — быстро переспросил юноша. — Я читал о том, как вы раскрыли много запутанных преступлений. В английских газетах я читал много интересного. Так что это для меня честь встретиться с вами.

Он произнес это на вполне сносном английском.

Именно тогда я окончательно решил отправиться через Руб-аль-Хали с отрядом бедуинов. Мне хотелось побольше

узнать об этом саудовском принце, который чувствовал себя среди мурра, как дома, а также встретиться с Рашидом, который собирался путешествовать вместе с нами. Возможно, я не смогу добыть никакой важной информации, но, по крайней мере, это будет стимулировать активность моего интеллекта на протяжении долгого и трудного пути.

К полудню следующего дня я закончил свои дела в Эр-Рияде. Салах доставил меня в оба дома, которые я должен был посетить, и бесплатно отвез назад в лагерь мурра.

— Все равно сейчас уже поздно для хорошего заработка, а я буду рад снова встретиться с ибн Абдуллой, — сказал возница с приятной улыбкой. — Я успею вернуться домой, прежде чем ворота закроют после вечерней молитвы.

Я дал ему щедрые чаевые, а потом отправился к пожилому вождю бедуинов просить взять меня в путешествие. Ибн Абдулла хотя и провел жизнь в шатрах среди песков, но торговался из-за гонорара так же упорно, как, очевидно, натаскивал своих соколов. В конце концов мы сошлись на цене, которая значительно превышала мои пожелания, но была гораздо ниже установленного Майкрофтом бюджета. Мне предоставлялась маленькая отдельная палатка с несколькими циновками и одеялами, а питаться я должен был с группой Рашида, которую будут обслуживать подростки.

Я попросил, чтобы мне выделили в услужение Абдула Азиза, который будет ставить и складывать мою палатку, а также заботиться о моем верблюде и помогать мне садиться на него. Старик утверждал, что среди подростков нет никакого Абдула Азиза и что он никогда не слышал о доме Сауда. Я пожал плечами и объяснил, что паренек хочет попрактиковаться со мной в английском и французском, а так как в лагере такой только один, неважно, какое имя я дал ему «по ошибке». Ибн Абдулла глубокомысленно кивнул и согласился, что мне необходим такой помощник.

Группа Рашида прибыла только на закате следующего дня. Они приехали на великолепных лошадях, которых ибн Абдулла потребовал отправить назад в Эр-Рияд.

— Они не переживут перехода через Руб-аль-Хали, — сказал он, глядя на гостей так, словно считал, что им этого тоже не пережить.

В группе было четыре человека. Ахмед аль-Рашид принадлежал к тем представителям арабской знати, которых легко можно встретить в западных университетах. Он был достаточно красив и недурно сложен, но явно начинал предаваться излишествам, к которым склонен его народ. На вид ему было лет двадцать пять, но он уже порядком располнел, а лицо его выглядело отечным и дряблым. Красная, покрытая пятнами кожа свидетельствовала о пристрастии к выпивке. Во время путешествия ему, безусловно, придется нелегко, так как ибн Абдулла не собирался терпеть в лагере алкогольных напитков.

Хотя я и не мусульманин, но должен признать, меня восхищал вождь мурра. Он не позволял никаких отклонений от правил своей религии ни себе, ни своему племени. Причем в нем не было ни капли лицемерия — он был самым безукоризненно честным и глубоко благочестивым из всех, кого мне приходилось наблюдать. Меня интересовало, почему Ахмед аль-Рашид, который казался полной противоположностью старику, решил путешествовать с ним.

Спутниками аль-Рашида были двое слуг, а третий — его школьный товарищ, не принадлежащий к знати, но, по-видимому, из очень богатой семьи. Он носил невероятное имя — Халил ибн Питерсон, что подразумевало любопытную историю, которую мне не терпелось услышать. Не исключено, что этот Питерсон в большей степени, чем аль-Рашид, обладал добродетелями своего народа и в меньшей — его пороками, что нередко встречается и в Англии при дружбе подобного свойства.

Я праздно наблюдал, покуривая трубку, как слуги устанавливают палатку Рашида. Это было нелегким делом, так как в ней имелось по меньшей мере три «комнаты», несколько медных канделябров, а также столов и стульев из дорогого дерева с изысканной резьбой и перламутровой инкрустацией. Вторая палатка, предназначенная его другу, была меньшего размера, но в ней также нашлось место масляным медным лампам и мебели.

Абдул Азиз, юный принц, исполняющий обязанности моего оруженосца, присел на корточки позади меня, также наблюдая за этой роскошью, воздвигаемой среди сурового быта бедуинов.

— Он не уважает жителей пустыни, которые куда достойнее его, — с презрением сказал Абдул Азиз. — Ахмед аль-Рашид пытается показать, что он выше их, но показывает лишь собственную глупость. Ему кажется, что он уберет меня в пути — значит, он в самом деле глуп.

Я глубоко затынулся трубкой.

— Никогда не следует недооценивать врага, — заметил я. — А почему вы считаете глупостью всю эту мебель и прочее?

— Потому что нам придется тащить через Руб-аль-Хали столько воды, сколько мы в состоянии унести, — ответил юноша. — Мы можем полагаться только на верблюдов, а многие из них погибнут в пути. Чем тяжелее будут нагружены верблюды, тем скорее они начнут умирать от жажды. Без верблюдов мы все погибнем.

— Хм-м! — протянул я, глядя на палатку, уже готовую к приему обитателей.

Табак в моей трубке был весьма недурен, а оценка Абдулом Азизом Рашида соответствовала моей собственной. Парень, безусловно, был куда более смышленным, чем многие представители королевских семейств Европы. Наше министерство иностранных дел могло только мечтать, чтобы некоторые из Габсбургов были столь же толковы.

На песке зашевелились тени, и Абдул Азиз успел ускользнуть, прежде чем ко мне подошел слуга Рашида. Он поклонился, коснувшись сердца и лба, словно обращаясь к правоверному.

— Мой господин хотел бы, чтобы вы почтили его скромную палатку своим присутствием на обеде сегодня вечером. Он слышал, что вы — великий Шерлок Холмс из Англии. Так как мой господин провел много лет в этой прекрасной стране, он считает ее своей настоящей родиной, а вас — своим соотечественником.

— С удовольствием пообедаю с вашим господином, — ответил я. — Позвольте мне переодеться во что-нибудь более подобающее, и я сразу же отправлюсь к нему.

Слуга снова поклонился и быстро отошел. Я пошел к себе в палатку, зажег фонарь-«молнию» и снял длинный белый халат, который носил с местным головным убором. Я не пытался кого-то обмануть этим маскарадом, но арабская одежда гораздо удобнее и прохладнее, чем шерстяные брю-

ки и крахмальный воротничок. Люди, живущие в суровом климате, знают, как сделать его более сносным, и было бы нелепым игнорировать их коллективный разум. Однако сейчас я облачился в один из трех костюмов, которые взял с собой, надев свежую крахмальную манишку и воротничок, дабы представлять ту Англию, которую знал Ахмед аль-Рашид. Меня проводили в его палатку, внутри походившую на городской дворец, и усадили в резное кресло с шелковыми подушками.

Аль-Рашид радостно приветствовал меня, потом взял у слуги кувшин с розовой водой и полил ее мне на руки с таким любезным видом, что я стал думать, не ошибся ли я в нем и не окажется ли он приятным спутником. Аль-Рашид подал мне полотенце, затем повторил весь ритуал для своего друга Питерсона.

— Хорошо, что здесь имеется цивилизованная компания, — сказал он. — Ваше присутствие — большая честь для нас, мистер Холмс. Наверное, не найдется человека на прекрасной земле Англии, который не читал о вашей блистательной службе делу правосудия. Вы — последний из рыцарей короля Артура, и память о вашем посещении моей скромной палатки я буду лелеять до конца дней и в загробном мире.

— Благодарю вас, сэр, хотя боюсь, что вы преувеличиваете мои заслуги. Газеты уделяли внимание моим расследованиям куда больше, чем они того стоят. Напротив, это для меня честь познакомиться с принцем царствующего дома Рашида, как и с вами, сэр, — добавил я, обернувшись к Питерсону.

— Это Халид ибн Питерсон, мой друг со школьных дней, — представил его аль-Рашид.

— Питерсон? — переспросил я. — Это не арабская фамилия.

— Разумеется, сэр, — кивнул Питерсон.

Глядя на него при ярком освещении, я видел несомненные признаки смешанного происхождения. У него были темные глаза и профиль араба, но кожа была слишком светлой для палящего солнца пустыни, а выбивавшиеся из-под куфьи волосы имели темно-рыжий оттенок, очевидно, промежуточный между черными волосами арабской матери и светлыми — отца-европейца. В отличие от аль-Рашида, Пи-

терсон носил свой халат, как королевское одеяние, а по его лицу и движениям я чувствовал, что это крепкий и художавый молодой человек, который не пал жертвой обжорства, пьянства и лени.

— Мой отец был учеником сэра Ричарда Бертона и прибыл в Аравию с его группой. Отца звали Джордж Питерсон, а его отцом — моим покойным дедом — был Ричард Питерсон, лорд Филлипсборн, — продолжал Питерсон, говоря по-английски без всякого акцента. — Мой отец изучал в Оксфорде арабский язык и ислам, но для него это являлось всего лишь упражнением интеллекта, куда он не отправился в Аравию для расширения своих знаний. Насколько мне известно, мой дед гордился способностями отца к языкам и его осведомленностью в области восточных культур, надеясь, что Джордж когда-нибудь станет послом в Египте или Турции.

Но мой дед отнюдь не обрадовался, когда его единственный сын отбыл в Аравию с великим искателем приключений, сэром Ричардом Бертоном. Мой отец обладал страстью к познанию истины. Покинув группу Бертона, он стал учиться у одного из крупнейших знатоков ислама в Джидде и на втором году пребывания здесь принял веру Пророка. Ему пришлось отказаться от большого состояния в Англии, так как семья осудила его и лишила наследства.

Учитель высоко ценил моего отца, привез его в Мекку и представил как знатока законов верховным имамам. Одному из них, великому поэту Исе ибн-Халилу, так приглянулся молодой англичанин, что он устроил его брак со своей дочерью. Моя мать была лучшей невестой в Мекке, славившейся не только красотой, но также ученостью и благочестием. Таким образом, я рос в арабском доме со всеми преимуществами богатства и образования. Но больше всего я ценю то, что мои родители и мой дед были людьми великого ума и веры. После того как три моих дяди пали в бою, мой дед усыновил отца, и так как он уже очень стар, отцу предстоит унаследовать все его состояние.

— Но Джордж Питерсон унаследовал и состояние Питерсонов, — заметил я, вспомнив прочитанное в газетах. — Он был единственным прямым наследником мужского пола, а согласно какому-то очень старому пункту в завещании предков, состояние переходит только к прямому по-

томку. Суд поддержал это решение, хотя многие члены семьи были в ужасе.

Халид улыбнулся.

— Да. Я второй сын моего отца. Мой брат унаследует все, чем наша семья владеет здесь, и займет место среди величайших знатоков шариата. А меня отправят в изгнание содержать наш дом и поместье в Англии. По этой причине меня посылали туда изучать английские законы, как мой брат изучает исламские. Я люблю брата и почитаю его как старшего, но мне бы очень хотелось с ним поменяться.

— А мне бы хотелось навсегда остаться в Англии, — вздохнул аль-Рашид. — Впрочем, здесь имеются свои преимущества. Однако время обедать. Хотите что-нибудь выпить, мистер Холмс? У меня есть сносное бренди и приличный скоч.

Питерсон и я предпочли воду, а аль-Рашид налил себе солидную порцию виски.

— Насколько я понимаю, мой друг Халид не пьет, потому что он мусульманин и опасается греха. Хотя в Англии он не возражал против пива. Но вы ведь не мусульманин, мистер Холмс. Почему же вы предпочитаете воду хорошему скочу?

— Мое тело не привыкло к этому климату, ваше высочество, а алкоголь быстро обезвоживает организм. Возможно, для привыкшего к пустынным условиям это не препятствие, но так как Руб-аль-Хали известна как самое засушливое место на Земле, я думаю, мне лучше воздержаться.

Аль-Рашид кивнул и отодвинул свой стакан. Появились слуги, поставившие на большой медный стол тарелки, наполненные бараниной с рисом и овощами. Потом они принесли фарфоровую и серебряную посуду, а также большие ложки, свидетельствующие о западных пристрастиях. Бедуины едят руками с большого блюда, поэтому церемония омовения рук является не только жестом гостеприимства, но и санитарной процедурой. Пища была превосходной, и я сожалел о том, что Уотсон — большой любитель баранины — не может ее попробовать.

Во время еды беседа перешла на предстоящий брак мистера Питерсона, устроенный его родителями.

— После нашего возвращения Халид окончательно ударился в религию, — вздохнул аль-Рашид. — В Оксфор-

де он был первым учеником и никогда не присоединялся к нашим попойкам, а посещая публичный дом, всегда вступал с девушкой в брак.

— Это старая традиция, придерживаться которой не составляет труда, — запротестовал Питерсон. — Перед уходом я всегда разводился. Кроме того, девушки не понимали, что я произношу, так как я говорил по-арабски. Для них это не имело никакого значения.

— Зато имело для тебя, — с неприятной усмешкой сказал аль-Рашид.

— Извините, но каким образом можно вступить в брак на несколько часов? — спросил я из любопытства и надеясь избежать длительного спора.

Питерсон махнул рукой, словно отмахиваясь от мухи.

— Согласно мусульманскому обряду, для вступления в брак мужчине достаточно трижды сказать женщине «я женюсь на тебе», а для развода — «я развожусь с тобой», после чего процедура считается законной. Арабские мужчины, уезжая надолго и не беря с собой своих настоящих жен, обычно вступают во временный брак на краткий период, чтобы наслаждаться домашними удобствами.

Подобная традиция показалась мне слишком опасной. Для меня это было всего лишь причудливым иностранным обычаем, но некоторые мужчины, имеющие слабость к прекрасному полу, могли бы вступать в брак великое множество раз. Например, Уотсон, если бы ему представилась подобная возможность, наверняка бы женился еще до окончания школы!

Именно подобные обычаи делали этот народ примитивным. Если брак можно заключить, всего лишь пробормотав несколько слов, если для освящения союза не требуется присутствия церкви и государства, значит, людям не знакомы самые важнейшие институты цивилизации. Брак — достояние цивилизованных народов, а арабы остаются дикими с их постоянными грабительскими набегами и межплеменными войнами.

— Я всегда считал английских леди куда более смысленными, чем наши женщины, — заговорил аль-Рашид. — Они предоставляют мужчине то, в чем он больше всего нуждается, не давая никаких обязательств на период, составляющий час с небольшим, в то время как здесь от вре-

менных жен требуют готовить пищу и следить за домом. Хотя при разводе им выплачивают солидную сумму, она все равно меньше той, которая женщина в английском борделе зарабатывает за неделю.

— Но служащие в подобных заведениях должны все время платить за комнату, стол и одежду, — возразил я. — Насколько я понимаю, временных жен обеспечивают всем этим бесплатно.

Халид кивнул и улыбнулся.

— Совершенно верно. Им также часто дарят ковры и драгоценности.

— Но те несчастные, которые были вынуждены работать в публичных домах, считаются непригодными для брака, и когда они стареют, то вынуждены просить милостыню, если им не удалось накопить денег, — заметил я, думая о беднягах, которым приходилось проводить преклонные годы в благотворительных заведениях моей родной страны.

Даже аль-Рашид выпучил глаза от удивления.

— Непригодными для брака? — переспросил он. — Почему временная жена должна быть более непригодной для брака, чем любая разведенная женщина? Иногда вторая или третья жена, которая старше других, отличная домохозяйка и кухарка. Какое имеет значение, что ее красота поблекла?

Я забыл, что мусульманским мужчинам дозволяется иметь четырех жен. Уотсону повезло, что он никогда не бывал в Аравии, ибо иметь четырех жен означало содержать их всех и одинаково о них заботиться. По зрелом размышлении не приходится удивляться, что большинство арабских мужчин предпочитают ограничиваться одной женой.

Халид Питерсон покачал головой.

— Вы должны простить моего друга, — сказал он мне. — Он обеспокоен тем, что ему придется жениться на молодой и строптивой бедуинской девушке, которая умеет только доить верблюдиц и выбивать ковры. Даже Ахмед должен служить своей семье, как я служу моей, хотя это не нравится никому из нас.

Аль-Рашид метнул на Питерсона сердитый взгляд, и я начал сомневаться, подходит ли слово «дружба» к их взаимоотношениям. Возможно, Питерсона отправили в Анг-

лию присматривать за аль-Рашидом, и он продолжал исполнять эту обязанность и после возвращения. Во всяком случае, между ними не ощущалось особой теплоты.

— Мы все должны приносить жертвы ради наших семей, — промолвил я, думая о том, что эта концепция мне вовсе не так чужда, как они, очевидно, полагали.

Слуга принес десерт — пирожные, слишком клейкие и сладкие для любого старше десяти лет. Перемена блюд совпала с переменной темы разговора, что было весьма желательно. Я уже понял, что не жажду провести ближайшие недели, пересекая пустыню, в компании этих людей.

Спустя пять дней после отбытия из Эр-Рияда аль-Рашид уже клянчил воду. Он покончил со своим рационом, словно не верил, что на пути нам не встретится ни одного оазиса, источника или другого места, где можно запастись водой, покуда мы не переберемся через пустыню. Я не чувствовал себя обязанным с ним делиться, и другие, очевидно, тоже.

— Отлично, — сказал Абдул Азиз, установив мою палатку и подав мне порцию черствого хлеба и засушенных фиников. — Значит, он скоро умрет и не сможет убить меня.

— Почему вы думаете, что он хочет вас убить? — спросил я.

— Для этого его и послали с нами, — ответил Абдул Азиз тоном пресыщенного жизнью юнца. — Я принц и должен стать королем после моего отца. Братьев у меня нет. Если он убьет меня, то прервет наш род, и мы уже никогда не сможем претендовать на трон в Эр-Рияде.

— Думаю, если бы он хотел убить вас, то попытался бы сделать это теперь, — сказал я. — По крайней мере, начал бы следить за вами. Но Ахмед не проявляет интереса ни к кому из мурра, если не считать женщин. Мне кажется, он находит чадру излишне старомодной.

Абдул Азиз мрачно улыбнулся.

— Такие мужчины только доказывают, что чадра — единственная надежда для женщин, желающих сохранить честь и уважение к себе, а не стать добычей хищника вроде него.

Абдул Азиз не называл Рашида по имени и старался плюнуть, даже произнося местоимение, но во рту у него

было слишком сухо, как, впрочем, у всех нас. Воду нам выдавали буквально по капле, и мысль о выплевывании драгоценной влаги казалась кощунственной.

— И все-таки хорошо, если он умрет, — снова сказал юноша, словно компенсируя неспособность выразить презрение плевком.

Пока я ел, Абдул Азиз сидел молча. Одна из женщин подошла к пареньку и передала ему тарелку с той же порцией, что и у меня. Это происходило каждый вечер, и, несмотря на чадру, я определил, что юноше приносит еду одна и та же девушка.

Судя по ее движениям, я был уверен, что она очень молода. Интересно, что при отсутствии другой визуальной информации, возраст женщины можно определить по движениям даже под чадрой. Я пришел к выводу, что это сестра Абдула Азиза, Ноура.

Обычно она не произносила ни слова, но этим вечером решила заговорить.

— Брат, — очень тихо сказала девушка, — я бы хотела, чтобы ты провел день в моей палатке, а не с другими погонщиками верблюдов. Я слышала тревожные вещи и предпочла бы, чтобы ты был рядом. Мы снова сможем обсудить военные хитрости Пророка, когда он сражался с неверными в битве при Бадре.

— Конечно, я приду, — быстро согласился он. — Ты не должна беспокоиться из-за того, что говорят другие женщины. Я понимаю, что тебе среди них не слишком удобно. К тому же все они хотят найти тебе мужа.

— Мне просто не по себе, когда один из них среди нас, — сказала она, невольно посмотрев в сторону палатки аль-Рашида.

— Прости, что я не уделял тебе внимания, — извинился Абдул Азиз. — Ты должна была сказать мне об этом раньше. Конечно, тебе не следует оставаться в палатке одной, без мужчины, который может тебя защитить.

Девушка сказала что-то, чего я не мог разобрать, и словно поплыла прочь — ее длинная чадра развевалась над песком.

Абдул Азиз посмотрел на меня и покраснел. На момент он забыл, что они не должны разговаривать в моем присутствии, что я могу понимать их так же хорошо, как любой со-

отечественник. К тому же Абдул Азиз не мог упоминать при мне имя девушки и ее родство с ним, не позоря при этом ее и меня.

Но меня это не беспокоило. Девушка сказала более чем достаточно, чтобы я больше не сомневался, кто она такая. Мне также стало ясно, что она необычайно умна и образованна. То, что Ноура предложила брату обсуждать стратегические проблемы, говорило о многом. Она напомнила мне тех женщин, которые стремились учиться в университетах и не позволяли присущей их полу мягкости воздействовать на остроту их ума. Я никак не ожидал встретить подобную женщину в Аравии — в конце концов они достаточно редки и в Англии.

Голос и акцент Ноуры поведали мне остальное. Она обращалась к брату на равных и имела на это право. Очевидно, они учились у одного наставника.

Я потянулся и стал демонстративно готовиться ко сну, чтобы мой юный принц мог скрыть стыд, ибо теперь мне было известно, что его сестра находится с ним среди мурра.

— Думаю, пора ложиться, — сказал я. — Благодарю вас.

Абдул Азиз грациозно поклонился, забрал мою пустую тарелку и зашагал между палатками, но не туда, где находились погонщики верблюдов и их четвероногие подопечные.

Я был рад, что он ушел, надеясь, что ко мне придет Питерсон со своим куревом. Иногда он заходил ко мне в палатку покурить перед сном. Питерсон не пользовался табаком — он курил какую-то особую смесь и делился ею со мной; эффект ее был весьма благотворным и казался знакомым. Мы не могли расходовать воду на традиционные в этих краях водяные трубки, так что мне пришлось пожертвовать для этой цели одной из моих, и она едва ли могла бы найти лучшее применение.

Спать днем из-за жары было практически невозможно. Каждый вздох причинял боль, все мысли были только о тени. Горячий воздух хрустел в наших легких, уничтожая всякую надежду на прохладу и влагу. Зной не прекращался до захода солнца, когда температура внезапно падала с наступлением темноты.

Тогда мы отправлялись в путь, а утром вновь становились лагерем. Мальчики обслуживали «гостей», как имен-

вали нас, а женщины, почти невидимые под чадрой, заботились об остальных. Только подслушав разговор Абдула Азиза с сестрой, я осознал, насколько незаметны бывают женщины в этой части света.

Как обычно, я пригласил Питерсона войти. Мы молча откинулись на ковры, покуда он готовил трубку, не нарушая молчания, пока не сделали первые затяжки и не почувствовали, как древнее маковое зелье расслабляет наши тела и умы.

— Они говорят, что аль-Рашид умрет, — начал я, — потому что никто не даст ему воды. Надеюсь, вы не станете с ним делиться. Слишком часто вы помогали ему выбирать-ся из переделок.

Халид пожал плечами.

— Он отобрал все запасы у своих слуг — не оставил им ни капли. Разве так Священный Коран учит нас обращаться со слугами и рабами, тем более правоверными?

— Вы не кажетесь особенно расстроенным, — заметил я.

Питерсон горько усмехнулся.

— Это представляет мне возможность в очередной раз заслужить пропуск в рай, — ответил он. — Милосердие — легчайшая из обязанностей правоверного.

Я промолчал, хотя понимал, что делиться водой в пустыне никак нельзя назвать легчайшей обязанностью.

— Почему вы терпите его? — осведомился я. Если бы не расслабляющее действие трубки, я никогда не задал бы ему столь личный вопрос.

Питерсон вновь пожал плечами.

— Покуда я присматриваю за Ахмедом, я могу оставаться здесь. Возможно, мне удастся совершить еще несколько милосердных поступков, удерживая его от серьезного вреда, который он мог бы причинить другим. Часто я отвлекаю Ахмеда или предлагаю ему нечто, являющееся меньшим злом, чем его первоначальные намерения. По-моему, это также можно назвать милосердием.

— Пожалуй, — согласился я.

Наркотик постепенно погрузил нас в долгое молчание, к чему мы уже привыкли. Мы выкурили еще одну трубку на двоих. Незадолго до полудня, когда жара стала нестерпимой, меня наконец одолел глубокий, без сновидений сон.

Проснувшись, я внезапно сообразил, что происходит и что намерен сделать аль-Рашид. Я подозревал это и раньше, но усталость и неудобства тормозили мои мыслительные процессы. В караване присутствовали два члена королевского семейства — юный принц и незамужняя принцесса. Узурпаторы используют брак так же часто, как убийство, чтобы удержать трон.

От аль-Рашида действительно можно было ожидать самого дурного, но я не знал, как предупредить Абдула Азиза. Упомянуть о присутствии его сестры означало бы выразить к ней презрение. Но принц подвергался не меньшей опасности, чем она. Если аль-Рашид женится на Ноуре, Абдул Азиз никогда не сможет занять трон. Для него это будет ничем не лучше смерти, а для народов Аравии — куда хуже, не говоря уже об британском министерстве иностранных дел и всей Англии.

Я ничего не знал о посланиях, которые должен был вручить, но не мог игнорировать тот факт, что в Европе уже долгое время сохранялась стабильность. Однако Майкрофт ощущал за ней подводные течения. «Будь уверен, — говорил он мне, — это затишье перед бурей. Нам долго везло, но королева не может жить вечно, а принц... ну, принц есть принц. С Германией, обхаживающей турок, и Габсбургами, стремящимися расширить и консолидировать и без того слишком большую империю, не говоря уже о русских, мир не будет продолжаться долго».

Аравия и ее священные города стали узловыми пунктами политики на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Народы Египта, Сирии и Трансиордании находились под влиянием мулл и королей Мекки. Даже турецкий султан должен был считаться с арабами. А Османская империя хотя и разлагалась из-за коррупции, но являла собой силу, которой не следовало пренебрегать.

Исключение Абдула Азиза как союзника и претендента на престол повредило бы и Англии, и всей Европе. На первый взгляд аль-Рашид мог казаться лучшим союзником, но он жесток, эгоистичен и лишен истинного благородства. Он будет опасным другом, всегда готовым предать ради своей выгоды и пожертвовать всеми подписанными договорами и клятвами в верности.

Нет, я беспокоился не только из-за Абдула Азиза и Ноуры. Абдул Азиз был принцем, с которого не грех брать при-

мер Эдуарду, а аль-Рашид стал бы монархом, заботящимся только о самом себе и презиравым всем цивилизованным человечеством. И он собирался атаковать моего друга таким образом, какой я был не в состоянии объяснить, не нарушая принятых среди арабов правил приличий и не навлекая на себя серьезных последствий.

Абдул Азиз, как обычно, появился вечером — с верблюдом, готовым к погрузке моих вещей и палатки. Только потом он должен был оседлать моего верхового верблюда.

— Хорошо отдохнули? — спросил я, как делал это каждый вечер.

— Да, благодарю вас, я хорошо поспал, — ответил он по-английски. Мы продолжали практиковаться, он — в английском, я — в арабском, но при этом было нелегко выражать более сложные мысли.

— Вы слышали, что аль-Рашид отобрал воду у своих слуг?

Юный араб в ужасе отпрянул.

— Нет! Не может быть! Это... это... — Даже на родном языке он не мог подобрать слов для столь отвратительного поступка. — Это не может быть правдой! — наконец сказал Абдул Азиз, хотя лицо опровергало его заявление. Он знал, что это правда.

— Может, — настаивал я. — Халид ибн Питерсон рассказал мне об этом сегодня утром. Он поделился со слугами своей водой, так что, возможно, они не умрут. Странно — Питерсон кажется мне хорошим человеком, и тем не менее он остается в компании такого недостойного субъекта.

— Недостойного? — переспросил Абдул Азиз. Я перевел это слово на арабский, а он покачал головой и заговорил на том же языке: — Он куда хуже, чем недостойный. Это вероотступник без чести и совести — такой человек хуже животного.

Внезапно послышались крики, и я ощутил в воздухе запахи дыма.

— Пожар! Пожар! — кричали подростки, ухаживающие за верблюдами, бегая среди палаток и зовя на помощь.

— Возле верблюдов! — добавил кто-то четким и властным голосом.

Я не сомневался, что это уловка аль-Рашида с целью отвлечь внимание остальных, чтобы они не заметили его от-

сутствия и криков принцессы о помощи. Когда мужчины выбежали из палаток, я помчался уже знакомой мне дорогой к палатке сестры Абдула Азиза. Сам принц уже побежал туда, где погонщики верблюдов тушили огонь песком. Шум стоял такой, что мог заглушить даже наступление конца света.

Я был уверен, что пожар, устроенный аль-Рашидом, учитывая его трусость, не мог представить серьезной опасности. Очевидно, он поджег несколько промасленных тряпок, поместив их достаточно далеко от животных. Даже Ахмед аль-Рашид понимал, что если погибнут верблюды, то вслед за ними умрем мы все.

Мне оставалось надеяться, что я смогу достаточно быстро пробежать сквозь толпу и добраться до молодой леди раньше аль-Рашида. Хотя он вышел первым, ему пришлось сделать крюк, чтобы разжечь огонь, а находясь вблизи пожара, он должен был принять хотя бы какое-то участие в борьбе с ним вместе с бедуинами. Я бежал изо всех сил, зная, что аль-Рашид следует за мной по пятам, так как ему уже удалось отвлечь всеобщее внимание. Мне нужно было добраться до палатки, прежде чем прекратится хаос, хотя я чувствовал, как будто сухие горячие пальцы выжимают воздух из моих легких. Резкая боль пронзила бок, но я не замедлил шаг, понимая, что поставлено на карту.

Сквозь ткань палатки виднелась чья-то тень, и хотя я не мог определить пол, но судя по миниатюрной фигурке, это была сестра Абдула Азиза. Я постучал по столбу, чтобы привлечь ее внимание, не оскорбляя честь девушки просьбой войти.

— Мисс, я должен поговорить с вами, — настойчиво прошептал я.

— Я не узнаю ваш голос, сэр. Вы должны поговорить с моим братом, — твердо отозвалась девушка.

— Я Шерлок Холмс, друг вашего брата и, надеюсь, ваш друг. Вы в большой опасности.

Я увидел, что аль-Рашид приближается к палатке вместе с двумя слугами.

— Скорее выходите из палатки сзади, ваше высочество! — велел я.

Аль-Рашид исчез из поля зрения, и я услышал, как открылся главный вход в палатку.

— Ну-ну, Ноура, — донесся его голос сквозь козьи шкуры, образующие стены между помещениями. — Ты знаешь, что обещана мне, и я ждал все это время. Выходи и не заставляй меня быть невежливым.

Меч разрезал толстую шкуру, словно масло.

— Быстро входите! — приказала мне сестра Абдула Азиза.

При других обстоятельствах я бы колебался. Ни одна арабская женщина не может находиться наедине с мужчиной, который ей не муж и не родственник. Название «гарем» происходит от арабского слова, означающего «запрещено». Мужчине запрещается даже упоминать имена женщин, не являющихся его близкими родственниками. Если женщину застанут с мужчиной, обоих ожидает смерть. Так бы, несомненно, поступили со мной и Ноурой. Абдул Азиз должен был бы убить нас или утратить честь, звание и уважение.

Но у меня не было выбора. Я взял у принцессы меч и шагнул к «маджлису» — открытой, мужской половине палатки, где ждал аль-Рашид.

— Нет! — быстро шепнула Ноура. — Женитесь на мне и ждите здесь!

— Я женюсь на тебе, — трижды произнес я по-арабски, глядя в ее не прикрытое чадрой лицо и не сознавая, что я наделал.

— Ты меня вынуждаешь, — послышался из-за перегородки плаксивый голос аль-Рашида. — Я не стал бы навязываться ни одной женщине, кроме той, которая обещана мне в жены, раз уж она не желает повиноваться мужу. — Он отодвинул полог и шагнул на женскую половину палатки. — Ты не мой муж, — сказала принцесса опуская чадру. — Вот мой муж.

Аль-Рашид посмотрел на меня и вздохнул.

— Ну, если он твой муж, значит, ты скоро станешь вдовой. Всем известно, что жениться на вдове — проявление милосердия.

Я поднял меч, но аль-Рашид не сдвинулся с места. Он дважды хлопнул в ладоши, и в палатку вошли слуги — те самые слуги, которых он едва не уморил жаждой. У каждого за поясом торчал пистолет.

— Убейте его! — приказал им аль-Рашид.

Слуги посмотрели на него, потом на меня. Никто из них не притронулся к оружию.

— Стреляйте! — крикнул аль-Рашид. — Я приказываю вам убить этого человека!

Один из слуг протянул руку к пистолету, но другой едва заметно покачал головой.

— Вижу, что придется решить спор старомодным способом, — вздохнул аль-Рашид. Он выхватил церемониальный меч и взмахнул им.

— Вижу, вы не обучались фехтованию, — заметил я, одним ударом выбив у него оружие.

Аль-Рашид пустился бежать. Но ему не удалось убежать далеко. Питерсон преградил выход из палатки.

— Отлично, Халид! Убей его и вытащи меня отсюда. А потом будешь моим свидетелем, ты ведь здесь для этого, — тяжело дыша, произнес аль-Рашид. Он запыхался даже от небольшого усилия.

— Нет, Ахмед, — покачал головой Питерсон. — Я здесь по приказу имама, который подозревает тебя в измене. Скоро ты пожалеешь, что мистер Холмс не убил тебя на месте. Когда исламский суд услышит, как ты отобрал в пустыне воду у своих слуг и попытался жениться на девушке королевской крови против ее воли, думаю, ты предпочел бы, чтобы тебя бросили в песках под палящим солнцем. Но сегодня я не склонен к милосердию, тем более что мы в нескольких часах пути от оазиса. Ты мог бы легко спастись.

— Почему вы не стреляете? — крикнул аль-Рашид слугам.

— Они не стреляют потому, что вы отобрали у них воду, — объяснил я. — Они не чувствуют себя обязанными хранить вам верность.

— Это было последней каплей, — согласился Питерсон. — Но я завербовал их в исламскую полицию имама. Теперь они помогут мне передать тебя властям.

— Девушка королевской крови? — продолжал протестовать аль-Рашид, пока слуги связывали ему руки. — Ничего себе девушка! Она утверждает, что этот человек ее муж!

— Если она это утверждает, значит, так оно и есть, — послышался новый голос. — Он ее муж, а для меня честь назвать мистера Шерлока Холмса моим братом. — Абдул Азиз обнял меня и поцеловал в щеку, согласно обычаю пус-

тыни. — С огнем покончено — этот человек слишком труслив, чтобы устроить действительно опасный пожар. Мы отпразднуем свадьбу, когда прибудем в деревню. Я куплю барана, и праздновать будут все.

Внезапно я осознал все, что совершил.

— В данных обстоятельствах это единственный способ спасти ее честь, — сказал мне Питерсон. — Вы должны публично предстать в качестве мужа мисс Сауд, чтобы в вашем пребывании здесь никто не мог усмотреть ничего неподобающего.

— Если это необходимо для блага принцессы, — отозвался я, перейдя на арабский, — то я не могу отказаться.

— Тогда все решено, — заявил Абдул Азиз. — Мы отправляемся через час.

Для большей достоверности следует упомянуть, что Абдул Азиз купил не одного, а двух баранов, и вся деревня вместе с отрядом мурра отпраздновала нашу свадьбу. Разумеется, я не стал входить к новобрачной. Спустя шесть дней, когда мурра собрались отправляться на свои пастбища, я тайно развелся с принцессой, сохранив к ней величайшее уважение, ибо она проявила незаурядный ум и находчивость.

— Хотя вы развелись с моей сестрой, — сказал мне на прощание Абдул Азиз, — вы навсегда останетесь братом и мне, и ей. Я с гордостью буду сообщать повсюду, что великий Шерлок Холмс — мой дорогой и близкий родственник.

Он засмеялся и оседлал верблюда. Зазвенели колокольчики, и Абдул Азиз скрылся в пустыне. Хотя я часто читал в газетах о его подвигах, но больше никогда с ним не встречался.

И наконец перед вами история, воспоминания о которой были настолько болезненны для доктора Уотсона, что его сообразительный друг взял на себя роль психолога и убедил его изгнать демонов, доверив эти воспоминания бумаге. Если бы Уотсон не послушал Холмса, единственным свидетельством о происшедшем осталось бы краткое упоминание великого сыщика о Виттории в «Вампире в Сассексе». Предупреждаем, что события описаны здесь слишком откровенно для автора викторианской эпохи.

Джей Шекли

ДЕЛО ВИТТОРИИ, ПРИНЦЕССЫ ЦИРКА

Внимание! Это дело *не предназначено* для публикации!

Дж. Г. У.

Подобно тому как Ирэн Адлер навсегда осталась для Холмса «Той Женщиной», Мэдлин Сноу навсегда останется для меня «Той Девушкой». Я имею в виду не любовный аспект (особенно в случае мистера Холмса), а яркую индивидуальность, создаваемую чистой и сияющей женственностью. Такое создание поначалу легко недооценить — подобная опасность существовала бы и в отношении Мэдлин, не будь она так обезоруживающе откровенна.

Холмс попросил меня изложить на бумаге эту историю, что я и делаю в его квартире, которая еще недавно была и моей, не из большого желания исповедаться в грехах, коим я был свидетелем (и таким образом, возможно, содействовал этому), а потому что этим вечером я потрясен до глубины души и потому что не могу отказать моему другу. Не знаю, откроют ли эти мемуары какую-либо из тайн моего сердца, но верю словам Холмса, что исповедь пойдет мне на пользу.

Новости поступили ко мне только вчера, с дневным визитом почтальона. Хорошо, что эта почта была последней, так как позже я уже не мог бы сосредоточиться на чтении

писем. Моя дорогая жена Мэри сама принесла мне конверт вместе с чашкой чая и села рядом со мной на полосатый диван из конского волоса. Я взял у нее конверт и, перевернув его, увидел черную восковую печать. Внутри лежала записка с черной каймой.

«Мой дорогой кузен Джон!

Наш Рэндалл, граф Норрис, ушел в мир иной.

Внезапность этого события потрясла всех нас, но никто не был особенно удивлен, кроме его сына. Графа уже давно беспокоило сердце.

Ваше присутствие при кризисных ситуациях я всегда считала благотворным. Возможно, Вы будете настолько добры, что заглянете к нам завтра выразить соболезнование, если не утешить его вдову, леди Джейн. Я бы хотела, чтобы Вы повидали Рэндалла-младшего, чей стоицизм очень походит на непонимание.

Передайте еще раз мои наилучшие пожелания Вашей прекрасной Мэри. В любом случае остаюсь навсегда Вашей преданной почитательницей,

Мэдди».

Я читал, чувствуя, как меня покидают силы. Казалось, под внезапно увеличивавшимся весом письма моя правая рука, державшая его, опустилась на колено.

Подумав, что я хочу передать ей письмо, Мэри взяла его у меня и быстро прочитала.

— О! — воскликнула она.

К моему стыду, я не могу припомнить всех ее выражений сочувствия. Заметив мое огорчение, Мэри спросила:

— Рэндалл был твоим близким другом?

— Нет, — резко ответил я.

Хотя она и не поняла моей горячности, это возбудило ее любопытство.

— Значит, он был твоим пациентом? Его сердце...

— Его сердце, если таковое у него имелось, меня не заботило. — Моя резкость удивила нас обоих. Я взял Мэри за руку, но чувствовал себя не в силах рассказать ей об этом [«человеке» — зачеркнуто] субъекте.

Не мог я рассказать ей и о Мэдлин.

Кажется, Мэри пила чай. Я не уверен. Помню лишь то, что большую часть ночи я ходил взад-вперед, что-то бормоча. Мэри думала, что у меня жар, но она ошибалась.

Когда, наконец, первые бледные лучи солнца осветили город, побудив стаю дроздов громко выразить радость по этому поводу, я погрузился в тяжелый сон без сновидений. Проснувшись и даже не успев вспомнить, кто я такой, я снова почувствовал возбуждение, словно вернуть вчерашнее настроение было так же легко, как надеть вчерашние носки, и с таким же дурно пахнущим результатом.

Пища не вызывала у меня интереса. Чтобы не огорчать Мэри, я поел, но так, словно принимал лекарства или берег провизию для длительного путешествия. Когда я, не говоря ни слова, вышел из дому, Мэри не стала отрываться от шитья.

Я шел, не останавливаясь, словно хотел бежать от самого себя.

Дважды я проходил мимо городского дома Рэндалла, где он жил с леди Джейн, юным Рэндаллом и Мэдлин, давней подругой леди Джейн. Я видел двоих посетителей, поднимающихся по парадной лестнице, но не стал к ним присоединяться, а двинулся дальше.

В сравнении с бушевавшей внутри меня бурей жизнь Лондона выглядела на редкость благополучной и упорядоченной. Я машинально просматривал галантерейные товары, лежащие на лотках возле лавок, и наблюдал за мужчиной, неторопливо выбирающим орудие письма из связки белых гусиных перьев. Кругом возницы экипажей беззлобно покрикивали на лошадей, копыта и колеса действовали синхронно, словно винтики часового механизма. Даже уличные мальчишки казались сегодня необычайно смирными. Я повернул в северо-западном направлении, и когда дошел до Бейкер-стрит, мои ноги начали болеть от топая по булыжникам. Поблизости торчал один из грязных мальчишек, которых мы именовали нерегулярной командой. Он выглядел так, словно поджидал кого-то.

Когда я поднялся по семнадцати ступенькам, Холмс открыл дверь, держа большой и явно тяжелый глиняный горшок. Я пробрался в его логово.

— Пуля разорвала аорту, — сообщил он.

— Холмс, я... Что вы сказали?

— Семья думает, что это сердечный приступ, — продолжал он, — но причиной смерти была пуля.

Я уставился на него.

Холмс помешивал в горшке нечто зловонное, не переставая говорить:

— Дело рук ревнивого мужа, к тому же констебля. Он коллекционирует оружие и в общем неплохой парень. Такие вещи именуют «отравлением свинцом Дикого Запада». У нашего Рэндалла вошло в привычку посещать чужих жен. Рано или поздно было ожидать чего-то в таком роде. Чай?

Я опустился в кресло, чувствуя, что оно баюкает меня, словно руки ангела.

— Да, благодарю вас, — ответил я.

— Одну минуту. — Холмс посмотрел на меня, потом прижал указательный палец к моему левому нижнему веку и оттянул его вниз на четверть дюйма, после чего убрал руку. — Нет, чай вам сейчас не поможет. Я вижу в ваших глазах вину и что-то еще... Ненависть?

— Нет. — Я вздохнул. — А впрочем, да. Понимаете, я должен повидать Мэдлин, но... Меня мучает, что я ненавижу мертвеца.

— За что?

Я колебался.

— В основном за то, что он делал, будучи живым.

— Хм! Но это не все?

— Ну, после всего... что он натворил, ему хватило наглости вызвать скандал своей смертью.

— На этот счет можете не беспокоиться. Тот, кто застрелил Рэндалла, явно пришелся по душе следствию.

Слова Холмса подразумевали вердикт: смерть в результате несчастного случая — никакого процесса, никаких заголовков в газетах.

— И на том спасибо.

Меня не слишком утешило сказанное Холмсом, но обстановка в квартире помогла мне расслабиться. В камине уютно потрескивали дрова. Я вдохнул аромат свежего табака и внезапно закашлялся.

— Что это за гадость? — Я указал на глиняный горшок.

— Ах, это! Я делаю чернила. — Холмс стал бормотать, словно вспоминая: — Соляная кислота... Ага! — Он мет-

нулся к полке, схватил с нее какой-то пузырек и вылил жидкость в мензурку.

Я со вздохом закрыл глаза и стал прислушиваться к тому, как Холмс энергично возится со своей злополучной смесью. Открыв глаза, я увидел, как он прикрыл горшок марлей и направился к двери взять у миссис Хадсон какую-то ношу. Через несколько секунд Холмс поставил передо мной чайный поднос с двумя чашками и весьма аппетитным на вид печеньем в форме ромба.

— Вы ждали кого-то, Холмс? — Я взял печенье, но тут же положил назад. — Не хочу вам мешать...

— Вы и не мешаете, так как я ждал именно вас. — Холмс начал разливать чай.

Я рассмеялся.

— Похоже, на сей раз ваше невероятное всеведение вас подвело.

— Что вы имеете в виду? — Он придвинул стул ближе ко мне и к огню.

— Только что вы сказали, что чай мне не поможет, а теперь все-таки собираетесь напоить меня им.

Холмс загадочно улыбнулся и передал мне полную чашку. Я сделал глоток.

— Что это?

— Хамомила. Трава, помогающая успокоить тревожное настроение, детские колики и женские неприятности.

Я почувствовал, что краснею.

— Ну конечно! Я ведь постоянно ее прописываю. — Ища повод переменить тему, я откусил кусочек печенья.

Холмс наблюдал за мной.

— Что вам напоминает их вкус?

— Что-то чистое и прекрасное. Это французское печенье? — Я с подозрением покосился на Холмса. — Как оно называется?

— Вот именно, Уотсон, — кивнул он.

Печенье называлось «Мадлен». Холмс шестым чувством понял, что я приду сюда с мыслями о Мэдлин Сноу. Пока я раздумывал над этим, уникальный сыщик-консультант вынул из-под подушечки книгу в красивом кожаном переплете и открыл ее на титульном листе, продемонстрировав надпись, сделанную знакомым аккуратным почерком:

«Моему другу и биографу Уотсону, чтобы он записал здесь свои тайные мысли, касающиеся возмутительных событий, происшедших в течение лета Виттории, принцессы цирка. Напишите все сразу же и поскорее, не опуская ни эмоций, ни фактов, дабы последние, превратившись в знание, успокоили первые. Желаю успеха, дорогой доктор.

Ваш почитатель *Ш. Холмс*».

Книга, которую я держал в руках, состояла из чистых страниц.

Я чувствовал смертельную усталость. Бессонная ночь отнюдь не способствовала ясности мыслей. Последние двенадцать часов я прожил в большем одиночестве, чем в мои холостяцкие дни, и остро ощущал нежелание, точнее неспособность общаться сейчас с Мэри, я был разбит и подавлен. Забота и полное понимание со стороны моего знаменитого друга явились большим, чем могли вынести мои нервы. Холмс намеревался исцелить мою израненную душу. Я сомневался, что это возможно, но не забывал, что мои сомнения в отношении этого удивительного человека всегда оказывались беспочвенными.

Я не могу припомнить, какими именно словами выразил свою благодарность, подобно тому как трудно бывает вспомнить бессмысленный сон. Кажется, я начинал несколько фраз, но так и не смог произнести ничего связного.

Я вынул из жилетного кармана украшенную позолотой ручку из черного дерева, но Холмс остановил меня:

— Нет-нет, не пользуйтесь этим! — Метнувшись к письменному столу, он быстро отвинтил колпачок от какого-то странного приспособления. — Быстро, Уотсон! — Я подошел и подал ему стеклянный шприц с каким-то темным содержимым, которое он вылил в загадочное приспособление и снова привинтил колпачок. Прибор оказался редкостью красивым пишущим инструментом, инкрустированным золотом, перо походило на иглу. — Это вечная ручка Мак-Киннона, — объяснил Холмс. — Кросс украл его изобретение. Преподобный Фрэнклин Дьюбил подарил мне ручку за то, что я, по его словам, «очистил его от подозрений». — Холмс пожал плечами, словно говоря: «И почему только люди преувеличивают значимость того, что я

делаю?» Никогда не сомневающийся в своих талантах, он, тем не менее, не любил выражений благодарности, обычно считая их незаслуженной похвалой.

Я устался на диковинную ручку.

— Попробуйте ее, — посоветовал Холмс.

Я подчинился. Перо словно заскользило по веленовой бумаге, но почерк при этом оставался аккуратным и даже походил на почерк Холмса.

— Великолепно! — воскликнул я.

Холмс перелистнул несколько чистых страниц.

— Вступление можете добавить позднее. А сейчас напишите о событиях, связанных с Витторией, принцессой цирка, и о вашей кузине Мэдлин — все, что вы о ней знаете, не забывая о том, почему вы чувствовали, что лорд Рэндалл опасен для нее.

— Не чувствовал, а знал, Холмс! — возразил я. — Покойный хотя и был графом, но, уверяю вас, никогда не был джентльменом!

— Дело не в его социальном положении, — спокойно отозвался Холмс, — и не в глубине ваших чувств, мой дорогой друг, хотя я глубоко уважаю вашу энергию и интуицию как в медицинской области, так и в личной жизни. — Он сделал несколько глотков чая. — Покуда вы будете подробно фиксировать события, свидетелем которых вам довелось быть, я выкурю несколько трубок и поразмышляю о разных делах. А когда ваши эмоции запечатлеются на бумаге, мы вместе отправимся в дом графа и посмотрим на последствия его злодеяний.

Его план застиг меня врасплох.

— Я ценю вашу заботу, Холмс, и сомневаюсь, что смог бы отправиться туда один, хотя и должен так поступить. Но разве у вас нет более важных дел?

— Они более важны для полиции, — усмехнулся он. — Пишите, друг мой. Никто никогда не увидит того, что вы напишете в этой книге. Но если вы этого не сделаете, я опасаясь за ваши нервы.

Холмс начал возиться со своей закопченной глиняной трубкой. По его выбору я понял, что теперь услышу от него только шумное дыхание, попыхиванье и скворчанье в трубке, иногда сопровождающееся невнятным бормотанием и служащее контрапунктом тиканью часов.

Правда, один раз он воскликнул: «Если бы они помнили, что Леонардо да Винчи изобрел ножницы, подделка была бы очевидной!» В другой раз: «Нет прецедента? Санскритское слово, обозначающее войну, переводится как «желание получить побольше коров!» А в третий: «Это все равно, что, нажимая пальцами на глаза крокодила, заставить его разжать челюсти!» Но какими бы интригующими ни казались эти замечания, я знал, что прерывать его мыслительный процесс означало напрашиваться на неприятности.

Однако большую часть времени Холмс хранил молчание. Погрузившись в вопросы истории, юриспруденции, естествознания — весь спектр проблем других людей, — он предоставил мне идеальную возможность взглянуть без иллюзий на собственные проблемы.

Чай из хамомилы успокоил меня, и я начал склеивать по кусочкам мысленный образ Мэдлин.

Мэдлин... Впервые мы встретились, когда были маленькими детьми. Не уверен, что она заметила меня тогда, так как все глазели на нее: золотистые кудряшки вокруг личика, гордая улыбка, ямочки на щеках, слегка тронутых загаром, глаза, похожие на синеватые прожилки в пламени... Вероятно, это были четвертые или пятые Святки Мэдди — сам я был лишь немного старше ее. В белом, отороченном кружевом платье с алым пояском, она походила на ангелочка с церковной фрески. Рядом с ней я оставался абсолютно незаметным.

В следующий раз я увидел Мэдлин спустя пять лет. Ее волосы потемнели, глаза стали бледно-голубыми, почти бесцветными, детское личико приобрело овальную форму, а улыбка была редкой и печальной. На ней было простое серое платье. Но я сразу же узнал Мэдлин, и хотя был еще ребенком, понимал, что ее новый облик — предвестие будущей элегантности, куда более поразительной, нежели обаяние милого ребенка.

Когда я произнес ее имя, она казалась удивленной.

Другое воспоминание относится, вероятно, к следующей ночи. Мы гостили в доме кухни Мэдди — мой брат и я спали в одной кровати. Меня разбудил сильный шум. Тол-

ком не проснувшись, я подошел к приоткрытой двери и выглянул в длинный коридор, оклеенный обоями в цветочек. Там стоял брат матери и бранил Мэдлин, которая выглядела удивительно миниатюрной в муслиновой ночной рубашке, впрочем, она такой и была на самом деле. При колеблющемся свете лампы Мэдлин словно то появлялась, то исчезала.

— Но я не забыла, папа! — протестовала она. — Ты ничего мне не сказал! — Девочка старалась говорить спокойно, но в ее голосе слышались истерические нотки.

В тот раз я не понял, что явилось причиной конфликта, — возможно, непогашенная лампа, — но я, выражаясь фигурально, почуял запах скандала — столь же сильный, сколь и малоприятный.

— Я научу тебя не забывать! — рявкнул мой дядя. Так как возможность научиться чему-нибудь у такого зверя выглядела весьма сомнительной, он решил доказать весомость своих намерений. — Где моя удочка?

— Пожалуйста, не надо, папа! Ты разбудишь мальчиков!

Казалось, это позабавило дядю, так как его грубые черты исказило подобие улыбки.

— Тогда быстро неси удочку! Ну!

Мэдлин тотчас же вернулась с бамбуковым удилищем длиной в ярд, в ее глазах, ставших сразу бесцветными, застыл страх. Дядя протянул левую руку, стиснул запястье девочки и поднял их над ее головой.

— Я ведь не сделала то, что ты хотел, верно? — тихо сказала Мэдлин.

Лицо дяди потемнело от гнева. Мэдлин затаила дыхание. Ненависть в его глазах лишала ее последней надежды. Она опустила голову, и я увидел слезы, текущие по ее щекам, хотя отец еще не начал ее бить.

— Никогда! — зарычал он. — Я никогда не был доволен тобой. — Дядя стал хлестать ее удочкой; его злоба возрастала с каждым ударом. — Стой спокойно, девчонка! Перестань дергаться!

Прячась в тени, я догадывался, что Мэдлин старается повиноваться. Ее лицо стало словно каменное, глаза остекленели — казалось, она мертва и не падает лишь потому, что отец держит ее за запястья.

Удары сыпались при полном молчании отца и дочери. Удилище поднималось и опускалось со свистом, девочка не шевелилась, и только край белой ночной рубашки призрачно трепетал в воздухе, обнажая темные полосы на ее икрах над миниатюрными босыми ступнями.

Я наблюдал за экзекуцией, трусливо прячась за дверью, дрожа с головы до ног и боясь обнаружить себя, чтобы гнев моего дяди не обратился на меня.

Свист, удар... Удилище сломалось надвое о спину девочки.

— Смотри, что ты натворила! — крикнул монстр. — Сломала прекрасную удочку! Ты ведь знаешь, сколько она стоит! — Отшвырнув бесполезные обломки, он зашагал прочь.

То, что сделала Мэдлин, смутило и ошарашило меня. Она побежала в мою комнату. Прежде чем я успел объяснить мою трусость и искупить свой позор, девочка заявила:

— Я останусь здесь. Ложись спать. — Она взобралась на высокую кровать, я последовал за Мэдлин, устроившись между ней и моим братом, который что-то пробормотал и повернулся во сне. Он спал, свернувшись калачиком, и занимал слишком много места на узкой кровати, но я боялся его теревить.

Мэдлин и я заснули не сразу, и когда я случайно касался ее, она вздрагивала от неожиданности и боли. Мэдлин лежала на животе, неровно дыша. Я не знал, плачет ли она или старается перевести дух.

— Прости... — начал я.

— Тихо! — прервала Мэдлин. — Давай спать.

У нее началась икота, она протянула руки к передней спинке кровати, выгнула спину, и вскоре судорожные подергивания прекратились. (Теперь я знаю, что при этой позе растягивается диафрагма и прерывается ритм спазмов).

Я придвинулся как можно ближе к брату, чтобы не тревожить Мэдлин, и поклялся про себя, что если Мэдлин что-нибудь понадобится, я сделаю все, что в моих силах, чтобы ей помочь.

Успокоив себя этой клятвой и словно подписав закладную, освобождающую от немедленной выплаты долга, я крепко заснул.

Через несколько часов я проснулся в том же неудобном положении, чувствуя боль в голове и в мышцах. Мэдлин в кровати не было.

Теперь оставим детские мечты и страхи и перенесемся на несколько лет вперед в благословенный июнь, который не только знаменовал долгожданный перерыв в моих занятиях медициной и корпении над научными томами, но также начал для меня (и завершил для нее) лето Виттории, принцессы цирка.

Весь Лондон был увешан афишами. Изображения всяма скудно одетой женщины верхом на лошади были на волосок от скандальных, но тем не менее начали появляться еще в марте — за месяцы до того, как цирк прибыл в наш прекрасный город. Неудивительно, что я помню почти весь текст афиш и даже пропорции разных шрифтов: длинные строки были напечатаны маленькими буквами, а состоящие из одного слова — гигантскими, словно напыщенный декламатор то говорил шепотом, то переходил на крик:

Дж.П. Ремсон и Винсент Крэсуэлл с гордостью
представляют для вашего просвещения и развлечения
подлинный континентальный передвижной ЦИРК,
где перед вашими изумленными взглядами
предстанет вереница самых лучших и самых знаменитых
фокусников, акробатов, жонглеров, уродцев,
чудес природы, предсказателей, дикарей,
несравненных подвигов силы и ловкости,
различных игр и опасных животных
из самых дальних уголков земного шара,
а также поразительное искусство
и всемирно известной наездницы и танцовщицы
ВИТТОРИИ,
принцессы цирка,
с ее парижскими гарцующими пони!
Добро пожаловать на представление!
(Дети и дамы приглашаются в любое время.)

Помимо вездесущих объявлений, утренний номер «Таймса» в тот день также сообщал о цирке, поэтому мои

мысли были целиком заняты предстоящим зрелищем, когда я выходил из дому в шумный мир торговли, кипевшей в нескольких шагах от моей двери.

Только мой слух начал привыкать к утреннему стуку карет и кабриолетов, крикам детей и отдаленным гудкам паровозов, как я услышал женский голос:

— Джон! Джон!

Когда носишь имя, настолько распространенное, как мое, не слишком обращаешь внимание на такой призыв. Я был столь же мало склонен отозваться на «Джона», как и на «Уильяма» или «Джорджа». К тому же я знал, что единственная женщина, из чьих уст мне хотелось бы услышать свое имя, совсем недавно вернулась из краткого морского путешествия, и ее едва ли можно было встретить на улице.

— Джон!

Я продолжал идти дальше.

— Джон! Уотсон!

Я застыл как вкопанный. Мужчина, идущий позади меня и несущий на плече толстую палку, с которой свисали тушки кроликов, готовые к продаже, наткнулся на меня и произнес замысловатое ругательство, характеризующее мои пешеходные качества и, к счастью, не услышанное ни одной леди.

Я стоял, безмолвный и красный от смущения, когда ко мне подошла Мэдлин.

— Джон, неужели ты меня не слышал?

Она отпустила простую байковую юбку, которую рискованно приподняла на несколько дюймов, чтобы ей было легче бежать, не желая усугублять этот неподобающий леди поступок демонстрацией доходящих до лодыжек ботинок. Ее лицо покраснело, как и мое, но скорее от бега, чем от смущения. Из-под причудливой шляпы выбивались влажные пряди волос. Она тяжело дышала, и вся область между стоячим воротником жакета и туго затянутой талией бурно вздымалась.

Как вы помните, в дни моей молодости корсеты зашнуровывались настолько туго, что, несмотря на все блага для здоровья, гарантируемые этой модой, казалось, что Мэдлин вот-вот свалится в обморок. Подхватить ее в объятия было бы для меня весьма приятным исполнением долга джентль-

мена, поэтому, к своему стыду, я на момент даже пожелал, чтобы она потеряла сознание. В качестве оправдания могли лишь сказать, что я был очень молод и ее чары никогда не оставляли меня равнодушным. (Возможно, Холмс, вы по-прежнему не замечаете ее красоты, но я видел Мэдлин куда чаще вас и уверен, что мог бы любоваться ею вечно.) Мечты мои едва не осуществились, когда мы с Мэдлин отошли, чтобы не мешать прохожим, и остановились возле лавки, где продавали хозяйственные товары и бухгалтерские книги. Увидев свое отражение в зеркале, я пожалел, что перед выходом на улицу не позаботился как следует о своей внешности. Моя одежда также оставляла желать лучшего, хотя в то время у меня не было другой. Девушка наконец отдышалась, и я, тоже придя в себя, заговорил первым:

— Простите, что я не остановился, Мэдлин. Но пока вы не сказали «Уотсон», я и понятия не имел, что это зовут меня. К тому же я думал, что вы только что вернулись из плавания.

Мэдлин улыбнулась.

— Мы с Джейн никуда не поехали, Джон. В семье возникли разные... затруднения. — Она глубоко вздохнула и объяснила, что нуждается в моем присутствии для защиты ее и ее кузины Джейн от Рэндалла, который не вызывал у нее доверия.

Я сопровождал Мэдлин в дом Джейн в кэбе, и всю дорогу она то пыталась мне что-то объяснить, то требовала обещаний, что я ничего не стану предпринимать без ее просьбы, а просто буду стоять рядом, дабы помочь ей в случае необходимости, что, как вы помните, я много лет назад поклялся делать до конца своих дней.

Многое из рассказанного мне Мэдлин по дороге я уже знал, а о многом догадывался. Приведу некоторые факты, которые побудили ее спрятать меня в дровяном чулане.

Эмили, мать Мэдлин, и моя мать, Натали, были сестрами¹. Эмили умерла при рождении Мэдлин, что, несомненно, ухудшило характер отца девочки. Недавно он наконец умер от болезни печени, вызванной, в чем я не сомневался, злоупотреблением алкоголем и злым нравом. Его брат взял Мэдлин к себе в качестве компаньонки своей незамуж-

¹ Выше Уотсон именовал отца Мэдлин братом своей матери.

ней дочери Джейн, уверенной в себе и пользующейся успехом девицы, радующейся обществу кузины, как передышке от внимания назойливых ухажеров и нескончаемых планов отца устроить для нее выгодный брак. Недавно в семье возникли финансовые проблемы. Мэдлин подозревала, что они были усугублены, если не вызваны, смертью ее отца, чьим жалким поместьем ее дядя все еще пытался управлять. Она чувствовала себя причиной всех бед.

В результате мы с моей кузиной Мэдлин ехали к ее кузине (которая не была моей кровной родственницей), чтобы противостоять какой-то неведомой для меня опасности. Я дал обещание, которого не понимал, но Мэдлин сказала, что скоро мне все станет ясным.

Как любой неглупый человек, я направлялся на поле битвы, внешне сохраняя спокойствие, но в глубине души чувствуя страх.

Чулан, где хранились дрова, был необычным сооружением. Очаг из красноватого кирпича находился возле узкой, такой же солидной кладки, как и камин, стены, смежной с гостиной. Большую часть дров предусмотрительно убрали (оставшиеся были сложены у камина), но в кладовке ощущался сильный запах смолы, а на полу валялись щепки и обломки березовой коры. В углах виднелась паутина.

Я никогда не принадлежал к самоуверенным личностям, тем более в студенческие годы. Но мне хотелось показать себя с лучшей стороны, тем более что, к моей досаде, Мэдлин сама заплатила извозчику. Пока я обследовал чулан, Мэдди принесла длинную занавеску из зеленого бархата весьма неопределенного возраста, которую она ловко прикрепила сверху, прикрыв ею чулан.словно приглашая девушку на вальс, я протянул руку и помог ей слезть с табурета. Она поставила табурет в кладовку и изящно присела в реверансе, словно говоря: «Ваше место, сэръ».

Я был не слишком удивлен, но немного встревожен такой стратегией. Если мне предстояло действовать в качестве телохранителя, разве я не должен был являть собой видимую угрозу? Если, вследствие преувеличенной веры в мои возможности, Мэдди ожидала от меня исполнения

роли троянского коня (или яда в тайнике перстня), то я не хотел, чтобы враг обнаружил меня скорчившимся в чулане на табурете, прижатым к стенам боками и спиной.

Мэдди посмотрела на меня и на табурет и совершила чисто женский поступок — подбежала к дивану, схватила овальную подушку с бахромой и положила ее на табурет.

— Et voila!¹ — воскликнула она. — Трон для короля и героя!

Прежде чем я перестал смеяться и изливать свои возражения, снаружи залаяла собака и Джейн крикнула нам снизу:

— Будь готова, Мэдди, он уже здесь!

— Джейн знает о моем присутствии? — быстро спросил я.

— Узнала, когда я попросила у нее занавеску. Она говорит о Рэндалле.

— Значит, Рэндалл идет сюда?

Мэдди кивнула. Молодой граф был не тем человеком, с которым мужчина хотел бы оставить наедине свою дочь или кузину.

— А где ваш дядя? — осведомился я, не видя и не слыша в доме никого, кроме Джейн.

— Ушел по важному делу.

— А слуги?

Она покачала головой.

— Экономка?

— Мы обслуживаем себя сами, после того как...

В дверь громко постучали.

— Тогда позвольте мне открыть. Не сомневайтесь, я знаю, как разговаривать с человеком, чье присутствие нежелательно.

— Пожалуйста! — Мэдлин умоляюще смотрела на меня своими светлыми глазами. — Мы пригласили его. Тайно. Он согласился простить нам часть долга, если мы встретимся с ним. Джейн думает...

Стук повторился.

— Я открою! — крикнула Джейн.

— Не могу сказать, что мне это по душе, Мэдлин, — заметил я.

¹ Ну вот! (фр.)

— Понимаю, — сказала она, подталкивая меня к кладовке. — Но вы нужны мне. Я боюсь!

Я втиснулся в кладовку и присел на край табурета.

— Я пообещал сделать это и выполню свое обещание.

Послышались приближающиеся голоса.

— Не забудьте об обещании, — предупредила Мэдлин.

Разумеется, я о нем помнил. В кэбе она заставила меня поклясться, что я не выйду из укрытия ни при каких обстоятельствах. Я должен был слушать и, если удастся, смотреть, но не привлекать внимания к своему убежищу, пока Мэдлин или Джейн не произнесут слова «Джон Уотсон».

Из всего этого явно не могло выйти ничего хорошего.

Я услышал шаги Джейн и другие, более тяжелые. Мэдлин поспешно опустила занавеску. Наступила полная темнота.

Мужской голос произнес нечто вроде «добрый день, Мэдлин», но я не был уверен. В ответ раздалось невнятное бормотание.

Я не только ничего не видел, но и не мог слышать, что происходит за занавеской. Тесная кладовка оказалась скверным наблюдательным пунктом. Может быть, я должен встать? Но смогу ли я подняться с этого чертова табурета бесшумно? Любой звук может открыть мое присутствие... Мое сердце бешено колотилось. Я начинал испытывать паническое ощущение человека в западне.

Впрочем, Рэндалл, хотя и был настоящим животным, судя по тому, что я о нем слышал, очевидно, не обладал звериным чутьем, поэтому я пока что оставался незамеченным.

Вскоре как будто рассвело, и я смог видеть! Не слишком хорошо, но все-таки смог. Мои глаза привыкли к слабому свету, проникающему сквозь занавеску. Я видел свои узловатые руки, лежащие на темных брюках, и даже слышал, как все трое устраиваются на диване лицом к камину и ко мне. Все изменилось, когда Мэдди перестала стоять перед моим убежищем, закрывая его спиной.

— Очень мило, что вы пришли, Рэндалл, — заговорила Джейн, играя роль гостеприимной хозяйки.

— Не так уж мило, — насмешливо отозвался Рэндалл, — но я все-таки пришел.

Я наклонился вперед. Сквозь щель между занавеской и стеной я мог разглядеть всех троих на диване, обитом выцветшим алым бархатом. Джейн, темноволосая красавица, сидела посредине, делая вид, будто занята вязанием, а в действительности играя роль стены между Мэдлин и Рэндаллом. Меня это порадовало, так как молодой граф Норрис принадлежал к людям, которые нравятся женщинам, но не нравятся мне.

Даже сидя, Рэндалл выглядел высоким и горделивым. Я сразу же понял, что ему доставляет удовольствие себя демонстрировать. Он был чисто выбрит и аккуратно причесан; розовые губы слегка кривились, как у избалованного ребенка.

Впрочем, меня беспокоил не только его рост, но и явно незаурядная физическая сила. В то время как моя кожа желтела, а фигура горбилась от бесконечного сидения в комнате над книгами, Рэндалл, безусловно, проводил каждое утро на воздухе, совершая прогулки верхом в лесной прохладе, стреляя из старого мушкета лисиц, бобров, кроликов и фазанов. Хотя по размерам мы трое превосходили его обычную дичь, нам едва ли удалось бы с ним справиться.

— Да-да, — улынулась Джейн. — Вы пришли, и мы этому рады. — Она сделала петлю. — А вы сделали то, о чем мы говорили?

— Еще как, дорогая моя!

— Расскажите, Рэндалл, — настаивала Джейн. — Как это произошло?

Рэндалл демонстративно разглядывал свои золотые карманные часы.

— Через полчаса, Джейн, вашего отца проведут в мой кабинет, у которого он сейчас ждет меня. Лоренс — мое доверенное лицо — скажет ему, что я не могу повидаться с ним сегодня и получить плату по закладной, и вручит запечатанный конверт, на котором моим почерком написано его имя. Внутри он найдет расписку за сегодняшнюю выплату, хотя никаких денег он не внесет. За это я получу две вещи, не так ли? — Он смотрел на двух девушек, как кот на мышь.

— Две? Не думаю. — Джейн повернулась к кухне. — Мэдди, дай Рэндаллу лекарство, которое мы ему обещали.

Мэдлин открыла плетеную сумочку и вытащила маленький синий пузырек с характерной остроконечной стеклянной пробкой, указывающей, что содержимое его яд.

Внезапно яркий свет упал на мое лицо. Какую-то долю секунды я боялся, что меня обнаружили, но увидел огромного кота со шрамом на морде, который, помахивая хвостом вдоль занавески, то отодвигал ее, то задвигал.

Откинувшись назад, я быстро набросил занавес на кота, который тут же прыгнул мне на колени. Весил он немало.

К счастью, Рэндалл все еще был поглощен пузырьком с ядом, который выхватил из рук Мэдлин. Не обращая внимания на испуг девушки, он спросил:

— Что это? Оно быстро действует?

— Я и не ожидала, — заметила Джейн, — что вы спросите, болезненно оно или нет.

Рэндалл молча ждал ответа.

— Хотя, — добавила Джейн, — любой тайно введенный яд, который убивает младенца в утробе, должен быть болезненным.

Господи, подумал я, что за отраву они ему дали? Стрихнин? Что-то еще более страшное? Но мои мысли прервал поток вопросов Рэндалла:

— Что это за средство? Оно подействует? Сколько это займет времени? Сколько и каким образом нужно его давать?

Джейн покачала головой.

— Наш молодой друг-врач сказал только то, что его нужно дать ей как можно скорее. Самый надежный способ — инъекция, но...

— Где я достану шприц? У вас он есть?

— Вряд ли. Шприцы продаются в аптеках, но самое безопасное — дать ей выпить его из ложки. Можете назвать это пищеварительным эликсиром. Если вы заботитесь о здоровье Виттории... этой женщины, то не позволяйте ей упражняться несколько дней, а дадите отдохнуть...

— О, она достаточно крепкая — даже слишком. Наверняка дочь какой-нибудь грязной поденщицы или карги, которая собирает хворост под звон колоколов церкви Святого Клементя. От нее одни неприятности! Все лавочники в восстании твердят о ее «улыбке Моны Лизы», а все дело в плохом переднем зубе! Я не позволю ей иметь ребенка с

кровью Рэндаллов в жилах, которого она потом будет использовать в своих дурацких представлениях! Чего ради мне беспокоиться о здоровье Виттории, когда она в состоянии справиться с самым сильным жеребцом? Меня беспокоит лишь то, почему это врач не дал вам вместе с ядом и шприц. Кстати, кто он — ваш кузен?

— Что-то вроде этого, — кивнула Джейн. Я с ужасом осознал, что они имеют в виду меня. Но ведь я никого не снабжал ядом!

— Что касается его имени... — Джейн улыбнулась. Я затаил дыхание. Неужели она собирается назвать меня? — Что касается его имени, то вы вскоре сможете его узнать, так как он должен сегодня прийти сюда, но если вы сейчас уйдете, — она поднялась, словно приглашая его сделать то же самое, — то разминетесь с ним, и он никогда не догадается, что это лекарство не предназначалось в качестве обычного слабительного для Мэдлин или для меня.

Рэндалл стоял боком ко мне с притворным выражением обиды на лице.

— Но, Джейн, я думал, мы с вами друзья. Если бы ваше состояние равнялось хотя бы половине ваших женских чар, я бы женился на вас. При таких обстоятельствах мой дядя позволил бы мне это.

— Да, отец рассказывал мне о возражениях вашего дяди. Недостаточно выгодный брак, не так ли?

Рэндалл пожал плечами.

— Придя сюда, я избавил себя от необходимости снова отвечать отказом вашему жалкому отцу на его весьма заманчивое предложение, хотя, будучи нормальным мужчиной, я бы с удовольствием...

Раздосадованная его намеком и не желая, чтобы их слышали другие люди, Джейн быстро прервала графа:

— Я знаю, что вы воображаете, будто увлечены мною, Рэндалл...

— Более чем предполагаю.

— Возможно. — Как ни странно, Джейн улыбнулась негодяю и покраснела.

— Более чем возможно. Я намерен это доказать.

Очевидно, Джейн собиралась спросить: «Как?», когда Рэндалл внезапно ухватил ее за юбку. Она снова села на диван, расправила одежду и твердо произнесла:

— Вы говорили, Рэндалл, что очень заняты, а мы также ожидаем гостей. Нам очень жаль, что вам придется уйти так скоро. Возможно, в следующий раз мы сумеем провести...

Рэндалл рассмеялся.

— Благодарю вас за вашу любезность, но я предпочел бы остаться.

Я был в бешенстве и не сомневался, что девушки думают о том, чтобы обратиться ко мне за помощью. Но станут ли они это делать? Я слышал гулкие удары своего сердца.

— Как бы то ни было, — продолжал Рэндалл, снова теребя дорогие часы, — если я уйду сейчас, то успею застать вашего отца и увидеть его лицо, когда он скажет мне, что не в состоянии содержать дом. — Он окинул комнату оценивающим взглядом и усмехнулся. — Прекрасное старое здание. Не то чтобы я хотел в нем жить. Да и зачем мне это? Я могу продать его кому-нибудь еще. Но если старик не сможет даже обеспечить вас двоих домом, это разобьет ему сердце. — Рэндалл сделал паузу. — Ну, я пошел. Если только, моя прелестная Джейн, вы не захотите удержать меня каким-нибудь старомодным развлечением.

Она делала все возможное, чтобы оставаться леди.

— «Немедля оставь меня и больше не ходи». — Этими словами Джульетты из сцены на балконе Джейн хотела разрядить атмосферу, но Рэндалл, в отличие от Ромео, ответил не словами, а действием, в результате чего возникла очередная потасовка. Джейн оттолкнула его с криком: — Нет! Я не могу! — и снова пригладила юбку. — У меня... э-э... критические дни, — заявила она. — Я не могу быть вам полезна, сэр!

Несмотря на то, что котище по-прежнему сидел у меня на коленях, я был готов ринуться в схватку, но она быстро закончилась.

— Вот как? — с недоверием осведомился Рэндалл. — А я-то подумал, что ваша девственность мешает вам прийти на помощь семье.

Джейн покраснела, но ничего не сказала.

— Ну, я пошел, — усмехнулся Рэндалл. — Еще успею к вашему отцу! — Он взял шляпу.

— Подождите, сэр! — впервые заговорила Мэдлин.

— Я же предупреждала, чтобы ты не разговаривала с ним! — сказала Джейн.

— В чем дело? — просяив от удовольствия, спросил Рэндалл.

— Оставайтесь к чаю, — предложила Мэдди.

— К чаю! — Рэндалл расхохотался. — Я подумал, что у меня слуховые галлюцинации! Оказывается, у этой замарашки есть голос! — Когда я почувствовал, что мое терпение на исходе, он добавил: — Но я не хочу чаю. Просто уделите мне несколько минут, дорогая моя.

— Вон! — крикнула Рэндаллу Джейн. Я был готов поклясться, что она начала произносить мое имя: — Джо...

— Но ведь это и мой дом, — прервала Мэдди. Ее голос отозвался звонким эхом в каменной кладке. Джейн была в бешенстве, но ничего не сказала. То же самое, увы, происходило и со мной.

Далее последовала одна из самых чудовищных сцен, какие я когда-либо видел. Мне бы хотелось сослаться на то, что я не могу точно припомнить происшедшее, но, к сожалению, я не в силах это забыть.

Не беспокойтесь, Холмс, я напишу об этом. Не представляю себе человека, способного поверить в подобную мерзость, а тем более общаться с кем-либо из присутствовавших тогда в той комнате, включая меня. Тем не менее я не опасаюсь, что вы, прочитав это, будете питать ко мне недобрые чувства.

Что касается моих чувств, то они весьма сумбурны, поэтому я буду стараться описывать для вас (или для себя?) в основном факты.

Мэдлин села на диван, и Рэндалл приподнял ее юбки... Нет, это случилось потом. Сначала Джейн спросила у Мэдди:

— Ты уверена?

Мэдди промолчала, что, по-видимому, означало утвердительный ответ. В комнате было так тихо, что они, должно быть, слышали биение моего сердца. Но им было не до меня. Рэндалл сразу же поднял голубую верхнюю юбку Мэдди вместе с кружевными нижними. Поверх старых и штопаных черных чулок, подвязанных лентами выше колен, ее бедра казались смуглыми на фоне белых гофрированных панталон. Кожа Мэдди блестела, словно перламутр.

Хозяйским жестом Рэндалл раздвинул ей ноги и встал между ними, потом протянул руку... Лицо девушки болезненно исказилось.

Я встал, но жирный кот тут же вонзил когти мне в ноги. Я закусил губу, чтобы не вскрикнуть.

Мэдди прижала колени к груди, собираясь оттолкнуть Рэндалла ногами, но он, распалившись, схватил ее за лодыжки. Его лицо кривилось в омерзительной усмешке.

— Подождите! — Джейн внезапно обрела голос.

— Но я не хочу ждать! — заявил Рэндалл.

Вытянув левую ногу, Джейн вонзила острый носок блестящей черной туфли ему в живот, не давая ему завершить гнусные намерения.

— Тоже недурная лодыжка, — заметил Рэндалл.

(Вы бы сказали, Холмс, что свинья физически не способна смотреть на небо.)

Джейн не попала на удочку. Она опустила ногу.

— Теперь я уже не могу ждать, — недовольно сказал Рэндалл.

— Посмотрим, — холодно отозвалась Джейн. — Мэдди?

Рэндалл двинулся вперед, но острый носок туфли скрылся в его животе.

— Ой!

— Подождите, — повторила Джейн и погладила шею девушки. — Мэдди, с тобой все в порядке?

— Что за чушь! — воскликнул Рэндалл. — Ей это нравится!

Мэдлин смотрела перед собой невидящими глазами.

— Прости, Джейн, — тихо сказала она наконец. — Я хотела помочь... Но это всегда так больно?

— Нет, Мэдди, нет, — шепнула Джейн.

Чувствуя себя слабым и беспомощным, я сел. Царапины на ногах сразу начали кровоточить, а кот, как ни в чем ни бывало, снова устроился у меня на коленях. Но испытываемая мною боль была пустяком в сравнении с тем, что произошло потом.

Джейн гладила мышинные волосы кузины, в промежутках хлопая Рэндалла по рукам.

— Нет, я не позволю причинить тебе боль. — Не убирая ногу от живота Рэндалла, она сжала рукой запястья Мэдлин и подняла ее руки над головой.

Глаза Мэдди расширились. Что это было — страх, тревога? Ведь именно так держал Мэдди ее отец... Очевидно, Джейн видела такую же сцену, какую видел в детстве я, так как она четко произнесла:

— Стой спокойно, девочка. Перестань дергаться!

Услышав знакомые слова, Мэдлин в ужасе посмотрела в глаза кузины. В ответном взгляде Джейн не было гнева — в нем ощущалось нечто иное. Прижав к сердцу руки Мэдди, она поцеловала ее в щеку и прошептала:

— Я всегда была довольна тобой!

Из своего укрытия я видел, как Джейн ласкает шею и плечи Мэдди. Расстегнув кофточку и корсет девушки, она стала целовать ей грудь, продолжая шептать: «Такая хорошая, славная девочка...» Сначала сердцем, а затем и умом Мэдди поняла, к чему стремится ее кузина. Она прижалась к Джейн, и я услышал странный сдавленный звук, словно из горла девушки вырвался какой-то древний злой дух.

Слезы благодарности и надежды потекли по ее щекам.

Джейн продолжала свою работу, иногда прерываясь, чтобы отодвинуть ногой или хлопнуть по руке неугомонного Рэндалла и крикнуть ему:

— Подождите!

Но в основном она ласкала, целовала и раздевала Мэдди, медленно и без видимых усилий побеждая ее страх и напряжение. Как описать этот опытный подход? Должен признаться, Холмс, что это напоминало мне японскую игру, которую вы как-то мне показывали, — плоские черные камешки играют против белых ракушечных дисков на перекрестных точках квадратной деревянной решетки, стараясь полностью окружить противника. Прямой атакой и спешкой здесь ничего не добьешься. Рэндалл попытался водрузить флаг в центре территории и потерпел неудачу, в то время как Джейн занялась флангами, и девушка двинулась к ней, словно гора к Магомету. Ее пробудившаяся плоть устремилась к Джейн так же естественно, как ночные приливы устремляются к небу, после чего волны растворяются в мягком свете луны.

Как часто говорил инспектор Лестрейд, события разворачивались чертовски скверно. Но пока мне не хотелось вмешиваться. Джейн с поистине гениальной интуицией догадалась, как исцелить Мэдлин от серьезной душевной

травмы или, по крайней мере, как обеспечить доступ свежего воздуха к ране. Ей удалось превратить изнасилование в изгнание беса!

Но я (как, очевидно, и Мэдлин) позабыл о присутствии Рэндалла, о свойстве таких людей, как он, обращать все себе на пользу, растапывая при этом в пыль все, что им мешает и не заботясь о том, как им придется расплачиваться за свои грехи в загробном мире.

Джейн также забеспокоилась.

— Нам отослать нашего гостя, Мэдлин? — спросила она.

«Гость» попытался что-то сказать, но его опередила Мэдди:

— Нет. Я должна тебе помочь! — заявила она тоном капризного ребенка.

— Ты всегда помогаешь мне, Мэдди.

— Недостаточно помогаю. Мне все равно, что он будет делать, но я готова на все ради дома, ради того, чтобы жить здесь с тобой.

Мое восхищение преданностью Джейн быстро померкло, когда она кивнула Рэндаллу, позволяя ему получить то, что он хотел. Постепенно отодвигая ногу от его живота — да, она все еще держала ее там! — Джейн ободряла девушку, покуда Рэндалл наслаждался плодами ее трудов. Но Мэдди сказала правду — ей действительно было все равно, и она не страдала. В тот день в объятиях кухни она была готова вынести адские муки.

С другой стороны, передо мной стояла отнюдь не простая проблема, хотя я и предвидел развитие событий. Для чего я здесь находился — чтобы оплакивать час моего рождения? Однако, больше мне ничего не оставалось.

Кипя от негодования, гнева и ревности, я пытался успокоиться, стараясь замедлить дыхание и перечисляя про себя названия костей и нервов, но, наблюдая за происходящим, не мог не думать о телах (Джейн и Мэдлин) и трупах (Рэндалла).

Тогда я стал думать о том, что еще никогда не видел так много женского белья сразу, разве только на веревке для сушки. Оно причудливо скомкалось выше и ниже затянутой в корсет талии Мэдди. Но мои мысли невольно устремились к ее великолепной коже, поблескивающей между

чулками и панталонами, и чувствам, которые следовало не подвергать такому чудовищному испытанию, а бережно хранить до первой брачной ночи.

Я задумался об ужасных последствиях происходящего, потом постарался переключиться на что-нибудь нейтральное, избрав для этого столь неинтересную тему, как одежда Рэндалла. Все ее аксессуары — рубашка, воротничок, манжеты, шелковый галстук — принадлежали к тем, которые витрины магазинов и продавцы рекламируют как «товар высшего качества». Видимо, Рэндалл, облачаясь во все самое лучшее, надеялся сам выглядеть лучше, чем он есть в действительности.

Не в силах больше смотреть на него и Мэдди, я опустил взгляд на кота, все еще сидящего у меня на коленях. Он был красив и явно знал себе цену. Я стал рассматривать его с научной позиции. Меня заинтересовала форма усов, сгруппированных на каждой стороне носа в четыре ровных ряда.

Однако звуки из комнаты по-прежнему доносились до меня. Я зажмурил глаза и склонился ниже к кошачьей морде, жалея, что не могу заткнуть уши, так как должен был прислушиваться, не произнесут ли мое имя, хотя теперь это казалось невероятным. Что бы ни случилось, я не мог покинуть Мэдди.

Внезапно, словно небо захотело утешить несчастного узника кладовки, отдаленный шум приглушил пыхтение человека, которого я и по сей день ненавижу больше всего на свете. Звук становился все громче, походя на приближающийся поезд, и когда я понял его причину, то едва не расхохотался.

Кот! Охваченный гневом, я с силой дышал прямо на его шерсть, и он таким образом выражал свое удовольствие. Я погладил его. Спина кота была слишком влажной, чтобы винить в этом только мое дыхание. Я прижался заплаканным лицом к своему пушистому компаньону.

Вскоре я снова выглянул в комнату. Рэндалл застегнул брюки, посмотрел на часы, взял пузырек с ядом и быстро удалился, хлопнув дверью.

— Джон Уотсон, — мягко окликнула Джейн. — Могу я предложить вам приятную расслабляющую чашечку чая?

Я представил себе, как мы втроем пьем чай на этом диване, и ощутил тошноту. Впрочем, в тот момент меня могло стошнить от чего угодно.

— Благодарю, — ответил я, не узнавая своего голоса, — но я лучше пойду.

— Выходите или вырежете себе щель для писем, — сказала Джейн, притворяясь веселой. — Во-первых, вы философ, а во-вторых — извращенец.

— Джейн! — с упреком воскликнула Мэдлин.

— Не Джейн, а Вольтер, — поправила ее Джейн.

Чувствуя боль во всем теле, я с трудом выбрался из кладовой. Кот последовал за мной. Мэдлин выглядела почти нормально — только немного неопрятно.

Дневной свет ослепил меня.

— Смотри! — рассмеялась Джейн. — Наш Грубиян стал его лучшим другом! — Она говорила с преувеличенной живостью, размахивая руками, как делают некоторые женщины в минуты тревоги или желая скрыть смущение. — Тебе понравился Джон, Грубиян? Не сердитесь, если он поцарапал вас, Джон. Грубиян царапает и кусает всех без исключения. Просто замечательно, что он оставался с вами! Надеюсь, вы не набрались от него блох, Джон!

— Не сомневаюсь, что набрался, — ответил я.

— Простите, Джон, — сказала Мэдлин, но ее слова относились не к поведению Грубияна.

— Не стоит извиняться, — отозвался я. — Из-за меня можете не расстраиваться, Мэдди. Сейчас вам нужно отдохнуть. Я сделал все, что вы просили, а теперь вы должны обещать выполнить мою просьбу.

Мэдлин огляделась вокруг, словно не зная, где находится.

— Вы слишком добры, Джон, — промолвила она.

— Ничего подобного. Ну как, обещаете?

Мэдди кивнула, и я обернулся к ее кухне.

— Джейн, проследите, чтобы она приняла горячую ванну и легла в постель.

Казалось, Джейн испытала облегчение, зная, что ей делать.

— Сейчас приготовлю ванну!

— Вызовите врача в случае несвоевременного кровотечения, — добавил я. Джейн кивнула. — Если она будет

плакать или винить себя, напомните ей о ее обещании. — Я слегка покраснел. — Вы, кажется, знаете, что ей говорить.

— Я хотела бы знать... — Джейн покачала головой.

В добавление к душевным мукам я чувствовал себя средоточием всех физических неудобств. Мне мучительно хотелось выгнать руки, выгнуть спину, почесать шею, поест, переодеть порванные котом брюки, вымыть исцарапанные котом ноги, утолить жажду холодной водой и дать месячный отдых душе и телу. Но для этого требовалось уйти отсюда.

— Джейн, Мэдди, — осведомился я перед уходом, — куда мог пойти Рэндалл с этим пузырьком?

Леди этого не знали, но у меня имелась идея на этот счет.

Поцеловав руку Мэдлин, я удалился.

В студенческие дни я не мог позволять себе пользоваться кэбом, однако я сделал это вторично за один день. Правда, в первый раз поездку оплатила Мэдди, так как я был ее гостем, но теперь моя бережливость могла стоить жизни молодой женщине. К тому же, если Рэндалл говорил правду, опасности подвергалась и жизнь невинного младенца. (Когда в 1666 году большой пожар уничтожил половину Лондона, пострадали всего шесть человек. Таким образом, гибель этих двоих могла обернуться более страшной катастрофой, и в данных обстоятельствах я более чем кто-либо другой был способен предотвратить ее.

В то же время я понятия не имел ни о планах и намерениях Рэндалла, ни о том, пошел ли он пешком, воспользовался кэбом или поехал в своей карете, которая с кучером в ливрее стояла у дверей дома Джейн и Мэдди, пока ее хозяин творил свои мерзости. Я также не знал, что содержится в синем пузырьке.

Я понимал лишь то, что буду вынужден экономить на еде, дабы компенсировать эти непомерные расходы.

Трясаясь в экипаже, я прятался за занавеской, не желая, чтобы кто-нибудь видел, как я расходую деньги. После неподвижного сидения в кладовке быстрая езда взбодрила меня. Я бы наслаждался мелькающими за ок-

ном видами Лондона, но вместо этого мне приходилось отрабатывать стоимость поездки, разглядывая каждого прохожего в поисках злодея-графа. К тому времени, когда мы уже были настолько близко от цирка, чтобы слышать звуки шарманки, я достаточно насмотрелся по сторонам и сразу заметил белый шелковый галстук Рэндалла. Я легко мог пропустить его — он как раз выходил из маленькой аптеки.

Возница остановился только после нескольких просьб, и когда я заплатил девять из имеющихся у меня одиннадцати пенсов, Рэндалл прошел мимо, развязывая пакетик размером с ручку, которую дал мне Холмс, но чуть меньшей длины. Я последовал за ним через территорию цирка, между будками и фургонами, теперь радуясь высокому росту Рэндалла, делавшего его заметным издали. К тому же за ним кралась стайка уличных сорванцов, готовых в мгновение ока избавить его от имеющихся при нем денег и ценностей. Меня интересовало, теребит ли он еще свои карманные часы.

Когда мы приблизились к шатрам, толпа стала более плотной. Передо мной мелькали запряженные ослими повозки, чахоточного вида женщины, палатки, пахнущие карамелью и азартными играми. Последние могли бы привлечь мое внимание, но не теперь.

Я увидел чисто выбритого молодого человека с темно-рыжими волосами, дрессирующего маленькую собачонку с лохматой мордочкой. Собака стояла на задних лапках, сложив передние на груди, наострив уши и вертясь туда-сюда, словно в танце. Когда я проходил мимо, молодой человек пронзительно крикнул прямо мне в ухо: «Хорошая собачка, Роки!» Звук отозвался у меня в голове, как заряд дроби. Человек явно не рассчитывал на подобный эффект — когда его карие глаза встретились с моими, он смущенно улыбнулся и, как мне показалось, произнес извинение. Я не был уверен, так как в этот момент какофоническое звучание оркестра лишило меня способности мыслить. Рэндалл находился в нескольких шагах впереди от меня — нас разделяли только небольшая лужа и застрявшая повозка. Я двинулся дальше, но оторвавшееся от повозки колесо ударило меня в живот.

Когда я пришел в себя, Рэндалл исчез из поля зрения.

Я вернул колесо вознице, который был рад получить его от меня, а не от одного из мальчишек, которому бы пришлось платить. Передо мной тянулся ряд шатров. Большие афиши обещали невероятные аттракционы.

«ДИКАРЬ!» На афише был изображен явно безумный, почти голый ярко-красный человек, скальпирующий желтого.

«САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ!» На плакате красовался мужчина в чайной чашке.

«ЛЕДИ-ЛЯГУШКА!» Афиша демонстрировала зеленую лягушку с лицом женщины, плывущую на листе кувшинки.

Количество афиш казалось бесконечным. Цыганки в ярких платках предлагали погадать. Одна из них взяла меня за руку и посмотрела мне в глаза. Ее рука была теплой, а черные глаза окружали густые ресницы.

— Твое сердце хочет спросить меня о чем-то, — заговорила девушка низким голосом.

В тот день у моего сердца было достаточно вопросов. Я открыл рот, но не знал, о чем спрашивать.

— Ну, — подбодрила меня девушка. — Что ты желаешь узнать?

— Где Виттория?

— Принцесса цирка? — Она сразу же перестала улыбаться, возможно, обиженная моим вопросом, но указала худой смуглой рукой на проход между двумя большими желтыми шатрами. — Там.

Я обернулся, чтобы поблагодарить, но цыганка уже скрылась в толпе. Быстро пройдя между шатрами, я оказался на площадке, где жонглеры, чревовещатели и фокусники в шелковых костюмах репетировали свои номера, а цирковые дети кувыркались и расхаживали на ходулях. Я видел, как один джентльмен проглотил, очевидно, для практики, четыре полупенни, а другой быстро понес куда-то пять марионеток (в том числе собаку и черта), вероятно, для представления с Панчем и Джуди¹. При таком количестве бесплатных развлечений было удивительно, что сюда допустили посторонних. К счастью, никто не обратил на меня внимания. В обязанности артистов не входили полицейские

¹ Персонажи английской кукольной комедии.

функции. Но никто из присутствующих никак не мог быть Витторией. Если я спрошу о ней, не прикажут ли мне удалиться?

По близости от меня, возле палатки с играми, лежал молодой парень и громко храпел.

— Молодой человек! — донесся откуда-то громкий женский голос. — Посмотрите-ка наверх!

— Он спит, — отозвался я, имея в виду парня.

— Не он, а вы! Посмотрите наверх!

Я повиновался и увидел весьма необычную женщину на резном балкончике в верхней части деревянного фургона. Дородная, с толстой шеей и выпуклыми зелеными глазами, она была облачена в короткое платье без рукавов из ярко-зеленого атласа, которое, очевидно, застегивалось сзади и давало возможность видеть зеленые замшевые сапожки. Из плеч и бедер торчали миниатюрные ручки и ножки, безупречные сами по себе, но настолько непропорциональные со всем остальным, что их обладательница казалась лишенной конечностей. Густые темные волосы были искусно причесаны. В одной руке она держала кусок жареного бекона, а в другой ломоть хлеба. Рядом с ней лежали зеленые атласные перчатки с пуговицами из ракушек.

Увидев, как я пялюсь на нее, женщина рассмеялась.

— Привет, дорогуша! — сказала она. — Принесите-ка мне эля с задней лестницы, ладно? — Она указала направление рукой с куском бекона.

Я принес бутылку и открыл ее.

— Угощайтесь, если хотите, — предложила женщина.

Я поблагодарил, и мы вдвоем выпили теплый эль. Я хотел спросить ее о Виттории, но боялся обидеть ее, как цыганку, слишком быстрым вопросом, поэтому похвалил эль, действительно оказавшийся вкусным.

— Какой приятный молодой человек! Как вас зовут?

— Джон Уотсон. Рад с вами познакомиться.

Женщина засмеялась. Ее смех был настолько заразителен, что я тоже улыбнулся.

— А я Сэди Букбайндер, — сказала она. — Правда, никто больше так меня не называет.

— Сэди — красивое имя, — заметил я.

Женщина снова засмеялась.

— Да, но теперь я артистка. «Сэди — леди-лягушка».

Я вспомнил афишу с изображением лягушки с женским лицом.

— Вы совсем не похожи на лягушку, — сказал я. Не думаю, что это была подобающая фраза, но эль, очевидно, развязал мне язык.

— Но и на леди я тоже не похожа, — весело отозвалась она, — тем не менее никто из зрителей не требует деньги назад. Я знаю все о лягушках! Например, группа лягушек называется армией. Это чистая правда — я читала в книге. Знаете, сколько существует разных видов лягушек? Куда больше, чем людей! Некоторые из них поют приятнее, чем птицы! Можете не сомневаться — я лучшая «леди-лягушка» из всех, что когда-либо выступали в цирке. А у вас какая профессия, мистер Джон Уотсон?

— Пока никакой.

— Да ну? У такого молодого человека, как вы! Но ведь чем-то вы должны заниматься?

— Я учусь в университете.

— Ну и ну! Да вы, оказывается, джентльмен! — воскликнула Сэди, допивая эль.

Я покраснел, хотя леди казалась мне очаровательной.

— В моей семье все — переплетчики¹, — продолжала она. — Все, кроме меня. Значит, университет! И что вы там изучаете?

— Медицину, — ответил я.

— Медицину? Отлично! Как раз то, что мне нужно! Принесите-ка еще бутылочку, доктор.

Я облегченно вздохнул. Пожалуй, теперь можно будет спросить о Виттории. Но как только я потянулся за бутылкой, ее ухватила другая рука — смуглая и самая большая, какую я когда-либо видел.

— Кто вы такой, а? — осведомился мужской голос.

Я задрал голову, чтобы посмотреть на нового собеседника.

Мне сразу стало ясно, каким образом Сэди забралась на высокий балкон — ее подсадил туда этот молодой великан, облаченный только в кожаную юбку, похожую на шотландский килт.

— Доктор! Фредерик! Дайте мне наконец эту бутылку!

¹ Bookbinder (букбайндер) — переплетчик (англ.).

Фредерик протянул ей бутылку, не открывая ее.

— Зачем тебе понадобился доктор?

— Я еще не... — запротестовал я.

— Я спрашиваю свою жену, док, а не вас.

— Но, Фредди, — возразила она, — ты же знаешь, что мы не женаты!

Он начал терять терпение.

— Я спросил, зачем тебе доктор!

— Из-за моих коленей, милый. — Она снова стала смеяться. — Да и локти у меня распухли — посмотри сам! Молодой доктор предупреждал, что мне нужно перестать кувыраться. Но кем же мне быть, если не акробаткой? Я больше ничего не умею делать. А вот и мои лошадки!

Фредерик вздохнул.

— Все ее веселье от зля! Я говорил ей: «Не пей, Сэди, это скверно отражается на твоих выступлениях!» Но она не может без бутылки. — Он пожал плечами, потом протянул мне руку. — Я Фред Берк, дикарь, самый высокий и самый сильный человек в мире, змеиный король, африканский гигант...

Пока Фредерик перечислял свои впечатляющие титулы, дюжина лошадей и пони, украшенных султанами и цветными попонами и управляемых ярко наряженными наездниками, проскакала мимо нас к большому шатру, где выстроилась перед входом высотой в десять футов.

На последней лошади — лоснящемся гнедом мерине — ехала явная предводительница группы, легко и свободно стоя на седле. словно этой позы было недостаточно, всеобщее внимание тотчас же привлекли к ней грива красных (не рыжих!) волос длиной в ярд; большие овальные карие глаза и полные чувственные губы придавали лицу оживленное, слегка насмешливое выражение.

Одежда наездницы, за исключением корсета, казалась выбранной исключительно для удобства и легкости движения и лишь впоследствии снабженной разного рода украшениями. Тонкая, скроенная по косой линии и усыпанная золотыми стеклянными бусинками блузка выглядела продолжением блестящей, слегка веснушчатой кожи. Рукава расширялись к плечам. Поверх корсажа блузки красовалось шелковое болеро с золотым кружевом. Юбку заменяли лег-

кие, почти прозрачные брюки, доходящие до лодыжек, чуть замаскированные длинной вставкой спереди и сзади и также украшенные золотыми кружевами и бусинками. Балансируя босыми ногами в такт медленным движениям лошади, женщина покачивалась, словно турецкая танцовщица.

— ... и притом я самый скучный человек во всем мире, — дружелюбно закончил Фредерик.

— Кто это?

— Наездница с длинными волосами? Это Кей Данн. Чудо, не так ли?

— Я пришел сюда в поисках Виттории, принцессы цирка.

— Ну? — Фредерик озадаченно смотрел на меня.

— Как я могу ее найти?

— Здесь не нужны формальные представления.

— Да, но где мне ее искать?

— Кого искать, сэр? — Он тряхнул головой, словно стараясь вытряхнуть что-то из ушей.

— Витторию, разумеется!

— Вы уже ее нашли, — сказал Дикарь. — А вот меня едва не запутали окончательно.

Только теперь я все понял.

Внезапно я заметил Рэндалла, быстро направляющегося к Кей Данн — точнее, к Виттории. Я видел, как он обратился к ней. Она кивнула, все еще стоя на лошади, потом не спеша двинулась к нам с радостным видом, словно ребенок, катающийся на карусели. Рэндалл шел рядом. Казалось, он стал меньше ростом.

— Моя Сэди так назвала ее в прошлом сезоне, — с гордостью продолжал Фредерик. — Тогда она была немного навеселе (я имею в виду Сэди — мисс Кей никогда не пьет во время выступлений). Сэди наблюдала за представлением с сеновала, громко заявляя, что с этого дня Кей нужно называть Витторией, принцессой цирка. Так и вышло. Нам позволяют смотреть представления, в которых мы не заняты, но только не среди публики. Наш хозяин говорит, что это сбивает цену...

Мне не нравится вспоминать о своей грубости, но я обязан честно сообщать о моих промахах. Возможно, то, что студентам приходится проводить много времени в одино-

честве за книгами, способствует появлению дурных манер. Конечно, я был бы рад все свалить на молодость и обстоятельства. Но что толку в оправданиях? Короче говоря, я без единого слова прощания отошел от этого человека, который был так любезен со мной, и решительно зашагал к Виттории и Рэндаллу, надеясь опередить его. Не знаю, что мог сказать я, посторонний, чтобы внушить ей недоверие к нему, но мне казалось важным произвести должное впечатление.

Очевидно, мое лицо «телеграфировало» стремление поговорить с ней, так как при виде меня Виттория подала мне знак, щелкнув пальцами, чтобы я отошел с дороги. Я повиновался. Без видимых усилий Виттория опустила руку на уровень лодыжек и ухватила за то, что мне показалось передней лукой седла — большую прикрепленную ручку — на которой она проделала (несомненно, ради Рэндалла) стойку на руке. Силы ей было не занимать. Даже не покачнувшись, Виттория вытянула ноги вертикально к небу. Ее брюки скользнули вниз, обнажив полосатые чулки, оканчивающиеся бусинками из черного янтаря над босыми ступнями.

Впрочем, видно было и еще кое-что. Конечно, это не для публикации, но я не знал, что у женщин бывают такие мускулистые ноги. Виттория была великолепна во всех отношениях (кроме, возможно, имени), и мне казалось, что она хорошо это знает.

— Раджа! — скомандовала она властно красивым голосом. Уши лошади напряглись. — Наклони голову!

Мерин неторопливо вытянул в грязь передние ноги и выгнул спину, пригибая к земле переднюю часть туловища; его хозяйка все еще стояла на нем вверх ногами. Затем тело Виттории задрожало, как у кошки перед прыжком, и каким-то непостижимым образом она описала в воздухе дугу, опустившись на землю загорелыми ступнями рядом с огромной головой Раджи. Сделав кувырок (при этом ее волосы взметнулись, как красный флаг на ветру), она хлопнула в ладоши, разрешая лошади подняться.

Ее поза и выражение лица явственно говорили о том, как хорошо быть Витторией и уметь так безупречно координировать движения конечностей и мышц на радость зрителям.

Угостив чем-то лошадь из мешочка на поясе, женщина повернулась ко мне и Рэндаллу.

— Мисс Виттория, — начал я, — могу я с вами поговорить?

— Сожалею, — отозвалась она без всякого сожаления в голосе, — но у меня нет времени на светские разговоры перед выступлением.

— Пожалуйста! — взмолился я. — Это очень важно!

Рэндалл отвернулся. Виттория выглядела скучающей.

— Мне постоянно это говорят.

Я подошел ближе. Раджа казался удивленным.

— Мисс Данн, — продолжал я, — у меня есть основания предполагать, что вам грозит опасность.

— Это происходит ежедневно. Благодарю вас за заботу, но не стану это обсуждать. Возможно, инспектор манежа вас успокоит. Всего вам доброго, сэр.

Я был готов рассказать ей все и даже ударить Рэндалла, если он вздумает мне помешать, но они вместе удалились в проход между палатками, не пригласив меня; к тому же Раджа преграждал мне путь.

Я попытался прислушаться к их негромким голосам, но из-за лошади не мог видеть почти ничего. Рэндалл что-то объяснял, а Кей Данн — она же Виттория, принцесса цирка — с признательностью ему отвечала.

Заиграл духовой оркестр. Кто-то в костюме, расписанном разноцветными звездами, грубым голосом окликнул:

— Виттория!

— Да, Энцо, сейчас иду, — отозвалась она, возможно, задержавшись для поцелуя. Впрочем, это всего лишь мое предположение, хотя Виттория и появилась слегка раскрасневшейся. Положив руку на седло, она подтянулась и ловко вскочила на лошадь.

Я видел, как Виттория пристроилась в конец очереди лошадей и пони и скрылась в шатре под звуки аплодисментов. Потом я огляделся в поисках Рэндалла, но его нигде не было. Я посмотрел в проход между палатками. Никого. Очевидно, он вышел с другой стороны.

Я вернулся к фургону, где беседовал с Сэди и Фредериком, но оба ушли. Не было даже бутылок с элем. Очевидно, они отправились смотреть представление или участвовать

в нем. Не видя никакой пользы в том, чтобы оставаться здесь, я решил отправляться в долгий путь домой, если только не найду перо и чернила, чтобы написать записку, которую блистательная Виттория, возможно, выбросит, не читая.

Возможно, завтра я вернусь и поговорю с инспектором арены или с полицией. Но как я объясню появление у меня этих сведений? Ведь я не могу сделать ничего, способного запятнать репутацию мисс Мэдлин Сноу.

Размышляя об этом, я отошел от фургона, чувствуя себя усталым и постаревшим. Сзади доносились аплодисменты и крики толпы. Видимо, представление имело успех.

Внезапно я услышал женский крик и вслед затем взволнованный шум толпы. Я обернулся к большому шатру и увидел бегущего ко мне Фредерика.

— Доктор Уотсон! — крикнул он. — Виттория упала с Раджи и ударилась головой! Идемте скорее!

Я попытался вновь оспорить приписываемую мне докторскую степень, но это трудно сделать, когда гигант поднимает вас, взваливает на плечо, словно куль с мукой, и, поддерживая вас за ноги, бежит изо всех сил. Мы быстро добрались к входу в шатер, но я задыхался, хотя не сделал ни шагу: моя диафрагма лежала на плече великана, и когда он швырнул меня на кучу соломы, я даже не мог спросить, где Виттория.

Тут я увидел, что ее несет к нам крепкий, нарядно одетый мужчина. Выражение лица у него было такое, как будто он помогал нести гроб.

— Доктор, помогите ей! — взмолился он.

Глаза и рот Виттории были открыты. Увидев сломанный передний зуб, я подумал, что это произошло сейчас, потом вспомнил слова Рэндалла: «У нее плохой передний зуб».

Зуб был не так уж плох, но то, что я увидел потом, было в самом деле скверным. На виске Виттории багровела рана. Кровь походила на варенье.

— Слушайте, я не... — начал я, но гигант сердито уставился на меня. Глаза Виттории казались безжизненными. — Один я не справлюсь, — снова заговорил я. — Наверное, среди публики есть врачи.

— Мы звали врача, знахаря, кого угодно, — ответил нарядно одетый мужчина. — Какой-то проповедник из Юты предложил помолиться, и тогда Фредерик вспомнил о вас.

Я снова посмотрел на рану. Оттуда выделялись кусочки серого вещества, похожие на хлебные крошки.

Я почувствовал, как внутри у меня холодеет.

Один из первых известных медицинских текстов в древнегреческом свитке, копия которого хранилась в легендарной Александрийской библиотеке, гласил, что если в ране пациента содержится серое мозговое вещество, то пациент обречен. Профессор Белл¹ утверждал в своих лекциях, что это правило действует поныне и, по-видимому, будет действовать всегда.

— Не верю! — воскликнул я и протянул руку к шее Виттории, чтобы нащупать пульс. Он отсутствовал или был совсем слабым. — Принесите мне ручное зеркало!

— Фредерик, принеси мое зеркало из фургона, — донесся с сеновала голос Сэди.

Гигант быстро вернулся, но в любом случае было уже поздно. Я поднес зеркало к раскрытым губам Виттории, но его поверхность не затуманилась.

Все молчали, прекрасно понимая, что это означает. Я подышал на зеркало, вытер его и попробовал еще раз. Результат был тот же. Отложив зеркало, я положил руку на низ ее живота и ощупал его — живот под туго зашнурованным корсетом был твердый. Закрыв глаза и сдвинув челюсти Виттории, я сложил ее руки на груди.

До сих пор я считаю этот день самым худшим в моей жизни.

Подошел констебль выяснить, что произошло. Инспектор манежа сообщил, что Виттория, стоя на спине лошади, покачнулась, начала задыхаться и потеряла сознание.

— Стоя на спине лошади? — переспросил констебль. — Ну, я бы не назвал такое поведение подходящим для женщины.

Сначала она умерла, а теперь этот человек упрекает ее в том, что создавало ей славу при жизни! Никто из присутствующих ему не ответил.

¹ Белл Джозеф — профессор медицины Эдинбургского университета, где учился А. Конан Дойл; один из прототипов Шерлока Холмса.

Сэди что-то шепнула Фредерику, тот подошел к Виттории и стал осторожно приводить в порядок ее волосы и одежду. Констебль уставился на черного гиганта в кожаном килте.

Я отошел, чтобы не мешать Фредерику, потом вышел через высокую заднюю дверь, куда гигант недавно внес меня на своем плече.

Услышав позади шаги, я обернулся. За мной следовал высокий худощавый человек. Судя по одежде, он работал в цирке, но в его лице я не увидел той слабости и растерянности, которая была на лицах других.

— Как ваше имя? — спросил он. — Вы Уотсон?

— Да, — ответил я. — Они считают меня доктором, но я пока что им не являюсь.

— Вы что-нибудь видели?

— Прошу прощения?

— Что вы видели сегодня?

— Мертвую женщину. Горе. А кто вы такой?

— Я? — Он рассмеялся, указав на свое облачение. — Работаю тут и там... Вообще-то я уборщик. Цирк — одно из лучших мест для наблюдения за животными, включая людей. Меня интересуют разные события и их причины.

— Я студент, и меня тоже интересуют такие вещи, — кивнул я, — но без особой пользы. Во всяком случае сегодня.

— Но ведь вы еще не располагаете всеми фактами, чтобы прийти к такому выводу.

— Что вы имеете в виду?

— То, что день еще не кончен.

— Знаете, сэр, если бы вы пережили за этот день столько, сколько я, то не испытывали бы благодарности к человеку, который говорит вам, что это еще не конец.

Он рассмеялся, отчего его скулы и подбородок заострились еще сильнее.

— Очевидно, вы правы. Тем не менее до конца дня вы, возможно, еще успеете принести пользу.

— Ну, если только с вашей помощью. Но делать за вас уборку я не буду.

Мужчина снова засмеялся. Что-то в его рассуждениях казалось мне привлекательным, как если бы предлагаемый

им здравомыслящий подход мог принести облегчение. Именно подобные импульсы побудили меня заняться медициной, в то время как события вроде сегодняшних заставляли считать свою жизнь — в том числе профессиональную — абсолютно никчемной.

Посмотрев ему в глаза, я принял вызов.

— Вы хотите знать, видел ли я что-нибудь?

— Да.

— И кому вы об этом расскажете?

— Не я, а вы.

— О чем?

— Вы сами решите, что делать с имеющимися у вас сведениями. Можете изложить их письменно и передать человеку, которому доверяете. В том числе все медицинские факты и вообще все, что вы видели, исключая меня. В обмен на это обещаю никому ничего не рассказывать, слово джентльмена.

— Джентльмена?

Он коснулся цирковой шапочки и громко расхохотался.

— Ну, если не джентльмена, так мужчины. Что скажете?

Я молча смотрел на него.

— Вы мне не доверяете? — осведомился он.

— Вовсе нет.

Я рассказал ему, что видел одного человека (не упоминаю, кого именно) выходящим из аптеки, и показал ему место, где встретились Виттория и Рэндалл. Это его заинтересовало. Он хотел знать, где именно они стояли, но я не мог показать точное место, так как мне мешала лошадь. Наш разговор, казалось, пробудил в нем энтузиазм.

— Можете считать, что вы уже принесли пользу, сэр! — воскликнул он и продолжал распространяться обо всем и в то же время ни о чем конкретно. Я начал всерьез предполагать, что этот костлявый болтун безумен. Мне было не по себе — мы стояли между палатками, где нас никто не видел, — но он отошел и стал приподнимать ногой настилы палаток, вглядываясь в грязь под ними. Мне ничего не оставалось, как наблюдать за его действиями, так как я слишком устал, чтобы делать что-то самому.

— Конечно, это нелегко, — заметил он, — но все же легче, чем искать подобное орудие в стоге сена. Как гово-

рят тибетцы, «нет лекарства лучше терпения». Они также говорят, что «хорошим людям нравится слышать правду». Когда-нибудь я намерен посетить Тибет.

Незнакомец продолжал изучать одну полоску грязи за другой. Он делал это невероятно медленно, возможно, давая себе время закончить странную лекцию. Тогда я сомневался в каждом его слове, но спустя годы узнал, что многие из них были абсолютно правдивы. Впрочем, я помню далеко не все.

— У младенцев нет коленных чашечек, — продолжал незнакомец. — Они развиваются от двух до четырех лет. Наши глаза практически не увеличиваются с момента рождения, чего не скажешь о носе и ушах... Смотрите, вот бечевка от пакета!.. У осьминога зрачок прямоугольный, и у козы тоже. Помимо человека, черные лемуры — единственные приматы, у которых бывают голубые глаза. Такие глаза более чувствительны к свету. Глаз страуса больше, чем его мозг. У некоторых людей тоже, судя по их поступкам. У пурпурного зяблика даже глаза красные. Уши у тасманийского сумчатого дьявола розовеют, когда он сердится, а вот у кошки уши никогда не меняют цвет, хотя в каждом из них тридцать два мускула. Зато у людей уши краснеют, а зрачки расширяются, когда... Ага! Что это?

Мой собеседник что-то увидел, но не мог дотянуться до этого предмета, не опуская палатку. Придерживая край палатки ногой, он крикнул:

— Скорее, Уотсон, иголка найдена!

Я пошарил в грязи и вскоре обнаружил маленький стеклянный шприц, испачканный в земле, но абсолютно целый. Положив шприц на ладонь незнакомца, я увидел внутри при солнечном свете остатки жидкости. Мой компаньон тут же извлек поршень, понюхал отверстие и улыбнулся, словно вдохнул цветочный аромат, после чего спрятал шприц в карман куртки.

— Отдайте мне шприц! — потребовал я. — Что там за запах?

— Шприц вам не понадобится, — ответил он. — Даже полиция ничего в нем не обнаружит. Вы ведь помните, из какой аптеки выходил тот негодяй? Это куда важнее. Отправляйтесь туда и спросите продавца, запомнил ли он, как тот человек покупал шприц.

Сначала я подумал, что незнакомец шутит, но он и не собирался возвращать мне находку.

— Идите в аптеку, — сказал он, выведя меня из прохода, — а потом напишите об этой трагедии человеку, которому вы доверяете.

Я выполнил его указания, хотя это явилось безумным окончанием изнурительного дня. Когда молодой продавец вспомнил Рэндалла, я поплелся домой. Все казалось не имевшим никакого смысла. Если бы я не освежился водой из фонтана по дороге, я вряд ли смог бы вернуться дотемна.

Добравшись до своей двери, я обнаружил, что цирковые воришки, воспользовавшись моей рассеянностью, лишили меня последних двух пенсов. Эта небольшая потеря доконала меня окончательно.

У себя в комнате с пообедал вчерашним хлебом и водой из графина. Слишком взволнованный, чтобы спать, заниматься и даже читать, я взял несколько листов бумаги, обмакнул ручку в подаренную отцом чернильницу и начал писать письмо родителям.

Однако беда никогда не приходит одна. Едва я приступил к письму (естественно, не собираясь упоминать в нем о сегодняшних событиях), как перо сломалось и чернила пролились на дешевую бумагу, оставив на ней быстро расплзающиеся пятна. Других перьев для ручки у меня не было. Я снял манжеты, стараясь их не испачкать, закатал рукава до локтей и начал экспериментировать с обломком пера на полях. Но ручка соскальзывала, разбрызгивала чернила и упорно не желала писать. Я решил впредь расходовать деньги на пищу, жилье, почтовые расходы, но только не на перья для ручек.

Выбросив промокшие остатки письма, я порывлся в ящике, нашел гусиное перо, издавшее лучшие дни, привел его в рабочее состояние при помощи перочинного ножа и начал писать снова, но вскоре обнаружил, что пишу отнюдь не домой:

«Моя дорогая Мэдлин!

Надеюсь, это письмо застанет Вас отдохнувшей телом и душой. Передайте мои наилучшие пожелания Вашей кухне Джейн — без ее заботливого внимания я не мог бы сегодня Вас покинуть, настолько меня беспокоило и беспокоит до сих пор Ваше состояние. Не стану упоминать события, о

которых лучше забыть, за исключением того, что мне известно местопребывание Рэндалла в последующие часы. Он отправился в маленькую аптеку (где его хорошо запомнили, благодаря щегольскому наряду), а потом встретился с Витторией наедине в цирке, после чего (я сообщаю об этом с глубочайшим сожалением) артистка упала с лошади, что стоило ей жизни. Это произошло на публике и завтра, вероятно, станет предметом обсуждения всего города. Что же касается действий Рэндалла, то этими сведениями я делюсь только с вами.

Пожалуйста, соблюдайте осторожность, говоря с кем-нибудь об этих событиях, ради Вашей безопасности, моя дорогая кузина, а также безопасности Джейн и даже моей. Надеюсь, что молодой граф будет придерживаться своего обещания относительно ростовщических условий займа, который он предоставил Вашему дяде вскоре после кончины Вашего отца.

Не стану оправдываться за свое сегодняшнее поведение у Вас дома, ибо я придерживался данного Вам слова. Тем не менее моя совесть неспокойна, поэтому умоляю Вас сжалиться над моей мужской гордостью и понять, что Вы окажете мне дурную услугу, если, нуждаясь в чем-либо, не обратитесь за помощью ко мне и не позволите исполнить то, что я считаю своим долгом.

С любовью, становящейся сильнее с каждым днем,
Ваш покорный слуга

Джон Г. Уотсон».

Едва я написал эти строки, как по моему плечу осторожно постучали.

— Пошли, — сказал Холмс. — Все равно в вашей ручке кончаются чернила. Мы должны засвидетельствовать наше почтение...

— Почтение? — Это слово пробудило меня от грез. — Кому?

— Живым, друг мой. Мы ведь с вами трудимся ради живых. Поговорим по дороге.

Захлопнув мою книгу, Холмс взял у меня ручку, закрыл ее и положил мне в карман. Прежде чем я успел поблагода-

рить его за удивительный подарок, он взял меня за руку, поднял со стула и вывел из комнаты.

Мы шли по Бейкер-стрит, когда я остановился и удивленно спросил:

— Интересно, когда зашло солнце?

— Как обычно, на закате, — сухо ответил Холмс. — Пошли.

— Да, но... — Я потянулся за часами, забыв, что Мэри недавно отнесла их к часовщику для чистки и ремонта. Сколько же времени я пробыл в трансе? — Право, Холмс, я должен знать...

— Должны знать, когда садится солнце? Этот вопрос стар, как мир, мой дорогой Уотсон. Пойдем дальше, и я вам отвечу. — Мы свернули на Оксфорд-стрит, и при виде обувного магазина Латимера я успокоился, зная, что скоро увижу большие, как уличный фонарь, часы перед зданием банка.

Холмс продолжал говорить:

— Иудаизм придает большое значение времени захода солнца — все праздники, даже каждый новый день, начинаются на закате. Согласно обычаю, моментом захода солнца считается тот, когда вы перестаете отличать черную нитку от красной. Я восхищаюсь подобной точностью, а вы?

В другой раз я нашел бы это весьма интересным, но тогда я мог только уставиться на банковские часы. Они показывали четыре. Неужели это правда? Должно быть, часы сломались! Но бронзовая секундная стрелка быстро вращалась по эмалированному циферблату. Я посмотрел на небо, черное, как сажа. На улице не было никого, кроме нас, как будто мы одни пережили солнечное затмение.

— Неужели сейчас четыре часа ночи, Холмс?

Он кивнул и извлек, словно из воздуха, что-то завернутое в белый носовой платок. Развернув его, я обнаружил ломоть хлеба, кусок чеширского сыра и три печенья «Мадлен». При свете фонарей продукты казались золотыми. В животе у меня заурчало. Мне пришло в голову, что Холмс, по-видимому, забывает о времени куда чаще меня. Конечно, ведь у него нет жены, которая бы о нем заботилась. Я с ужасом подумал, что Мэри, наверное, вне себя от беспокойства за меня, но Холмс словно прочитал мои мысли.

— Вам незачем бежать домой, Уотсон. Несколько часов назад я послал записку в Кенсингтон, передал ее миссис Хадсон, когда она приходила с подносом. Один из наших «нерегулярников» ждал снаружи, чтобы отнести ее.

— Вы шутите!

— Нет. Я послал Уиггинса, но он наверняка свалил поручение на Симпсона, а тот на какого-нибудь новичка.

Я не решался спросить, почему он так уверен, что Мэри получила записку и что она не беспокоилась снова к этому времени, а также куда мы направляемся среди ночи.

— Но с тех пор прошла целая вечность, — полусмущенно заметил я. — Сейчас еще май?

— Да, только следующего года, — пошутил в ответ Холмс, вынув из кармана пиджака трубку из вишневого дерева и клочок бумаги, который он протянул мне. Я сразу узнал изящный почерк моей дорогой жены.

«Дорогой мистер Холмс! — прочитал я. — С Вашей стороны было очень любезно написать мне. Теперь, когда Джон на вашем попечении, я наконец успокоилась и жду его, как вы предупредили, завтра утром, нуждающимся в отдыхе, но упрямо это отрицающим. Скажите ему, что завтра его часы вернутся из ремонта.

Искренне Ваша Мэри М. Уотсон».

— Итак, Уотсон, это памятное бодрствование завершится с восходом солнца, — сказал Холмс. — Насчет восхода не существует еврейских правил, но Шекспир указывает на определенных птиц, чье пение свидетельствует о начале утра. Так что пока мы не услышали жаворонка, пожалуйста, ответьте на несколько вопросов.

Я шел и ел, позволяя ему сформулировать свои вопросы. Чеширский сыр был сладким и рассыпчатым. Воздух вблизи Темзы был сырым и влажным, и я чувствовал, что если бы пребывал в одиночестве, это путешествие к дому покойного казалось бы мне куда более печальным.

— Не знаю, сколько и что именно вы написали в этой книге, — сказал Холмс, — но уверен, что вы освежили в памяти причины ваших эмоций, относящихся к тому лету. За что именно вы считаете ответственным Рэндалла?

— За то, что он испортил жизнь Мэдлин.

— Хм! Вы ничего не забыли?

— Конечно, забыл! Он убил Витторию.

— Любопытно. Почему вы так думаете?

— Он сделал ей инъекцию какого-то яда, и вскоре она умерла.

— Не знал, что она умерла от отравления. Разве газеты не называли иную причину?

— Она умерла от тяжелой травмы черепа.

— Рэндалл ударил ее по голове?

— Она упала с лошади.

— Ага! Он специально выдрессировал лошадь, чтобы та ее сбросила.

— В ваших устах смерть этой женщины выглядит нелепо.

Мы подходили к старому готическому собору, чьи колокола били пять часов.

— Ничья смерть не бывает нелепой. — Холмс затянулся трубкой. — Когда по всей Европе строили такие соборы, для завершения некоторых из них — например собора в Реймсе — потребовалось около сотни лет. Подумайте, сколько там трудилось рабочих! Естественно, было много несчастных случаев, особенно с сыновьями, которые работали у отцов подмастерьями, усваивая семейное ремесло, например укладку камней. Леса падали, инструменты ломались. Но лишь немногие из пострадавших умерли. То же самое с каретами и экипажами. Наши улицы были предназначены для пешеходов и редких повозок, а не для такого количества транспорта. Поэтому столкновения случаются, но редко оканчиваются трагически. Однако с появлением скоростных транспортных средств число несчастных случаев и смертей возрастет в несколько раз... О чем я говорил?

— О соборах.

— Да-да, о несчастных случаях. Рабочие трудились среди шума, грохота и криков. Но время от времени какой-нибудь молодой парень кричал от боли, и на минуту воцарялась тишина — все ждали сообщения, что парень до конца дней будет носить типичные для своей профессии шрамы на руках или других местах. В такие минуты какой-нибудь философ заявлял: «С этим криком ремесло входит в тело». Так оно и было.

— Но какое отношение это имеет к Виттории?

— Такое, что в своем ремесле она была отнюдь не подмастерьем. Согласно всем отчетам, Виттория была опыт-

ной наездницей и акробаткой, но тем не менее она свалилась с лошади.

— Она упала в обморок.

— Вот как?

— Да. Инспектор манежа сказал, что она как будто потеряла равновесие, задохнулась и упала. Другие свидетели это подтвердили.

— Отлично! Что, по-вашему, может вызвать обморок? Вы ведь разбираетесь в таких вещах. — На мой взгляд, Холмс разбирался в них не хуже меня, но мне не хотелось спорить, пока он курил трубку и строил умозаключения.

— Множество причин... Учащенный пульс, головокружения и обмороки обычно предполагают сердечную аритмию. Но их может вызвать и нарушение кровообращения, физическое перенапряжение, обезвоживание организма, голод, сильное кровотечение или анемия, даже испуг. Ожидание материнства может усиливать предрасположенность к подобным явлениям, добавляя к ним нервозность, а в случае токсикоза повышение кровяного давления.

— Вы имеете в виду беременность?

— Да. Такое часто бывает с женщинами.

— И едва ли с мужчинами.

— Разумеется.

— Значит, нарушение кровообращения...

— Это одна из наиболее частых причин обморока.

— Могло ли кровообращение быть нарушено из-за слишком туго зашнурованного корсета с целью скрыть «ожидаемое материнство»?

— Могло независимо от цели. Но такая причина исключает яд.

— Это так. Какой же яд был использован?

— Не знаю. Я только знаю, что его ввели шприцем.

— В большом количестве?

— Не думаю, шприц был маленький. А что?

— Ядовитым может быть практически все — от мускатного ореха до соли. Перебрать все яды просто невозможно, и к тому же это абсолютно бесполезно.

— Невозможно — да, но почему бесполезно?

— Люди не вводят друг другу все имеющиеся в доме растворы в надежде избавиться от тех, кто им мешает.

— Тоже верно.

— Все, несомненно, было проделано настолько просто, насколько возможно, но не проще того, — заметил Холмс, словно произнося какую-то загадочную формулу.

— Не понимаю.

— Вы сказали, что Виттория умерла от увечий, полученных во время обморока, и тем не менее не сомневаетесь, что ее отравили.

— Да.

— Не спрашиваю вас, откуда вы это знаете, так как вы, очевидно, хотите скрыть этот факт.

Я посмотрел на него. Сколько же ему известно?

— Чего я не понимаю, — продолжал он, — так это почему вы никогда не спрашивали Мэдлин, что это был за яд.

— Я собирался, но мне не хотелось вообще вспоминать тот день. К тому же, когда я... Послушайте, как вы узнали, что яд дала Мэдлин?

— Кого же еще вы можете с таким упорством стараться защитить даже от меня?

Я слегка покраснел, но в темноте это не было заметно.

— Так почему вы не спросили ее?

— Ну, мы обменялись несколькими вежливыми письмами, но в них я не хотел упоминать о происшедшем. Я надеялся, что нам удастся поговорить друг с другом.

— Но вам не удалось?

— Удалось, но не об этом. Спустя два месяца после смерти Виттории Мэдди написала мне, что отец Джейн встретился с дядей Рэндалла, и пригласила меня на свадьбу Рэндалла и Джейн! Сначала я пришел в ужас, но потом, как вы понимаете, почувствовал облегчение и навестил Мэдлин, чтобы узнать ее планы на будущее. Я с удивлением услышал, что она не только довольна этим браком, но через неделю после свадьбы уезжает вместе с молодоженами «помочь им обосноваться в их сельском доме»! Я умолял ее остаться в Лондоне, не сомневаясь, что так как брак избавляет отца Джейн от финансовых проблем, он может обеспечить Мэдлин жильем, до тех пор пока она не выйдет замуж. Мэдлин, как вам известно, очень красивая девушка. Но она взяла меня за руку, посмотрела мне в глаза и сказала: «Куда Джейн, туда и я». Просто стыд! Если бы Рэндалл не сотворил с ней эту гнусность, у моей кузины были бы свой дом и семья!

— Как у вас?

— Да! Ну, у нас с Мэри пока нет детей, но мы надеемся, что они появятся. Из-за одного мерзавца вся жизнь Мэдлин сложилась весьма печально.

— Почему вы так говорите?

— После той встречи я практически не видел Мэдлин. Казалось, семейные планы Джейн поглотили ее целиком. Сначала нужно было готовиться к свадьбе и устроить ее поскорее, чтобы не уезжать в разгар зимы. Так как мать Джейн умерла, ее отец считал вполне естественным, что Мэдлин берет все эти задачи на себя. Она действительно поехала с ними в деревню «помочь обосноваться» и, очевидно, превратилась в служанку Джейн. Я часто писал Мэдди, а через несколько месяцев начал уговаривать ее приехать в Лондон, хотя бы ненадолго. Я объяснил ей, что не могу покинуть Лондон из-за моих занятий, но, безусловно, найду время повидаться с ней и знаю много порядочных джентльменов, которые будут рады с ней познакомиться. К тому же, если даже она не испытывает желания бывать в обществе, сейчас самое время позволить новобрачным остаться наедине.

— И каков был результат? — осведомился Холмс.

— Результат меня удивил. Мэдлин написала, что новобрачные уже ждут ребенка, поэтому она не может оставить Джейн. На том дело и кончилось. Я прекратил обращаться к ней с красноречивыми просьбами, а когда ребенок начал ходить, все четверо переехали в Лондон.

— Значит, она вернулась?

— Не она, Холмс, а они. Я пытался встретиться и поговорить с Мэдди, а она хотела, чтобы я «познакомился с малышом». Ну, я видел ее и маленького Рэндалла. Они выглядели здоровыми и веселыми. Похоже, Мэдди взяла на себя воспитание ребенка и уход за ним, хотя Джейн и Рэндалл его обожали. У них была горничная, кухарка и так далее...

— Похоже, жизнь сложилась печально не у нее, а у вас.

— Вы меня не слушаете!

— Неужели? А вы меня?

— Они позволяют ей жить с ними на положении няни, в то время как по праву рождения ее социальный статус такой же, как у Джейн.

— Но не как у Рэндалла, — напомнил Холмс.

— Что толку об этом говорить! — воскликнул я. Мы уже приближались к дому Норриса, и мне стало ясно, что нам не достичь взаимопонимания, прежде чем мы доберемся до двери. — Вы всегда были человеком науки, а не общества, Холмс, — умиротворяюще сказал я. — Естественно, вы не понимаете, какое благо представляет собой семейная жизнь, которой Рэндалл лишил Мэдлин.

На двери была вырезана буква «Н», окруженная, по случаю траура, венком из черных лент. Я постучал дверным молотком в форме грифона.

— Поговорите с Мэдлин, Уотсон, — посоветовал мне Холмс, — и тогда вам станет ясно, действительно ли так печальна ее жизнь. «Тот, кто опасается задавать вопросы, никогда ничего не узнает».

— Кто это сказал — Конфуций?

— Нет. Раввин Теодор Клейн.

Дверь открылась, и мы вошли.

Нас проводили в огромную гостиную, зеркала и люстры в которой были занавешены черными покрывалами. Двенадцать усталых мужчин и женщин сидели в креслах, ожидая, пока рассвет освободит их от утомительного бдения.

У дальней стены находилось возвышение, усыпанное белыми лилиями и гвоздиками. Я шагнул к возвышению, на котором стоял резной гроб из красного дерева с бренными останками лорда Рэндалла, графа Норриса. «И гроб у него самый лучший!» — мелькнуло у меня в голове. Он выглядел даже красивее, чем прежде (кровь, разумеется, уже смыли), а на лице было написано то же самодовольное выражение, которое так раздражало меня раньше. Возможно, все дело в форме рта — нужно будет спросить у френолога. Не скрою, я испытал облегчение, убедившись воочию, что этот человек уже никому не причинит зла.

— Джон! Джон Уотсон!

Я повернулся к Мэдлин, как цветок поворачивается к солнцу.

С годами она несколько располнела и округлилась, поэтому черное ей шло, в то время как молодые и худощавые выглядят в нем костлявыми и угловатыми.

Позади Мэдлин, пытаясь застегнуть у нее на шее ожерелье, стояла Джейн; сначала я увидел только ее руки на горле у Мэдди.

— Ну, Джон, что вы о нем думаете?

Короткое ожерелье из жемчуга хорошо подходило к глазам Мэдлин.

— Выглядит отлично, — одобрил я.

— Юный Рэндалл нашел его сегодня, когда рылся в коробке с бумагами, — объяснила Джейн. — Как только он увидел ожерелье, то сразу сказал: «Это для леди Мэдлин».

— Рэндалл, — обратилась к ребенку Мэдди, — это твой кузен, доктор Джон Уотсон, но ты можешь называть его дядей. Теперь ты хозяин дома, и твоя обязанность поприветствовать его и представить остальным.

— Хеллоу, доктор... дядя Джон! — поздоровался мальчик и по-мужски пожал мне руку. Это был красивый ребенок лет одиннадцати, с янтарными локонами и ярко-голубыми глазами, похожими на синеватые прожилки в пламени. — Добро пожаловать. Конечно, вы уже знакомы с моими мамами — вашими кузинами. Эти джентльмены — друзья моего отца и его компаньоны по охоте. — Юный Рэндалл назвал всех по имени и перечислил самую крупную дичь, которую подстрелил каждый из них. Мы обменялись рукопожатиями, и Рэндалл-младший повернулся к слуге. — Это Грегори. Его семья служила нашей семьдесят два года. — Грегори кивнул, а на лице мальчика мелькнула улыбка. — Каждую субботу мы все — я имею в виду мужчин — отправляемся на охоту. И, конечно, берем их с собой. — Он указал на трех больших собак, которые лежали у возвышения, словно охраняя покойного хозяина. — Того черного с рыжими пятнами зовут Сэмми. Он бежит быстрее всех. А та рыжая собака — его мать, Топаз. — При звуках своих имен собаки наострили уши, но не сдвинулись с места. — Отец говорил, что Топаз уже стара для охоты и однажды может не выдержать гонки и умереть. Я сказал, что лучше оставлять ее дома, но отец не согласился. Теперь он уже никогда не пойдет на охоту — и я тоже. Леди Мэдлин и мама говорят, что молодой человек должен учиться другим вещам. А мне нравится охота. Хотя наука мне тоже нравится. Когда-нибудь я стану знаменитым изобретателем вроде Томаса Эдисона и Жюль Верна... О, я забыл сказать, что у

нас еще есть черный ретривер — лабрадор. Она толстая, и мы называли ее Крошка Дорис, как у Диккенса.

Один из охотников повернулся к нам.

— Может быть, ты имеешь в виду Крошку Доррит?

— Нет, — твердо заявил юный Рэндалл.

Джентльмен отвернулся и начал поправлять кармашек для часов.

— Доктор Уотсон... дядя! Мэдлин говорила мне, что вы знаете все о науке и можете все объяснить.

Я покосился на Холмса, стоящего в углу комнаты рядом с арфой и роялем. Мой друг курил трубку у открытого окна и, казалось, наслаждался нашим разговором.

Охотники стали надевать куртки.

— Рэндалл, дорогой, — обратилась Мэдди к мальчику, — пожалуйста, найди наши с мамой плащи и подожди нас у парадного входа, ладно? Потом мы втроем можем прогуляться.

Ребенок убежал выполнять поручение.

Мэдлин взяла меня за руку и подвела к возвышению.

— Я все время беспокоился о вас, Мэдди, — сказал я.

— Знаю, Джон, и не понимаю почему.

— Вы могли выйти замуж и иметь свою семью, а эти люди сделали из вас няньку.

— Все это было в ваших письмах, Джон, но это неправда.

— А что тогда правда?

— Благодаря этому браку каждый из нас получил то, что хотел; Джейн — Рэндалла, ее отец — выгодную партию для дочери, Рэндалл — красивую жену и хорошо воспитанного наследника, сохранив возможность охотиться по субботам и посещать женщин по вторникам и воскресеньям, его дядя — респектабельную супругу для племянника. Возможно, Рэндалл не извлек большой прибыли из займа, предоставленного им отцу Джейн, когда умер мой отец, а мы не должны были добиваться предложения Рэндалла. Но, как я говорила, в итоге каждый получил то, что хотел.

— Но вы ни разу не сказали, — заметил я, — чего хотели вы.

Мэдлин улыбнулась.

— Мне незачем было об этом говорить — все и так пришло ко мне: ваша дружба, возможность провести жизнь с

женщиной, которую я люблю, видеть счастливой ее и нашего мальчика...

— У него необычные глаза, не так ли? — сказал я, глядя ей в лицо. — Такие глаза я видел только у одного человека.

Мэдлин не поняла меня или притворилась, что не понимает.

— Учитывая компанию, которую вы водите, я могу лишь надеяться, что эти глаза не плавают в какой-нибудь банке.

— А теперь он новый граф, — настаивал я.

— Вам лучше других известно, что он сын своего отца, — отозвалась она. — Так что его титул неоспорим. Юный Рэндалл — единственный наследник. Иначе титул просто отошел бы короне. Давайте не будем об этом говорить. Я пригласила вас сюда, чтобы попросить о двух услугах.

— О скольких услугах.

— Вы всегда так говорите.

— Но я это и имеют в виду.

— Почему?

— Для меня с детства было ясно, что один или два плохих человека разрушили вашу жизнь.

— Что за романтический вздор, Джон! Разрушить мою жизнь можно, только убив меня. Но и тогда душа осталась бы невредимой. — Мэдлин решительно посмотрела на меня. — Поверьте, разрушить мою жизнь никто не в состоянии.

Я поверил ей.

— А теперь могу я попросить о двух одолжениях?

— Три желания, — усмехнулся я.

— Пока только два. Первое: Рэндаллу-младшему нужно чем-то заниматься по субботам. Кто-то должен показать ему, что существуют мужские занятия и помимо охоты.

— Ну что ж, я уверен, что Мэри будет рада его обществу, и мальчик может ходить со мной к пациентам, если это ему интересно.

— Конечно, интересно!

— Тогда договорились. Чем еще я могу вам помочь?

— Вторая просьба потруднее. Она связана с уплатой долга. Деньги не проблема.

Я поднял брови, ожидая продолжения.

— Я солгала, сказав, что каждый получил то, что хотел. Кое-кого я забыла. Не догадываетесь? Ну конечно, Витторию!

Упоминание о ней удивило меня.

— Вы чувствуете себя ответственной за смерть Виттории?

— Разумеется! Я точно не знаю, что произошло, но нам не следовало поощрять Рэндалла. Мы были эгоистичны. Вместо того чтобы посоветовать ему держаться от нее подальше...

— Это разорило бы вашу семью.

— Нет, — покачала головой Мэдлин. — Мы уже были разорены. А расплачиваться пришлось Виттории. Это несправедливо.

Разговор начал меня беспокоить. Некоторые вещи я предпочел бы не знать. Возможно, именно поэтому я никогда не задавал Мэдлин определенных вопросов.

— Будем практичными, — сказал я. — Что вы теперь можете сделать для Виттории?

— А чего всегда хотела Виттория? Славы. Бессмертия. Признания. Когда мы с Джейн ожидали ребенка, то надеялись, что родится девочка и мы назовем ее Виттория. Рэндалл пришел бы в ярость, но мы бы с ним как-нибудь справились... Однако родился сын, и Рэндалл, как вы догадываетесь, назвал его в свою честь. Поэтому, когда малыш спал, мы по ночам придумывали план. Среди женщин было немало искусных наездниц, но все статуи в парках воздвигнуты в честь воинов-мужчин. Возможно, где-то есть конная статуя Орлеанской Девы, Жанны д'Арк, но я никогда ее не видела. Меня бы удивило, если бы в Ковентри была статуя леди Годайвы¹. Мы с Джейн хотим установить памятник Виттории, принцессе цирка в парке, саду или на площади. Мы много работали — нашли два портрета, несколько эскизов скульптора и три раскрашенные фотографии Виттории — на одной из них она в цирковом костюме. Конечно, волосы у статуи не могут быть красными! Но мы боимся напутать с чем-нибудь

¹ Л е д и Г о д а й в а — легендарная графиня, проскакавшая верхом обнаженной через Ковентри, чтобы избавить его жителей от налога, которым обложил их ее жестокий супруг.

еще — позой, улыбкой, костюмом. Так что проблем тут достаточно. Но вы, Джон, и ваш друг Холмс, который прячется между окном и арфой, знаете многих людей и могли бы нам помочь. Как по-вашему, Виттория заслуживает памятника в Лондоне?

Я подумал о Виттории, какой я видел ее впервые, — стоящей верхом на лошади, когда Фредерик сообщил мне, что ее зовут Кей Данн. Какой сильной и уверенной она казалась — недаром весь Лондон был ею очарован. Жаль, что я сойду в могилу, так и не увидев ее выступлений!

Я также сожалел, что дважды пытался ей помочь и оба раза потерпел неудачу. Хотя я и воображал себя филантропом и целителем, но мой дебют в день гибели Виттории принес такую же пользу, как если бы я выстрелил в нее с близкого расстояния.

— Клянусь вам, Мэдлин, — заговорил я, — что вы и Джейн получите вашу статую, даже если мне придется поговорить со всеми лондонскими наездниками, покровителями искусств и членами парламента.

С радостным криком Мэдди обняла и поцеловала меня, потом побежала сообщить новость Джейн. Сомневаюсь, чтобы Мэдлин придавала значение этому поцелую, но я ощущал слабость и головокружение, словно затянутая в корсет из китового уса женщина, готовящаяся стать матерью.

Шатаясь и наверняка покраснев, как рак, я подошел к Холмсу. Он указал не то на меня, не то на покойника и заметил:

— Мудрец может чему-то научиться у глупца, но глупец никогда ничему не научится даже у мудреца.

— Это тоже сказал рабби Клейн?

— Нет, это буддистское наставление.

— О чем еще вы думали?

— Я решил купить верблюжьего молока. Немного — может быть, пинту.

— Зачем?

— Чтобы попробовать его с чаем.

— Но почему именно верблюжьего?

— За последние четыре тысячелетия ни одно дикое животное не было одомашнено, поэтому, чтобы не ждать, я выберу молоко уже прирученных млекопитающих. Где-то

я читал, что верблюжье молоко не сворачивается, а это превосходное качество.

— Но вы же не знаете, какой у него вкус!

— Именно потому я и хочу его попробовать, — сказал Холмс. — О вкусе сообщу вам на будущей неделе.

Некоторое время мы стояли, глядя в окно.

— Вы обратили внимание на человека из Саррея?

— Из Саррея? О ком вы говорите?

— О том, который нас впустил, — очевидно, их кучере. Заметили, какая странная у него лысина?

— Да. Очевидно, это оспа. — Я невольно представил себе зловещую красную сыпь на голове и лице бедняги. Таких больных обычно наблюдают на солидном расстоянии, надеясь, что они выживут и останутся не слишком обезображенными.

Мы посмотрели на светлеющее небо.

— Раз уж мы заговорили о медицинских делах, — сказал Холмс, сунув руку в карман, — известно ли вам, что это такое?

Я открыл протянутую мне китайскую коробочку из красной канифоли. Внутри лежала стеклянная трубка с делениями. Это был шприц, повинный в смерти Виттории!

— Уборщик в цирке! Это были вы?

— Я самый.

— Можно?..

— Да-да, понюхайте.

— Хамомила! — Моя дорогая кузина дала Рэндаллу чай с хамомилой, сказав ему, что это яд, провоцирующий выкидыш! Отчасти благодаря ее нежеланию причинять вред кому бы то ни было, а главным образом женскому тщеславию и тугому корсету Виттории, незаконный сын Мэдлин стал графом, а она проведет жизнь фактически замужем (исключая фамилию) за своей кузиной и любимой подругой.

Я также получил, что хотел: жену, семью, счастье Мэдди и даже в какой-то мере ее любовь. Ведь этот мальчик, чье зачатие, которому я стал свидетелем, лишило невинности не только Мэдлин, но и меня (ибо в тот день я научился ненавидеть), чью мать я всегда любил, теперь станет для меня кем-то вроде сына. Моя дорогая Мэри будет рада присутствию ребенка, хотя бы раз в неделю. Не исключено, что

контакт с ним поможет ей забеременеть — говорят, такое случается.

Видя Мэдлин такой счастливой, я верил, что все может случиться!

Я наблюдал за тремя фигурами на лужайке перед домом, освещенными первыми лучами солнца. Из жертв лорда Рэндалла они превратились в его наследников. Мэдлин и Джейн в длинных плащах шли рядом, беседуя; мальчик бежал впереди. По утрам может удивить не только верблюжье молоко за завтраком. Кажется, что может быть менее экзотичным, чем собственная кухня? Но Мэдлин, живущая жизнью, о которой мечтала, представлялась мне живым воплощением Золушки.

Возможно, верблюжье молоко вкусное. Во всяком случае, стоит попробовать.

Становилось все светлее — начиналось еще одно английское утро. Услышав пение в небе, женщины и ребенок посмотрели вверх. Над их головами летали жаворонки.

Об авторах

Генри Слизар завоевал премию «Эдгар», присуждаемую Ассоциацией детективных писателей Америки, за «Саван из серой фланели» и телевизионную премию «Эмми» за участие в качестве ведущего автора в сериале «Край ночи». Его плодотворная писательская карьера включает свыше пятисот рассказов, треть из которых научно-фантастические, экранизированный роман «Двадцать миллионов миль до Земли» и сценарии телесериала «Человек из U.N.C.L.E.». Еще один рассказ о Шерлоке Холмсе, «Дело знаменитого канареечника», опубликован в сборнике «Воскрешенный Холмс».

Х. Пол Джефферс — автор более тридцати книг, в том числе детективных произведений с участием сержанта Джона Богдановича «Великая ночь для убийства» и «Руководство по убийству для читателей», а также двух романов о Шерлоке Холмсе «Приключения верных друзей» и «Самое неправильное убийство».

Питер Кэннон — автор ряда литературных пародий, среди которых «Крик для Дживса», подражание стилям и темам П. Г. Вудхауса и Х. П. Лавкрафта — «Время сенсаций», роман о Лавкрафте и Шерлоке Холмсе, «Холмс и пропавший британский барк «Софи Эндерсон», рассказ о Холмсе в стиле С. С. Форрестера¹, опубликованный в «Воскрешенном Холмсе». Кэннон родился в Калифорнии, вырос в Массачусетсе, а ныне занимается литературной деятельностью в Лондоне и Нью-Йорке.

Пэт Маллен — преподавательница драматургии в Нью-Йоркском университете и автор «Камня Мовбмерс» (издательство «Уорнер Аспект Ноувелз»). Ее рассказы «Сезон Лидии», «Проклятие кочующей цыганки» и «Не открывайте эту книгу!» опубликованы соответственно в антологиях Марвина Кея «Ангелы тьмы», «Ведьмы и колдуны» и «Не открывайте эту книгу!»

Кэтлин Брейди — автор биографических книг «Ида Тарбелл. Портрет «разгребательницы грязи» (издательство Питтсбургского университета), «Люсиль. Жизнь Люсиль Болл» (издательство «Гиперион») и романа «Наизнанку» (издательство У. У. Нортон). Она также участвовала в био-

¹ Форрестер Сесил Скотт (1899—1966) — английский писатель, автор романов на морскую тематику.

графической телепрограмме «Рокфеллеры» и сериале «Приз».

Терри Мак-Гэрри — автор мрачных фантастических рассказов «Каденция», «Лазейка» и «Красное сердце»; в 1992 г. была соискателем премии «Грифон». Еще один «отредактированный» ею рассказ о Холмсе «Виктор Линч, мастер подделок», опубликован в «Воскрешенном Холмсе».

Эдуард Д. Хоч — бывший председатель Ассоциации детективных писателей Америки, один из самых плодотворных авторов в истории детективной литературы. Его библиография включает свыше восьмисот рассказов — точное их число он сам не может вспомнить. Хоч «отредактировал» для «Воскрешенного Холмса» рассказ «Дело помещичьего дома»¹.

Кэрол Багги «подготовила к печати» несколько почти безупречных стилизаций рассказов о Шерлоке Холмсе для издательства «Сент-Мартинс Пресс», которое вскоре опубликовало ее роман о Холмсе «Звезда Индии». Она также драматург, поэтесса, автор и исполнитель комедийных импровизаций. Ее перу принадлежат несколько превосходных фантастических рассказов и два более ранних рассказа о Холмсе «Дело косноязычного тенора» (в сборнике «Игра началась») и «Безумие полковника Уорбертона» (в сборнике «Воскрешенный Холмс»).

Крейг Шоу Гарднер — автор комедийных и страшных фантастических историй, серии пародий «Арабские ночи» и романов о веселом чародее Эбenezуме, а также рассказов о Шерлоке Холмсе «Политик, маяк и дрессированный баклан» («Воскрешенный Холмс») и «Зловещая ватрушка» («Игра началась»).

Элайн Майетт-Вольски — жительница Фэнвуда, штат Нью-Джерси, и мать известного мастера фантастики Полы Вольски. Ее изящный, хотя и страшный рассказ «Медвежий сад» опубликован в антологии Марвина Кея «Не открывайте эту книгу!».

Патрик Ло Брутто — один из основателей Фонда научной фантастики, а ныне главный редактор издательства

¹ А также превосходную миниатюру «Самый опасный человек в Лондоне» (в антологии Эллери Куина «Murdercade») — превосходный вклад в юмористическую шерлокиану.

«Бэнтам Даблди Делл». Он лауреат престижной премии «Лучший редактор», учрежденной Всемирной конвенцией фантастики. Его юмористические рассказы «Видение» и «Происхождение манекенов» опубликованы, соответственно, в антологиях «Шедевры ужасного и неведомого» и «Не открывайте эту книгу!».

П. С. Ходжелл — автор нескольких удачных фантастических романов, в том числе «Годсток», «Тьма луны» и «Маска ищущего», а также сборника рассказов «Кровь и слоновая кость». Сейчас она работает над продолжением «Айвенго» Вальтера Скотта, преподает в университете Висконсина и живет в продуваемом сквозняками особняке с матерью, тремя кошками и тысячью шестистами мотками шерсти, являясь мастером художественной вязки.

Роберта Рогоу работает в детской библиотеке Нью-Джерси. Ее рассказы публиковались в сборниках научной фантастики, антологиях «Ночи Меровингов» и трех собраниях рассказов о Шерлоке Холмсе, изданных «Сент-Мартинс Пресс», которое собирается опубликовать ее первый детективный роман. В издательстве «Парагон» вышла книга Роберты Рогоу «Язык будущего. Руководство по языку научной фантастики».

Шериэнн Луитт обычно работает в жанре научной фантастики, написав восемь книг, последняя из которых «Маска Тора». Она родилась в Нью-Йорке, училась во Франции, завершила образование в Йельском университете, а затем работала два года с группой из Саудовской Аравии. В свободное от путешествий время она живет в Вашингтоне, в компании людей и птиц.

Джей Шекли работала редактором газеты, распределителем рождественской омелы, преподавателем литературного мастерства, женским гипнотерапевтом, художницей и дизайнером юмористических наклеек. Совладелица книжного магазина в Беркли, Калифорния. Ее рассказы публиковались в журналах, а также в антологиях «Дьяволы и демоны», «Не открывайте эту книгу!», «Фантазия и ужас» и «Абсолютная несдержанность».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-----------------------	---

ДЕЛИКАТНЫЕ ДЕЛА

<i>Генри Слизар</i> ДАРЛИНГТОНОВСКИЙ СКАНДАЛ.	9
<i>Х. Пол Джефферс</i> ПРОИСШЕСТВИЕ С РУССКОЙ СТАРУХОЙ.	23
<i>Питер Кэннон</i> БЛАГОРОДНЫЙ МУЖ	37
<i>Пэт Маллен</i> ДЕЛО ЖЕНЩИНЫ В ПОДВАЛЕ.	54

ОТЧАЯННЫЕ ДЕЛА

<i>Кэтлин Брейди</i> УБИЙЦА НА БУЛЬВАРАХ	77
<i>Терри Мак-Гэрри</i> ДЕЛО СТАРИННОГО КУРГАНА.	95
<i>Эдуард Д. Хоч</i> ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ТОНУЩЕМ КОРАБЛЕ.	115
<i>Кэрол Багги</i> МЕСТО БРАТЬЕВ-ФЕНИЕВ	131

ПОЩАДИТЕ МОЮ СКРОМНОСТЬ, УОТСОН!

<i>Крейг Шоу Гарднер</i> ПРОИСШЕСТВИЕ С МНИМОЙ ГРАФИНЕЙ.	157
<i>Элайн Майетт-Вольски</i> ТА ЖЕНЩИНА.	174
<i>Патрик Ло Брутто (Приписывалось Артуру Стэнли Джефферсону)</i> МАЛЕНЬКАЯ ПРОБЛЕМА МЕБЕЛЬНОГО ФУРГОНА С ГРОУВНОР-СКВЕР	192

A' LA RECHERCHE DU TEMPS PERDU

<i>П. С. Ходжселл</i>	
БАЛЛАДА О БЕЛОЙ ЧУМЕ	205
<i>Роберта Рогоу</i>	
ВАНДЕРБИЛЬТ И МЕДВЕЖАТНИК	228
<i>Шэриэнн Луитт</i>	
ТАЙНЫЙ БРАК ШЕРЛОКА ХОЛМСА	249
<i>Джей Шекли</i>	
ДЕЛО ВИТТОРИИ, ПРИНЦЕССЫ ЦИРКА	276
Об авторах	332

СЕКРЕТНЫЙ АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Редактор *А. Пятковская*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор *Т. Фатюхина*
Корректор *Т. Семочкина*

ЛР № 071673 от 01.06.98 г.
Подписано в печать 13.03.99 г.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Уч.-изд. л. 18,82. Заказ № 308.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

С Е К Р Е Т Н Ы Й
АРХИВ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА

– Эврика! – воскликнул профессор, ибо мы обнаружили фальшивое дно, разделяющее сейф Уотсона на верхнее и нижнее, потайное, отделения.
В тайнике оказались две плотные стопки рукописей, существование которых до сих пор не было известно поклонникам Холмса. Нет нужды упоминать, что профессор Филмор и я отложили в сторону содержимое верхнего отделения и жадно углубились в новый материал.

ISBN 5-300-02603-4

9 785300 026035

КФ
ТЕРРА
КНИЖНЫЙ
КЛУБ

С Е К Р Е Т Н Ы Й
АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

С Е К Р Е Т Н Ы Й
АРХИВ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Т А Й Н Ы Б Е Й К Е Р - С Т Р И Т

Мистер Шерлок Холмс –
величайший детектив
всех времен и народов –
возвращается на страницах
книг серии «Тайны Бейкер-
стрит». Вас ждут встречи
с литературными героями
и известными личностями,
чья судьба – тайно или явно,
в прошлом, настоящем или
будущем; в земной жизни
и в потустороннем мире,
и даже в виртуальной
реальности – оказались
связанными с легендарной
Бейкер-стрит

В серии
«Тайны Бейкер-стрит»
выходят:

К. Фоссет
Братство страха

Шерлок Холмс на орбите

Р. Рогоу
Похищение Атисы

Книги издательства и книжного клуба
Холдинговой компании «ТЕРРА»
вы можете купить в магазинах:

113399, Москва, ул. Маргеновская, 9/13,
«ТЕРРА»—книжный клуб № 1.
Тел. 304-57-98, 304-61-13

113216, Москва,
б-р Дмитрия Донского, д. 2, к. 1
«ТЕРРА»—книжный клуб № 2.
Тел. 712-34-54

123022, Москва, ул. Красная Пресня, 20,
«ТЕРРА»—книжный клуб № 3.
Тел. 252-03-50

129110, Москва, пр. Мира, 79, стр. 1,
«ТЕРРА»—книжный клуб № 4.
Тел. 281-87-01

113093, Москва, ул. Шинник, 2,
«ТЕРРА»—книжный клуб № 5.
Тел. 747-04-78

или заказать по адресу:

150000, Ярославль, ул. Павлова Мухоморова,
д. 3, Почтамир, и/л 2